

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

О. Г. Порохова

ЛЕКСИКА
СИБИРСКИХ
ЛЕТОПИСЕЙ
XVII ВЕКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

О. Г. Порохова

ЛЕКСИКА
СИБИРСКИХ
ЛЕТОПИСЕЙ
XVII ВЕКА

Издательство
«НАУКА»
Ленинградское отделение
Ленинград
1969

Ответственный редактор
чл.-корр. АН СССР Ф. П. ФИЛИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним из интереснейших периодов в жизни русского народа является период формирования национального государства и русской нации, подготовленный длительным периодом «собира-ния русских земель». С начала XVII в. на основе превращения натурального хозяйства в товарное в России начинает формироваться капиталистический способ производства.¹ В это же время происходит интенсивное формирование национального русского языка. Его образование заканчивается только в XIX в., однако «в XVII в. мы уже имеем явные проявления его характерных признаков».²

Изучение изменения языка в эпоху формирования нации: характера литературного языка в этот период, соотношения общенародного языка и диалектов, взаимоотношения устного и письменного языка — является одной из наиболее важных проблем науки о русском языке, которую можно решить, лишь предварительно изучив все стороны языка отдельных памятников письменности этого периода.

В настоящей работе рассматривается лексика Сибирских летописей — нескольких тематически объединенных памятников XVII в.³ Исследование лексики Сибирских летописей непосредственно связано с изучением русского языка Сибири в XVII в., так как большинство из них было написано в Сибири или районах, примыкающих к ней. Русский язык Сибири XVII в. изучен мало, хотя рассмотрение языковых процессов, протекающих в эпоху начала формирования русской нации в периферийных районах России, особенно в таких отдаленных от центра Мос-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153—154.

² Б. А. Ларин. Разговорный язык Московской Руси. В сб.: Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961, стр. 25.

³ К работе привлекалось издание Сибирских летописей 1907 г., выполненное Археографической комиссией. Основным источником лексического материала явились списки, принятые здесь за основные. Остальные списки, напечатанные в этом издании и считающиеся здесь редакциями Сибирских летописей, служили в работе подсобным материалом для выяснения разночтений текстуально общих с основными списками мест. Только некоторые части из этих списков использовались как самостоятельный источник. В отдельных случаях для сравнения брались списки неизданные, находящиеся в различных рукописных собраниях.

ковского государства, как Сибирь, безусловно, чрезвычайно интересно. В какие сроки и в каких формах процессы языковой унификации и нормализации, происходящие в Московском государстве XVII в., отражались на сибирских территориях — вот проблемы, без разрешения которых не будет достаточно ясной картина формирования русского национального языка в целом.

Изучение лексики Сибирских летописей дает некоторый материал для ответа на эти вопросы.

По своему характеру Сибирские летописи, описывающие поход Ермака в Сибирь, имеют традиционные связи с летописями старого типа. Эта связь обнаруживается в хронологическом изложении событий, во включении в текст разнородного материала (грамот, записей легенд и преданий, разных написанных ранее памятников). Вместе с тем едва ли можно отнести Сибирские летописи к летописному жанру. Исследователи давно заметили, что некоторые из этих памятников принадлежат скорее к историческим повестям, чем к летописям. В них проявляется определенная связь и с другими жанрами письменности. Напомню, что в XVII в. произведения даже подлинного летописного жанра более, чем старые летописи, приближаются к литературным произведениям свей эпохи.⁴

Поскольку Сибирские летописи представляют собой разные по жанру сочинения, их изучение показывает характерные черты языка различных сфер письменности XVII в. Сибирские летописи различаются также временем своего написания: самая ранняя, Есиповская, летопись была написана в 1636 г., наиболее поздний из наших памятников — Описание Сибири — в конце XVII в. Поэтому они дают представление о языке всего XVII в. В своей работе мы касаемся вопросов взаимодействия письменного и живого разговорного языка, общенародной и диалектной лексики.

Работа была закончена в 1952 г.⁵ Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою благодарность чл.-корр. АН СССР, доктору филологических наук, профессору Ф. П. Филину, доктору филологических наук, профессору П. Я. Черныху и доктору филологических наук А. Н. Робинсону, оказавшим мне большую помощь в написании и последующем уточнении ее положений. Отдельные части работы публиковались. Разделы, вошедшие в уже

---

⁴ См. об объеме и характере позднего летописания, например: С. Н. Азбелев. Летописные памятники Новгорода XVII—XVIII вв. Труды отдела древнерусской литературы Инст. русской литературы, т. XIII. М. — Л., 1957, и другие его статьи, а также книгу: Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960.

⁵ В 1952 г. она была защищена в качестве диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. См.: О. Г. Порохова. Лексика Сибирских летописей XVII в. Автореферат канд. дисс. Л., 1952.

напечатанные статьи,⁶ в настоящем издании или не помещаются вовсе, или даются с сокращениями. При написании работы для изучения лексического материала были использованы преимущественно словари и Картотека древнерусского словаря Института русского языка АН СССР, находящаяся в Москве. При подготовке к изданию текст подвергся значительной доработке, некоторые части были написаны заново. Большое количество исследований о русской лексике XVI—XVII вв., появившихся после 1952 года,⁷ дали возможность проверить и подтвердить некоторые положения работы, а также сравнить употребление лексики в Сибирских летописях с ее употреблением в других памятниках. При этом более отчетливо выяснились, с одной стороны, общие лексические черты русского языка XVII в., с другой — особенности лексики изучаемых памятников.

Основная задача нашей работы — на материале лексики Сибирских летописей показать некоторые черты русского языка XVII в. на территории Сибири.

Автор приносит сердечную благодарность профессору ЛГУ А. И. Попову, старшему научному сотруднику Института русской литературы АН СССР Г. Н. Моисеевой, доценту Новосибирского государственного университета А. И. Федорову, старшим научным сотрудникам Института русского языка АН СССР Л. Л. Кутиной и Ф. П. Сороколетову, сотрудникам этого же института кандидатам филологических наук И. М. Мальцевой, В. П. Петушкову, И. Н. Шмелевой, ознакомившимся с работой или отдельными ее частями в рукописи и сделавшим ценные замечания, а также С. Ф. Геккер, оказавшей автору помощь в работе над библиографическим указателем древнерусских памятников, использованных в работе.

В заключение считаю своим долгом выразить глубокую признательность Сибирскому отделению Академии наук СССР, благодаря которому эта книга увидела свет.

---

⁶ См.: О. Г. Поролова. 1) Заметки о новых словах в русском языке XV—XVII вв. В сб.: Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. Изд. АН СССР, М., 1961; 2) Взаимодействие русской и старославянской (по происхождению) лексики в русском письменном языке XVII в. В сб.: Историческая грамматика и лексикология русского языка. Изд. АН СССР, М., 1962; 3) Некоторые вопросы синонимии русского языка XVII в. В сб.: Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. Изд. «Наука», М., 1964.

⁷ Библиографические сведения будут даваться в тексте книги.

ВСТУПЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ СИБИРСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ¹

История завоевания и колонизации Сибири описывается во многих древнерусских памятниках. Появление первых из них было вызвано учреждением в 1621 г. Сибирской архиепископии. Первый сибирский архиепископ Киприан, добившись у правительства хорошего материального обеспечения архиепископии, начал заботиться о приобретении местных святынь, которые поставили бы новую архиепископию наравне со старыми кафедрами западной России.

Чтобы провозгласить святыми первых завоевателей Сибири — «Ермака с товарищами», Киприан собирает сведения о них, и на материале этих сведений создается «Синодик» для провозглашения «вечной памяти» участникам похода Ермака.

В 1636 г. по ходатайству архиепископа Киприана «прославление» Ермака и его казаков было утверждено центральной государственной властью. В связи с этим в том же 1636 г. появляется литературное произведение, имеющее, вероятно, целью создание «жития» нового святого — Ермака. Это так называемая Есиповская летопись, автором которой является дьяк сибирского архиепископа Савва Есипов, написанная в Тобольске (год написания и имя автора имеются в самом тексте летописи). Есиповская летопись² и Синодик (записанный в списке Есиповской летописи, в ее конце) показывают, что до попыток Киприана восстановить события похода Ермака уже существовала обширная устная литература, хранящая память об этом походе.

¹ Очерк истории создания Сибирских летописей написан на основе существующей по этому вопросу литературы. Какие-либо собственные исследования в этой области нами не проводились.

² Найдена Г. Миллером. В полном составе впервые напечатана Спаским в «Сибирском вестнике» (СПб., 1824, ч. 1) по списку Берха (список позднейшей редакции, так как доведен до 1641 г.). В 1849 г. напечатана П. Небольсиным в «Отечественных записках» (т. 63) и в приложении к книге «Покорение Сибири» (СПб., 1849, список, более близкий к подлиннику, заканчивающийся 1636 г.). Параллельно с текстом рукописи Есиповской летописи Небольсин в «Покорении Сибири» печатает текст «О Сибири», хранившийся в числе древностей Румянцевского музея под № 379 и № 457. Нами принят за основной текст этой летописи (как основной источник извлекаемого нами

Вероятно, были и какие-то письменные памятники, списки и создатели которых нам остаются неизвестными.

Синодик, ставивший своей задачей простое хронологическое изложение событий похода Ермака для провозглашения его участникам «вечной памяти» — «большой, средней и малой», дает сжатую канву этих событий, снабдив ее введением, где говорится о «богоизбранности» Ермака, дела которого достойны поминания и вечной памяти.

Кладя в основу эту идею «богоизбранности» и «святости» Ермака, Есиповская летопись стремится не к реальному описанию событий, а к прославлению Ермака. Для создания своего произведения Савва Есипов пользуется теми же материалами, что и Синодик. В конце летописи Савва так говорит об использованных им источниках: «Ино же написахъ с писания прежь мене списавшаго, нѣчто и стесняемо бѣ рѣчью, азъ же разпространихъ, бѣседуя к вашей любви, иже будетъ изволивый прочитати лѣтопи[си] сия: ино жъ отъ достовѣрныхъ мужъ испытахъ, иже очима своима видѣша і быше в та лѣта». ³ Широко привлекая татарские сказания и русские предания старожилов о Ермаке, Савва Есипов толкует их в нужном ему идейном духе. Использует он также данные какого-то письменного источника, давая его в более развернутом виде. ⁴ Этот общий для Есиповской летописи и Синодика источник С. В. Бахрушин называет «Написанием». Пользуется Есипов как источником и самим Синодиком. Он вносит в свою летопись целые строки, взятые оттуда (например, Синодик «В лѣта 7089...» и Есиповская летопись, глава 8 — начало). Сведения о конкретных событиях похода Есипов значительно развертывает, излагая различные бытовые детали похода, для чего использует текст Написания. Понимая, что этим в Есиповскую летопись вносятся существенные отличия от Синодика, идейная направленность которого явилась стимулом для написания летописи, Савва Есипов в конце своего сочинения помещает полный текст Синодика, несмотря на то что это создает многочисленные повторения. Ценность Синодика для Есипова заслоняет требования литературной формы.

лексического материала) Сычевский список, напечатанный в издании Сибирских летописей 1907 г. Ниже он будет называться «основная Есиповская летопись». В настоящее время известно большое количество рукописных списков Есиповской летописи (см.: Н. А. Дворецкая. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака. Труды отдела древнерусской литературы Инст. русской литературы, т. XIII. М. — Л., 1957. Там же см. о так называемой распространенной редакции Есиповской летописи, написанной в конце XVII в., и ее списках).

³ Сибирские летописи. СПб., 1907, стр. 169—170.

⁴ Анализ заимствований из этого источника, использованных в Синодике и Есиповской летописи, дает С. В. Бахрушин в своей книге «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.» (М., 1928).

Идейную направленность летописи Есипова остро чувствовали и позднейшие ее переписчики и редакторы. В конце одного из списков Есиповской летописи имеются 4 главы, не связанные непосредственно с походом Ермака, — описание ряда событий истории, в которых божья сила помогла христианским праведникам так же, как она помогла Ермаку.⁵ Свидетельством того, что это — позднейшая приписка, является упоминание здесь архиепископа Герасима, правившего лишь в сороковых годах.

Во второй половине XVII в. появляется новое сочинение о походе Ермака — Строгановская летопись.⁶

Имеется обширная литература по вопросу хронологического взаимоотношения Строгановской и Есиповской летописей. Первоначально более древней считалась Строгановская летопись. Спасский относил ее к концу XVI — началу XVII в. Карамзин и позднее С. М. Соловьев⁷ — к самому началу XVII в. Библиограф «Восточного обозрения» датировал Строгановскую летопись 1598—1621 гг.⁸ Первую попытку возразить против такой датировки делает П. Небольсин.⁹ А. М. Ставровиц (в неопубликованной работе) относит написание Строгановской летописи к 1673 г. Дата устанавливается путем анализа содержания летописи. С. В. Бахрушин, ознакомившийся с работой Ставровиц, не считает дату эту доказанной, но А. И. Андреев¹⁰ поддерживает мнение Ставровиц.

Неясен также вопрос о достоверности сообщаемых ею сведений. Строгановская летопись в отличие от Есиповской приписывает инициативу и материальное обеспечение похода Ермака в Сибирь пермским промышленникам Строгановым, тогда как Есиповская летопись даже не упоминает их имени, приписывая честь завоевания Сибири самому Ермаку. В Строгановской летописи имеются вставки ряда документов и грамот для доказательства участия Строгановых в деле завоевания Сибири. В течение долгого времени исследователи (преимущественно историки) спорили о достоверности сведений Строгановской

---

⁵ В списке Спасского, напечатанном в 1-й части «Сибирского вестника».

⁶ Найдена Спасским. Впервые печатается им же в «Сибирском вестнике» за 1821 г. (ч. 13 и 14). Вторично печатается П. Небольсиным в «Покорении Сибири» параллельно с рукописью, которую он считает протографом Строгановской летописи (рукопись Румянцевского музея № 259). Древнейший список ее напечатан в издании Сибирских летописей Археографической Комиссии 1907 г. О редакциях и списках этой летописи см.: Н. А. Дворецкая. Археографический обзор...

⁷ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. 6, М., 1874. Приложение, стр. 18.

⁸ «Восточное обозрение», 1883, № 40.

⁹ П. Небольсин. Покорение Сибири, стр. 8.

¹⁰ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири. XVII в. Л., 1940.

летописи. Н. М. Карамзин считает Строгановскую летопись во всех ее известиях о Сибири основной и достоверной. К этому присоединяется Соловьев. Небольсин полностью отрицает участие Строгановых. Адрианов подробно разбирает текст Строгановской летописи и устанавливает, что некоторые «жалованные грамоты», якобы данные Строгановым, подделаны (например, пожалование царем Строгановых Солью Большой и Солью Малой за завоевание Сибири).¹¹ Возникновение легенды о Строгановых он связывает с грамотой воеводы Пелепелицына, который пишет царю, что Строгановы «не помогли Пермским городкам, а услали Ермака в Сибирь», чтобы снять с себя вину за разгром Пермских городков Пельымским ханом и обвинить в этом Строгановых. Однако в 1928 г. Бахрушин вновь говорит о достоверности известий Строгановской летописи. Андреев в 1940 г. еще раз приводит доказательства фальсификации документов в Строгановской летописи (отсутствие в подлинных документах ряда «приписей», данных в Строгановской летописи, и т. д.) и, вспоминая исследование Адрианова, присоединяется к его мнению, что Строгановская летопись — фальсификат. Того же мнения придерживается в своей неизданной работе Ставрович.

Для лингвистического исследования этот чисто исторический вопрос не имеет существенного значения. Более интересны вопросы, кем был автор Строгановской летописи и как использовались в ней подлинные документы. Из споров о Строгановской летописи определенно выясняется, что автор ее, кто бы он ни был,¹² — приверженец и сторонник интересов семьи Строгановых, который мог широко пользоваться их семейным архивом. Многочисленные сведения о Пермской земле, имеющиеся в Строгановской летописи, говорят о том, что он был, видимо, пермским жителем.

Как и Есиповская, Строгановская летопись по своей форме — законченное литературное произведение, пронизанное единой идеей, которой подчинены все художественные средства.

К концу XVII в. относится Ремезовская летопись.¹³ Ее ав-

---

¹¹ П. Небольсин. Покорение Сибири; С. А. Адрианов. К вопросу о покорении Сибири. «Журнал Министерства Народного Просвещения», 1893, № 4.

¹² Вопросом авторства Строгановской летописи занималась А. М. Ставрович. Она считает автором Строгановской летописи Сергея Кубасова, являющегося, по ее мнению, также автором «Повести Катырева-Ростовского». Вопрос о принадлежности Строгановской летописи и «Повести Катырева-Ростовского» одному лицу поднимался еще С. Ф. Платоновым (см. его статью «Старые сомнения» в кн.: Сборник статей в честь М. К. Любавского. М., 1917). Однако ни Платонов, ни Ставрович не приводят убедительных подтверждений своему мнению. Катырев-Ростовский не мог написать Строгановскую летопись, этому противоречат факты его биографии.

¹³ Первый экземпляр Ремезовской летописи найден Г. Ф. Миллером и пе-

тор — Семен Ремезов, сибирский ученый-самоучка с очень широкими и глубокими для своего времени знаниями.¹⁴ Предок Семена Ремезова, казачий пятидесятник, в 1628 г. был сослан в Сибирь. Род его принадлежит к сибирской знати. Ремезовская летопись написана в 90-е годы XVII в. в Тобольске.¹⁵ Кроме Ремезовской летописи известны географический атлас Сибири и картографические работы Ремезова, а также его изыскания в области архитектурной проектировки г. Тобольска и записки по истории Сибири с портретами сибирских деятелей. В последнее время обнаружены неизвестные ранее литературные сочинения Ремезова.¹⁶

Ремезовская летопись, вероятно, имеет те же источники, что и предыдущие летописи.¹⁷ К ним добавляются различные туземные легенды о Ермаке, слышанные Ремезовым, вероятно, от местных татар во время его работы над составлением атласа

редан в 1744 г. в библиотеку Академии наук. Напечатан впервые в 1880 г. в С.-Петербурге под названием «Краткая Сибирская летопись (Кунгурская)» с рисунками.

¹⁴ Биография С. Ремезова и его облик как ученого и писателя исследуются в работах: Л. А. Гольденберг. Семен Ульянович Ремезов — сибирский картограф и географ. М., 1965; Е. И. Дергачева-Скоп. 1) С. У. Ремезов и его «История Сибирская». Автореферат канд. дисс. Л., 1965; 2) Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965.

¹⁵ Из работ последнего времени, исследующих вопрос о времени написания Ремезовской летописи, см.: Е. И. Дергачева-Скоп. Из истории литературы..., стр. 27.

¹⁶ См.: Е. И. Дергачева-Скоп. «Похвала Сибири» С. У. Ремезова. В кн.: Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы. Труды отдела древнерусской литературы Инст. русской литературы, т. XXI. М. — Л., 1965.

¹⁷ Взаимоотношение Сибирских летописей толкуется по-разному. Карамзин и Спасский, первые исследователи Сибирских летописей, считали, что Есиповская летопись восходит к Строгановской как к протографу. Позднее Небольсин категорически возражает против такой зависимости и создает свою схему. Он находит две рукописи: «Неизвестную рукопись» (Румянцевский музей № 259) и рукопись «О Сибири» (Румянцевский музей № 375), которые считает протографами, первый — Строгановской летописи, второй — Есиповской. Эти рукописи печатаются им в Приложении к книге «Покорение Сибири». Однако Соловьев опять возвращается к мнению Карамзина. Выяснению вопроса взаимозависимости Сибирских летописей во многом мешало отсутствие их издания. Предпринятое Археографической комиссией издание Сибирских летописей вновь ставит вопрос о их соотношении. Он рассматривается Павловым, а затем Майковым и находит выражение в плане и порядке их издания. Основной здесь считается Строгановская летопись. Обоснование этого дает Л. Н. Майков в статье «Хронологические справки по поводу 300-летней годовщины присоединения Сибири к Русской державе» («Журнал Министерства Народного Просвещения», 1881, № 9). Помимо списков Строгановской, Есиповской и Ремезовской летописей, считающихся здесь основными, в издание Археографической комиссии вошли их многочисленные «редакции» (об этом будет сказано ниже). Новое понимание соотношения Сибирских летописей высказывает С. А. Адрианов в статье «К вопросу о покорении Сибири» («Журнал Министерства Народного Просвещения», 1893, № 4). Сопоставляя мнения предшествовавших исследова-

(о своих многочисленных беседах с местными татарами о Сибири и сибирских преданиях Ремезов говорит сам). Татарские предания, наверное, жили и в самой семье Ремезовых, так как предок Ремезова Ульян слышал рассказы о смерти и чудесах на могиле Ермака от самого Аблая (сибирского хана), хранившего панцирь Ермака. Эти легенды и предания, а также народные песни о Ермаке и исторические сведения о походе Ермака, почерпнутые из летописных источников и казацких воспоминаний, и составляют содержание Ремезовской летописи.

В списке Ремезовской летописи имеются заметные простым глазом вклейки. Они написаны на другой бумаге, другим почерком, с рисунками другого характера. Вставки эти, перебивающие порядок статей Ремезовской летописи, имеют свое название — «Летопись Сибирская краткая Кунгурская». К ней относятся статьи: 5—8, 49, 52, 73—80, 99—102. Также не принадлежат Ремезову статьи 140—147, но, вероятно, они не входят

телей, он высказывает предположение, что источником Есиповской летописи был Синодик, а Есиповская была источником Строгановской летописи. Адрианов считает, что дошедшие до нас списки Есиповской летописи не являются древнейшими и до них существовал список, ближе подходивший к протографу Саввы Есипова. Он-то, по его мнению, и послужил источником Строгановской летописи (так он объясняет наличие в Строгановской летописи более подробного изложения ряда событий, чем в Есиповской). Источником Ремезовской летописи он называет также Есиповскую летопись. Со времени появления работы С. В. Бахрушина «Очерки...» выдвигается предположение о существовании у Сибирских летописей общих источников. Бахрушин полагает, что Синодик не представляет собой первоначального текста, а является лишь переработкой неизвестного нам первоисточника, которым пользовались и летописи. Сопоставление текстов летописей между собой показывает, по его мнению, что они не могли зависеть друг от друга. Общий источник летописей он называет «Написанием» и отвергает предположение, что его составление принадлежит архиепископу Киприану. В 1940 г. А. И. Андреев в книге «Очерки...» присоединяется к мнению Адрианова о том, что Строгановская летопись пользовалась Есиповской в ее древней редакции. По-видимому, Андреев не возражает против мнения Бахрушина о существовании Написания, которым пользовались обе летописи, только считает его стоящим в какой-то большей зависимости от Есиповской летописи, чем предполагает Бахрушин. Из Есиповской и Строгановской летописей более древней Андреев считает Есиповскую. Д. С. Лихачев в книге «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (М. — Л., 1947) строит свою самостоятельную схему взаимозависимости Сибирских летописей. На основе существования татарских сказаний и какого-то «казацкого написания» создаются параллельно Синодик и «Киприановская летопись» (стр. 394—395). От «Киприановской летописи» исходят Есиповская, Строгановская летопись, так называемый Новый летописец. Таким образом, Лихачев ставит вопрос об активном участии Киприана в создании летописи. Как бы ни называли исследователи источник Сибирских летописей — «древнейшей редакцией Есиповской летописи», «Написанием» или «Киприановской летописью», важно одно, что Есиповская, Строгановская и Ремезовская летописи пользуются, хотя и в разной степени, одинаковыми источниками, имеющими летописный характер (см. новейшее мнение о соотношении Сибирских летописей: Е. И. Дергачева-Скоп. Из истории литературы...).

в Кунгурскую летопись, а являются плодом творчества лица, соединившего Кунгурскую летопись с Ремезовской.

Кунгурская летопись отличается от Есиповской, Строгановской и Ремезовской летописей по своему содержанию и характеру. Она не восходит к источникам этих летописей. Название Кунгурской летописи говорит о том, что она написана в прикамской слободе Кунгуре, построенной в 1623—1649 гг.¹⁸ Вставка Кунгурской летописи в Ремезовскую могла произойти до 1734 г., когда эта рукопись попала в руки к Миллеру.¹⁹ Лицо, вставившее Кунгурскую летопись, неизвестно. Бахрушин считал, что это сделали сыновья Ремезова или он сам.²⁰ Андреев возражает против этого.²¹ Для нас более важен вопрос об авторе этой летописи, чем о ее переписчике (которые являются разными лицами).

В Кунгурской летописи сообщаются некоторые сведения о походе Ермака, отсутствующие в других Сибирских летописях. Их достоверность подтверждается материалами, собранными Миллером, и сведениями ясачных книг.²² Автором Кунгурской летописи является, вероятно, казак, может быть участник похода Ермака. Ряд подробностей о походе Ермака, изложенных в Кунгурской летописи, свидетельствует о хорошем знакомстве автора с описываемыми событиями.²³ Из ее текста видно также знакомство автора с какими-то письменными источниками, документами, однако все они не приводятся дословно (напр., опальная грамота Строгановым). Кунгурская летопись содержит также записи туземных легенд и преданий. Эта летопись, а может быть ее источники, была известна еще в XVIII в. Например, Гекасов, автор «Истории о родословии, богатстве и отечественных записках знаменитой фамилии Строгановых»,²⁴ написанной в 1761 г., сообщает ряд сведений о походе Ермака, имеющихся в Кунгурской летописи.

Помимо Кунгурской летописи существует еще два памятника летописного типа, которые не связаны прямо с Есиповской, Строгановской, Ремезовской летописями. Первый из них — статья о завоевании Сибири в летописном сборнике XVII в. — Новом летописце, второй — «Описание новые земли Сибирского

---

¹⁸ Е. И. Дергачева-Скоп считает, что Кунгурская летопись написана не позднее 40-х годов XVII в. См.: Е. И. Дергачева-Скоп. Из истории литературы..., стр. 99.

¹⁹ Л. А. Гольденберг полагает, что вставка Кунгурской летописи была сделана в 1709—1710 гг. См.: Л. А. Гольденберг. Семен Ульянович Ремезов..., стр. 120.

²⁰ С. В. Бахрушин. Очерки..., стр. 27.

²¹ А. И. Андреев. Очерки..., стр. 175.

²² См.: С. В. Бахрушин. Очерки..., стр. 29—30.

²³ См. о Кунгурской летописи у С. В. Бахрушина в «Очерках...», стр. 27—30.

²⁴ «Пермские губернские ведомости», 1880, №№ 88, 101, 104.

государства».²⁵ Мы изучали лексику только второго из них.²⁶ Новый летописец в целом — один из памятников XVII в., дающих обзор русской истории (в эту эпоху появляются многочисленные хронографы, степенные книги и летописные своды, наиболее монументальным из которых является Никоновский летописный свод). Все эти памятники — исторические компиляции, далекие от задач, которые ставили себе прежние летописцы. С. Ф. Платонов пишет: «Новый летописец не есть летопись в строгом смысле этого слова. Его повествование представляется читателю не рядом разновременных записей, изложенных по годам, а довольно цельным рассказом, составленным, так сказать, за один прием».²⁷ Новый летописец написан одним автором, имя которого неизвестно. Есть данные, что составлялся он в Москве при патриаршем дворе²⁸ около 1630 г. Так датирует его Платонов, с которым соглашается Бахрушин (на основании неизданной работы Л. Б. Черепнина, где эта дата подтверждается изучением неизданных списков).

Статья о Сибири в Новом летописце опирается на чисто летописные памятники (возможно, те же, что и основные Сибирские летописи), а также некоторые официальные документы. О взаимоотношениях Нового летописца с основными Сибирскими летописями и их редакциями Ставровиц, Бахрушин и Андреев высказывают разные мнения.²⁹ В соответствии с общим направлением Нового летописца статья о Сибири старается подчинить все повествование единой цели: прославлению и утверждению «законных преемников престола рюриковичей» — Романовых. О Ермаке и его казаках здесь рассказывается без особого сочувствия.³⁰

Внимание исследователей привлекла определенная связь статьи Нового летописца с так называемыми краткими редакциями Есиповской летописи.³¹ Андреев высказывает мнение, что

---

²⁵ В 1853 г. под заглавием «Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича», издан по списку кн. Оболенского. Первоначальный текст напечатан в Никоновской летописи (Русская летопись по Никонову списку, осьмая часть. СПб., 1792). О списках Нового летописца см.: Н. А. Дворецкая. Археографический обзор..., стр. 479.

²⁶ Он вошел в издание Сибирских летописей Археографической комиссии 1907 г. Впервые был напечатан в кн. А. А. Титова «Сибирь в известиях XVII в.» (М., 1890). В своей работе мы его называем Описанием Сибири.

²⁷ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1913, стр. 316.

²⁸ С. Ф. Платонов предполагает, что Новый летописец — позднейшая переработка сочинения одного из духовных лиц, близких ко двору патриарха Филарета.

²⁹ С. В. Бахрушин. Очерки..., стр. 179—180, 188; А. И. Андреев. Очерки..., стр. 159.

³⁰ См. об этом: Е. И. Дергачева-Скоп. Из истории литературы..., стр. 139 и далее.

³¹ Название «кратких редакций Есиповской летописи» эти списки получили при издании Сибирских летописей Археографической комиссией в 1907 г.

эти «краткие редакции Есиповской летописи» написаны раньше ее.³²

Бузуновский и Головинский списки (которые издателями Сибирских летописей называются редакциями Есиповской летописи) в отличие от основной Есиповской летописи упоминают о Строгановых.

При издании Сибирских летописей были привлечены не все существующие списки и редакции Сибирских летописей. Среди не привлеченных к изданию имеются списки, чрезвычайно интересные для изучения исторических условий сибирского летописания, а также лингвистических исследований (в разделе «Диалектная лексика» будет говориться подробно о некоторых из них).

«Редакции» Сибирских летописей состоят из различным образом соединенных отрывков основных Сибирских летописей, Нового летописца и ряда неизвестных памятников. Некоторые «редакции» — по существу самостоятельные произведения, включают в себя ряд весьма интересных эпизодов, отсутствующих в основных летописях. Наиболее интересные из них мы отчасти привлекли к нашей работе, хотя специальным их изучением не занимались.³³ В Толстовском списке Строгановской летописи (по классификации издания 1907 г.) имеется «Песня о размышлении казаков» (стр. 55—56 по изд. 1907 г.). Она впоследствии неоднократно записывалась собирателями фольклора от донских и уральских казаков как народная песня. Из этого же списка интересны и последние главы — «Диптиха о храбрых ратоборцах» и «О первом архиепископе во граде То-

---

Вопрос об издании Сибирских летописей был поставлен в 1841 г. Д. Н. Блудовым, но тогда осуществлен не был. В 1870 г. Археографическая комиссия поручила издание Сибирских летописей члену комиссии П. В. Павлову. Павлов разрабатывает схему взаимоотношений различных списков Сибирских летописей. Он привлекает целый ряд списков, не соответствующих основным Сибирским летописям, и определяет их как «редакции» основных летописей. Представив план издания Сибирских летописей и подготовив издание к печати, в 1878 г. Павлов отказывается от дальнейшей работы. Комиссия передает продолжение издания Л. Н. Майкову, который и производит первоначальную подготовку к изданию. После смерти Л. Н. Майкова в 1900 г. издание передается В. В. Майкову. В 1907 г. летописи выходят в свет.

³² О соотношении Есиповской (основной) летописи, Нового летописца и «кратких редакций Есиповской летописи» см.: Н. А. Дворецкая. Археографический обзор...

³³ Для нас был важен лишь вопрос сопоставления разночтений текста основных Сибирских летописей с кусками текста, взятыми из них в «редакции». Соотношение этих кусков внутри каждой редакции нами не рассматривалось. (Например, так называемая распространенная Есиповская летопись является компиляцией кусков Есиповской летописи, Нового летописца и «Описания о поставлении городов», не вошедшего в изд. 1907 г., так называемая распространенная Строгановская летопись — соединение Есиповской летописи со Строгановской, и т. д. См. об этом: Н. А. Дворецкая. Археографический обзор...).

больске» (стр. 93—96) — образцы риторического повествования XVII в. в параллель к Есиповской летописи. В так называемом списке Ундольского Есиповской летописи есть рассказ о грабежах Ермака на Волге и о засылке Кучумом татарина-шпиона в стан Ермака — эпизоды, близкие к тексту Нового летописца, но изложенные более подробно (в основных летописях их нет). Интересен по своему содержанию и так называемый Бузуновский список Есиповской летописи и др.

Второй из рассматриваемых нами памятников — «Описание новые земли Сибирского государства» — также не связан с источниками основных Сибирских летописей. Видимо, Описание составлено в Московском Сибирском Приказе,³⁴ так как им пользовался Витзен, которого снабжал материалами стоявший во главе Сибирского Приказа дьяк А. Винуус. По мнению А. Х. Востокова, оно написано после 1683 г.³⁵ Бахрушин определяет эту дату точнее — между 1683 и 1697 гг. или даже между 1686 и 1692 гг. Его автором является, по мнению Е. А. Дергачевой-Скоп, Никифор Венюков, который заезжал в Тобольск 14 января 1686 г. по дороге в Китай и на обратном пути.³⁶

Описание повествует о путешествии в Китай. Кроме того, здесь имеется рассказ о «Сибирском взятии», который Венюков, возможно, записал в Тобольске.³⁷

В Описании видны следы использования официальных документов. Например, сведения о посланной Ермаком в Москву «казне» даются в точных размерах. О завоевании Сибири в Описании рассказывается иначе, чем в Строгановской и Есиповской летописях. Его текст состоит из сведений о походе Ермака, ряда географических и этнографических данных, а также туземных и русских легенд, изложение которых сходно с Кунгурской летописью. Витзен пользовался Описанием в качестве источника для своего сочинения «О северной и восточной Татарии».

Кроме вышеназванных имеется еще целый ряд других сибирских памятников, лексику которых мы не изучали.

Это летописи местного значения («городские летописи»), издание которых и первый разбор принадлежат И. Тыжнову,³⁸ а также такие памятники, как «Книга Записная», «Сибирский летописец»,³⁹ «Записки к Сибирской истории служащие» и др. Все они являются памятниками вырождающегося летописного

³⁴ С. В. Бахрушин. Очерки..., стр. 30.

³⁵ А. Х. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея № 294, СПб., 1842.

³⁶ Е. И. Дергачева-Скоп. Из истории литературы..., стр. 99.

³⁷ Там же, стр. 100.

³⁸ И. Тыжнов. Заметки о городских летописях Сибири. СПб., 1898.

³⁹ «Сибирский летописец» был издан впервые в 1826 г. в «Северном архиве» (ч. 19, №№ 2 и 3) и повторен в 1892 г. («Сибирский летописец» с пред. Е. В. Кузнецова. Тобольск, 1892).

жанра. В них ведется запись местных событий, часто относящихся только к какому-нибудь одному сибирскому городу — Тобольску, Иркутску и др. (например, о правлении воевод, о постройках, пожарах и т. п.). Они написаны позднее и излагают более поздние события, чем основные Сибирские летописи (за исключением «Записок...», включающих в себя и события завоевания Сибири). Эти сочинения интересны для нас тем, что свидетельствуют о существовании каких-то, не дошедших до нас памятников, являющихся их протографами (см. «Заметки...» И. Тыжнова). Например, «Записки к Сибирской истории служащие» используются кроме Есиповской летописи и Нового летописца неизвестные нам источники, сведениями которых автор исправляет данные Есиповской летописи (см. об этом у И. Тыжнова, стр. 68—71).

Компиляцией разнородных источников как рукописных, так и печатных (в том числе «Истории Сибири» Миллера) является «Новая Сибирская история» И. Черепанова.⁴⁰ Написана она в 1760 г. в Тобольске. Ее автор — ямщик-грамотей.

Большое количество других изданных, а в большей части неизданных, мелких памятников Сибири XVII—XVIII вв. показывает, какой широкий размах сразу же после завоевания Сибири приобрела сибирская письменность.

ЖАНРОВЫЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР СИБИРСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

В выяснении вопросов лексического состава памятника несомненную роль играет характер его жанра. Сибирские летописи многообразны по своему жанровому составу. «Различия жанровых стилей отчасти связаны с различиями в структуре сюжета».⁴¹ Поэтому мы сначала обратимся к сюжетному составу Сибирских летописей. В сюжетных эпизодах, входящих в ту или иную летопись, проявляются также обстоятельства ее написания.

Три «основные» Сибирские летописи⁴² опираются на общие источники — летописные памятники. Путем выявления общих для Есиповской, Строгановской и Ремезовской летописей мест можно восстановить содержание этих источников.

⁴⁰ Летопись известна Н. М. Карамзину. Подлинник ее хранится в Академии наук. Напечатана в отрывках: «Сибирский вестник», 1821, ч. XIV, кн. 5, «Тобольские губернские ведомости», 1858, №№ 32, 33, 41, «Тобольские епархиальные ведомости», 1884, №№ 7—9 и 13. См. о ней: Л. А. Гольденберг. Семен Ульянович Ремезов..., стр. 120—127.

⁴¹ В. В. Виноградов. Сюжет и стиль. М., 1963, стр. 187.

⁴² Здесь рассматриваются те их списки, из которых мы извлекали лексический материал.

В их текст входили следующие эпизоды:⁴³ О царях и князьях Сибирского царства, О походе Маметкула на русских, О битве с Карачей, О взятии города Атик мурзы, Об убиении казаков на рыбной ловле, О пленении Маметкула, О приходе Сейдека на Кучума и об отъезде Карачи, О взятии Назымских городков, О послании Ермаком послов в Москву, О приезде в Сибирь Болховского и Глухова, О голоде в Сибири, О послании Маметкула к Москве, Об убиении Ивана Кольца, О битве с Карачей, Об убиении Ермака, О приходе царевича Аллия во град Сибирь, О приезде из Москвы Мансурова, О приходе остяков и об устршении их пушкой, О приезде в Сибирь Д. Чулкова, О приходе Сейдека под Тобольск. Извлечением этих эпизодов мы выявляем тексты, присутствующие не во всех списках.

Как было отмечено выше, Есиповская и Ремезовская летописи были написаны в Сибири (в Тобольске). Эпизоды, общие для этих летописей, должны быть поэтому «сибирскими». Характер общих эпизодов это подтверждает: ими являются татарские рассказы о походе Ермака, сохранившиеся в Сибири, воспоминания «старожилов», а также личные впечатления авторов-сибиряков и Синодик Киприана (хорошо известный жителям г. Тобольска). Вот эти общие для Есиповской и Ремезовской летописи эпизоды: О географии и народах Сибири, О вере царя Кучума, О битве под Чувашевыми городками, О плаче Кучума, О приходе к русским Бояра с дарами, О бегстве русских из Сибири, О захвате русскими Сейдека в плен обманом, О послании Сейдека к Москве, О смерти Кучума, Благодарение Богу, Об установлении архиепископии, Синодик.

Идейная направленность Есиповской летописи, о которой говорилось выше, подчеркивается эпизодами, имеющимися только в Есиповской летописи. Вот эти эпизоды: Риторическое вступление, Описание богатств Сибири, О решении Ермака идти в Сибирь с целью проповеди там христианства, О названии города и страны Сибири, О граде Тобольске и его создании.

Эпизоды, имеющиеся только в Строгановской летописи, доказывают, что она была составлена с целью возвеличить роль Строгановых в организации похода Ермака. Все эти эпизоды касаются Строгановых и их активной роли в завоевании Сибири: Расспросы царя у Строгановых о Сибири, О поставлении Строгановыми Пермских городков, Об обороне Строгановыми русских людей от Черемисов и Башкирцев, О приходе в Сибирь Кучума, О жалованной грамоте Строгановым на земли по Тоболу, О призвании Строгановыми Ермака, О жизни Ермака у

---

⁴³ В перечислении эпизодов мы не отмечаем их точных границ по страницам и строкам летописи. В данной главе нашей работы имеет значение только принципиальная схема состава Сибирских летописей по их содержанию.

Строгановых, О приходе под Чувашевы городки Бегбелия и победа над ним, О послании Строгановыми Ермака в Сибирь, О грамоте воеводы Пелепелицына, О послании Строгановыми послов в Москву с известием о завоевании Сибири, О жалованной грамоте Строгановым на Малую и Большую Соль за эту победу, О приходе казака Мещеряка на Русь, О свержении Аллия Сейдеком, О поставлении в Сибири городков, О ясачном сборе, производимом Строгановыми.

Эпизоды, имеющиеся только в Ремезовской летописи, могут быть рассказами, слышанными Ремезовым от татар, и известными ему татарскими легендами, и казачьими преданиями о походе Ермака. Этих эпизодов в Ремезовской летописи очень много, потому мы их здесь не перечисляем.

Эпизоды, имеющиеся только в Кунгурской летописи, — казачьи воспоминания о личных впечатлениях похода: О разбоях Ермака на Волге, О походе Ермака в Сибирь и зимовке там, О захвате Ермаком пищи у жителей, О захвате хлеба Ермаком у Строгановых, Об обычаях в стане Ермака, О битве у Демьянки реки, О бое на воде с крюками, О взятии ясака, О походе на Обь и мольбищах, О возвращении в Сибирь, О неудачной битве.

Другие эпизоды являются, по-видимому, записью туземных легенд: О шайтаннике, прокальвающем себя, О предсказании Кучуму шайтанщиком, О богатыре в 2 сажени, О вере Кучума, Легенда о камне, из которого идет дождь.

Некоторые эпизоды являются общими для всех четырех летописей, хотя в каждой они изложены по-разному. События, сообщаемые в них, могут быть рассказами казаков Ермака, сохранившимися в Сибири как предания: О походе Ермака в Сибирь, О взятии Ермаком Назымских городков, О походе Ермака навстречу Бухарцам, О засаде Кучума при походе Ермака к Бухарцам, О приходе Ермака в Сибирь на Тавду.

Имеются эпизоды, общие для Строгановской и Кунгурской летописей (по содержанию, а не по форме) и отсутствующие в других летописях. Это некоторые факты похода Ермака, услышанные авторами Строгановской и Кунгурской летописей (как указывалось выше, не имеющих общего протографа) из различных источников: Опальная грамота Строгановым, О битве с Пелымским князем у Пермских городков. Содержание этих эпизодов еще раз подтверждает, что обе они были написаны в Прикамье.

Сибирские летописи были написаны в XVII в. — в период интенсивного формирования национального русского языка. Характер развития литературно-письменного языка этого периода определяется соотношением книжно-славянского и народно-ли-

тературного типов древнерусского литературного языка,⁴⁴ которые в XVI—XVII вв. вступают в особенно тесное взаимодействие.

Интенсивный рост различных новых видов литературных жанров в период формирования национального языка сопровождается трансформацией старых жанров письменности. Анализируемые памятники показывают одно из таких изменений.

Как уже указывалось, Сибирские летописи не являются настоящими летописями. Это не памятники, последовательно писавшиеся несколькими авторами в течение долгого времени с целью хронологического изложения исторических событий, а целостные литературные произведения. В XVII в. происходит распад летописного жанра и образование на его основе новых литературных жанров. Все основные черты летописания: связь с фольклором, с деловой речью, изобилие прямой речи, близкой к живой разговорной, хронологический принцип изложения (построение текста по годовым статьям) и т. п., определившиеся, по словам Д. С. Лихачева, «еще в Киево-печерском монастыре», прошли через всю историю летописной традиции. На протяжении истории летописные формы, стиль непрерывно менялись, но литературное воздействие на летопись приобрело первостепенное значение лишь в конце существования летописной традиции. Под его влиянием этот жанр постепенно превращается в чисто литературный.⁴⁵

Именно к таким трансформированным летописям и принадлежат Сибирские летописи. Имея в своей основе старые летописные записи, Сибирские летописи, однако, написаны одним определенным лицом, в одном определенном месте, в определенное время, что и является наиболее существенным для Сибирских летописей в отличие от разнопластовых по времени написания старых летописей, последовательно писавшихся разными лицами. Кроме того, каждый из наших памятников обладает также единым идейным заданием, выдержанным от начала до конца памятника, а не изменяющимся с ходом времени и не подновленным последующими авторами.

Все это заставляет рассматривать Сибирские летописи как сочинения, принадлежащие к разным жанрам своего времени.⁴⁶

---

⁴⁴ Термины «книжно-славянский» и «народно-литературный» типы древнерусского языка употребляются в соответствии с их пониманием в работе В. В. Виноградова «Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка» (М., 1958).

⁴⁵ См. об этом: Д. С. Лихачев. Русские летописи..., стр. 100—144.

⁴⁶ Появившаяся в недавнее время работа Ю. В. Фоменко «Из наблюдений над языком Сибирских летописей XVII в.» (Ученые записки Магнитогорского пед. инст., 1961, т. 14), анализирующая грамматические особенности прилагательных и наречий в Сибирских летописях, с нашей точки зрения, совершенно неверно рассматривает все Сибирские летописи как стилистические

Летописный жанр с древнего времени имел сложный стилистический состав. Повествовательные формы летописи сочетали рассказ строгого фактического и делового характера с кусками текста, посвященными описаниям смерти какого-либо князя и религиозно-нравственным вопросам и написанными в соответствии со всеми особенностями агиографического жанра.⁴⁷ Обе формы изложения существовали рядом, иногда перебивая друг друга. На базе частей агиографического характера, которые образовывали в летописи часто более или менее самостоятельное целое, происходило формирование «повести» (термин И. П. Еремина) как жанра.

Эти особенности старых летописей в период позднего летописания способствовали превращению летописи в литературные произведения разных жанров. Сибирские летописи, во многом сохраняя стилистические черты старых летописей, уже имеют, однако, и существенные от них отличия. Некоторые части Сибирских летописей по своему характеру близко стоят к историческим повестям своего времени.⁴⁸ Приподнятый строй речи, морализующая риторика, использование стилистических приемов агиографии — все эти черты, присущие историческим повестям XVII в., особенно проявляются в последних статьях Ремезовской летописи, статьях 140—147 этой летописи, не принадлежащих Ремезову, в некоторых главах Есиповской и Строгановской летописей, а также последних главах так называемого Толстовского списка Строгановской летописи — «Диптихе храбрым ратоборцам» и «О первом архиепископе во граде Тобольске».⁴⁹ Жанр исторической повести в XVII в. воплощался в нормах высокого стиля письменности, сформированного на базе

одинаковые сочинения и относит их к «книжно-риторическим стилям языка» (стр. 76). Ошибочность исходных позиций приводит автора и к неверным заключениям, когда он доказывает, что Сибирские летописи отличаются архаичными формами, которые использовались в качестве эффективного стилистического средства в книжно-риторических стилях. Этот общий вывод никак не может характеризовать сложный стилистический состав Сибирских летописей и объяснить имеющиеся в Сибирских летописях русские окончания прилагательных и просторечные формы наречий.

⁴⁷ См. о вставках в летопись такого характера: И. П. Еремин. Киевская летопись как памятник литературы. Труды отдела древнерусской литературы Инст. русской литературы, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 82—83; В. В. Виноградов. Основные проблемы..., стр. 61; И. С. Улуханов. Предлоги предъ — передъ в русском языке XI—XVII вв. В сб.: Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964, стр. 130—131 и др.

⁴⁸ См. об этом: С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., стр. 33; А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири. XVII в., стр. 142; Н. А. Дворецкая. Археографический обзор..., стр. 467. См. о характере жанра исторической повести в XVII в.: Л. Л. Кутина. Лексика исторических повестей о Смутном времени Московского государства. Автореферат канд. дисс., Л., 1953.

⁴⁹ См.: Сибирские летописи, стр. 93—96.

книжно-славянского типа древнерусского литературного языка.

Но высоким стилем не написана в целом ни одна из Сибирских летописей. Части, взятые в Сибирские летописи из их протографов, принадлежащих старому летописному жанру, вносят в Сибирские летописи языковые черты этого жанра. В них сохраняются характерные особенности построения старых летописей, где отдельные части существенно отличались друг от друга по своему языку, что вносило в текст значительный стилистический разноречивый. Летописный жанр исторически связан с обоими типами древнерусского литературного языка. Вставленные в них «повести» писались на книжно-славянском языке, а остальной текст летописей — на народно-литературном, который в XVII в. являлся основой не высокого, а посредственного (среднего) стиля письменности.

Кроме того, при написании Сибирских летописей в качестве источников привлекались в большом количестве документы деловой письменности, которые приводились в них иногда намеренно в виде цельного документа (как, например, в Строгановской летописи), хотя, безусловно, подвергались литературной обработке. Поэтому деловой стиль письменности, ставший в XVII в., по словам В. В. Виноградова, в известной части жанров одним из важных и активных стилей народно-литературного типа языка,⁵⁰ оказывал непосредственное влияние на характер языка Сибирских летописей.

Немалую роль в формировании характера языка Сибирских летописей сыграли используемые в большинстве из них устные предания о походе Ермака, которые вносили в них элементы живой разговорной речи.

Особенно пестра по своему стилистическому составу Ремезовская летопись, в которой «две стилистические струи сплетаются воедино... — книжная и народная, составляют главную особенность стилистической манеры сибирского писателя».⁵¹ Особенно сильна здесь беллетристическая струя, что сближает Ремезовскую летопись с популярными в XVII в. сборниками «Историй о взятиях», которые были предназначены для занимательного чтения.⁵²

В некоторых из Сибирских летописей можно усмотреть близость и к другим жанрам письменности XVII в.

Кунгурская летопись по своему характеру близка произведениям новой нарождающейся демократической, в частности казачьей, литературы XVII в., во многом основанной на устных

---

⁵⁰ В. В. Виноградов. Основные проблемы..., стр. 95.

⁵¹ Е. И. Дергачева-Скоп. «Похвала Сибири» С. У. Ремезова, стр. 267. См. в других ее работах подробно о художественных особенностях Ремезовской летописи.

⁵² См. об этом: Е. И. Дергачева-Скоп. С. У. Ремезов и его «История Сибирская», стр. 17.

преданиях. При описании тех или иных событий похода Ермака, наряду с традиционно-книжными элементами языка, Кунгурская летопись использует живую разговорную речь своего времени.

Описание Сибири относится к литературно-географическому жанру «описаний», который получил наибольшее развитие в литературе о Сибири XVII в. в связи с бурными географическими открытиями, быстрым освоением сибирских пространств.⁵³ «Описания» ставили перед собой задачу рассказать о неизвестных ранее странах и жизни разных народов. Здесь имеются традиционные языковые конструкции, близкие к выражениям в высоком стиле, ставшие «этикетными» для «описаний».⁵⁴ Однако в целом Описание Сибири относится к посредственному стилю XVII в. и в своей основе имеет народно-литературный тип языка. Рассказ о «Сибирском взятии» в Описании написан в стиле народно-поэтических повествований о Ермаке. Живое изложение событий напоминает иногда Кунгурскую летопись.⁵⁵

Таким образом, Сибирские летописи имеют части, написанные на языке как книжно-славянского, так и народно-литературного типа, причем каждая из них включает эпизоды того и другого рода.

Язык Сибирских летописей безусловно соотносится в некоторых случаях с языком книжно-славянского типа, составлявшего в XVII в. основу высокого стиля письменности. Однако наиболее характерны для Сибирских летописей и значительны по объему те части, которые написаны в стилистических нормах, опирающихся на народно-литературный тип языка.

---

⁵³ Е. И. Дергачева-Скоп. «Похвала Сибири» С. У. Ремезова, стр. 268.

⁵⁴ Там же, стр. 268—269.

⁵⁵ См. об этом: Е. И. Дергачева-Скоп. Из истории литературы..., стр. 100.

ОТРАЖЕНИЕ В СИБИРСКИХ ЛЕТОПИСЯХ НЕКОТОРЫХ ПРОЦЕССОВ, ПРОТЕКАЮЩИХ В РУССКОМ ПИСЬМЕННОМ ЯЗЫКЕ XVII в.

Существующий на Руси со времени принятия христианства в качестве языка церковных жанров книжно-славянский тип русского письменного языка долгое время был довольно независим от народно-литературного языка. Однако в течение всей истории совместного существования эти два типа письменного языка взаимодействуют друг с другом. Это взаимодействие «уже начиная с XVI в., особенно со второй его половины, ведет к постепенному преобразованию русского литературного языка как сочетания двух языковых типов в систему трех стилей единого литературного языка».¹

В нашей работе мы рассматриваем некоторые конкретные случаи этого взаимодействия в XVII в.

Книжно-славянский тип русского литературного языка способствовал стилистическому и лексическому обогащению русского письменного языка в целом.

В этой главе на материале Сибирских летописей показывается увеличение количества отвлеченной лексики с суффиксами *-ние*, *-ость*, *-ство* в языке XVII в., причем вопрос ставится в плане изучения процесса проникновения такого способа словообразования в язык всех жанров письменности.²

Кроме того, мы рассматриваем взаимодействие в лексике Сибирских летописей некоторых разрядов русских и старославянских слов и причастия. Морфемы с фонетическими приме-

---

¹ В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958, стр. 67.

² При существующем состоянии изучения древнерусского языка характеристика стилистической отнесенности слова может быть сделана лишь приблизительно — на основе изучения характера памятников (книжных, деловых, литературных), в которых преимущественно употребляется рассматриваемое слово в XVII в. и в предшествующий ему период.

тами неполногласия, *жд* и *шт*, соответствующие полногласию, *ж* и *ч* в исконно русской лексике, являются бесспорно принадлежащими старославянскому языку.³ Поэтому рассмотрение их в целях изучения истории взаимодействия русских и старославянских элементов в русском письменном языке очень интересно.

Не менее интересен малоисследованный вопрос о характере употребления в XVII в. причастий, также являющихся «в русском языке — категорией, обязанной воздействию на книжный русский язык древнеболгарского языка».⁴

В русском письменном языке книжно-славянского типа в XVII в. сказываются процессы архаизации, связанной со вторым южнославянским влиянием, которое во многих случаях «сыграло большую положительную роль в развитии искусства слова, в выработке богатых и разнообразных форм художественной выразительности».⁵ Наибольшее значение оно имело в XIV—XVI вв., особенно противопоставляя в этот период два типа литературного языка. Под его влиянием находились многие сочинения художественной литературы еще и в XVII в.

Второе южнославянское влияние активизировало в языке высокой письменности употребление церковнославянской и русской архаичной лексики, русских книжных образований. Однако в Сибирских летописях можно отметить лишь небольшое количество случаев употребления слов такого характера. Особенно редко здесь встречаются слова, строго ограниченные в своем употреблении сферами высокого стиля, хотя в эпоху XVII в. они широко используются в других книжных памятниках.⁶ Из лексики этого рода в Сибирских летописях мы можем отметить лишь отдельные слова: *грясти*, *десница*, *гонзнути*, причем употребленные по одному разу. Первые два встречаются в Ремезовской летописи (стр. 324 и 327), последнее — в Есиповской летописи (стр. 149).

В большинстве случаев лексика высокого стиля, присутствующая в Сибирских летописях, принадлежит к такой книжной лексике, которая может проникать и в другие сферы письменности.

Следы архаизации в языке книжно-славянского типа сказались в наших памятниках в употреблении сложных слов, харак-

---

³ См. об этом, например: А. А. Шахматов. Очерки современного русского языка. Л., 1941, стр. 97.

⁴ С. П. Обнорский. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953, стр. 194.

⁵ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958, стр. 32.

⁶ См., например, об употреблении большого количества таких слов в исторических повестях о Смутном времени: Л. Л. Кутина. Лексика исторических повестей о Смутном времени Московского государства. Автореферат канд. дисс. Л., 1953.

терных только для высокого стиля письменного языка, которые анализируются в этой главе работы.

Особо рассматриваются некоторые группы эмоционально окрашенной лексики, употребляющейся в Сибирских летописях в соответствии с древними традициями, в основном, летописной письменности.

Сознавая всю неполноту представленной в нашей работе лексики письменного языка, употребляющейся в Сибирских летописях, мы подходим к этой части работы только как к примерам из этой области.

ОТВЛЕЧЕННЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСАМИ *-ние*, *-ство*, *-ствие* и *-ость*

Среди лексики, характерной для письменного языка, можно выделить группу отвлеченной лексики, отличающуюся единым типом словообразования и сходным характером семантики. См. у В. В. Виноградова: «Некоторые словообразовательные типы тесно связаны с узкими лексико-семантическими разрядами слов». ⁷ Это существительные, образованные с суффиксами *-ние*, *-ство*, *-ствие* и *-ость*. Объединенные значением отвлеченности, слова с этими суффиксами, однако, различаются между собой в его конкретизации (значение отвлеченного качества, состояния, действия-процесса и т. д.).

Не касаясь вопроса происхождения суффиксов *-ние*, *-ство*, *-ость* (для решения этого вопроса в настоящее время наука не располагает достаточным материалом, в основном здесь потребовались бы данные исторической диалектологии), ⁸ отметим только, что общим для слов с этими суффиксами является то, что они более характерны для языка письменного. Об этом

---

⁷ В. В. Виноградов. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка. Известия АН СССР, ОЛЯ, т. 10, вып. 3, 1951, стр. 237.

⁸ Рассмотрение вопроса о существовании в русских диалектах существительных с суффиксом *-ние* см., например, в работе Л. Н. Булатовой «Отглагольные существительные на *-ние*, *-ть* в русских говорах» (Автореферат канд. дисс., М., 1953). История изучения суффикса *-ость* изложена в статье Н. М. Шанского «О происхождении и продуктивности суффикса *-ость* в русском языке» (в сб.: Вопросы истории русского языка. М., 1959). Некоторые сведения об истории изучения суффикса *-ние* см. в статье Е. Ф. Ковалевой «К вопросу об образовании отглагольных абстрактных существительных с суффиксом *-ние* в русском литературном языке XVII в.» (Ученые записки Кишиневского унив., т. 37 (филологический), 1959). Об изучении суффикса *-ство*: Э. М. Ножкина-Елина. К вопросу о продуктивности суффикса *-ство* в древнерусском языке. Ученые записки Саратовского унив., 1959, т. 67, стр. 276—278.

пишут многие исследователи;⁹ *-ствие* — церковнославянский суффикс.

Суффиксы *-ние*, *-ство*, *-ость* имеют сходную историческую судьбу. Все они продуктивны в русском письменном языке с древности до наших дней. Значительное количество существительных с этими суффиксами имеется в памятниках разного времени.¹⁰ Возможно, в период XI—XV вв. менее продуктивным был из них суффикс *-ость* (см. об этом у Н. М. Шанского;¹¹ ср. замечание В. В. Виноградова: «Общеизвестно, например, что производство отвлеченных существительных от основ качественных прилагательных посредством суффикса *-ость* развивается в русском литературном языке на протяжении всех периодов его письменно засвидетельствованной истории»).¹² Значительно менее продуктивен по сравнению с ними суффикс *-ствие*.

Многие исследователи указывают, что в русской письменности XI—XV вв. существительные с этими суффиксами употребляются только в книжных памятниках (В. Д. Левин — о существительных с суффиксом *-ние*,¹³ Н. М. Шанский — о существительных с суффиксом *-ость*)¹⁴ и повествовательной литературе (Ф. П. Филин),¹⁵ а в деловой письменности они почти полностью отсутствуют. Конкретные исследования языка памятников периода XI—XV вв. подтверждают это (см. указанные выше древнерусские сочинения, в которых употребляются существи-

---

⁹ А. М. Пешковский. Глагольность как выразительное средство. В сб.: Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. М. — Л., 1925, стр. 142; С. П. Обнорский. К истории словообразования в русском литературном языке. В сб.: Русская речь, Новая Серия, т. I, Л., 1927, стр. 80; В. В. Виноградов. Русский язык. М. — Л., 1947, стр. 117, 127; и др.

¹⁰ См. об этом: С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М. — Л., 1946; Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. Л., 1949, стр. 176; Н. В. Юстратова. Лексика «Сказания» Авраамия Палицына. Труды Одесского ун-ва. Сб. филологического факультета, т. II, 1949; П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года. М., 1953; В. Л. Виноградова. Сравнительный анализ лексики «Слова о полку Игореве» и «Задонщины». Автореферат канд. дисс. М., 1953; А. Н. Шиловский. Лексический состав «Послания Даниила Заточника». Автореферат канд. дисс. М., 1953; В. Н. Рогова. Лексика челобитных И. С. Пересветова. Автореферат канд. дисс. Л., 1956; Дж. А. Гарибян. Лексика и фразеология Азовских повестей XVII в. Автореферат канд. дисс. М., 1956; А. С. Соломина. Из наблюдений над именами существительными с суффиксом отвлеченности *-ство* (*-ствие*) в древнерусском языке XI—XV вв. Ученые записки Казахского женского пед. инст., вып. 3. Алма-Ата, 1960, стр. 305.

¹¹ Н. М. Шанский. О происхождении и продуктивности суффикса *-ость*... стр. 120—121.

¹² В. В. Виноградов. Об основном словарном фонде... стр. 227.

¹³ В. Д. Левин. Имена действия в русском языке. Ученые записки Ивановского пед. инст., 1941, т. I, вып. 2, стр. 6.

¹⁴ Н. М. Шанский. О происхождении и продуктивности суффикса *-ость*...

¹⁵ Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка... стр. 176.

тельные с суффиксами *-ние*, *-ство*, *-ость*: среди них нет произведений делового стиля).¹⁶

В памятниках более позднего времени жанровая ограниченность употребления этих существительных нарушается. Материалы Сибирских летописей показывают, что в XVII в. они проникают во все стили письменности. Это впечатление подтверждается исследованиями и других памятников XVI—XVII, а также начала XVIII в.¹⁷

Расширение сфер их употребления осуществляется, с одной стороны, путем проникновения некоторых существительных с этими суффиксами, употреблявшихся ранее только в книжных сочинениях, во все жанры письменности, с другой — путем появления большого количества новообразований с этими суффиксами от основ слов, использующихся в разнообразных сферах письменности.¹⁸

В Сибирских летописях существительных с этими суффиксами довольно значительное количество (около 200 существительных с суффиксом *-ние*, около 50 — с суффиксом *-ство*, около 30 — с суффиксом *-ость*, несколько с суффиксом *-ствие*; многие из них имеют многократные употребления). Мы ставим своей задачей рассмотреть семантику и сферу употребления в письменности существительных с этими суффиксами и почти вовсе не касаемся вопросов специально словообразовательных (рассмотрения основ, от которых образуются такие существительные, и т. п.), грамматических и синтаксических особенностей употребления и т. д.¹⁹

---

¹⁶ См. отдельные примеры употребления существительных с суффиксом *-ство* в деловых памятниках XI—XIV вв., указанные в работе Э. М. Ножкиной-Елиной «К вопросу...», стр. 280.

¹⁷ Д. Ж. А. Г а р и б я н. Из истории русской лексики. О военной лексике Азовских повестей. Ученые записки Ереванского русского пед. инст., 1956, т. 6; И. С. Хаустова, Лексика «Ведомостей» 1702—1703 гг. Автореферат канд. дисс. Л., 1958; Р. П. Никитинская. Отвлеченные существительные с суффиксами *-ние*, *-ение*, *-тие* в литературном языке Петровской эпохи. Ученые записки Кемеровского пед. инст., вып. V, 1962, стр. 64.

¹⁸ См. об образовании в XVII в. таких существительных даже от диалектных слов (*суворый* — *суворство*): А. В. Даневич. Некоторые особенности словообразования в языке русских повестей второй половины XVII в. Киев, 1958, стр. 26.

¹⁹ См. исследование этих вопросов на материале древнерусского языка XI—XVII вв.: Н. М. Шанский. О происхождении и продуктивности суффикса *-ость*...; Э. М. Ножкина. 1) Образование отвлеченных имен существительных с суффиксом *-ство* в древнерусском языке. В сб.: Вопросы русского языкознания. К 80-летию профессора А. М. Лукьянского. Саратов, 1961; 2) Значение имен существительных с суффиксом *-ство* в древнерусском языке. Там же; А. С. Соломина. Из наблюдений над именами существительными...; Р. П. Никитинская. Отвлеченные существительные...

Среди лексики с суффиксами *-ние*, *-ость*, *-ство* и *-ствие*, употребляющейся в Сибирских летописях, большую группу составляют древние слова. По данным Сл. Срезневского и Картотеки ДРС,²⁰ с XI—XII вв. известны следующие существительные, имеющиеся в Сибирских летописях (в подобных указанным там или близких к ним значениях).

1. С суффиксом *-ние*.

1. Существительные со значением действия: *течение*²¹ — «течение крови живой не замерло» (М345);²² *ловление* — «ѣхавшимъ 20-ти казакомъ на Абалацкое озѣро для ловления рыбѣ» (М333); *отверзение* — «отверзение водамъ бысть» (С32); *бежение* (вариант *бежание*) — «на бѣжение поганыи устремишася» (Е127) (во всех др. сп. — «бежание») (ср.: «на бегство погани устремишася» (А6244, П294)); *взятие* — «О взятїи и одолѣнїи Сибирския земли и ятїи царевича Маметкула» (С29); *одоление* (см. предыдущую цитату); *отгнание* — «О отгнании царя Кучюма» (С29); *поможение* — «царь же Кучюмъ виде Рускимъ людемъ поможение всесилного Бога» (П279); *запинание* — «и егда они начаша пити, единъ по единому, киждо ихъ поперхнувся, воевода же, видя в нихъ таковое запинание, и возопи своимъ воемъ, яко зло мыслять» (Б304), а также *стреляние*, *избавление*, *исцеление*, *скончание*, *смерзение*, *лишение*, *призвание* и мн. др. Слова с суффиксом *-ние* со значением действия часто встречаются в заголовках к отдельным главам летописей, например, *послание* — «О послании царя Кучюма сына своего Маметкула на руские полки ратью» (С66); *убиение* — «О убнении Рускихъ торговыхъ людей» (С52), и др.

2. Существительные со значением состояния: *смятение* — «і пришедь с тѣми сокровенными людьми в царевъ дворъ, с великимъ смятениемъ многихъ царскихъ сродниковъ поби» (О393); *страхование* — «і на бежение устремишася, і таково страхование наиде на нихъ, яко і во градъ свой не возврати-

---

²⁰ Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам И. И. Срезневского, т. I, СПб., 1893; т. II, СПб., 1895; т. III, СПб., 1903; всюду далее — Сл. Срезневского. Картотека словаря древнерусского языка Института русского языка АН СССР (г. Москва), далее — Картотека ДРС.

²¹ Все слова пишутся в современной орфографической форме. Цитаты, как правило, начинаются с маленькой буквы.

²² Сокращения названий Сибирских летописей см. в конце книги (цифра при сокращении обозначает страницу). В книге цитируются также другие древнерусские памятники. Список сокращений названий древнерусских памятников см. там же. Названия, встречающиеся в Сл. Срезневского, даются в сокращениях, принятых в этом словаре, и в настоящем издании не раскрываются. Во всех примерах из древнерусских памятников допущены следующие замены: вместо *о* — *о*, *а* — *я*, *ѣ* — *у*, *и* — *я*, *з* — *з*, *в* — *и*, *ѳ* — *і*; кроме того, надстрочные буквы вставлены в текст и уничтожены надстрочные знаки, сняты (где они были) ударения. Пропуск в примере обозначается тремя точками.

шася» (Е158); *хотение* — «время есть уже хотѣние свое исполнити» (С37); *недоумение* — «царь же Кучюмъ о семь оскорбися и опечалися велми зело и паки в недоумѣнии мнозе бысть» (С17) (в значении 'затруднение', 'сомнение'); *опасение* — «волскимъ казакомъ Ермакове дружинѣ, без опасенія идущимъ к рыбной ловлѣ» (С26), и др.

3. Существительные со значением результата действия или в опредмеченных значениях: *приношение* — «приносять же тѣмъ своимъ мерскимъ богомъ в почеть приношения всякие, скоть, звѣрь, птицы» (О394); *написание* — «казаки жъ принесоша к нему написание, како придоша в Сибирь» (Е163) (с разнотечением «списки»); *повеление* — «в лѣто 7078, по повелѣнію благочестиваго... царя... поставилъ... Строгановъ... острожки» (С4); *одеяние* — «а одеяние обувь имѣютъ с рибихъ кожъ» (О378) (ср. в подобном тексте в Е112: «Остяки же одежду имѣют отъ рыбъ», с разнотечением в сп. АВ «одеяние»).

Весьма неопределенно значение в наших памятниках слова *ухищрение*: «воевода... повеле вне града оставшихъ Татаръ посеши, и посекоша без остатку; сущия же Татара на лугу такое ухищрение слышавъ, разбегошася» (Б304) (в значении 'коварный поступок'?).

У некоторых существительных сосуществуют значение действия (состояния) и опредмеченное значение: *желание* — «желание праведныхъ все благо» (М362), «возвратися восвоися со срамомъ великимъ, яко не получи желание свое» (У219); *создание* — «созданіи церкви православныхъ» (Е106), «с нами Богъ, сотворитель нашъ! Да поможетъ намъ, созданию своему!» (П278) (синонимом к слову *создание* в значении действия является слово *устройство*: «о устройеніи градомъ и острогомъ в Сибирской земли» (С43)); *падение* — «в то время бысть брань жестока с татарскими вои и паденіе ото обѣихъ странъ многое множество» (С20), «и возвѣстиша царю Феодору Ивановичю о своемъ паденіи» (Г310) (в значении 'поражение') и др.

См. также древнейшие слова с суффиксом *-ние*: *снабжение* — «имать же в мало явленіи некои ради тайности и мощи угодившихъ Богу святыхъ молебники о сибирстемъ снабденіи» (М356) (в значении 'попечение', 'забота'); *успение* — «аще ли же избени будемъ да помянетъ насъ любовь твоя в вѣчномъ успѣніи» (М315) (в значении 'смерть, кончина'); *упование* — «возложиша упованіе на Бога» (С19) (в значении 'надежда'), а также *знамение*, *явление*, *видение*, *попечение (божие)*, *попущение*, *мановение*, *просвещение (всесвятого духа)*, *преставление* (в значении 'смерть') и др.

II. С суффиксом *-ство*.

1. Существительные со значением качества, свойства и состояния: *лукавство* — «и начать леть с лукавством шивати»

(С12); *храбрство* — «по взятіи жъ... всея Сибирския земли... честныхъ людей... Строгановыхъ промысломъ и подмогою и храбрствомъ и мужествомъ добрыхъ и добродородныхъ воинъ, атамановъ и казаковъ Ермака» (С44) (ср. ниже слово *храбрость*); *достоинство* — «государские люди, посланные для збору [в сп. Р — ясачнаго смотря по достоинству, по смѣте противъ] соболей указнаго числа» (О379); *довольство* — «денгами и сукнами [пожаловал жалование] и кормами з болшимъ доволствомъ» (У216). Сюда же относятся слова *мужество*, *разнство*, *безстудство* и др.

Как видно из вышеприведенныхъ примеров, слова с суффиксом *-ство* в значении свойства, качества представлены в Сибирскихъ летописяхъ довольно широко. В более позднее время суффикс *-ство* в этомъ значении пересталъ быть продуктивнымъ (оно начинаетъ выражаться только словами с суффиксом *-ость*).

2. Существительные со значениемъ действия: *убийство* — «видѣвъ же Сейдякъ убийство своихъ кинулся в окно» (М350).

3. Существительные, обозначающие отвлеченные понятия: *множество*, *естество*.

4. Существительные со значениемъ собирательности: *воинство* — «умысли... собрати воинства множество себѣ и пришедъ войною подъ городъ Тоболескъ» (С42); *христианство* — «мы предъ нимъ, государемъ своимъ, виноваты і предъ всѣмъ Московскимъ христианствомъ» (О373) (ср. «крестишася во христианство» (М353) в значении 'в христианскую веру'); *сродство* — «паче дерзаша... за святые Божіе церкви, за самодержца и за сродство свое» (М361).

5. Существительные с опредмеченными значениями (как и в словахъ с суффиксом *-ние*, значение суффикса здесь стирается). Опредемеченное значение могутъ получать существительные со значениемъ качества, свойства. *Пространство* — «яко снабдитъ Господь царство и пространство даруетъ» (Е138); *коварство* — «и умысли злохитрое коварство в сердца своемъ» (С12); *богатство* (вариант *богатество*) — «возвратися во свояси с великимъ богатствомъ и с радостию» (У183), «богатество ихъ взя» (Т85) (в значении 'имущество'); *пророчество* и др.

Некоторые древние существительные с суффиксом *-ство*, имеющиеся в Сибирскихъ летописяхъ, принадлежатъ кругу общественно-политической лексики: *отчество*, *величество*, *державство*²³

²³ Использование существительныхъ с суффиксомъ отвлеченности в общественно-политической лексике имело в древнерусскомъ языкѣ старыя традиции. Например, наличие существительныхъ с суффиксомъ *-ние* со значениями, тесно связанными с многообразными явлениями общественной жизни, отмечается Ф. П. Филинымъ уже в древнейшихъ русскихъ летописяхъ (Ф. П. Филин. Лексика русского литературнаго языка..., стр. 88).

(см. о их значениях во второй главе в разделе «Общественно-политическая и социально-экономическая лексика»).

Значительно меньше в Сибирских летописях слов с суффиксом *-ствие*. Из них в памятниках с XI в. известно слово *суетствие*: «суета суетствій, всяческая суета, глагола мудрецъ видевъ бываемая подъ солнцемъ» (М365).

III. С суффиксом *-ость*.

Существительные со значением отвлеченного качества, свойства, состояния, вообще абстрактного признака: *дерзость* — «сии же злоратные мужие убиение и дерзость свирѣподушную показоваху» (Е129) (в значении 'смелость'); *жестость* — «а инии же сопровтивъ глаголаху жестостию твердо» (С22) (в значении 'суровость'; ср. *жесточь*: «показавше храбрость свою и жесточь предъ нечестивыми» (С24); см. его в значении 'жестокость': «сам же Карача ста в некоем месте .. многу же жесточь и тесноту гражданомъ творяше» (А6253) — известно с древнейших памятников, но широко употребляется в более позднее время); *скудость* — «и многие Руские люди померли отъ скудости хлебные» (П284) (в значении 'недостаток'), «дети его Родионъ и Тимофей от скудости сошли на реку Чусовую в вотчины Строгановы» (Б305) (в значении 'бедность, нужда'); *храбрость* — «показующе казацы храбрость свою и стрелбу огненную» (М321). Сюда же относятся слова *мерзость*, *премудрость*, *старость*, *пакость*, *ярость*, *жалость* (в значении 'горе'), *радость*, *тихость*, *малость*, *целость*.

Таким образом, Сибирские летописи содержат большое число отвлеченных существительных с суффиксами *-ние*, *-ство* и *-ость*, известных в древнейших памятниках. Из приведенных выше текстов Сибирских летописей очевидно, что большинство слов употребляется без ограничения во всех Сибирских летописях — памятниках различных жанров, обычно в нейтральных контекстах (с суффиксом *-ствие* — только в контексте высокого стиля). Многократность их употребления (например, слово *богатство* употребляется в Сибирских летописях 27 раз, *воинство* — 27, *радость* — 25, *собрание* — 18; из более поздних слов, которые рассмотрены ниже, — *государство* — 20 раз, *жалование* — 25 раз) подтверждает, что многие из них прочно вошли во все сферы письменного языка XVII в. без ограничений. Об этом же говорят и материалы Картотеки ДРС. По контексту, в котором встречается в Сибирских летописях, например, слово *скудость*, а также по характеру других памятников, в которых оно известно (Дм., Ник. лет., ДАИ, 1646 г., АМГ, 1660 г., Булав. восст. 1703 г. и др.), видно, что это слово в XVII в. могло употребляться в деловых стилях письменного языка в обоих значениях, указанных для него выше. См. также древнейшее слово *селение*: «изъ града невозвратно бегоша на степь в Казачью орду на прежнее свое селение» (М332). В картотеке ДРС оно фикси-

руется для XVII в. не только в книжных, но и деловых памятниках (например, Дон., Дела 1655 г.) и др.

Некоторые древние слова с анализируемыми суффиксами, ранее известные только в сферах книжных, появляются (обычно с XVI—XVII вв.) в деловых памятниках, имея там другие значения. Видимо, среди них есть новые образования, независимые от древних. Их появление — одно из свидетельств продуктивности суффиксов *-ние*, *-ство*, *-ость* в деловой письменности эпохи начала формирования русского национального языка. В двух значениях употребляются следующие существительные: *положение* — 1) «положение святыхъ отецъ о верныхъ слугахъ» (М363) ('указание', 'установление'); 2) «описание новые земли сибирского государства... и какое той землѣ положеніе» (О367) ('месторасположение'). Первое значение известно в книжных памятниках, второе — в деловых (ср. употребление слова в этих значениях в наших памятниках). *Поспешение* имеет в Сибирских летописях значение 'поспешность': «царь Кучюмъ... повеле воинству своему збиратися с поспешениемъ к себе в Сибирь градъ» (Б298). В этом значении оно известно нам в XVI—XVIII вв. только в деловых памятниках.²⁴ Кроме того, оно имеет значение 'помощь', в котором употребляется в древнейших памятниках книжного и летописного характера.²⁵ *Учреждение* — «воевода же Тоболской Данило Чюлковъ умыслилъ надъ ними с товарищи учреждение, послать к нимъ пословъ и повеле имъ быти к себе в Тоболь» (Б304). В старом значении (отсутствующем в Сибирских летописях) 'угощение, пир' оно отмечается в книжных памятниках.²⁶ Значение, в котором оно употребляется в наших памятниках ('предприятие, дело?'), является, видимо, переходным к современному. Оно характерно для деловой письменности.²⁷

Из слов с другими суффиксами, имеющими два значения такого характера, в Сибирских летописях употребляется слово *крепость* (см. о нем в разделе «Военная лексика»).

В других случаях появление нового значения у слова не изменяет сферу его употребления. Например, слово *исполнение* имело древнее значение 'выполнение' (оно отсутствует в наших памятниках). В таком значении слово *исполнение* известно в многочисленных древнейших памятниках церковного характера. Новое значение этого слова 'то, что наполняет' отмечается в па-

²⁴ ДАИ, 1629 г., 1679 г., АМГ, 1638 г., 1660 г., Док. Моск. театра, 1675 г., Ворон. акты, 1688 г. и мн. др.

²⁵ Ефр. крм., Илар Зак. Благ., Псков. I лет. и др.

²⁶ В форме *учрежение* — в Ип. л., Библ. Генн., Рог. лет., Ник. лет. и др., в форме *учреждение* — в Панд. Ант., Ч.-М., Флор. ек.

²⁷ См. в Картоотеке ДРС для него пример из Док. Моск. театра, 1676 г.: «да къ тому жъ по всему платью на всякое учреждениіе пошло 150 аршинъ линтовъ шолковыхъ» (ср. значение глагола *учредити* 'устроить').

мятников только с XV в., причем тоже только высокого стиля.²⁸ Такой же характер употребления оно имеет и в Сибирских летописях: «господня бо земля и исполнѣние ея, и вси живущи на нѣй хрестияны благословени» (М331).

Большое количество слов с суффиксами *-ние*, *-ство*, *-ость*, имеющих в Сибирских летописях, являются словами позднего образования. Только некоторые из них принадлежат высокому стилю. Книжный их характер подтверждают материалы и наших памятников.

I. С суффиксом *-ние*.

Существительные со значением действия: *водворение* — «и еще быша вогнѣждение звѣремъ і водворение сириномъ» (Е122),²⁹ *возблагодарение* — «и по писанию другъ другу составиши праздникъ, сеі благодарственный августовъ, возблагодарение силы крестные» (М358);³⁰ *утопление* — «Ермаку отъ утоплѣннѣя . . . всплывшу» (М345).³¹

Существительные со значением состояния: *ликование* — «слыша . . . великий звонъ, яко [во] время Свѣтлаго Христова Воскресения, радости всего мира и ликования» (М332);³² *умягчение* — «не даша бо храбрїи себѣ ни мало покоя . . . , ни сердцу своему отъ ярости умягчения» (Т94) (в значении 'успокоение').³³

II. С суффиксом *-ство*.

Неразумство — «лутче мудре укрѣпити единемъ, неже многимъ неразумствомъ» (М364) (в значении 'неумение', 'неразумный поступок');³⁴ *предстательство* — «на зачинающихъ Твое все-силное предстательство да поможетъ намъ и поборетъ враги наша» (М357) (в значении 'помощь'; 'защита, заступничество?'). Известно нам в книжных памятниках с XVI в.³⁵ *Противенство* — в наречном сочетании *в противенстве*: «егда же

²⁸ Воскр. лет., Симеон. лет., Сл. Март. Шестака (в контексте: «Господня есть земля и исполнение ея») и др.

²⁹ В известных нам материалах оно имеется только в Требнике XVI в. («вдворение сириномъ») и в Каз. лет. («селение и водворение»). Характерно совпадение контекста этого слова в Ремезовской летописи и Требнике XVI в.

³⁰ Известно нам в Посл. Ю. Крижанича ц. Фед. Ал. после 1676 г.: «во благопривѣтствованіе и за улученное освобожденіе въ возблагодареніе».

³¹ См. его в Пам. отр. лит. и других памятниках высокого стиля.

³² Имеется в Епиф. ж. Серг., Пв. Обн., Ист. семи мудр. XVII в. и многих других памятниках высокого стиля.

³³ Отмечается в Посл. Корнилия.

³⁴ Известно нам только в Римск. имп. д., 1490 г. (синонимы его: *неразумие* — широко употребляется в памятниках высокого стиля с XI в.: *неразумствіе* — в Хрон. Г. Амарт.).

³⁵ Зос. С. чуд., Ч.-М., Д. патр. Никона, Ерм. лет., Дам. Афон. гора.

сразишася в велией сечи, со обоихъ странъ обои видеша в противѣнствѣ небесный рай отверзень» (М361) (в значении 'напротив, в противоположной стороне', которое неизвестно нам в других памятниках).³⁶

III. С суффиксом *-ость*.

Тягость ('тяжесть'): «и побѣже в стругъ свой и не може в него скочити тягости ради сущия на немъ» (Т83) — с XIV в.

Теплость ('теплота'): «и егда веснѣ приспѣвши и отъ теплоты воздуха снѣгу растаявшу» (С32) — известно в памятниках высокого стиля с XVI в.³⁷

Как видно из приведенных материалов, большинство из упоминавшихся в этом разделе слов употребляется в Сибирских летописях только в тех частях, которые написаны в нормах высокого стиля. В большей части текста они не употребляются вовсе. В других памятниках XVII в. (обычно книжных) исследователи отмечают проявление особенно активного словотворчества в области слов высокого стиля с этими суффиксами.³⁸ Это еще раз подтверждает, что лексика высокого стиля используется в Сибирских летописях очень ограниченно.

Для других слов, появляющихся в памятниках только с XIV—XVII вв., трудно наоблисти какую-либо жанровую ограниченность: они употребляются в сочинениях разных жанров, в том числе, что особенно интересно, в деловой письменности.

I. С суффиксом *-ние*.

Существительные со значением действия и состояния: *владение* — «о владѣніи Сибирской земли государевыхъ людей Рускихъ» (С46) (с XIV в.); *непослушание* — «и мы толко нынѣ не поидемъ такимъ честнымъ людемъ на поможаніе, и они на насъ стануть писать к Москвѣ непослушаніе государю царю» (Т56) (разночтение «о непослушаніи») (с XIV в.); *успокоение* и *смирение* — «о усмирении Сибирския земли» (С29) (в сп. П «о смирении»); *умирение* — «по взятіи жъ и по очищеніи всея Сибирския земли и по умирении бусорьменского языка» (С44) (разночтение «успокоение») (с XIV в.); *сражение* — «і в то время бысть сраженіе велие обоимъ странамъ до смертнаго посѣченія, тогда видѣвшіе поганіи своихъ паденіе велие предъ

³⁶ Ср. его в значении 'сопротивление' в деловых памятниках с XVII в.; ДАИ, 1665 г., 1665—1666 гг., 1668 г. и др.

³⁷ Корм. Балаш., Изм. XVI в., Требник XVI в., Наука краснор.

³⁸ См., например: Л. Л. Кутин а. Лексика исторических повестей о Смутном времени..., стр. 13.

русскими лон» (С21) (см. об этом слове в разделе «Военная лексика»).

См. существительные с другими значениями: *произволение* — «бысть се послание на воиновъ Божиимъ произволениемъ мѣсяца августа в 5 день» (П288) (в значении 'воля?') (с XV в.); *награждение* — «а с ними послано... Ермаку Тимофеевичу его царского величества жалованье... и награждение денегъ и сукна, и порохъ, и свинець, и оружіе» (Б301) (известно нам в разнообразных памятниках только XVIII в.).

II. С суффиксом *-ство*.

Среди новых слов с суффиксом *-ство* большое количество обществено-политической лексики: *государство, державство, подданство, воровство* — см. о них во второй главе работы. См. также слова *жительство, бегство*. Все они известны с XIV—XVII вв. и употребляются в сочинениях всех жанров, в том числе часто в деловой письменности. В памятниках различного характера встречаются слова: *урядство* — «тотъ народъ и до нынѣ глупъ, і урядства воинского на малѣ у нихъ» (О368) (в значении 'устройство, порядок') (с XVI в.); *искусство* — «отъ повѣстеі не искусства смотрѣти подобаетъ» (М363) (с XVII в.); *постоянство* — «и зла на всякихъ Рускихъ людей никакова не думать і во всемъ правомъ постоянстве стоять» (Е137) (в значении 'верность, постоянство') (с XVII в.).

III. С суффиксом *-ствие*.

Удовольствие — «и с ними посла денегъ и суконъ, иныхъ всякихъ товаровъ, вина и запасу со множественымъ удовольствием» (Б300). См. его в Сказ. Сиб. з. и других памятниках.

IV. С суффиксом *-ость*.

Твердость — «Кучюм ... караулы несходные поставилъ, ... мнѣвъ: зряще твѣрдость, казаки возвратятся в Русь, яко бояшеся многосилства» (М327) (отмечается в памятниках XIV—XV вв. различного характера); *скорость* — «и оттолѣ возвратишася на низъ в скорости» (М343) (в памятниках с конца XV в.); *трудность* — «и погрѣбоша вверхъ по Вагаю реке с поспѣшиениемъ ... в трудности» (М343) (с XVI в.); *смелость* — «и о[тъ] той работы принялъ смелость, и прибравъ себе дружину малую и пошелъ отъ работы на разбой» (Б306) (с XVII в.) (ср. *смелство* в значении 'смелость, дерзость' — Библия, Генн.); *верность* — «что имъ жить под рукою государеву и во всякомъ послушании и служить во всякой верности» (Б299) (в значении 'добросовестность в выполнении своих обязанностей') (в памятниках с XVII в.); *близость* — «х которому царству земля ихъ та близостию смежна?» (У194) (в неопределенном значении) и «у царя Китайского имѣють к себѣ [иезуиты] велию милость, жалование і близость всегда» (О393) (в значении 'приближенность') (с XVII в.); *вольность* — «вооружи славою и ратоборствомъ і волностию атамана Ермака» (Е165) (в значении

‘право распоряжаться по своей воле’, известно в Козм. 1670 г.: «над вами имеет вольность», Уставе ратн. д. и др.); *противность* — «разбойник... Ермакъ усвоеволився противностью его царскому величеству... и бежалъ в украинное место» (Б296) (отмечается в значении ‘сопротивление’ во многих разнообразных памятниках с XVII в.).

Некоторые из анализируемых существительных нового образования употребляются преимущественно в деловой письменности, что показывает не только проникновение, но и продуктивность их в этой сфере.³⁹

I. С суффиксом -ние.

Существительные со значением действия: *радение* — «государь царь... за ихъ службу и радѣние пожаловалъ города Солью Болшею» (С29) (известно нам в деловых памятниках с XV в.); *оберегание* — «[Государь] велѣлъ дати имъ на волю, какъ бы имъ отъ Сибирскихъ людей Пермской землѣ оберегание учинити» (С2) (в значении ‘охрана, оборона’. Известно нам в деловых памятниках с XVI в.); *пропитание* — «и остана плиты внизъ с Ермакомъ 1636 человекъ и приемше запасы на пропитание свое» (М317) (в деловых памятниках XVII в.).

Существительное с опредеченным значением: *заслужение* — «и в заслужение принять себе в водчину Сибирское царство» (Б299) (известно нам только в Швед. л., 1516 г.).

II. С суффиксом -ость.

Черность — «черность земляная в человекѣ вышиною» (О383), «а между тѣми рекеми..., степные пахотные добрые хльбородные земли, черностью земля в чельвческой поясъ» (О391). В других памятниках известно нам только в значениях ‘чернота’ (в пам. с XIII в. — Сл. Дан. Зат. Унд., Пал. XIV в., Мат. злат. XV в. и др.) и ‘черный цвет’. В Описании Сибири его значение очень конкретизировано, слово употреблено по отношению к чернозему. Такое его переосмысление в памятнике, посвященном во многих частях бытовой тематике, очень показательно.

Характер употребления слов с суффиксами *-ние*, *-ство*, *-ость* нового образования в Сибирских летописях и других памятниках свидетельствует о том, что в эпоху XVII в. они присутствуют и продуктивны во всех жанрах письменности. Видимо, теряет отчетливый характер принадлежности только высокому стилю в эпоху XVII в. и церковнославянский суффикс *-ствие*. Расширение сфер употребления слов с этими суффиксами, возможно,

³⁹ См. об образовании в XVII в. существительных на *-ние* от разговорных слов: А. В. Даневич. Некоторые особенности словообразования..., стр. 21.

является причиной оттеснения некоторых — ранее широко используемых — суффиксов со значением отвлеченности (например, суффикса *-ба*).⁴⁰ Другие старые способы образования отвлеченных существительных (например, бессуффиксальные существительные) остаются продуктивными и в XVII в.⁴¹ Процесс увеличения употребительности и продуктивности существительных на *-ние*, *-ство*, *-ость* во всех сферах письменности протекает, видимо, незадолго до XVII в. Еще для XV—XVI вв. исследователи отмечают ограниченность количества этих существительных в памятниках повествовательного и делового характера (например, в судебниках XV—XVI вв. немногочисленны слова с суффиксом *-ние*).⁴²

Некоторые из имеющихся в Сибирских летописях слов с разбираемыми суффиксами отсутствуют в других известных нам памятниках. Часть их, видимо, является результатом большой словообразовательной свободы и дублетности, свойственных вообще лексике XVII в.⁴³ Другая часть — меньшая, возможно, является результатом индивидуального творчества авторов Сибирских летописей, впрочем, также основывающегося на свободе образования существительных с этими суффиксами в XVII в. Рассмотрим такие существительные.

1. С суффиксом *-ние*.

Шерстование (варианты *шертование*, *шерстование*) — «Ермак... повѣриша ихъ безвѣрному шерстованью» (С34) (во всех других списках «шерстованію»), «начаша приходити къ Ермаку в городъ Татара со многими дары и запасы и покоряшася Ермаку, он же утверждаше сѣихъ шертованиемъ, что имъ жить под рукою государевою и во всяком послушании и служить во всякой верности» (Б299). В известных нам материалах

⁴⁰ См. о его продуктивности в древнерусских памятниках: Е. Ф. Ковалева, Образование в древнерусском языке отглагольных существительных с суффиксами *-ба*, *-тва*. Ученые записки Кишиневского унив., 1962, т. 47, вып. 1.

⁴¹ См. об этом: Н. В. Юстратова, Бессуффиксные абстрактные существительные в литературном языке XVII в. В кн.: Тезисы докладов научной конференции проф.-преп. состава Кишиневского унив., ноябрь — декабрь 1956.

⁴² См. об этом: В. М. Марков, Явления суффиксальной синонимии в языке судебников XV—XVI вв. Ученые записки Казанского унив., т. 116, кн. I, 1956, стр. 303.

⁴³ О свободе словообразования существительных от глаголов и прилагательных в древнерусском языке говорил еще П. А. Лавровский (Замечания об особенностях словообразования и значения слов в древнерусском языке. Известия ОРЯС, 1853, т. II, вып. 9, стр. 279). Широкое употребление разнообразных словообразовательных синонимов в одинаковой семантической и стилистической функции в памятниках XVI—XVII вв. всех жанров, в том числе и существительных с суффиксами *-ние*, *-ство*, *-ость*, отмечается во многих исследованиях последнего времени.

отмечается только глагол *шертовать* и существительное *шерть* ('клятва'), которые широко употребляются в языке XVII в. и ранее (см. о них еще в разделе «Общественно-политическая и социально-экономическая лексика»). Слово *шерстование* синонимично слову *шерть* (имеет больший элемент глагольности). Оно встречается в нескольких из наших памятников (в Строгановской и Есиповской летописях, а также Есиповской летописи по Бузуновскому сп. и сп. Ундольского). Это говорит о его употребительности в языке XVII в. Судя по сфере употребления слова *шерть*, слово *шерстование* принадлежит деловому языку.

Также неизвестны нам в других памятниках слова *неправление*: «проклятию же сподоблени есть неправление во царѣхъ і нестроение в воинствѣ его» (Е119) (в значении 'отсутствие управления'); *притужание* ('беспокойство, доука'? — «отъ ихъ злаго притужанія едва смерти избыша» (С13), «и оттоле многия скорби и притужанія пріимаху ото окаянныхъ» (С13) (см. разночтения для него в разных списках Строгановской летописи: «приступанія», «притужения»);⁴⁴ *вспомогание* — «дабы к нему ѣхали во градъ на вспомоганіе противу рускихъ» (С17) (с разночтением в одном списке «спомоганіе»).⁴⁵

II. С суффиксом *-ство*.

Неизвестны нам в других памятниках слова: *исполинство* — «велій Господь Богъ нашъ ... ежѣ подаетъ рабомъ своимъ отъ рождения якожъ Самсону исполинство, тако Ермаку ... даде силу, спехъ и храбрость» (М312); *престольство*: «во второе лѣто престольства своего воспомяну атамана Ермака» (Е163); *обдержательство* — «взято бысть ... Сибирское царство ... въ вечное во обдержательство Російскому скипетру» (У172) (в значении 'владение'; см. разночтения к нему «во обдержаніе», «во обдержавство». Об этих словах см. еще во второй главе). См. также слово *осторожество*: «послаша ... к Москве сихъ поиманныхъ ... с великимъ осторожствомъ отъ нихъ бесерменскихъ Агарянь» (У 231) (в значении 'осторожность').⁴⁶

III. С суффиксом *-ствие*.

Долгоденствие — «великому государю велие благодарение возсылаше, молебная пѣнія Господу Богу воздаваше о государскомъ долгоденствіи» (О376). Широко употребляется в памятниках XVIII в. Примеры его употребления в памятниках XVII в. нам неизвестны.

⁴⁴ Ср. *притужати* 'беспокоить, изнурять, докучать' в памятниках с XII в. и *притуженіе*: «видѣвъ же неотложное притуженіе мтри своея яко истинну, сише рече». Рукоп. собрания гр. Румянцева Румянц. музея. См.: А. Дювернуа. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1894, стр. 166.

⁴⁵ Ср. *вспоможение* в деловых памятниках с XVI в. и *вспомогательство* — в деловых памятниках с XVII в.

⁴⁶ Картотека ДРС отмечает его только в одной неясной цитате из Алф.: «бождреніе — бодрое осторожество іли прилежаніе» (слово *осторожность* в языке XVII—XVIII вв. употребляется широко).

IV. С суффиксом *-ость*.

Мирность — «о мирности упражняяся в примерь словесь» (М362) (разночтение «смирность») (в значении 'мир'). Вероятно, осознавалось Ремезовым как образование высокого стиля.

Эти случаи употребления в Сибирских летописях слов, неизвестных в других памятниках, подчеркивают продуктивность суффиксов *-ние*, *-ство* и *-ость* в русском письменном языке XVII в. всех жанров

В заключение скажем несколько слов о характере значений существительных, образованных с этими суффиксами.

В отличие от наблюдаемой некоторыми исследователями (например, В. Л. Виноградовой,⁴⁷ Е. М. Иссерлин⁴⁸) неопределенности, расплывчатости значений существительных с анализируемыми суффиксами в некоторых древнерусских памятниках (преимущественно старшей поры, а также книжных памятниках XVII в.), в Сибирских летописях эти существительные — в том числе и их древнейшая часть — в подавляющем большинстве случаев имеют достаточно определенные значения, многие из которых сохранились и в современном языке.⁴⁹ Исключение составляют немногочисленные случаи неопределенности значения некоторых слов, являющихся принадлежностью высокого стиля, о чем говорилось выше.

Элементы неопределенности значений у существительных этого рода, не ограниченных рамками высокого стиля, обнаруживаются в Сибирских летописях лишь в связи с свободой образования и вариантностью таких существительных, а также иной, чем в современном языке, словообразовательной и грамматической системой этих имен.⁵⁰

Интересно отметить также обычное употребление многих из них в устойчивом сочетании слов, ставшем в некоторых случаях штампом. Например, слово *бегство* употребляется во всех

⁴⁷ В. Л. Виноградова. Сравнительный анализ лексики..., стр. 9.

⁴⁸ Е. М. Иссерлин. Конкретная и абстрактная лексика в русском литературном языке XVII в. В сб.: Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961.

⁴⁹ Устойчивость значений существительных с этими суффиксами отмечается и в других памятниках XVI—XVII, а также XVIII вв. См., например: В. Н. Рогова. Лексика челобитных И. С. Пересветова, стр. 9. Наличие слов с этими суффиксами, сохранивших значение от древности до XVIII в., отмечает Ю. Д. Соболева в статье «Из истории общественно-политической лексики XVIII в.» (Материалы и наблюдения по русскому языку. Башкирский унив. им. 40-летия Октября. Уфа, 1961).

⁵⁰ См. рассмотрение этих вопросов: Н. П. Романова. Из истории отглагольных существительных *-ние*, *-ение*, *-тие* в русском языке XVI в.

сибирских летописях, как правило, в сочетаниях *вдатися бегству, ятися бегству* и один раз *устремитися в бегство*. См. подобное же употребление слова *бежание*. Слово *величество* встречается только в сочетаниях *царское величество, государское величество* (ср. один случай употребления его в Кунгурской летописи: «і в томъ городкѣ спалъ камень с небеси, вѣличество какъ бы возъ с санми, видомъ багровъ» (М342) в значении 'величина'); *вержение* — *стрельные вержения*; *дремание* — *ни зеницам (ни очима своима) дремание*; *жалование* — *государево жалование, царское жалование* (или в сочетаниях, близких к этим); *жительство* — *иметь жительство; опасение* — *без опасения* (что-либо делать); *поставление* — в значении действия — *поставление городка (города, острога и т. п.)*, в значении 'договор' — *мирное поставление*, и др.

Жанровая неограниченность многих существительных с суффиксами *-ние, -ство, -ость* старого и нового образования, которую можно наблюдать как в Сибирских летописях, так и в других памятниках XVII в., свидетельствует о продуктивности этих суффиксов в письменном языке XVII в. всех стилей.

ЛЕКСИКА С ФОНЕТИЧЕСКИМИ ПРИМЕТАМИ СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

По вопросу истории взаимодействия слов с фонетическими приметами старославянского и русского языков в русской письменности современная наука не располагает достаточным материалом, чтобы иметь возможность поставить его в историческом аспекте, т. е. в плане сравнения характера взаимодействия таких слов в памятниках, различных по жанру и по времени написания. В науке о русском языке еще нет работ, которые рассматривали бы вопрос истории старославянских форм в русской письменности на протяжении большого отрезка времени. Для решения этого вопроса необходимо изучение бытования старославянских и русских форм в отдельных памятниках русской письменности на всех этапах развития русского языка. Поэтому в настоящее время представляет интерес рассмотрение их взаимодействия в любом памятнике древнерусской литературы.

В сб.: Словянське мовознавство, вып. 2, Київ, 1958; Л. Г. Свердлов. Семантика отглагольных имен существительных на *-ние, -тие* в русском языке. Научные доклады высшей школы. «Филологические науки», 1961, № 2; Э. М. Ножкина. К истории образования имен существительных с суффиксами *-ость, -ство* в русском литературном языке. Автореферат канд. дисс. Саратов, 1962; Р. П. Никитинская. Отвлеченные существительные с суффиксом *-ство* в литературном языке Петровской эпохи. Ученые записки Кермеровского пед. инст., 1959, вып. 3. Историко-филологический факультет.

В этом разделе мы рассматриваем отражение в Сибирских летописях взаимодействия неполногласной и полногласной лексики, слов с *жд* и *жс*, *щ* и *ч*.

Неполногласная и полногласная лексика

Имея весьма значительное количество как параллельных полногласных и неполногласных форм, так и слов в какой-либо одной из этих форм, Сибирские летописи представляют следующую картину их взаимодействия.

1. Слова, встречающиеся в Сибирских летописях в формах полногласной и неполногласной.

а) Как известно, в древнерусской письменности употребление полногласных и неполногласных форм имело разделение по различным жанрам письменности. Об исключительности употребления неполногласных форм в русских памятниках древнейшего периода, относящихся к церковной письменности, и почти такой же исключительности употребления полногласных форм в древнейших деловых памятниках пишут многие исследователи.⁵¹

Эта общая тенденция употребления старославянских и русских слов заметно осложняется различными конкретными условиями предпочтения какой-либо одной из этих форм: использование той или иной формы в привычных сочетаниях, предпочтение употребления лишь одной огласовки в определенной морфеме (например, приставке) и т. п. С течением времени эти конкретные обстоятельства приобретают все большее значение.

В соответствии со старой традицией в Сибирских летописях существует (хотя уже не как система, а в редких отдельных случаях) разграничение сфер употребления неполногласных и полногласных форм по жанрам, между которыми еще ощущаются языковые границы. Например, в Описании Сибири неполногласные варианты⁵² употребляются значительно реже, чем в других исследуемых памятниках. Наличие в Сибирских летописях неполногласных форм объясняется иногда употреблением их в устойчивом обороте или цитате, взятой из памятников старого книжного языка.

Рассмотрим примеры подобного употребления полногласных и неполногласных вариантов в Сибирских летописях.

⁵¹ См., например, по этому вопросу работы А. А. Шахматова, С. П. Обнорского и др.

⁵² Если полногласные и неполногласные формы слова различаются в своем употреблении стилистически или ограничены употреблением в произведениях определенных жанров, мы называем их вариантами.

Древо — *дерево*. Образное использование слова имеется только в одном случае — для неполногласной формы, употребленной в арханчском книжном обороте *древо жизни*: «отъ плода правды Сибириномъ древо жизни растеть» (М362). Вообще переносное и образное употребление характерно лишь для неполногласных форм. Ср. употребление полногласной формы в контексте, не имеющем книжного характера: «и тѣ старые, гдѣ они (суда Ермака, — О. П.) лѣжать сквозь ихъ дна дерева проросли» (М314).

Древице — *деревие*: «по камени растяху деревие велие, высокое, красное, хорошее, кедр и пѣвги ливанія і всякое древице, творящее плодъ» (Т59), «на семь же камени ростяху деревие различное: кѣдри и прочая» (Е109). В первом примере форма *древие* употребляется с книжным прилагательным *велие*; кроме того, далее следуют слова типично книжного употребления: *пѣвга, ливанія*.⁵³

Таким образом, употребление неполногласного варианта в первом примере обуславливается книжным контекстом, во втором используется полногласная форма, что объясняется, видимо, сочетанием ее с разговорным прилагательным *различный* и отсутствием книжности в окружающем контексте.

Неполногласная форма *блато* также имеет книжное употребление: «у блатасобрашася отъ истекшихъ кровей тогда, яко жь древле отъ телесъ у Троиного града близъ Командры рѣки плѣнующу Акилѣсу» (Е130). Ср. употребление полногласной формы в контексте, не имеющем книжного характера: «ту бо Тагара вси спряташася в темной ельникъ и болота» (М342), «убѣгоша во своя жилища за Яскалбинские непроходимые болота и озера» (М331), «лошадми в тѣ мѣста ѣзды для камени высокого, для лѣсовъ, водъ, болотъ и снѣговъ отнюдь не бываетъ» (О388).

Приведенные примеры иллюстрируют стилистическое разделение употребления полногласных и неполногласных вариантов в Сибирских летописях при наличии в них той и другой формы. Следует заметить, что наиболее ярко выступает старое жанровое их ограничение в случаях, когда в письменном языке употребляется одна (неполногласная) форма (этот вопрос рассматривается в следующем разделе).

---

⁵³ По материалам Картотеки ДРС слово *пѣвга* отмечается только в памятниках высокого книжного стиля с XVI в. (Ч. — М., Хронографе 1512 г., Ложн. и отреч. кн. XVII в. и др.). Это слово (*пѣвгъ*) — заимствование из греческого через старославянский язык (М. Фасмер. Греко-славянские этюды, т. 3. СПб., 1909, стр. 199). Слово *ливанія* отмечается в Сл. Срезневского в форме «ливанъ» (Остр. ев., Дан. иг. и Паис. сб.); см. его в сочетании: «ливаном, певгом и кедром» (Ис. LX, 13 в Сборн. XVI в.). Видимо, это обычный книжный оборот.

б) Большое количество слов, встречающихся в Сибирских летописях в обеих — полногласной и неполногласной — формах, употребляется в них в одинаковой семантической и стилистической функции, с полным безразличием в их выборе.⁵⁴ Следы такого безразличного употребления имеются и у слов, которые рассматривались выше. Например, для слова *деревие* в цитате из Е109 имеется разночтение в другом списке — *древие*, а в летописи редакции Ундольского это место читается *древеса*. Заметим особо, что безразличие к неполногласной и полногласной формам проявляется здесь и в образовании собирательной формы.⁵⁵

Кроме этих, в Сибирских летописях имеется большое количество других случаев, когда полногласные и неполногласные формы употребляются безразлично.

Брег — берег: «казаки же, вышедъ изъ струговъ на берегъ множествомъ» (Е298), «поганіи же на берегъ приидоша» (Е128), «казацы же на брегъ взыдоша» (Е128), «погрѣбоша по брѣгу тому» (М324), «струги ихъ грузу знимать не стали і подъ берегомъ тонути» (М315), «стругъ же отплы отъ брѣга» (М344), «собрашася во уреченномъ мѣсте у рѣки Иртиши на берегу подъ Чювашевымъ» (Е166), «и собрався на устье матки Самары реки на крутомъ на красномъ на берегу» (Т55) и др. Количество неполногласных дублетов в наших памятниках — 22, полногласных — 13. Как видно из приведенных примеров, употребление полногласной и неполногласной формы слова стилистически и семантически равноправно. Это подчеркивается и разночтениями: к примеру Е128 во всех побочных списках — разночтение *брег*, к примеру Е166 в одном побочном списке имеется разночтение *на берегу*. См. также Е128—У197, Е128—А6245, С21—Т67, У151—У224 и др. Оба дублета этого слова употребляются в конкретном значении 'берег реки или океана' (в Описании Сибири), никаких других оттенков значения или переносных употреблений этого слова в наших памятниках нет. Отсутствуют также при том и другом дублете какие-либо определения (кроме *правый* и *левый*). Исключением является один случай — Т55, приведенный нами выше, где употребление эпитетов при слове *берег* объяс-

⁵⁴ В случаях полного семантического и стилистического безразличия в употреблении слов в полногласной и неполногласной формах мы называем их дублетами.

⁵⁵ В этом отношении Сибирские летописи отличаются, например, от немецко-латино-русского Вейсманнова Словаря 1731 г. Относительно его материалов Е. Т. Черкасова пишет: «Только в полногласной лексике представлены существенные среднего рода с значением собирательности, типа *деревье*» (Е. Т. Черкасова. О взаимодействии русских народных и церковнославянских элементов речи в русском литературном языке доломоносовского периода (полногласная и неполногласная лексика). В сб.: Материалы и исследования по истории русского литературного языка, т. II, М. — Л., 1951, стр. 239. Здесь же см. библиографические сведения об этом словаре).

няется ярко выраженным фольклорным стилем этого места Толстовского списка.

Град — *город*: «по взятіи же города Сибири приде к Ермаку во градъ Остятской князь» (Б299), «до двою тысящъ и трехсотъ верстъ до перваго сибирскаго града Верхотурья... а стоит городъ Верхотурье на реке на Турѣ на левой сторонѣ» (П271), «и Пелымскаго князя Аплагарыма призвавъ въ городъ поймалъ» (П291), «а Сибирь городъ от града Тоболска 15 верстъ» (П283), «и назва его градъ Сибирскій [си]речь началныі, что нынѣ словеть Старая Сибирь, отъ города Тоболска въ верхъ рекою Иртишемъ 12 верстъ» (П273) и др. Безразличные употребления этих дублетов подтверждают различия: «о пришестви Тотарь і Остяковъ в городъ Сибирь къ Ермаку» (Е107) — в одном списке читаем «во градъ», «чтобъ онъ приѣхалъ в городъ совѣтовати» (Е156) — в трех побочных списках читаем «градъ». См. также Е160—У232 (с обратным различием в сп. Б₁, И, П, В, К, Б₂, А), Е156 — и три побочных списка, У183 — и один побочный список, С28 (*град*) — Е141 (*городок*) и др. Значение слов *город* и *град* во всех примерах одинаково. Неполногласных дублетов в наших памятниках 240, полногласных — 120. Сибирские летописи не употребляют ни тот, ни другой дублет в переносном значении. Вместе с тем в Описании Сибири количество полногласных дублетов значительно преобладает: неполногласных — 7, полногласных — 40.

Плен — *полон*.⁵⁶ Эти формы имеют два общих значения: 1) плен — «и ту плениша многихъ Вогуличъ улусы и въ пленъ взяша» (М317), «егда же возвратишася отъ плена в Тоболескъ» (М354), «а жены ихъ и дѣти в полонъ повели» (С6), «и царевича Маметкула в полонъ взяша жива» (Б300) и др. По употреблению в Сибирских летописях преобладают полногласные формы: неполногласных 4, полногласных 16; 2) добыча, захваченная у врага (в том числе люди, взятые в плен): «и возвратишася з Богомъ здрави з богатствомъ и съ конми и со многимъ плѣномъ» (М351), «и полону многу взяту бывшу» (С13).⁵⁷

⁵⁶ О соотношении значений этих форм в древнейших памятниках см.: Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка..., стр. 86—87.

⁵⁷ Наши наблюдения над безразличным употреблением неполногласных и полногласных форм в Сибирских летописях подтверждаются наблюдениями других исследователей лексики русского языка XVII в. Например, Н. В. Юстратова пишет: «В „Истории“ («Сказании» Авраамия Палицына, — О. П.) неполногласная лексика использована не только в связи со стилем изложения, либо в тех случаях, когда в русском литературном языке не было соответствующей лексическому болгаризму полногласной формы. Неполногласная лексика встречается и в тех случаях, когда свободно могла бы быть использована лексика полногласная — русская. Лишь в отдельных случаях употребление той или иной формы можно объяснить сознательным выбором ее» (Н. В. Юстратова. Лексика «Сказания» Авраамия Палицына. Труды Одесского унив. Сб. филологического факультета, т. II, 1949, стр. 146). Подобный же вывод делает автор и по отношению вообще к памятникам

Многочисленным примерам немотивированного употребления неполногласной и полногласной лексики в Сибирских летописях, приведенным выше, соответствуют, как будет показано ниже, случаи смешения употребления в них и других слов с фонетическими приметами старославянского языка, что также подтверждается наблюдениями других исследователей.⁵⁸

На основании этих наблюдений можно утверждать, что безразличное употребление старославянских и русских дублетов в Сибирских летописях — явление не случайное, а закономерное и свойственно многим памятникам той эпохи. Объясняется оно общими стилистическими тенденциями письменного языка XVII в. — эпохи начала формирования русского национального языка. Это одно из проявлений нарушения старого жанрового разделения лексики.

Интересно, что подобное употребление старославянских и русских форм лексики отмечается исследователями и в русских памятниках старшей поры.⁵⁹

в) Параллельное употребление полногласных и неполногласных форм в Сибирских летописях в других случаях объясняется

XVI—XVII вв.: «В памятниках XVI—XVII вв. сплошь и рядом уживаются формы русские полногласные с формами в огласовке старославянской, причем в одних случаях это смешение, очевидно, авторами не осознается (там же). Безразличное употребление старославянских и русских дублетов отмечается также Л. Л. Кутиной в памятниках Смутного времени (Л. Л. Кутина. Лексика исторических повестей о Смутном времени..., стр. 13), Дж. А. Гарибян в Азовских повестях XVII в. (Дж. А. Гарибян. Лексика и фразеология Азовских повестей XVII в., стр. 7), В. И. Максимовым в Псковской I летописи (В. И. Максимов. Лексика Псковской I летописи. Автореферат канд. дисс., Л., 1958, стр. 15. См. также его работу «О лексике со старославянскими и восточнославянскими фонетическими признаками». Ученые записки Псковского пед. инст., вып. 7, 1961). То же отмечается в памятнике нач. XVIII в. «Ведомостях» Петра I (И. С. Хаустова. Лексикологическая характеристика «Ведомостей» Петра I. Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук, вып. 42, № 243, 1958). Смешение полногласной и неполногласной лексики встречается в памятниках и более позднего времени. Например, Е. Т. Черкасова отмечает его для Вейсманнова Словаря 1731 г., видя в нем проявление общих тенденций развития языка этой эпохи: «Эти случаи отражают типичное для Словаря 1731 года смешение высокого „славянского“ стиля с явлениями, характерными для живого, разговорного языка как в плане лексико-фразеологическом, так и в плане словообразовательном» (Е. Т. Черкасова. О взаимодействии русских народных и церковнославянских элементов речи..., стр. 238). См. также о смешении этих форм: В. П. Забродченко. Лексика русских повестей первой трети XVIII в. Автореферат канд. дисс., М., 1956.

⁵⁸ Об отсутствии разницы в употреблении форм с *жд* и *жс*, например в «Сказании» Авраамия Палицына, пишет Н. В. Юстратова: «Этот разницей не может быть объясним сознательным выбором той или иной лексики» (Н. В. Юстратова. Лексика «Сказания» Авраамия Палицына, стр. 147). То же говорят и некоторые другие исследователи.

⁵⁹ Например, Ф. П. Филин говорит о случаях (хотя и «сравнительно немногочисленных») полного неразграничения семантико-стилистических функций полногласных и неполногласных форм в Повести временных лет (Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка..., стр. 123).

семантическими причинами — результатом процесса семантического разделения полногласных и неполногласных форм.

Некоторые полногласные и неполногласные формы в Сибирских летописях имеют одно общее значение и большей частью в этом значении употребляются стилистически безразлично, в чем смыкаются с предыдущей описанной нами группой. Кроме него, полногласные и неполногласные формы имеют еще свои самостоятельные значения.

Глава — *голова*. Общее значение 'голова': «обратися болѣзнь моя на главу мою» (С25), «он жѣ приять вселюбезно облобыза (панцирь Ермака, — О. П.) и на главу свою подн्याль» (М347). Полногласная форма в этом значении в Сибирских летописях имеется в сочетании *голову положить*, в котором форма *глава* не употребляется: «головы своя положиша за святыя Божия церкви и за православную христианскую вѣру» (Т83), «государю царю послужити и головы своя положити» (Т93). См. также ее вне этого сочетания: «битися, не шадя головъ своихъ» (О373). Кроме того, полногласная и неполногласная формы имеют и свои самостоятельные значения. *Глава* в значении 'глава какого-либо сочинения': «о прочихъ вещехъ кииждо изложихъ по главомъ» (Е106); см. также обозначения глав в Есиповской летописи.⁶⁰ *Голова* в значении 'должностное лицо (выборная должность)': «с ними же государь послалъ воеводъ своихъ князя Семена Болховскаго да головъ Ивана Киреева да Ивана Васильева сына Глухова» (П283), «а съ Тюмени воевода послалъ голову Данила Чулкова вѣнуръ Сибирские земли» (Г310). В Сибирских летописях слово *голова* в этом значении во многих случаях употребляется в сочетании *письменной голова*: «придоша... с ними письменой голова Данило Чулковъ» (У226) и др. (везде по отношению к Даниле Чулкову).⁶¹

Страна — *сторона*. Общее значение 'сторона': «и ото обою страну другъ на друга сурово и немплостиво наскачють» (С27). «одеяние у нихъ железное и меднощитницы и копейшики... поставляху же бо со обоихъ странъ» (А6246), «и бьющеса с обою странъ крепко» (П278), «на рекѣ Оби на другой странѣ» (П290), «по обѣимъ странамъ рѣки надъ рѣкою і по инымъ сторонамъ рекамъ живутъ государские люди Руские» (О379), «внизъ по Камѣ рекѣ по правую сторону» (С2), «а стоитъ городъ Верхотурье на рекѣ на Турѣ на левой сторонѣ» (П271), «а Тоболь река пришла с правые стороны и[зъ] степи» (П276) и др. Как видно из примеров, употребление полногласных и неполногласных форм в этом значении безразлично семантически

⁶⁰ Сибирские летописи. СПб., 1907, стр. 106—107.

⁶¹ См. о слове *голова* еще в разделе «Общественно-политическая и социально-экономическая лексика».

и стилистически. Полная тождественность этих форм-дублетов подчеркивается и разночтениями: «начаша же къ городку приступати со всехъ странъ» (Е152), в трех побочных списках — «сторон». Неполногласная форма *страна* имеет кроме того самостоятельное значение 'страна, земля, область': «в Сибирской странѣ ... крѣпости подѣлать» (С7).

Златой — *золотой*. Имеется общее относительное значение: «прежняя ихъ вѣра идолопоклонническая была кумиромъ златымъ, серебрянымъ, мѣдянымъ, глинянымъ» (О394), «товары ... кожи красные, кожи золотые и серебряные» (О381), «паволоки золатые» (С26). Употребление полногласного и неполногласного дублетов в этом значении безразлично в семантическом и в стилистическом отношениях. Кроме того, форма *золотой* употребляется субстантивированно в значении 'денежный знак': «посла государь ... множественное жалованье, денги и золотые, и сукна, и иные многие товары, и запасы» (У209), «коемуждо за службу ихъ золотыми і выходомъ и кормомъ пожаловаль и протчимъ в Сибирь послалъ золотыми же послугу» (М352), и в названии государства — Золотая Орда: «уведавъ отъ тамошнихъ жителей, что отъ нихъ не в дальномъ разстояніи есть Золотая орда Сибирское царство» (Б297).

Приведенные примеры показывают, что семантическая дифференциация неполногласных и полногласных форм может сосуществовать со стилистическим безразличием в употреблении этих форм в их общих значениях.

Если для стилистической дифференциации неполногласных и полногласных форм имела решающее значение традиция сферы употребления того или иного слова, то семантическая определялась не только разделением корневых слов по значению, но и словообразующей их способностью. Гнездо производных слов, развиваясь, начинало поддерживать своим существованием корневое слово.

В том случае, когда полногласные и неполногласные формы имели общее значение, производные от них образовывали во многих случаях одинаковый, с точки зрения своей семантики, круг слов. Например, к паре *град* — *город* имеются в Сибирских летописях следующие производные для неполногласной формы: *гражданин* ('житель города') — «весь народъ градскіи яшася дѣла и труда ... въздутьъ вси граждане на стены» (М359); *оградити* ('загородить') — «ту бе на Тоболѣ место уское; Кучумляне же оградиша чрѣзъ цѣпми железными, яко да удѣржать вся струги и казаковъ убивють» (М322); *воградити* ('построить, воздвигнуть') — «и построиша на вышеписанной горе градъ и в немъ воградиша святую Божию церковь» (с разночтением «воздвигоша») (У227); *градской* (относящийся к городу) — «и падоша стѣны градские отъ рѣчнаго устремления» (М359); *Новоград*. Полногласная форма *город* имеет производные: *городок*

(уменьшительное к *город* в значениях 'населенный пункт' и 'ограда, возводимая вокруг населенного пункта') — «и ту городокъ земляной поставиша» (С11); *городовой* (относящийся к городу) — «всякие городовые крѣпости подѣлать» (Т51), «степью городовая стѣна каменна зделана кирпичная» (О387).

Пара *плен* — *полон*. С корнем *плен* — *пленити*: «ини же не покоришася, и сихъ пленяше и побиваше» (Г309), «его жъ Кучюмъ пленивъ» (М318); *пленение* — «и како безбожнии своимъ приходомъ ево государевымъ Пермскія земли городомъ и посадомъ и селамъ многое пленение и запусѣние учиниша» (С1); *попленити* — «и ту окрестъ живущихъ села и деревни поплениша... і в полонъ многихъ людей мужей и женъ и детей поимаша» (С9) и др.; *пленник* — «стреча ему была по обычаю, как посламъ, а не аки пленнику» (Б301). С корнем *полон* — *полонити*: «яко сына Маметкула казаки полониша» (С28) (вариант в Т73 — *в полонъ взяти*); *отполонити* — «калмаки же ощутиша его и погнаша в слѣдъ его и кони свои отполониша» (Т80); *полонный* — «приносятъ же тѣмъ своимъ мерскимъ богомъ в почесть приношения всякие, скоть, звѣрь... и покупной полонный ясырь иныхъ звѣрь» (О394); *полоненник* ('пленник').

Наоборот, если корневые слова имеют разные значения, то их словообразовательные гнезда развиваются у каждого особо и получают далекие друг от друга значения.

Не имеет полного семантического схождения в своих значениях, например, пара с корнями *бран-* и *борон-*. Слово *брань* употребляется в значении 'сражение, бой': «в то время бысть брань жестока с татарскими вои» (С20), «повелѣ готовится к себѣ на брань воемъ своимъ» (А99) и др. Производное от него — *бранный* может выступать в сочетании *бранное ополчение* (Е147) и вне его: «собрашася... со всякими бранными оружїи» (У196). Употребление слова *брань* в Сибирских летописях, видимо, ограничено: оно ни разу не встречается в Описании Сибири (нейтральным синонимом к нему является слово *бой*, которое употребляется во всех Сибирских летописях). Полногласная форма этого корня — в слове *оборона*, которое употребляется в Сибирских летописях в значении 'защита': «и проси у него людей аки бы для обороны от Казачьей орды» (Б301), а также в словах *оборонити* ('защитить'): «посла Карача... пословъ своихъ къ Ермаку с товарищи по люди оборонити его отъ Казачьей орды» (Е167); *оборонский* (значение неясно): «и погребоша по Иртышу вверхъ по правому бѣрегу оборонскою рукою» (М329).

Слова *власть* и *волость* в наших памятниках дают полное семантическое расхождение.⁶² В Сибирских летописях слово

⁶² См. о сосуществовании слов с этими корнями в русском языке XII в.: Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка..., стр. 794 и далее.

власть употребляется в значениях: 1) власть — «даруетъ же сему княжение і власть в людехъ» (Е113), «мню же, яко сего ради посла Богъ гнѣвъ свои на сего царя Кучюма і иже подь его властию бысть» (Е119); 2) сила — «и потомъ властию своею покори себѣ многихъ людей» (С18); 3) только во мн. числе. Лица высоких чинов духовного звания — «і великиі государь в то время в соборной и апостолской церкви со властию і бояры своїми молебствовали» (О376). Слово в полногласной форме *волость* обозначает территориальную единицу (см. о нем еще в разделе «Общественно-политическая и социально-экономическая лексика»): «і начаша во многихъ мѣstechъ казаков побивати, гдѣ обретаемы бываху по волостемъ і по улусомъ» (Е145), «и погрѣбоша вверхъ по Тавде рѣке, воюя с устия вверхъ обои Красноярскую і Калымскую волости» (М325), «все тѣ волости... покоришь боемъ» (М325), «начаша во многихъ мѣstechъ, в волостѣхъ і в улусехъ, побивати русскихъ» (М340) и др. Неполногласная форма *власть* имеет большое словообразовательное гнездо. В Сибирских летописях отмечаются *властвовати*: «в сихъ же поляхъ... жителствуютъ... многия незнаемыя языцы кійждо собою властвоваху» (Т60); *завладети*,⁶³ а также слово *самовластный*. Продуктивность этого корня подчеркивается существованием большого гнезда глагола *владети*, которое представлено в наших памятниках следующими словами: *владелецъ, владелец, владение, владетьствовати, владыка, владычица, владычный*. Расхождение значений полногласного и неполногласного корней приводит к тому, что полногласная форма остается изолированной: она не имеет такого большого словообразовательного гнезда, как слово *власть*. В Сибирских летописях у слова *волость* нет производных.

Большие гнезда образуют слова с корнями *врат-*, *ворот-*. От корня в полногласной форме: *поворот* — «іные бѣжали, а не знающие не попали въ Сребренку в устье, прошли выше в вершину и многие мѣшкоты в повороте до самой осени» (М314), *поворотити* — «а изъ Камы реки поворотилъ направо въ Чюсовую реку» (П276); *поворотитися* — «и изождавъ поворотилися внизъ до устья и остановилися» (М343); *воротитися* — «и онъ убояся того назадъ воротился» (С6). Неполногласная форма — в словах *поврат* — «и приспѣвшу дни 12 поврата зимнего» (С35); *возврат* — «и про возвратъ Ермаку тотъ же шейтанщикъ сказалъ, что воротитя на Карачино озеро зимовать» (М326); *возвращение* — «а чаемъ возвращенія ко отцамъ своимъ і матерямъ» (М315); *безвозвратно* — «і бегу яшася бѣзвозвратно бѣжати во свояси» (М331); *безвратно* — «и вси погани в бегство вда-

⁶³ Известно нам в памятниках только с XV в. — Арх. Стр., 1484 г., 1503 г., 1589 г., XVII в. — Арс. Сух., Гр. Дв., 1653 г., Дон. Дела, 1656 г., ДАИ, 1674 г., и др.

шая безвратно» (А6254); *невозвратный* — «вдася невозвратному бѣгству» (С21); *невозвратно* — «бѣ жаша невозвратно от него, яко огнемъ палимы» (М329); *возвратити* — «і вскорѣ къ Ермаку возвратилъ [атаманов] с жалованною и похвалною грамотою» (М338) и др. Как видно из вышеприведенных примеров, слова с корнями *врат-*, *ворот-* семантически во многих случаях отошли друг от друга: слова в неполногласной форме имеют более отвлеченные значения.

Семантическое расхождение представляют также слова с корнями *влач-*, *волок-*. *Волок* — «и доидоша до Сибирския дороги до волоку, и тутъ на волоку земляной городокъ поставиша» (Т59), «именуем же бе Верхотурскій волокъ» (У178) и др. Нередко это слово становится постоянным компонентом топонима (как в последней цитате). Неполногласный корень присутствует в слове, далеко отошедшем в своем значении от слова с полногласным корнем, — *развлачити*: «Кучюм же таковыхъ [людей] повѣле по лугу конми развлачити» (М321).

Все эти семантические схождения и расхождения неполногласных и полногласных форм, а также различие их словообразовательных возможностей показывают, какая упорная и длительная борьба протекала между ними. Гнезда производных слов многих из них не совпадают с современными: в настоящее время в ряде случаев неполногласные формы имеют меньшие словообразовательные гнезда, чем это наблюдается в Сибирских летописях.

2. Ряд полногласных и неполногласных слов в Сибирских летописях выступает без своего второго варианта. Некоторые слова имеются в Сибирских летописях только в неполногласной форме. Отсутствие к ним полногласного варианта объясняется различными причинами.

а) В соответствии со старой традицией в Сибирских летописях имеется ряд неполногласных слов, сфера употребления которых ограничена книжными памятниками. Некоторые из них вообще не имеют соответствующего русского слова. Эта группа в части неполногласных слов смыкается с первой из разобранных нами групп слов, встречающихся в Сибирских летописях в полногласной и неполногласной формах.

Зрачен — «Ермакомъ прославь и атаманомъ нарѣченъ, яко зраченъ, воюя бусы по Хвалынскому морю и по Волге» (М312), «бѣ бо велми . . . разумень, и человѣченъ, и зраченъ, і всякой мудрости доволенъ» (М344). Слово употребляется в книжном контексте.

Глас — «проповедь евангелского гласа яко солнце осия сибирския концы» (А104), «проглаголаша вкупе возвышающимъ гласомъ» (А6245). Контекст, в котором употребляется это слово, имеет окраску высокого стиля. В некоторых случаях слово *глас*

употребляется в формуле, характерной для высокого книжного стиля: «ни гласу ни послушания» (Т71), «не бѣ во градѣ ни гласа, ни послушанія» (Е134) (ср. в Козмографии XVIII в.: «не бысть и гласу не послушания»). Подобный же характер имеют и некоторые глаголы: *огласити* — «проповѣдь евангелскаго учения обтече во вся конца Сибирския земли, и псаломскій громъ огласи» (С44), «і псаломскій вкупе громъ огласи» (А104);⁶⁴ *возглашати*: «и сему храброму воину Ермаку Тимофееву с товарищи повелѣ архиіакону возглашати на амвоне вѣчную память» (Т96). Ср. прилагательное *безгласный*: «и не опасаяся его царского величества указу, и принявъ себе весьма безгласное отчаяние, начаша по рекамъ Дону и Волге воровать» (Б296), также употребляющееся только в книжных памятниках.⁶⁵ Значение его в Сибирских летописях неясно (в Картоотеке ДРС оно присутствует в значении 'безмолвный').

Употребление в Сибирских летописях некоторых из рассмотренных слов только в неполногласной форме объясняется не причинами узкого контекста, часто граничащего с устойчивой книжной фразеологией, а традицией употребления слова в книжных жанрах письменности. См. в неполногласной форме также *клас* — «і бияше православное воинство нечестивых Божию помощию, яко жъ класы» (Е166); *мраз* — «мразу и студени облегчѣвшу отъ солнечныхъ теплоты» (С32). Также *влас*, *драгой*. Все эти слова, по данным Картоотеки ДРС, употребляются в XVII в. только в памятниках книжных, высокого стиля. Только в неполногласной форме выступает в наших памятниках приставка *пред-* (*преди-*). Все слова, с которыми она употребляется в Сибирских летописях, имеют книжный характер: *предлежати*, *предтеча*, *предповелети*, *предвозвещати*, *предиреченный*.

б) Только в неполногласной форме выступает в Сибирских летописях слово *краткий*, употребляясь в значении 'сжато изложенный': «но краткимъ словомъ реку, яко есть достойно на утверждение» (С19), «Летопись Сибирская краткая Кунгурская» (М313). Это значение неполногласной формы соответствует ее значению в современном языке, семантически отличающейся от слова в полногласной форме *короткий*.⁶⁶ Таким образом, в данном случае наличие у нас только неполногласной формы объясняется семантическими причинами.

---

⁶⁴ В наших памятниках слово *огласити* употребляется только в этом значении (в деловых памятниках оно имело другие значения, см., например, 'определить', 'назначить' — в Грам. митр. Кипр. Пск. 1395 г.; 'оклеветать' — в Челоб. Ис. Волок. мон. д. 1598 г. и др.

⁶⁵ Ч.-М., Хронограф 1512 г., Треник XVI в. и др.

⁶⁶ О значении слов *краткий* и *короткий* см.: Г. О. Винокур. О славянизмах в современном русском литературном языке. «Русский язык в школе», 1947, № 4, стр. 15.

Семантическими же причинами объясняется отсутствие в Сибирских летописях полногласной формы и для имеющегося в них слова в неполногласной форме *брашно*. *Брашно* означает 'еда', 'вообще пища',⁶⁷ а *борошно* — 'мука', 'ржаная мука'.⁶⁸ См. в Сибирских летописях: «и брашны и питіи изобилно ихъ наслаждаху» (С9), «велье оскудѣние брашну и прочимъ запасомъ» (Т77), «ни питія, ни брашна вкуси» (Е157).

в) В ряде случаев слова разбираемой нами группы в Сибирских летописях выступают только в неполногласной форме потому, что в полногласной форме они в письменном языке XVII в. совсем не употребляются или потому, что они употребляются не менее, а иногда и более свободно, чем полногласные, и потому могут заменить последние во всех жанрах письменности.

Время. Об обычном бытовании этого слова в неполногласной форме с древнейших эпох в письменном языке и разговорном языке образованных людей говорят, например, С. П. Обнорский, Ф. П. Филин и Л. П. Якубинский.⁶⁹ См. его производное *временно*: «воемъ его времено умаляющимся цынгою и недугомъ чрева» (М321). Только в неполногласной форме выступает слово *прежде* (*преж*): «иже прежде бывшихъ в Сибирской землѣ войною» (С39), «идѣжъ прежъ сего бысть в Сибири татарскій ихъ городъ столный усть Тобола і Иртыша» (С42).⁷⁰

В Сибирских летописях есть большое количество слов, образованных с корнем *благо-*. *Благо* — два омонима: существительное в значении 'добро' («благо содѣлати» — М364) и наречие в значении 'хорошо' («желание праведных все благо» — М362). См. слово *благий*: «вложи Господь Богъ мысль благу въ ево благонравие» (Т48). В XVII в. слова с корнем *болог-* в русской письменности не употребляются.⁷¹ См. также ряд сложных слов: *благонравие*, *благодарити*, *благодарение*, *благодарный*, *благодарственный*, *благодарать*, *благодатный*, *благословити*, *благословение*, *благословенный*, *благодетие*, *благодетивый*, *благоволити*, *благоизволити*, *благообразно*, *благонравие*, *благодаяние*, *благодарный*, *благополучный*, *благопослушный*, *благопокорный*, *благоприятный*. Большинство из этих слов известно только в книжных памятниках, причем с древнейшего времени. Слова

⁶⁷ См.: Сл. Срезневского, т. I, стр. 176.

⁶⁸ См.: Толковый словарь живого великорусского языка Вл. Даля, тт. I—IV. СПб., 1880—1882 (всюду далее — Сл. Даля); т. I, стр. 118.

⁶⁹ См.: С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М. — Л., 1946, стр. 191; Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка..., стр. 108; Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1963, стр. 310.

⁷⁰ См.: «Слово *прежде* издавна вошло в разговорный язык образованных людей, а отсюда получило широкое распространение в народных диалектах». Л. П. Якубинский. История древнерусского языка, стр. 320.

⁷¹ См. их в памятниках более раннего времени: Сл. плку Игор. и некоторых других.

более позднего происхождения также употребляются только в книжных памятниках: *благопокорный*,⁷² *благополучный*.⁷³

Слова с корнем *мрак-*. *Мрачный* — «сия жъ ночь бысть темна и мрачна и дождлива» (Т82); *помрачися* — «аще древле Сибирская земля і доложертвиемъ помрачися» (Е125). Слова с корнем *сред-*. *Средина* — «а по Шингалу рекѣ на срединѣ» (О391); *среда* — «два зверя исходяща со сторонъ острова из Иртыша и Тобола на среду и битву учиняша между собою велику» (М320); *средний* — «на томъ дѣле убиеннымъ вѣчная память средня» (Е166), «возрасть средней» (М344); *среди*: «егда жѣ быша срѣди Иртыша» (М328). Слова с корнем *вред-*. *Невредный* — «и ту своихъ выручиша вскорѣ, невредныхъ» (М323); *невредимый* — «и того дни бишася и невредимы помощью вѣликаго Бога проплывъ» (М330); *невреженный* — «и та мѣста проидоша ничимъ неврежени отъ Татаръ» (С20) и др. Слова с корнем *срам-*.⁷⁴ *Срам* — «а вспять возвратитися не можемъ срама ради и преступленія ради слова своего» (С22); *срамной* — «также срамной удъ челоѣческой мужеска і женска пола обнаженъ» (О394); *срамота* — «покры срамота лице мое» (С25); *посрамити* — «и мене посрами и отъ царства моего отгна» (С25); *посрамленный* — «они же безбожніи отоидоша посрамлени» (С13).

О лексике, встречающейся в Сибирских летописях только в полногласной форме, можно сказать немного. По своей семантике и употреблению она принадлежит большей частью живому разговорному бытовому языку. Такая лексика в наших памятниках в большинстве случаев употребляется в Описании Сибири. *Корова* — «коровъ розныхъ родовъ, овецъ болшихъ (много, — О. П.)» (О381); *молоко* — «і молоко у нихъ (олений, — О. П.) доять на потребу свою» (О379); *порог* — «а по Ангарѣ рекѣ пороги зело страшные» (О385); *порох* — «и взя у нихъ три пищали да три жъ лядунки с порохомъ и привезе ко царю Кучюму» (У221); *король* — «помози ми, яко... великому князю Александру на короля Немецкаго» (М358).

Слова с *жд* и *ж*

Некоторые ученые считают, что в отличие от неполногласных форм слова с формами *жд* проникли в русский язык в довольно позднее время, в период второго южнославянского влияния. Об

⁷² Известно нам в книжных памятниках с XIV в. — Пост. кн. Вас. Вел. 1388 г. и др.

⁷³ См. его в Прол. XIV в. и др.

⁷⁴ Слова с корнем *срам-* прочно вошли в лексическую систему древнерусского литературного языка уже в древнейшее время. Неполногласная форма устойчива и в словах с корнем *сред-*. См. об этом: Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка..., стр. 90.

этом говорит А. А. Шахматов: «Можно думать, что некоторые слои церковнославянских элементов нашего книжного языка ведут свое начало от эпохи искусственного возрождения церковнославянского языка. Так, например, мы видим, что сочетание *жд* в заимствованных из церковнославянского языка словах заменилось в XI—XII вв. через *ж*, в современном книжном языке слова с *жд* должны, по-видимому, восходить к числу заимствованных в указанную, позднейшую эпоху».⁷⁵ Оживление формы с *жд* в позднее время подчеркивал Л. П. Якубинский: «Именно в эпоху южнославянского влияния XV—XVI вв. сочетание *жд* сделалось одним из наиболее ярких фонетико-лексических показателей книжного литературного языка по сравнению с „просторечием“». И далее: «В XV—XVI вв. увлеченные церковнославянщиной русские книжники иногда заменяли через *жд* написание *ж* даже тогда, когда это *ж* не чередовалось с *д*, когда по-церковнославянски в данном слове было *жс*».⁷⁶ О позднем усвоении в книжном русском языке форм с *жд* говорит и Г. О. Винокур: «... церковнославянские слова на *жд* вместо русского *ж* были усвоены русским языком на несколько столетий позже других церковнославянских слов, и еще в первые десятилетия XVII в. они были относительной редкостью».⁷⁷ О частой искусственности слов с *жд*, не признавая, однако, позднего их вхождения в русскую письменность, говорит Е. Будде: «Искусственными и проведенными непоследовательно в печатных наших церковных книгах мы считаем и написания *жд* и *ц* вм. русских *ж* и *ч*, проникших в русскую письменность с первых моментов исторической жизни русского языка. В старопечатных богослужебных книгах и в современных нам эти формы с *жд* и *ц* введены из подражания древним слав. формам».⁷⁸ Однако в Сибирских летописях лексика с *жд* не является принадлежностью только книжных сфер.

Количество форм с *жд*, *ж* в них очень незначительно. Однако эта немногочисленная лексика имеет многие характерные черты, которые присущи неполногласной и полногласной лексике.

В ряде случаев в наших памятниках обе формы семантически и стилистически тождественны. *Вождь* — *вож*: «яко началника ихъ і наставника и вожда храбраго і велеумнаго Ермака» (Т83), «вожди наши крѣпцыи и дружина наша храбрая» (Т84), «вожь и наставникъ казачей атаманъ Ермакъ уьбень

⁷⁵ А. А. Шахматов. Очерки современного русского литературного языка, стр. 243.

⁷⁶ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка, стр. 322.

⁷⁷ Г. О. Винокур. О славянизмах в современном русском литературном языке, стр. 17.

⁷⁸ Е. Будде. [Рец.] С. Булич. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке, ч. I. СПб., 1893. Казань, 1894, стр. 21.

бысть» (С39), «им же вожь бѣ Яскалбинской князь Ишбѣрдѣй» (М337). Безразличие употребления этих слов подчеркивается и имеющимися разночтениями: «яко вожь и наставникъ» (С39), в том же тексте — «яко вожда и наставника» (Т85). Количество форм с *ж* для этого слова в Сибирских летописях преобладает. Безразличное употребление форм *вождь* и *вож* в значении 'вождь', 'руководитель, предводитель' осложняется их семантической дифференциацией. Слово *вож* имеет самостоятельное значение 'проводник', не свойственное слову *вождь*: «і вожевъ, вѣдущихъ той сибирский путь, и толмачевъ бусурменского языка имъ даша» (С11), «многие запасы у Строгановыхъ, ружье і вождѣй взялъ и бѣжа по Чюсовой» (М317). Ни один случай употребления этого слова в Сибирских летописях в форме с *жд* не отражает этого значения.⁷⁹

Такое же безразличие наблюдается в употреблении форм *хожение* — *хождение* ('поход'): «і в томъ хоженіи убиша подь городки своими на приступе атамана Никиту» (С29), «і на томъ дѣле в хожденіи ихъ убиенымъ вѣчная память большая» (Е167).

Равноправность в употреблении слов с *жд* и *ж* особенно отчетливо проявляется тогда, когда имеются разночтения, в которых слова с формами *жд* и *ж* заменяют друг друга. Таких случаев в Сибирских летописях очень много. *Похождение* ('поход'): «сія історія... о походе и ратоборстве и семь дѣле атамановъ и казаковъ Ермака» (Т92), «о поставленіи городовъ... і о отпушеніи в Сибирь атамановъ и казаковъ... и о походе и ихъ казачьемъ в Сибирскихъ странахъ» (С45) (см. для последнего примера в одном списке разночтение «о походе»). *Гражданин* — «и бысть боязнь гражданомъ» (М359), «многую же тесноту дѣяше гражданомъ» (Е145) — в двух списках читается «гражданомъ», в так называемой редакции Есиповской летописи по Румянцевскому списку это место читается также «гражданомъ» (Р267). *Неврѣженный* — «и та мѣста проидша ничимъ неврежени отъ Татаръ» (С20), в одном списке читается «неврежени»: «и то мѣсто проплыша ничемъ не врежени» (Е127) — в четырех списках летописи и в так называемой редакции Есиповской летописи по Погодинскому списку это место читается «не врежени» (Е277).

Некоторые слова с приметами *жд* и *ж* употребляются в Сибирских летописях только в одной из этих форм. В большинстве случаев, как и слова предыдущей группы, они используются без какой-либо жанрово-стилистической нагрузки и отсутствие параллельных к ним форм объясняется безразличием в использо-

---

⁷⁹ По данным начала и середины XIX в., слово *вож* известно в старожильческих сибирских говорах в значении 'лоцман': П. Я. Черных. Из диалектических заметок. «Сибирская живая старина», вып. VIII—IX. Иркутск, 1929, стр. 182.

вании слова в той или другой форме или преобладанием употребления одной из этих форм. *Надежда* — «и никоея надежди мошно имѣти ему животу своему, и побеже в стругъ и не може дойти своихъ си» (С38), «и на Пречистую... Богоматерь... надежду возложиша» (М355) (ср. слово «надежа» в Польск. д., 1514 г., Жит. Рост. и др.). Не ограничены в своем употреблении в XVII в. также слова этого корня *надежный* и *надежно*. *Надежный* — «ему утѣху надежну подаль» (М347) (известно в памятниках всех жанров). *Надежно* — «и по той воде надежно плавати, которая преждѣ необычно волновалася» (М363).⁸⁰ Также только рамками текста объясняется наличие в Сибирских летописях слова *нужда* лишь в форме с *жд*: «а нужде всегда пособляти» (М363).⁸¹ Только в форме с *жд* в Сибирских летописях употребляются слова *рождение*: «о себе же Ермакъ известие написалъ, откуда рождение его» (Б305), «велій Господь Богъ... ежѣ подаетъ рабомъ своимъ отъ рожьдения якожь Самсону исполинство, такое Ермаку Тимофееву сыну Поволскому даде силу» (М312); *рождатися* — «сынъ праведенъ раждается в животъ, желание праведныхъ всехъ благо» (М362); *рождший* — «о Владычице, рождаша Христа Бога нашего» (М357); *прежде* — «воинскими людьми, иже прежде бывшихъ в Сибирской землѣ войною» (С39) (см. пример, где оно употребляется в форме *прежь*: «збегоша отъ града своего, идѣшь прежь сего бысть в Сибири татарскій ихъ городъ столный» (С42) — впрочем, с разночтением в одном списке — «прежде»); *одежда* — «Остяки же одежду имѣють отъ рыбъ» (Е112). Все они известны памятникам письменности с древнейших времен. Длительность их существования в языке способствовала образованию от них гнезд производных слов (ср. *рождение* — *рождатися* — *рождший*). Как видно из вышеприведенных примеров, они употребляются как в контекстах высокого стиля, так и в нейтральных, причем свойственный некоторым из них характер книжности придается не *жд*, а другими элементами, например наличием суффикса *-ние*. Это говорит о том, что большинство из этих слов было хорошо усвоено русским языком.

Некоторые слова, имеющиеся в наших памятниках только в форме с *жд*, являются поздними словами. *Награждение* — «послано... Ермаку... его царского величества жалованье... и награждение денегъ и сукна» (Б301); *награждать* — «награждать вась своимъ государскимъ жалованьемъ» (Б300). Оба слова известны нам в других памятниках только XVIII в. По-

⁸⁰ См. его в ДАИ, 1667 и 1674 гг., Львов, лет., ч. 1 и др.

⁸¹ Картотека ДРС показывает широкое употребление этого слова в памятниках XVI—XVII вв. всех жанров как в форме с *жд*, так и в форме с *ж*: *нужда* (ДАИ, 1677, 1668 и 1684 гг., Дон. Дела, 1660 г., Чел. Авраам. 1669—1670 гг., Псков. I лет.), *нужа* (Ч.-М., а также в многочисленных деловых памятниках).

явление их в позднее время вряд ли можно связывать со вторым южнославянским влиянием. Они употребляются в нейтральных контекстах, а не являются достоянием высокого стиля, как было бы в случае возникновения слов в результате второго южнославянского влияния.

Слова с *щ* и *ч*

Сибирские летописи представляют ряд слов в форме со старославянским *щ* на месте русского *ч*. Слова с *щ* в некоторых случаях полностью тождественны как семантически, так и по характеру своего употребления словам в форме с *ч*.

Мощь — *мочь*: «прииде Карача со многими своими людьми в силе и в мощи своей» (С35), «да скажетъ салтану Кучюму... всю ихъ храбрость и мужество и мочь и силу» (Т65), «скочилъ с яру в судно в стругъ свой і прескочилъ три струги мочию своею, паде в воду в великую рѣку Иртишъ» (О377) (последнее имеет несколько отличное значение).

Помощь — *помочь*: «посланнии приидоша къ намъ отъ честныхъ людей і зваху ихъ к себѣ на помощь» (С8), «помощи ни откуды не получаемо» (Т83), «призва к себѣ оманомъ, бутто на помочь отъ Казачьи орды людей» (П292) (ср. имеющееся в наших памятниках слово *помогание*: «добро намъ итти на помогание такимъ честнымъ людемъ» — Т56; «начаша думати... итти ли имъ на помогание к Строгановымъ» — Т55).

Нощь — *ночь*: «нощию вси изыдоша» (Т71), «и поиде на Карачю нощию тайно» (Т80), «сия жъ ночь бысть темна и мрачна и дождлива» (Т82), «нощи пришедши, тмѣ нашедши» (С21), «и ту бишась 3 дни, день и ноць» (М323) и др. Лишены жанровой ограниченности и производные, имеющиеся в наших памятниках только в форме с *щ*. *Полунощъ* — «время жъ бѣ наста яко в полунощи» (С37), «в полунощи нападѣ на Ермака с дружиною Кучюмъ со множествомъ вои» (М344); *полуношный* ('северный'): «чего ради в Сибири земля и царство и принадлежащая страны к ней полуношныя все Сибирь прозвася» (У171); *нощной* — «уже бо нощнѣй тмѣ нашедши» (С27), «стражъ нощный Фома Халцыбѣевъ» (М358).⁸²

Однако процесс смешения старославянских и русских форм в эпоху XVII в. затрагивает слова с *щ* из всех форм со старо-

⁸² См. слово *нощной* в других памятниках: «нощные часы» — ДАИ, 1676 г., «нощной сторож» — АИ, 1674 г., «нощная стража» — Псков. II лет.; ср. материалы для слова *нощной*: «нощные свечи» — АИ, 1563 г., «нощная пора» — ДАИ, 1671 г., и др.

славянскими приметами наименее всего. Вышеприведенными примерами исчерпывается жанрово-стилистически и семантически тождественное их употребление в Сибирских летописях.

Большинство слов с *щ* и *ч* имеют в Сибирских летописях или семантическое, или жанровое разграничение. Например, некоторые из вышеприведенных слов, помимо тождественных значений, употребляются в самостоятельных значениях. См. слово *мочь* в значении 'возможность': «какова имъ дань в мочь будетъ» (Т54), «каков имъ государевъ ясакъ в мочь будетъ» (Т92).⁸³ Слово *мочь* в этом значении употребляется большей частью в памятниках деловой письменности. Подобный же характер оно имеет и в Сибирских летописях. Соответственно получает значение и употребление и его производное *мочно* ('возможно'): «како бы имъ мочно и поволно отъ своих недруговъ... оберегати» (Т48), «а мочно было в Сибирь и по вестямъ смотря посылать» (Т63). Слово *мочно* в таком значении очень часто встречается в деловых памятниках.

Слово *помощь* имеет самостоятельное значение 'защита, покровительство' (в отличие от *помощь*, тождественного значению слова *помочь*): «ничемъ Божию помощию не вредими» (А6244), «и призывати на помощь скверныя своя боги» (А6246), «надеясь на помощь Божию» (А6254), «видевъ же граждане і яшася за помощь Вышняго» (М359). Как видно из вышеприведенных примеров, в этом значении слово принадлежит церковному языку.

Ярко выраженную жанровую ограниченность имеют и другие слова Сибирских летописей в форме с *щ*. См., например, слово *дщерь*: «і виде Господь и возревнова і разгнѣвася гнѣвомъ ради сыновъ ихъ и дщерей» (Е121). Обратим внимание на то, что эта цитата принадлежит Есиповской летописи. Во всех других случаях в наших памятниках употребляется слово *дочь*: «ѣхавъ Кучюмъ в Казань и дочь Казанского царя Мурата взять въ жену» (М319), «взяша Кучюмовы 3 сына, 2 дочери, 6 женъ и многоі полонъ взяли» (М352) и др. Показательно, что все эти случаи не имеют обратных разночтений.

Жанрово-стилистическая ограниченность форм на *щ* в Сибирских летописях соответствует такому же характеру их употребления в других памятниках XVII в.⁸⁴

Интересно встречающееся в Сибирских летописях слово *укрочение* в значении 'укрощение': «по укроченіи нечестиваго царя Кучюма» (Т91). В подобной форме это слово в других памят-

---

⁸³ См.: «по их мочи ясакъ платити» — ДАИ, 1678 г.; «не стало мочи» — ДАИ, 1685 г.; «не в мочь» — Гр. Сиб. Миллер.

⁸⁴ См., например, об этом в указанных выше статьях Н. В. Юстратовой, В. М. Максимова, Дж. А. Гарибян.

никах нам неизвестно.⁸⁵ Возможно, она является намеренно русифицированной формой этого слова.

ПРИЧАСТИЯ

Сибирские летописи имеют причастия во всех их формах. По количеству среди них преобладают причастия на *-щий* и *-енн-* (40 причастий на *-щий* и 40 на *-енн-*).

Поскольку причастия связаны со старославянским языком только как морфологическая категория, при их изучении очень важен вопрос о характере производящих глаголов, так как характер глаголов, от которых в русском письменном языке могли образовываться причастия, был исторически изменчив. Кроме того, употребление причастий в письменности в различные периоды истории русского языка было ограничено определенными жанрами.

С. Д. Никифоров утверждает, что причастия действительного залога еще во второй половине XVI в. были принадлежностью только книжной письменности. «Полные причастия настоящего и прошедшего времени, в частности в составе причастного оборота, принадлежат книжной речи. В бытовом и канцелярском языке эти причастия имеют значение прилагательных, а причастным оборотам в нем соответствуют зависимые (относительные) предложения, присоединяемые союзными словами „который“ или (реже) „что“, „кто“». ⁸⁶

Однако в Сибирских летописях только небольшое количество причастий на *-щий* употребляется в контекстах высокого стиля, при этом здесь могут употребляться также и причастия в значении прилагательного. *Алчущий* — «брате, буди слепымъ око, хромымъ нога, алчущимъ пища» (М366); *указующий* — «видеша огненный столбъ и градъ, и звонъ до облакъ, и указующаго перстомъ на мѣсто» (М329); *точащий* — «да снидутся видѣти нетленнаго Ермака, точащаго кровь живу» (М345); *належащий* — «расточити належащѣи на ны страхъ и трепеть» (М355); *уповающий* — «но благоволить Господь не боящихся Его и уповающихъ на милость его» (М357); *творящий* — «і всякое древие творящее плодъ» (Т59); *хранящий* — «послѣдній чинъ хранящихъ и в безмолвіи сидящихъ» (М364); *глаголящий* — «і сего ради погибѣ по глаголящему» (прибавлено в Т2

⁸⁵ В форме *укрощение* оно отмечается в памятниках высокого стиля: «укрощение мятежныхъ градовъ» (Панг. Похв.), см. также Стефанит XVII—XVIII вв., Сим. Посл. Бес. и др.

⁸⁶ С. Д. Никифоров. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М., 1952, стр. 285.

пророку, — О. П.)» (Е118); *прославляющий* — «Христианскаго Бога и пребывающаго во вѣки прославляющаго Бога» (М345) и др. Особо отметим слово *пресловущий*: «не многими вои такое пресловущее царство взято бысть» (П280) (в адъективированном значении 'знаменитый' 'всем известный'). Оно принадлежит высокому стилю письменности,⁸⁷ однако в Кунгурской летописи встречается в контекстах разговорного языка: «Максимъ Строгановъ тѣхъ пресловущихъ воровъ Ермачка Поволскаго с таварищи з запасы и с ружьемъ отпустил» (М314).

Основная масса причастий на *-щій* употребляется в Сибирских летописях очень широко: *идушій* — «идушему на лыжахъ валы бывають напреди и созади» (М331); *прилежащій* — «по всей Сибирской земли и к ней во прилежащихъ странахъ» (У234); *принадлежащій* — «Гисторія о Сибирстей земли и царствѣ и к нему принадлежащихъ странахъ» (У171); *спящій* — «поганымъ же спящимъ безо всякого опасения» (С36); *поведающій* — «царь же Кучюмъ слыша сия отъ повѣдающихъ ему» (Е140); *знающій* — «и взя съ собою тутошнихъ людей, знающихъ жителей» (У194); *плавающій* (П292); *приходящій* — «точно слыхомъ отъ приходящихъ пренесеся слово» (М314); *храбрствующій* — «того жь лѣта, храбрствующу Ермаку з дружиною своею» (С28); *помнящій* — «нача роспрашивати вѣдущихъ людей и помнящихъ про тѣхъ волскихъ атамановъ» (Т95); *знающій* — «добриі змерли, а іные бѣжали, а не знающие не попали в Серебренку в устие» (М314); *царствующій* — «царствующій градъ Москва» (С33) и др.

Это говорит о том, что причастия на *-щій* проникают во все жанры письменного языка.⁸⁸ Причастия на *-щій*, употребляющиеся нейтрально, чаще, чем причастия высокого стиля, встречаются в значении прилагательных (см. некоторые из приведенных выше примеров). Вместе с тем причастия на *-щій* в XVII в. от глаголов разговорного характера не образовывались. Сибирские летописи не имеют ни одного такого причастия, образованного от глагола разговорного характера. Эту особенность причастия сохраняют в русском письменном языке, как правило, и в начале XVIII в. Ломоносов строго ограничивает возможность их образования: «Действительного залога времени настоящего причастия, кончающіеся на *-щій*, производятся от глаголов славенскаго происхождения: *вѣнчающій, пишушій, питающій*, а весьма непристойно от простых российских, которые у славян

⁸⁷ См. его в Елиф. ж. Серг., Ст. П., Паф. н. Б., Пв. Обн., Ч.-М. и др., часто в сочетании «пресловущий град Москва».

⁸⁸ О наличии причастий на *-щій* в книжной, а также деловой письменности, где они часто терминологизируются, см. также: Е. Л. Голубева. Взаимодействие русских народных и старославянских элементов речи в русском литературном языке XVII в. Ученые записки Калининградского пед. инст., 1960, вып. VII, ч. I, Филологические науки.

неизвестны: *говорящий, чавкающий*». ⁸⁹ Только в редких случаях в памятниках имеются отклонения от этой нормы. Например, по наблюдениям Е. Т. Черкасовой, в Вейсманновом Словаре 1731 г. встречается стилистическое смешение в области употребления причастий. «Из единичных случаев употребления причастий действительных один пример дается в контексте, полностью противоречащем понятию высокого стиля: „Лѣкаръ, врачъ по ярманкамъ волочашіися“». ⁹⁰

В меньшей степени характерны для Сибирских летописей причастия на *-ши, -вши* (10 причастий). Характер глаголов, от которых они образованы, а также особенности их использования в наших памятниках дают основание предполагать, что они не имеют ограниченности употребления в письменности. *Истекший* — «і блата собрашася отъ истекшихъ кровей тогда» (Е130); *списавший* — «вся же сия диаволска дѣйства і волшебство списавшаго очеса видѣша» (О397); *пострадавший* — «і имена ихъ со прочими . . . пострадавшими за святяга Божия церкви в тотъ синодикъ вписати» (Т95); *оставшийся* — «и с прочими оставшимися воинскими людми» (С39); ср. *оставший* — «и доиде и обрѣте мѣсто и ста ту со оставшими людми» (Е159) (обратим внимание на то, что употребление причастий от возвратных глаголов с опущением частицы *-ся* свойственно русской народной речи); ⁹¹ *нашедший* — «и повелѣ имъ мужски ополчиться противу нашедшихъ русскаго воинства» (С19); *состарившийся* — «сострѣвшимся людемъ на послушание» (Т95); *пришедший* — «о покореніи Сибирскихъ Татаръ и Остяковъ . . . и о принесшихъ дары и запасы» (У175); *погибший* — «и зело восплакася окаянный о множествѣ вои своихъ погибшихъ» (С26).

Из вышеприведенных примеров видно, что причастия на *-вши* в Сибирских летописях употребляются во всех летописях и редакциях и не ограничены какими-либо жанрово-стилистическими рамками.

Такое же количество и такой же характер имеют в Сибирских летописях причастия на *-енн-*, еще больше, чем причастия на *-щий*, в своем употреблении приближающиеся к прилагательным (ср.: «Полные страдательные причастия настоящего и прошедшего времени употреблялись в предложении только в качестве атрибута и были во второй половине XVI в. принадлежностью книжного языка»): ⁹² *ухищренный* — «ухищренныи мужъ

⁸⁹ М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 7., Изд. АН СССР, М. — Л., 1952, стр. 546.

⁹⁰ Е. Т. Черкасова, О взаимодействии русских народных и церковнославянских элементов речи в русском литературном языке доломоносовского периода, стр. 245.

⁹¹ См. об этом, например: С. П. Обнорский, Очерки по морфологии русского глагола, стр. 194.

⁹² С. Д. Никифоров, Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века, стр. 338.

не имать противитися нещастию» (М363); *ударованный* — «ударованную милость Божию к роду крестьянскому» (П280); *обнаженный* — «в левой же (руке, — О. П.) обнаженный мечь имуще на ня» (М324); *неповинный* — «неповинныя и непослушливые повинные бысть» (П282); *строенный* — «а подь горою по рекѣ Иртышу луги великие і озера все благополучные Богомъ строенное место» (П291); *показанный* — «государевыхъ воеводъ... показанное мужество» (Т93); *изорванный* — «зелне устремишася дратися, яко и теламъ ихъ изорванымъ быти вѣще перваго» (М328); *побиенный* — «видѣ своихъ воинновъ отъ поганыхъ побиеныхъ» (Е148); *собранный* — «91 году... послалъ Ермакъ... собранной ясакъ» (М339); *построенный* — «отъ Нерчинского... города... построенаго лѣта 7159-го охочими сибирскими козаками» (О389); *приближенный* — «посемже думной и приближенной первой двора его Карача отъѣха» (У212); *промышленный* — «и государския люди промышленные и иновѣрцы... кость рыбию емлютъ себѣ» (О387); *пашенный* — «с того города... і со всего уѣзду с подданныхъ пашенныхъ Богдуйцовъ... воевода собираетъ дань всякимъ яровымъ хлѣбомъ» (О391);⁹³ *предиреченный* — «паки на предирѣченное возвратимся» (М321); *уреченный* — «поганіи же собращася во уреченномъ мѣсте у реки Иртиша» (С40); *преждеглаголаный* — «и паки царь послалъ по преждеглаголанному словеси» (У220).

Не ограничены какими-либо рамками в своем употреблении и причастия на *-м-* (в Сибирских летописях их 14). *Ведомый* ('известный') — «ведомой ты и славной воръ» (М352); *рекомый* — «на рѣку, рекомую Жаравли» (С11), «в нихъ же бысть старейшина ихъ атаманъ рекомый Ермакъ с товарищи» (У193) (см. разночтение: «по сей же рѣкѣ жителство имѣють людие, рекоміи Вогуличи — глаголемыя Вогиличи» — Е110—П271); *зовомый* — «на горѣ рекомѣи Чювашеве» — «на высоте мѣстѣ, зовомомъ Чювашеве» (разночтение Е128—П277); *водимый* — «о храбрости рускаго полка, собранаго водимаго атаманомъ Ермакомъ Тимофѣевымъ» (Е105); *утешимый* — «и бысть плачь не утѣшимъ» (Т83); *непобедимый* — «таковымъ оружиемъ непобѣдимымъ вооружився» (М357); *гонимый* — «да будутъ они ни кимъ же гоними» (Т94).

Из рассмотрения причастий в Сибирских летописях видно, что только в небольшой своей части (преимущественно причастия на *-ций*) они являются принадлежностью высокого стиля.

⁹³ О не ограниченном жанрово-стилистическими рамками употреблении страдательных причастий прошедшего времени в памятниках, отражающих разговорный язык, см.: Р. Ф. Титова. Причастие в Азовских записных книгах конца XVII в. Труды Воронежского ун-ва, 1958, т. 51. Сб. работ историко-филологического факультета, вып. 2.

Основная же их масса является достоянием письменного языка во всех его жанрах. Вместе с тем они не имеют в наших памятниках образований от глаголов разговорного характера.⁹⁴

СЛОЖНЫЕ СЛОВА ВЫСОКОГО СТИЛЯ

В Сибирских летописях имеется группа сложных слов, по способу своего образования и по своему употреблению принадлежащих высокому стилю письменности. Наиболее характерными для этой группы являются слова, в которых первая часть служит лишь средством эмоционального усиления значения второй части. Такие сложения совершенно не свойственны языку за пределами высокого стиля, в котором они являются одним из средств «плетения словес» и где они очень продуктивны. См., например, слово *злоокаянный*: «уклонишась в злоокаянную свою мысль, хотя ихъ похитити» (С35). Значение этого прилагательного полностью выражено в части *-окаянный*, первая часть — *зло-* выполняет лишь функцию эмоционального усиления ее значения.⁹⁵

Многие сложные слова высокого стиля известны в древнейших памятниках. Значение некоторых из них складывается из суммы смыслов обеих частей слова. См., например, *зломысленный*: «самъ же зломысленной Карача» (П287), ср. *зломыслие* — «обличи бо ихъ зломыслие Богъ» (М350). Но и среди древних сложений есть слова, в которых первая часть имеет лишь эмоциональную и лишена семантической нагрузки: *злокозненный* — «злокозненный дьяволь . . . поощри злого и безбожнаго . . . мурзу» (С9). Сложения с *зло-*, употребляющиеся в Сибирских летописях, часто являются словами позднего образования. У них особенно чувствуется оценочная роль первой части: *здохитрый* — «і умысли здохитрое коварство в сердцы своемъ» (С12) — известно в книжных и летописных памятниках с XVI в. См. также слова *здохитрство*, *злоокаянный*.

Среди древних слов много сложений с *благо*: *благоволить*, *благословить*, *благословение*, *благодать*, *благополучный*.

Принадлежат высокому стилю также слова *самовластно*, *братолюбие*, *всекрасный* (известны с древнейших памятников),

⁹⁴ Об отсутствии в древнерусском языке причастий на *-м-* от глаголов разговорного характера см.: Д. С. Гальперина. Причастия на *-ем-* в памятниках русской письменности XI—XVII вв. Ученые записки Ленинградского пед. инст. им. А. И. Герцена, 1959, т. 202, Кафедра русского языка и литературы.

⁹⁵ См. о подобных прилагательных: Л. Л. Кутина. Лексика исторических повестей о Смутном времени . . . , стр. 14.

сладкопесневый (в пам. с XVI в.), *долгоденствие* (с XVI в.), *каменносердечный* (см. его в Львов. лет., ч. 1, Пам. См. вр.).⁹⁶

О продуктивности и свободе образования в высоком стиле сложных слов такого рода говорит то, что некоторые из них употребляются только в небольшом количестве памятников или известны нам лишь в Сибирских летописях: *злоратный* — «си же злоратные мужие убиние и дерзость свирѣподушную показоваху» (Е129);⁹⁷ *злоначинание* — «множество ратныхъ людей . . . послать на . . . Ермака . . . унять ихъ отъ такова злоначинания і самоволства» (О368),⁹⁸ а также *светлоречивый*, *новосозиждающий*, *свиреподушный*.

Среди сложных слов высокого стиля, употребляющихся в Сибирских летописях, есть по происхождению кальки с греческого. Например, слово *красногласование* отмечается проф. Истриным в переводе «Хроники» Георгия Амартола как перевод греч. *καλλιφωνία*.⁹⁹ Сложения с *красно-* в высоком стиле были традиционны (см. большое количество их в Сл. Срезневского). Кальками с греческого являются также слова, сложные с *много-* (греч. *πολυ*). См. в Сибирских летописях *многоценный*, *многоразличный* (известны с древнейших памятников). См. также *многосилство* (отсутствует в других, известных нам памятниках).¹⁰⁰

Заметим, что даже такие специфичные для книжного стиля слова могут служить моделью для образования слов, выходящих за его пределы. *Многолюдство* — «повѣда . . . про ихъ житіе и кочевное пребывание и про ихъ улусы и многолюдство» (Т65) (известно в многочисленных деловых памятниках с XVII в.). Такой же характер имеет слово *малолюдство*: «и убояшася жити за малолюдствомъ во граде Сибири» (У222).

Сложные слова высокого стиля встречаются чаще всего в Ремезовской летописи. В Описании Сибири их очень мало. Наличие сложных слов высокого стиля в Сибирских летописях служит почти единственным проявлением существующей в это время тенденции к архаизации письменного языка.

⁹⁶ Интересно отметить употребляющееся в Сибирских летописях сложное слово *святोरусский*, которое (по данным Картотеки ДРС) характерно для фольклорных произведений: «за Святорускую землю и за святяга Божия церкви» (Т93). Оно известно в ВВП («святорусская земля»), Былинах Тихомирова («святорусская дорога»), у Кириши Данилова («святорусские богатыри»), Онежских былинах Гильфердинга («святорусские богатыри»), Песнях Рыбникова («святорусская земля»), а также Азовских повестях, которые содержат много фольклорных элементов («святорусские богатыри»).

⁹⁷ См. в Хронографе 1512 г. — «злоратная рать».

⁹⁸ Ср. существительные *злоначинатель* в Ж. Стеф. Перм. Епиф. XV в., сп. XVI в. и *злоначинательство* в Розыск. о Шаклов. 1689—1691 гг.

⁹⁹ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь, т. II. Пг., 1922, стр. 190.

¹⁰⁰ Ср. прилагательное *многосилный* в Чел. Авраам. 1669—1670 гг., Перс. д., 1616 г., Науке краснор.

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА И ЛЕКСИКА НЕХРИСТИАНСКИХ РЕЛИГИЙ

В ином плане, чем книжная, должна рассматриваться эмоционально окрашенная лексика. Однако некоторые разряды эмоциональной лексики имеют древние традиции употребления именно в письменном, книжном языке.

Как уже говорилось неоднократно, большинство Сибирских летописей представляет поход Ермака как миссию распространения христианства среди «неверных». Это определяет характер названий, которыми наделяют авторы Сибирских летописей татар и других иноверцев, воспринимаемых обобщенно, без различия их вер.¹⁰¹ Эти слова обычно экспрессивно окрашены, часто синонимичны между собою. Древнее слово *поганый* (прилагательное и субстантивированно): «русстїи же вои . . . видѣвше таковое поганыхъ собрание, того нимало устрашишася» (С19), «поганые агаряне» (С34). См. также *поганский* (только как прилагательное): «со многими разными неверными поганскими языки» (У172); *поганец* — «богоненавистнымъ поганцомъ бесурманскимъ» (Т88); *супостат* — «егда идяше на брань противъ супостатъ» (М356); *бусормен* (а также *басурман*, *бусурманин*, *бусурманин* и др.):¹⁰² «и многихъ побываше бусормень и живыхъ яша» (С43); *бусорманский* — «посла Богъ очистити мѣсто і побѣдити бусорманского царя Кучюма» (Е122) (с различениями «бесерменского», «бисерменского» и др.), см. также *безерменство*: «посла Богъ очистити место идолское и победити царя Кучюма и бѣзерменство его» (П275); *варвар* — «очистити мѣсто и отогнати безбожнаго варвара» (С11); *богомерзкий* — «и . . . мнози покоришася и оставльше свою богомерзъскую вѣру» (С44); *богоненавистный* — «богоненавистнымъ поганцомъ бесурманскимъ» (Т88); *нечестивый* (прилагательное и субстантивированно): «і бияше . . . нечестивыхъ Божию помощію» (Е166), «помолимся Богу . . . дабы сохранени были отъ нечестивыхъ и окаянныхъ враговъ нашествія» (С23); *некрещеный* (прилагательное): «Ермакъ . . . поиде судами з дружиною своею храброю, с иновѣрцами, некрещеными людьми, с подданными прежняго взятого Казанского царя Симеона» (О368); *звероядец* — «сія жъ вся лютїи они звѣроядцы глаголаху с лестїю» (Т88); *зверообразный* — «и прегордыхъ звѣрообразныхъ людей в ней

¹⁰¹ См. у А. С. Орлова: «Как известно, именем „поганых“ назывались на Руси не только тюрко-татарские племена, но и вообще все иноверцы, что встречается даже в XVII в.» (А. С. Орлов. Об особенностях формы русских воинских повестей. М., 1902, стр. 33).

¹⁰² См. о его этимологии: Russisches etymologisches Wörterbuch von Max Vasmer, Bd. 1. Heidelberg, 1953; Bd. 2, Heidelberg, 1955; Bd. 3, Heidelberg, 1958; всюду далее — Сл. Фасмера, т. I, стр. 60.

усмирить» (Т95); *сыроядец* — «сыроядцы, звѣрина же і гадская мяса снедающе, скверна і кровь пияху, яко воду, отъ животныхъ» (Е112). Эти слова широко употребляются во всех наших памятниках (*некрещеный* — только в Описании), часто являясь эмоциональными синонимами, имеющими незначительные семантические различия. В разночтениях они заменяют друг друга: Е124 — «побѣдиша шатания поганыхъ», в том же тексте в У192 — «победиша шатание нечестивыхъ Агарянь». Все перечисленные слова (кроме *некрещеный*) употребляются в летописных и книжных памятниках с древнейших времен. В более позднее время образовалось, видимо, слово *идолопоклонник*: «паче же і идолопоклонник[ом]ъ правило предлежитъ» (Е119) (известно нам в памятниках XVII—XVIII вв.);¹⁰³ *идолопоклонный* — «и шертовали по своей нечестивой идолопоклонной вѣре» (О393) и *идолопоклоннический* — «и построены зѣло изрядные идолопоклоннические... монастыри» (О396). В известных нам памятниках из этих прилагательных отмечается лишь второе (а также существительное *идолопоклонение*), причем только в XVIII в.¹⁰⁴ См. еще *безверный*: «повѣриша ихъ безвѣрному шертованью» (С34). Известно в памятниках XVI—XVII вв.¹⁰⁵

В Сибирских летописях христианская религия всегда противопоставляется нехристианским. Поэтому только немногие слова могут одновременно использоваться по отношению к христианской и нехристианским религиям (например, см. во второй главе о словах *молитва* и *моление*). Применяясь к нехристианским обрядам, такие слова часто получают отрицательные оценочные определения: «скверную бусорменскую молитву» (С24) или «великое болванское моление» (М326). Большинство слов, употребляющихся для обозначения понятий нехристианской религии, обычно также получают эмоционально отрицательные эпитеты или сами ярко окрашены эмоционально. *Боги* (во мн. ч.) — «и начаша призывати к себѣ на помощь скверныя своя боги» (С24), «поганыя боги» (Т91), «посла Богъ... разорити боги мерския и ихъ нечестивая капища» (Е122). Сочетание *боги мерзкие* имеет устойчивое употребление (ср. разночтение в редакции Ундольского Есиповской летописи: «разорити богонерская ихъ капища» — У190).

Для обозначения нехристианских божеств и их изображений используются термины языческого культа.¹⁰⁶

¹⁰³ Козм. 1670 г., Авв. Ж., Географ. 1710 г. и др.

¹⁰⁴ Кн. о покор. Китая 1731 г., Татищев, Разговор о пользе наук 1733 г.

¹⁰⁵ Швед. д., 1556 г., Астрах. а., 1614 г., Львов лет., Соф. вр.

¹⁰⁶ Стремление не употреблять христианскую терминологию при описании других религиозных культов и использование для этого языческих терминов характерно для древнерусских памятников вообще. См. это, например, в сочинениях Спафария о Китае (М. А. Момина. Этнические термины и названия должностных лиц и сословий в русском языке XVII в. На материалах Описания Китая Н. Г. Спафария. Канд. дисс. Л., 1965, стр. 461).

Идол — «поклоняются же идоломъ» (Е110), *идолский* — «і о томъ идолское пророчество збылося» (М326); *кумир* — «на утри жъ поганіи паки придоша к городку и принесоша кумира своего» (С41), см. также *кумирский* — «і многое собрание кумирское спряташа и до сего дни» (М336); *болван* — «иніи же кумиромъ и болваномъ поклоняющесея» (У187), см. также *болванский* — «в Чандырскомъ городке великое болванское моление» (М326). Все эти слова известны в древнейших памятниках.

Для обозначения нехристианских божеств используются также слова, обозначающие «нечистого духа»: *бес* — «поклоняющесея идоломъ и жертву приносяще бѣсомъ» (Т60), см. также *бесовский* — «нынѣ же благочестиемъ сия отпаде бѣсовская служба» (Е125); *демон* — «абызь шейтаншикъ могуще демономъ чинити дива призываниемъ жертвъ ихъ» (М326) (имеется только в Ремезовской летописи). См. также *дьявольский* — «вся же сия дьяволска дѣйства і волшебство» (О397) (ср. *дьявол*: «злокозненный же дьяволъ» (С9)). Все эти слова также известны в древнейших памятниках. См. также слова: *шейтан* — «и ту котелниче шейтанъшики збиратели со всехъ юртъ на молбище къ шейтану» (М334); ¹⁰⁷ *шейтанский* — «поплыша внизъ до. . . молбища шейтанского» (М335); *шейтанщик* — «і в Чандырскомъ городке великое болванское моление, что ихъ абызь, шейтаншикъ могуще демономъ чинити дива призываниемъ, жертвъ ихъ» (М326).

Здесь же рассмотрим лексику, употребляющуюся при описании смерти. Некоторые слова этой группы являются эмоционально окрашенными. Образуется ряд слов с одинаковым значением, но с различной эмоциональной окраской. В плане выражения эмоций используются также и стилистически общие слова.

Стилистически нейтральными являются слова *умереть* (встречается в наших памятниках очень часто) и его синоним *помереть*: «и многие Руские люди померли отъ скудости хлебные» (П284) (известно в XVII в. в многочисленных как деловых, так и книжных памятниках).

Одинаково к своим и к врагам относятся сочетание *скончати живот* и слово *скончатися*: «тако сіи добріи и храбріи воини атаманы скончашася» (С34), «О смерти царя Кучюма, идѣже скончася» (Е159), «и тако животь свой скончаша» (С38) (про казаков) и др. Только по отношению к русским воинам употребляется глагол *измереть*: «и мнози отъ гладу изомроша москов-

---

¹⁰⁷ См. этимологические сведения о нем: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, вып. 1—24. СПб., 1888—1911, стлб. 928 (всюду далее — Сл. Радлова); Этимологический словарь русского языка А. Г. Преображенского (т. I—II, М., 1959, всюду далее — Сл. Преображенского), т. II (дополнение), стр. 84; Сл. Фасмера (т. III, стр. 366). О других иноязычных словах, употребляющихся для описания нехристианских культов, см. в разделе «Иноязычная лексика».

«стии вои и казацы» (С32) и фразеологический оборот *головой складывать*: «во всемъ, аки Богу, великому государю царю своему служити рады и головы свои складывати не пощадимъ» (О373). Оборот *душу извергать* — только по отношению к врагам: «бѣжавъ в Нагайскую землю и тамо... окаянную свою душу изверже» (Т80).

В Сибирских летописях наглядно предстает проникновение лексических средств, ранее ограниченных какими-либо определенными сферами употребления, в разные жанры письменности.

Вместе с тем в них сказывается еще характерное для древнерусского письменного языка наличие жанрово-стилистических границ, которое проявляется в том, что некоторые процессы, протекающие в письменном языке XVII в., затрагивают лишь отдельные его сферы. Значительно различается лексический состав в произведениях разных жанров.

Эти особенности письменного языка XVII в. хорошо проявляются в Сибирских летописях потому, что они принадлежат различным жанрам письменности и различаются временем своего написания.

Лексика письменного языка высокого стиля во многих случаях встречается в Ремезовской летописи. Здесь употребляются многие отвлеченные существительные высокого стиля и сложные слова.

Есть подобная лексика и в Есиповской летописи: слова с неполногласием и *щ*, сохраняющие ограниченность сферы употребления, а также сложные слова высокого стиля. Отличие употребления лексики высокого стиля в Ремезовской и Есиповской летописях состоит в том, что в Есиповской летописи она используется более стилистически выдержанно, чем в Ремезовской, где она смешана со словами различного характера (разговорными и даже диалектными). Стилистическое единство Есиповской летописи может объясняться тем, что она написана в более ранний период (как говорилось во «Вступлении», она создана в 1636 г., а Ремезовская летопись — в конце XVII в.). В начале XVII в. еще в большей степени сказывались следы архаизации в русском письменном языке, в меньшей степени проявлялась стилистическая нивелировка. Меньше всего лексики высокого стиля в Описании Сибири, где из круга книжной лексики употребляются преимущественно слова позднего образования, не ограниченные жанровыми рамками.

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ В СИБИРСКИХ ЛЕТОПИСЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

Изучение специальной лексики древнерусского языка находится в зачаточном состоянии. Остаются неясными вопросы состава отдельных терминологических систем в разные периоды существования древнерусского языка, различие языковых особенностей терминов в эти периоды, принципы различения в древнерусской лексике, с одной стороны, специальной лексики и слов общего языка, с другой — специальной лексики и ее ядра — терминов. Недостаточно ясны также роль и характер употребления лексики функциональных разновидностей языка в сочинениях разных жанров, хотя общее наблюдение в этой области сделано: в памятниках высокого стиля специальная лексика, как правило, не употребляется. Исчерпывающее разрешение всех этих вопросов возможно только в результате изучения лексики большого количества древнерусских памятников.

В нашей работе ставится очень конкретная задача: рассмотреть лексику, выражающую некоторые специальные понятия, употребляющуюся в Сибирских летописях. Мы анализируем лексику трех областей: общественно-политическую (а также социально-экономическую), военную и религиозно-церковную.

Возникновение понятий общественно-политической, социально-экономической и военной сферы происходит, собственно говоря, на протяжении всей истории народа. Поэтому в лексике этих областей отражаются языковые черты разных эпох существования языка. В этом отношении рассматриваемые нами функциональные разновидности языка очень отличаются, например, от языка науки. Возникновение различных систем терминологии науки непосредственно обуславливается развитием той или иной отрасли знаний, начало истории которой можно определить достаточно точно.

Специальная лексика анализируемых нами областей тесно связана с общим языком. Это объясняется прежде всего тем, что ее употребляли широкие массы населения, которые в своей обыденной жизни постоянно вступали в те или иные социально-экономические отношения, а мужчины, как правило, принимали участие в военных действиях.

Военная и общественно-политическая лексика широко употребляется во многих художественных произведениях, посвященных различным вопросам жизни русского народа и не ставящих своей задачей рассмотрение каких-либо узкоспециальных тем. Такая лексика употребляется здесь наряду с специфически книжной и живой разговорной. Во многих случаях для выражения понятий, связанных с общественно-политической и социально-экономической деятельностью или военными действиями, привлекаются слова общего языка.

Сказанное в некоторой степени относится и к религиозно-церковной лексике. Придя на Русь в большей своей части вместе с христианской религией и церковнославянским языком, она, однако, во многих случаях употреблялась широкими массами населения, входила в повседневную бытовую речь. Вместе с тем религиозно-церковная лексика в XVII в. в своем употреблении имеет существенные отличия от общественно-политической и военной.

Характер употребления специальной лексики в литературных памятниках XVII в. определяется разными факторами. Кроме естественной зависимости использования специальной лексики определенной области от темы памятника, очень большое значение имеют, с одной стороны, жанр и стиль сочинения и, с другой — уровень выработанности в языке рассматриваемого периода терминологической системы, которая составляет ядро лексики этой области.

Изучение употребления специальной лексики в древнерусских памятниках в настоящее время производится большей частью только с точки зрения общезыковой, т. е. ставится задача установить на материале памятников наличие в определенный период существования языка какого-либо слова или значения слова, выражающего специальное понятие. Вопрос, как используется такая лексика в памятниках разных жанров, в каком соотношении — стилистическом, лексическом, семантическом — находятся в том или ином памятнике слова, употребляющиеся здесь для выражения специального понятия, изучен мало.

Рассмотрение лексики различных функциональных разновидностей древнерусского языка в памятниках литературного характера не только поможет отчетливо представить себе конкретный характер лексического материала, используемого в сочинениях разных жанров, но даст интересный материал и для анализа самой специальной лексики. Действительно, количество со-

чинений специального характера, которые являются, как известно, главным источником изучения такой лексики, в древнерусской письменности невелико. Кроме того, пути формирования терминов в языке на их материале раскрываются не полностью, так как в этих памятниках мало отражается живое употребление слов в языке во всем многообразии значений и употреблений. Правда, древнерусские литературные произведения, связанные обязательным для того или иного времени и жанра «языковым этикетом», также не могут дать, конечно, реалистического отражения жизни слов в языке, однако они содержат в этом смысле гораздо больше материала, чем специальные сочинения, а иногда и деловая письменность вообще, потому что деловые документы были особенно скованы обязательностью употребления устойчивых сочетаний и застывших оборотов, не свойственных живой речи. Вместе с тем на материале литературных памятников во многих случаях трудно отделить специальные слова от слов общего языка, которые, если специальные понятия близки к бытовым, привлекаются для их обозначения. Основная задача второй главы нашей работы — по возможности исчерпывающе показать все слова, употребляющиеся в Сибирских летописях для обозначения некоторых специальных понятий, и дать им жанрово-стилистическую характеристику.

Ряды слов, обозначающих то или иное специальное понятие, дадут материал для изучения возможности параллельного использования слов, близких по значению, но разной стилистической отнесенности в литературных сочинениях XVII в.

Книжная лексика, употребляющаяся только в памятниках высокого стиля, в живом языке часто была или вовсе неизвестна, или архаична. Поэтому она не включает слов специальной лексики живого практически-делового языка. Лишь в случае расширения сферы употребления книжного слова оно могло стать основой для образования специальной лексемы.

Среди слов, не ограниченных в употреблении сферами высокой письменности, специальные слова и слова общего языка семантически различаются часто недостаточно отчетливо, поэтому, анализируя лексику Сибирских летописей, мы можем не во всех случаях установить, имеет ли слово специальное значение или оно употребляется в общеязыковом значении, только примененном, например, к военному понятию. Выделению специальной лексики могли бы помочь сведения о характере употребления тех или иных слов в специальных сочинениях той поры (судебниках, руководствах по военному делу и т. п.), содержащиеся в работах, посвященных изучению таких памятников. Однако этих сведений в настоящее время еще мало, к тому же в некоторых случаях они не дают возможности сделать какие-либо определенные выводы.

Среди слов, употребляющихся в Сибирских летописях для выражения специальных понятий, мы не старались выделить сформировавшуюся терминованную лексику, т. е. лексику, которая, используясь для обозначения специальных, четко ограниченных друг от друга понятий и приобретая однозначность в той или иной сфере применения, отличается рядом специфических языковых качеств. Выделить такую лексику было невозможно на ограниченном материале нескольких связанных единством сюжета, но не специальных, а литературных сочинений. Лексика, имеющаяся в нашем распоряжении, не давала ответа на многие вопросы формирования терминологии. Например, невозможно было определить полный состав какой-либо терминологической системы XVII в., показать взаимоотношение отдельных ее звеньев. По нашим материалам трудно изучить типичный характер фразового окружения терминов, состав слов-аналогов, выражающих одно понятие, словообразовательную и фонетико-морфологическую вариантность в кругу терминов, родовое и видовое соотношение значений специальных слов. На основе лексики Сибирских летописей невозможно было также определить и изменения в системе терминологии в разные периоды XVII в.¹

В нашей работе делаются лишь отдельные наблюдения, относящиеся к изучению вопросов специальной лексики.

Рассматривая ряды стилистически нейтральных слов, употребляющихся в Сибирских летописях для обозначения некоторых специальных понятий, мы предоставляем материал для изучения терминологии в древнерусском языке. Сопоставительное рассмотрение таких рядов, извлеченных из разных памятников, в дальнейших исследованиях поможет определить исчерпывающий круг слов-аналогов, употребляющихся для выражения того или иного специального понятия в древнерусском языке разных эпох.

Кроме того, в своей работе мы стараемся показать характерные лексические связи анализируемой лексики. С одной стороны, это в какой-то мере определит круг возможностей употребления того или иного слова в языке, семантические и синонимические связи лексики, разной по характеру, с другой — даст материал для рассмотрения путей терминологизации слов. Мы делаем также сопоставление разных слов с одним корнем. Такое сопоставление имеет немаловажное значение для изучения вопросов терминологии. Оно показывает семантическую и грамматическую связь или изоляцию слова от однокоренных слов, что существенно при определении терминологичности значения слова.

¹ См. о некоторых из этих и других аспектах изучения терминологии: Л. Л. Кутина. Формирование языка русской науки. (Терминология физики и механики в первой трети XVIII в.). Л., 1966.

При анализе слов, выражающих специальные понятия, мы указываем, каков характер их происхождения: русское слово или заимствованное, первоначально принадлежит нейтральной или книжной лексике.

В этой же части работы мы рассматриваем некоторые сочетания слов и обороты, характерные для разных жанров письменности.

Определение значения слов дается в общем виде — лишь как указание, что слово обозначает понятие анализируемой специальной сферы.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА

Описывая подлинные события, часто используя при этом деловые документы, Сибирские летописи во многих случаях отражают действительные общественно-политические и социально-экономические взаимоотношения своей эпохи и их лексику. Однако в них рассказывается о событиях, происходящих далеко от центра государственной власти, и мало затрагиваются вопросы имущественных и классовых отношений. Подробно в Сибирских летописях говорится только о действиях административной власти, так как вслед продвигающимся русским войскам правительство посылало своих чиновников, которые административными мерами закрепляли завоевания Ермака и, что самое главное, были призваны наладить регулярный сбор дани — «ясака» с туземцев.

До XV—XVI вв. в общественно-политической лексике различных русских феодальных княжеств использовалась своя, местная лексика, тем более территориально ограниченная, чем самостоятельное было княжество.² Но «интересы общегосударственной службы требуют единых на всей огромной государственной территории орфографических, лексических и граммати-

---

² См., например, о наличии местной общественно-политической лексики в XIV в. в Пскове: С. Г. Капралова. Из наблюдений над словарным составом Псковской Судной грамоты. Ученые записки Московского городского пед. инст. им. В. П. Потемкина, т. XXXIII, вып. 3, 1954; О. С. Жельская. Местная лексика в псковской деловой письменности XIV—XV вв. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике. Ученые записки ЛГУ, № 198, Серия филологических наук, вып. 24, 1956; об отражении псковской и новгородской общественно-политической лексики в Московском летописном своде XVI в.: М. Г. Булахов. Московский летописный свод конца XV в. как памятник русского литературного языка. В сб.: Начальный этап формирования русского национального языка, Л., 1961.

ческих норм». ³ К XV—XVI вв. складывается московский деловой язык, который со времени подчинения областных княжеств Москве оказывает влияние на язык местных канцелярий. Унификация, проявлявшаяся прежде всего в уничтожении диалектных элементов или — в отдельных случаях — их усвоении, коснулась всех сторон делового языка, в том числе и лексики. ⁴ В XVII в. диалектное многообразие общественно-политической лексики исчезает. При этом московский деловой язык основывается на старой традиционной терминологии, имевшейся еще в Киевской Руси. ⁵ Вновь появляющиеся в нем термины становились общерусскими.

При рассмотрении в Сибирских летописях общественно-политической и социально-экономической лексики мы старались привлечь для сравнения подобную лексику в других памятниках близкого времени.

Русская общественно-политическая лексика в Сибирских летописях употребляется также при описании татарского и иного иноземного управления. Поэтому здесь же мы рассматриваем и такое ее употребление.

Верховная власть и управление

В соответствии с традицией летописей и официального делового языка в Сибирских летописях чрезвычайно часто употребляется полный титул главы государственной власти — царя: «благочестивый государь царь и великий князь» (С1 и мн. др.). Слово *государь* вне этого сочетания используется в наших памятниках только по отношению к главе Московского государства. ⁶ В отличие от него второе название — *царь* может отно-

³ П. Я. Черных. О начале и характере формирования русского национального языка. Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М., 1958, № 3, стр. 140.

⁴ Влияние делового языка Москвы, по мнению П. Я. Черных (см. там же), началось прежде именно в лексике: слова, ранее принадлежавшие только московскому деловому языку, попадают в деловую письменность всех территорий. «К концу XVI в., к XVII в. не только окончательно определились нормы и структура московского приказного языка, но и стало очевидным фактом его широчайшее распространение на всей территории Московской Руси, включая сюда и отдаленные сибирские окраины» (стр. 140).

⁵ См. об этом: Б. А. Ларин. Разговорный язык Московской Руси. Сб.: Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961; О. С. Мельская. Судебник 1497 г. и Псковская Судная грамота. Там же.

⁶ Слово известно первоначально в русском языке в знач. 'господин', 'владелец', 'феодал'. Им же обозначается титул высших духовных лиц (архиерея и патриарха). В период возвышения Москвы в качестве титула

ситься не только к Московскому государю, но и Сибирским ханам: «сибирский царь» (С16), «царь Кучюм» (С46), «царь Чингис» (П272) и др. В этом значении к нему имеются разночтения — *султан* и *хан* — см. С2: «и Кучюму бы салтану», С48 — в том же тексте — «царю Кучюму». *Хан* — «у Бошохты хана или у царя Черныхъ Калмыкъ» (О380).⁷

Соответственно различаются в своем употреблении и прилагательные от этих существительных. *Государский* и *государев* относятся только к московскому государю (часто встречается во всех Сибирских летописях), прилагательные же *царский* и *царев* — ко всякому царю: «грамоту свою царскую на тѣ мѣста . . . пожаловаль» (С29) — о государе Московском (в этом значении к слову *царский* имеется разночтение «государский»), «многихъ царскихъ сродниковъ поби» (О393) — «сродников» царя Кучюма. См. также слова *царица*, *царевна*, *царевич*, прил. *царевичев*, которыми называют членов семьи сибирского хана.

Третий титул Московского царя — великий князь. Слово *князь* может относиться также к татарским князьям, вельможам Сибирского царства (что связано, видимо, со старым значением слова *князь* 'правитель княжества', которое переносится и на татарских феодалов), и к русским князьям. Московский государь всегда называется великий князь,⁸ а другие князья — без этого определения. По отношению к более мелким князьям

его присвоили московские великие князья (с XV в.), но утверждается он не сразу. В дальнейшем первоначальные значения этого слова отмирают. См. об истории его значений, например: С. С. Волков. Семантические неологизмы в общественно-политической и социально-экономической лексике судебных актов начала XVII в. «Вестник ЛГУ», № 2, 1960, стр. 110—111.

⁷ До XV в. слово *царь* на Руси употребляется только по отношению к византийским царям и татарским ханам. Впервые по отношению к русскому царю оно употребляется в «Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича царя русского» (XV в.), а в 1547 году закрепляется Иваном Грозным в качестве официального титула. См. об этом: В. Л. Виноградова. Некоторые замечания о лексике «Задонщины». Труды отдела древнерусской литературы. Инст. русской литературы. М.—Л., 1958, т. 14, стр. 201. В деловых памятниках XVII в. слово *царь* употребляется по отношению к главе государства любой страны, а слово *хан* — к главам, правителям государств и племен Дальнего Востока (см. об этом: М. А. Момина. Этнические термины и названия должностных лиц и сословий в русском языке XVII в. На материалах Описания Китая Н. Г. Спафария. Канд. дисс. Л., 1965, стр. 185 и др.).

⁸ Прилагательное *великий* употребляется в наших памятниках чрезвычайно широко и в различных случаях, среди которых его специальное значение определяется употреблением его в сочетаниях, обозначающих титул. См. употребление слова *великий* вне титула: «мужикъ, помни, да какъ ты с такимъ великимъ и полномочнымъ сосѣдомъ ссоришь» (М314). См. примеры параллельного употребления в одном предложении прилагательного *великий* в титуле и для определения большого размера: «указали . . . государи на томъ мѣсте на устья Бѣи і Катуни . . . острогъ поставити и имъ бы великимъ государемъ великая прибыль была» (О383).

Сибирского ханства употребляется уменьшительная форма — *князец*.⁹

Самодержец ('самодержавный правитель'): «царь і великій князь Іванъ Васильевичъ всеа Росіи самодержецъ» (Т50).¹⁰

Московский государь в Сибирских летописях имеет также титул *царское величество*: «при державе царскаго величества царя и великаго князя Иоанна Васильевича» (Б296).¹¹ Слово *величество* в значении титула известно нам в памятниках с XV в.

Для наименования особы, обладающей властью, в Сибирских летописях имеется целый ряд однокоренных слов: *владыка*, *властелин*, *владелец*, *владелец*. *Владыка* — «они жъ видяще се, яко иже, бысть имъ царь и владыка обратися в люта волка» (Т80); *властелин* ('вассал'): «на се ли ты родихся, на такое безчестие и срамъ, яко не токмо царства моего лишихся, но и любимый мой рабъ и присный властелинъ, и той на мя немилостивно восталь» (Т80). Оба слова известны в памятниках с XI в. Первое употребляется преимущественно в книжных памятниках (в деловых оно имеет значение 'духовное звание').¹² *Владелец* — «і отъ хановъ, отъ таишь, сирѣчь с князей і владѣтелей своихъ» (О396); *владелец* — «князь Сейдякъ владѣлецъ бѣ и Салтанъ царевичъ Казачьи Орды» (М350). Оба слова поздние, различаются сферами своего употребления: первое употребляется в книжных, второе — в деловых памятниках.¹³

Синонимично им также слово *господин*: «князя Седяка, иже и бѣ в немъ [в городе] господинъ, победити» (П292).¹⁴ Оно может употребляться и как титул духовного владыки: «и благословениемъ великаго господина святѣйшаго киръ Филарета Никитича, патриарха Московскаго» (У235).

⁹ Русские нередко именовали племенных вождей *князьями* и *князцами* (см. об этом М. А. М о м и н а. Этнические термины и названия должностных лиц . . . , стр. 339).

¹⁰ Древнейшее слово, первоначальное его значение 'властелин'. См. об этом: Ф. П. Ф и л и н. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. Л., 1949, стр. 85. Являясь калькой с греческого, в первое время оно было достоянием книжной сферы. Вхождение его в активный словарь официального языка связано с возвышением Москвы и образованием централизованного русского государства. См. об этом: М. Г. Б у л а х о в. Московский летописный свод конца XV в. . . . , стр. 59.

¹¹ Ср. в значении 'величина': «і в томъ городкѣ спалъ камень с небеси, вѣличество как бы возъ с санми» (М342).

¹² См. о нем: Е. Ф. М и ш и н а. Об источниках юридической и общественно-политической лексики судебников XV—XVI вв. Ученые записки Горьковского ун-в., т. 59, 1960, стр. 160—161.

¹³ См. о них в нашей статье «Некоторые вопросы синонимии русского языка XVII в.». В сб.: Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. Изд. «Наука», М., 1964, стр. 64.

¹⁴ В значении 'феодал', 'хозяин вотчины' слово *господин* известно еще в Русской Правде.

Глаголы с корнем *влад-* хорошо сохраняют семантическую связь с однокоренными существительными. Они известны как в деловых, так и книжных памятниках. *Владеть* ('держатъ в своей власти'): «и сей Упакъ уби зятя своего Мара и градомъ тѣмъ владѣль много лѣтъ» (С18) (ср. *владение* — «о владѣнии Сибирской земли государевыхъ людей Русскихъ» — С46), *завладеть* ('получить в свою власть'): «его же уби и царствомъ его завладѣ» (С18); «изъ царства мя изгна и градомъ завладѣ» (Т70);¹⁵ *властвовать* ('управлять', 'править'): «жителствуютъ мнози ... незнаемыя языцы кійждо собою властвоваху» (Т60) и *владетьствовать* (в том же значении): «пребываше во граде Сибири, до часа воли Божіи владетьствовалъ в немъ» (У223) — книжные слова.¹⁶

Ср. синонимичные по значениям глаголы *царствовать* и *княжить* ('править страной'): «царь же Кучюмъ царствова в Сибири лѣта доволна во изобилии» (Е118); «по немъ же княжилъ в томъ граде сынъ его Ходжа» (С18) (*княжить* в наших памятниках употребляется только по отношению к татарам). В значении 'править' по отношению к русскому царю используется также сочетание *держати скипетр* (чего): «по преставленіи же царя Иоанна Васильевича держа скипетръ Московскаго царства сынъ его благочестивый царь Феодоръ Ивановичъ» (Г309). Ср. «во обдержаніе Россійскому скипетру державству» (У186) без доп. (с разночтением в сп. Б-2: «скипетродержавъцу»). См. также в значении 'править' глагол *державствовать*: «царство Сибирское, в немже державствуетъ царь Кучюмъ» (У194).

Неоднократно упоминается в наших памятниках слово *скипетр* ('знак царского достоинства') (греч. σκήπτρον), см. его в сочетании — *пріять скипетр царства* ('начать царствовать'): «и по немъ прія скипетръ царства сын его, благоверный ... Федоръ» (Б301) (из наших памятников известно только в этом списке). См. также слова *венец* — «і вѣнецъ царский на главѣ его зѣло блещаше» (М360).

Из представителей высшего сословия в Сибирских летописях упоминается *боярин* (вариант *болярин*): «бояринъ князь Иванъ Ондрѣевичъ Хилковъ» (М347); «зздравная чаша ... за князей и за боляръ и за прочихъ» (Т89). Слово употребляется как по отношению к подданным Московского царя, так и к лицам другого подданства: «и зъ Божіею помощію устремишася на городъ Карачинъ, думного Кучюмова боярина Карачи» (М325); «во 167-мъ году ... бояре ... і взяли на царство сего нынѣш-

¹⁵ Слово *завладеть* в таком значении широко употребляется в деловых памятниках XVI—XVII вв.

¹⁶ Картотека ДРС отмечает слово *владетьствовать* в книжных памятниках с XVI в., см. его также в сочинениях XVIII в. — Ист. Мавр. и Систима.

няго подданного Богдуйского князца Богдохана Маху» (О392).¹⁷ См. по отношению к татарам сочетания *удельный боярин*, *удельный князь*: «[Ермакъ] Кучюма царя, удѣльныхъ его бояръ и княжцовъ і подданныхъ ево и ясачныхъ взятіемъ подъ царское величество в подданство побралъ» (О371).

См. также слова *стольник* — «и того жъ 86-го октября 1 день посланъ указъ отъ великого государя со столникомъ Иваномъ Мурашкинымъ по дороге і в Астрахань» (М313); *окольничий* — «приказали околничьи... Умнои... да казначѣй» (С2). См. по отношению к татарам слово *дворецкий* — «посла в Тарханской городокъ к Тархану мурзѣ дворѣцкаго своего Кутугая» (М321). По имеющимся в нашем распоряжении материалам трудно сказать, употребляются ли эти слова (известные с древних памятников) в Сибирских летописях в своих первоначальных значениях (определенные придворные должности) или используются уже просто как почетные титулы, даваемые властителями своим приближенным.¹⁸

Приближенные царя в целом носят название *двор*: «единъ бѣ отъ нихъ, именемъ Таузакъ, царева двора» (С16).¹⁹

Территория государства и административно-территориальное деление

Государство, царство, царствие, держава в знач. 'государство'. *Государство* — «Сибирское государство возьмемъ» (Т56), «великому государю всякъ языкъ дань... даютъ» (Г311); *царство* — «в Китайское царство изо всѣхъ государствъ и земель всякия люди Калмыки і Мугалы... с товары торговать приходятъ» (О381). Оба слова довольно позднего образования. Полное совпадение значений и употребления этих слов в наших памятниках видно из приведенных цитат, а также подчеркивается разночтениями (Е138—П282). *Царствие* — «взято бысть... Сибирское царство... въ вечное во обдержательство

¹⁷ В русских деловых памятниках слово *бояре* также может относиться к представителям высших чиновников или вообще высших слоев общества любого государства. Например, боярами называются английские лорды. Слово *бояре* часто употребляется в соединении с сочетаниями *начальные люди* и *чиновные люди*. См. об этом: М. А. Момина. Этнические термины и названия должностных лиц..., стр. 280.

¹⁸ См. о соотношении этих значений: С. С. Волков. Семантические неологизмы..., стр. 113.

¹⁹ См. в сочинениях Спафария сочетания *дворовые люди* 'придворные', 'дворцовые служители' и *домашние люди* 'слуги' — по отношению к лицам двора китайского императора (М. А. Момина. Этнические термины и названия должностных лиц..., стр. 411).

Російскому скипетру Московского царствия» (У172). В сочетании *царствие небесное* имеет религиозное значение. В деловой государственной и дипломатической переписке в XVII в. может употребляться как синоним торжественного стиля к слову *царство*. *Держава* — «царь... посла въ свою державу в Сибирь воеводъ своихъ князя Семена Болховского» (Е142), «царь же Кучюмъ о семь оскорбися... и посылаетъ во всю [свою] державу по градомъ и по улусомъ [послов]» (С17). В значении 'государство' оно известно в древнейших памятниках. Это слово употребляется во всех Сибирских летописях. Ср. его в значении 'власть': «в лѣта 7089, при державе благочестивого царя і великого князя Івана Васильевича» (Е125); «і воеводъ своихъ отъ себя государя въ нововзятое царство Сибирское в Тоболескъ і в города сибирские для росправы и державы послать» (О376) — в таком сочетании встречается в памятниках часто.

Административное деление территории государства отражается в наших памятниках в словах *уезд*, *волость*, *четверть*, *разряд*. В Сибирских летописях этими словами обозначается всякая земля, в том числе и еще не организованная административно русским государством. Таким образом, значения, существующие у некоторых из них издревле, употребляются расширительно.

Уезд (крупная административно-территориальная единица): «с того города Шингала і со всего уѣзду с подданныхъ пашенныхъ Богдуйцовъ... воевода собираетъ дань» (О391). *Волость* (более мелкая территориальная единица): «[Татары] приходяще кланяхуся съ есакомъ, і все тѣ волости и с Чандыри покорилъ боемъ и добровольно со старейшинами ихъ» (М325), «начаша во многихъ мѣстехъ казаковъ побивати, гдѣ обретаемы бываху по волостемъ і по улусомъ» (Е145), «не смели не токмо руки поднять, ниже слова молвить во всеі волости Надцинской» (М333). *Четверть* (вариант *четь*) — «и тотъ ясакъ посылати к Москвѣ в Новгородцкую четверть [с] своими людми» (Т92), «і ясакъ с нихъ... в Новгородскую четь посылати» (С45).²⁰ Все они известны в древнейших памятниках. *Разряд* — «мимо Тюмени с уѣзды и мимо Сибирскаго царства Тоболска и Тоболскаго розряду и уѣзду» (О370) — более позднее слово, нам известно в памятниках с XVI в., в значении административной единицы — в XVII в.²¹ Из наших памятников употребляется только в Описании Сибири.

²⁰ См. в «Материалах для терминологического словаря древней России» Г. Е. Кочина. М. — Л., 1937 (всюду далее — Сл. Кочина) — «четверть волостная».

²¹ См. «Томский разряд» — ДАИ, 1676 г., «Енисейский разряд» — АИ, 1685 г. и др.

Отдаленные пограничные земли государства носят название *украина* — «и грамота государева на тѣ мѣста въ Сибирскую украину за Югорской камень... дана» (С7), «наши заочные далния украины отъ нашихъ супостатовъ и отъ недруговъ во всемъ оберегать» (Т63).²² *Украинный* — «Ермакъ... бежалъ в украинное место на реку Донъ» (Б296). Известно нам в памятниках XVI в.

Пограничные города определяются как *заставочные* и *заставные* — прилагательные от слова *застава*, которое первоначально имело военное значение 'передовой отряд', а позднее получило значение 'пограничный таможенный пункт'.²³ *Заставный* — «Тарханской же бѣ заставной таможной Кучюмовъ городокъ, а не Чингызовъ» (М321) — зафиксировано в памятниках с XV в. К этому прилагательному, широко употребляющемуся также в XVI—XVII вв., в XVII в. присоединяется параллельная форма *заставочный* в том же значении: «до стѣны Китайской, до перваго заставочного города, городами возлѣ стѣны каменные три недѣли ѣзды до Камбалыка города» (О381).²⁴

Таможный ('относящийся к торговой пошлине — тамге'): «Тарханской же бѣ заставной таможной Кучюмовъ городокъ, а не Чингызовъ» (М321). Известно в деловых памятниках с XV в.

В значении 'граница государства' в Сибирских летописях употребляются слова *рубеж* и *граница*. *Рубеж* — «новыхъ вещей не вносити, а пришлецовъ за рубежъ высылати» (М362), «а отъ улусов Мунгалского хана Калги до китайского рубежа Бойдускаго царя 10 дней» (О381). В наших памятниках это слово встречается только в таком значении, однако в древнерусском языке оно имело и другие разнообразные значения. *Граница* — «до камени Верхотурского, которой камень граница между Московскимъ и Сибирскимъ царствѣ, 2000 поприщъ» (О370) (единственное его употребление в наших памятниках). Видимо, в XVII в. в этом значении более обычным было слово *рубеж*.²⁵

Прилагательное *порубежный* ('пограничный'): «в томъ... порубежномъ городе Шингалѣ отъ царя сидять на воеводствѣ бояре» (О391).

Начальный град ('главный город'). Сочетание имеет значение, приближающееся к значению современного слова *столица*:

²² См. его в Ип. л. и Псков. I лет.

²³ См. о соотношении его значений: С. С. Волков. Семантические неологизмы..., стр. 108.

²⁴ См. для слова *заставный* сочетания: «заставные головы» — АМГ, 1633 г. и др., «заставные люди» — АЮБ, 1609 г. и др., «заставный город» — Лет. Рус. и др., «заставное место» — Спафарий, Сибирь и др. Для *заставочный* — «заставочный голова» — АИ, 1695 г., АЮБ, 1669 г. и др. См. о них еще в нашей статье «Заметки о новых словах...», стр. 161.

²⁵ См. о них еще в нашей статье «Некоторые вопросы синонимии...», стр. 71.

«о граде Тобольскѣ, о созданіи его и о поставленіи церкви і о начальстве его, яко начальній градъ наречеса» (Е108), «той бѣ началній градъ Сибирь, потомъ же і вся страна та прозвася Сибирь» (Р262), «паче жъ сей Тоболескъ вместо царствующаго града Старой Сибири именовася и препрослыся начальнымъ градомъ» (Т292). См. его в таком же употреблении в превосходной степени: «о поставлении . . . града Тоболска, начялнѣйшаго всѣмъ Сибирскимъ градомъ» (У177), «богоспасаемый начальнойши градъ Тоболескъ» (М355), что говорит об отсутствии грамматической изоляции слова *начальный* в этом сочетании от однокоренных слов (см. ниже о других сочетаниях со словом *начальный*).

Государственный аппарат и деятельность должностных лиц

Рассмотрение этой лексики мы начнем с наиболее широкой и неопределенной по значениям.

Употребляющееся в наших памятниках слово *чин* имеет различные значения. В Сибирских летописях оно используется для обозначения не только служебных разрядов, военных должностей, духовного звания, но и всякой степени знатности: «вмѣсто патриарха поставлена имянують его и чинъ его кутуфта-лама» (О395), «было у Ермака . . . сотники і пятидесятники і десятники с рядовыми и знаменщики чиномъ» (М316). См. в собир. значении: «кутуфта-лама . . . чину своему, ламамъ всѣмъ . . . даетъ также по три лошаки [есть]» (О396). Проявлением того, что словом *чин* обозначается любое место на общественной лестнице, является частое употребление его в сочетании *всякаго чина люди*, где слово *чин* легко заменяется словом *звание*: «і посла по всему Сибирскому царству ко всякаго чина людемъ своімъ, дабы вскорѣ к нему безъ всякаго ослушания собралися» (О371), «многую накость всякаго чина людемъ Рускимъ чинили» (О367).²⁶

См. также древнее слово *чиноначальник* для обозначения церковных званий: «і в то время в службѣ ихъ кутуфта-лама, чиноначальникъ ихъ, на высокомъ престоле сидеть» (О395). В Ремезовской летописи один раз употребляется слово *чиновник*, значение которого — в связи с неопределенностью значения

²⁶ Кроме этих, слово *чин* имеет и другие значения. См. в Ремезовской летописи: «егда жъ Ульяну доѣхавшу до урги, и по чину Аблаеву учинѣна с честию стрѣча и кормъ» (М347), «Аблаи же по росписи чинъ вѣсь оставиль: „Подайте ми пансырь“» (М347) — в значении «принятый порядок (обычно торжественный)*».

слова *чин* — не имеет достаточной конкретности: «ови же мурзы и мурзичи 300 человекъ поверстаны в службу, и окладъ имъ учиненъ по 15 рублей и по 7-ми, и поставиша рускаго голову чиновника, и тако служить и доселе» (М353).²⁷

Для обозначения всякого начальствующего лица (без определенности чина и звания), в том числе и духовного, в Сибирских летописях употребляются слова *начальник*, *начальный*. Слово *начальник* фиксируется в значении 'начавший', 'начинатель' с древнейшего времени и в памятниках более поздних, обычно книжных.²⁸

Начальник ('главное лицо где-либо'): «да во всякомъ же ихъ монастырѣ начальники далай-лама» (О396). В сочетании *начальник монастыря* оно известно в многочисленных памятниках с XVI в.²⁹ Прилагательное *начальный* встречается в Сибирских летописях в нескольких сочетаниях. *Начальные люди*: «а надъ собою тѣ ясачные люди имѣютъ начальныхъ людей в улусахъ князцовъ, ясауловъ, сотниковъ, десятниковъ» (О378) — синонимично слову *начальник*. В сочетании *начальный атаман* оно имеет значение 'главный, верховный атаман': «яко начальный атаманъ велеумный Ермакъ з дружиною побьени быша» (С38). Ср. в Т83 — «яко начальника ихъ і наставника и вожда храброго і велеумнаго Ермака со дружиною». См. субстантивированное употребление прилагательного *начальный* в значении 'начальник': «и начальныи царствующаго града Старой Сибири Сейдякъ в Тоболскѣ взять бысть» (П292), «повѣле вся избити, а начальныхъ поймавъ скончати, да не имуть казны его разбиваги и пути запирати» (М312) и др.³⁰ (см. о слове *начальный* в сочетании *начальный град* выше).

Другие общие названия для руководящих, начальствующих лиц — *наставник* и *старшина*. *Наставник* — «яко начальника ихъ

---

²⁷ Ср. для него в Сл. Срезневского значения 'сановник', 'правитель', 'слуга'. См. о сочетании *чиновные люди* в воронежских грамотах XVII в.: Н. К. Соколова. О путях образования административно-юридической терминологии XVII в. (По материалам воронежских грамот XVII в.). В сб.: Начальный этап... стр. 164.

²⁸ См. об этом в нашей статье «Заметки о новых словах в русском языке XV—XVII вв.». В сб.: Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. Изд. АН СССР, М., 1961, стр. 153.

²⁹ См. об употреблении его в других сочетаниях: там же, стр. 153—154.

³⁰ Слово *начальный*, известное в памятниках с XV в., с XVI в. часто используется в сочетаниях *начальные люди* и *начальный человек*, которые свободно употребляются при описании иноземной жизни. См. о них еще в нашей статье «Заметки о новых словах...», стр. 153—154. Вне этих сочетаний слово *начальный* синонимично слову *первый*.

Здесь же упомянем слово *начальство*, которое в Сибирских летописях имеет лишь значение отвлеченного качества: «О градѣ Тобольскѣ, о создании его и о поставлении церкви і о начальстве его, яко начальный градъ наречися» (Е108). См. о других его значениях в нашей статье «Заметки о новых словах...», стр. 154.

і наставника и вожда храбраго і велеумнаго Ермака» (Т83), «яко вожъ и наставникъ казачей атаманъ Ермакъ убьень бысть» (С39). Возможно, заимствовано в Сибирские летописи из церковной практики. Известно с древнейших памятников. Слово *старшина* более позднее; в Сибирских летописях употребляется в контекстах высокого стиля: «і тѣми ихъ учителями и старшинами, которыхъ почитаютъ выше патриарховъ, дѣйствуетъ духъ нечистый и лукавыи» (О396). Известно с XV в. В значении 'начальник', 'старший' в XVII в. оно употребляется в деловых памятниках.

Советник — «царь же ... Кучюмъ с совѣтники своїми і с ратными людьми ... глагола людемъ своимъ» (О374), «послалъ любимаго своего совѣтника Канцелѣя со многими ратными людьми подъ Тюмень городъ» (О371). Известно в памятниках с древнейшего времени. В XVII в. не имеет еще значения определенной должности, хорошо сохраняет связь со словами своего корня.

Процесс совещания царя и вообще начальника с ближайшими советниками обозначается глаголом *советовати*, который употребляется в Сибирских летописях стилистически нейтрально. См.: «повелѣ говорити имъ князю Сеидяку, чтобъ онъ приѣхалъ в городъ совѣтовати о мирномъ поставленіи» (Е156), «совѣтова с салтаномъ и Карачею и по совѣту взя с собою 100 человекъ» (М350). Ср. *совещати* в контексте высокого стиля: «зліи Агаряне, совещаша совѣтъ не благодарный на християнъ» (С34). Оба известны в древнейших памятниках. Употребляются во всех Сибирских летописях.

Совещание обозначается словами *совет*³¹ и *круг*. Древнее слово *совет* в Сибирских летописях устойчиво сохраняет это значение: «Ермакъ же с товарищи своими учиниша советъ» (Аб253). Оно используется в контекстах разного рода. См. его в контексте высокого стиля в сочетаниях *совещати совет неблагодарный*: «а они, зліи Агаряне, совещаша совѣтъ не благодарный на християнъ» (С34); *совет злой*: «но се сотвориша, а на сердцахъ своихъ зліи Агаряне кряху совѣтъ золь, мысляху бо,

---

³¹ См. в наших памятниках также слово *несовет* в значении 'несогласие': «да отъ несовѣтовъ нашихъ посторонные не смеялися, пачежъ неприятели да не радовалися» (М363). В Сибирских летописях встречается только один раз. См. в этом же значении древнейшее слово *спона*: «мужикъ, помни, да какъ ты с такимъ великимъ и полномочнымъ сосѣдомъ ссоришь, и какая несостоятельная спона межъ нами учинится, и нѣ увѣдаешь, что я тебѣ за то учиню» (М314). Видимо, это — образное употребление значения 'помеха', 'препятствие'. См. его в Сибирских летописях в этом значении: «и о семь блазнятся в Тобольску до дне сего и покушаются взять и многие споны сибирскимъ жителемъ чинять по своей історіи» (М328). В XVI—XVII вв. слово *спона* отмечается в деловых и книжных памятниках. По свидетельству П. Я. Черныха, глагол *спонить* известен в современных сибирских говорах (Илимский край). См.: П. Я. Черных. Русские говоры Илимского края. Изв. Вост. Сиб. отделения РГО, 1928, т. 53.

какъ бы имъ ... погубити» (Т79); ср. *совет благ* (см. цитату ниже). См. также сочетание, имеющее нейтральный характер, *по совету* ('по решению совместного обсуждения') (см. выше цитату на слово *советовати*).³² *Круг* — «и начаша размышляти в себѣ, и учини кругъ, совѣтъ благъ сотвориша о томъ» (С21).³³

В значении всякого большого собрания употребляется слово *съезд*: «имѣша бо жрение и съѣздъ великии» (М336).³⁴

В Сибирских летописях имеется целый ряд названий конкретных административных должностей. *Воевода* ('управляющий городом или округом') — слово известно в древнейших памятниках первоначально в значении 'начальник войска'.³⁵ В Сибирских летописях употребляется в обоих значениях по отношению как к русским, так и татарам: «и аманатовъ у нихъ поймавъ, в свои городки і въ Пермь к воеводамъ государевымъ послали» (С6) и мн. др.; «атаманъ Ермакъ ... до Тюмени ... царя Кучюма ... конницы воеводы, его ближняго совѣтника, мурзы Канцелѣя не допустил» (О371).³⁶ Прилагательное от слова *воевода* — *воеводский*. См. слово *воеводство* ('округ, управляемый воеводой', 'должность воеводы'): «а в томъ ... порубежном городе ... отъ царя сидять на воеводствѣ бояре» (О391).

Думчий, думный — существительные в значении 'советник' (употребляется по отношению к татарам): «и думного Татарина царя Кучюма Карачю» (У231), «царя Кучюма и думчаго его Карачи» (Т92). Дублетность этих слов подчеркивается как употреблением их по отношению к одному лицу, так и разночтениями, в которых они заменяют друг друга: Т92 (цит. см. выше) — в сп. А «думнаго», Е155 — «да царя Кучюма думной Карача», в сп. АбКНД разночтение «думчей» и др. В материалах картотеки ДРС оба слова (*думный* чаще, чем *думчий*) отмечаются в деловых памятниках XVI—XVII в. в одинаковом значении.

Дьяк ('лицо, обычно ведающее канцелярией отдельных ведомств'): «грамота государева дана за приписью дьяка Петра

³² См. слово *совет* также в значении 'согласие', 'дружба': «и ... разумно, конѣчно в совѣте і в любви пребывати» (М363).

³³ В других памятниках XVII в. оно употребляется в таком же значении (Дон. Дела, Аз. Пов., Сказ. об Астрах., ДАИ, 1683 г. и мн. др.). Везде, в том числе и в наших памятниках, только по отношению к совещанию казачьего войска.

³⁴ Известно в таком значении в Новг. I лет., Псков. I лет.

³⁵ Слово *воевода* для обозначения административного лица употребляется лишь с начала XVII в. См. сведения о его истории: Р. И. Сидоренко. Из истории терминов общеславянского происхождения. Збірник наукових праць, т. I. Київ, 1958; С. С. Волков. Семантические неологизмы..., стр. 106—108.

³⁶ В древнерусских деловых памятниках слово *воевода* в обоих значениях прилагалось к иноземным реалиям и широко употреблялось в оригинальных и переводных текстах (см.: М. А. Момина. Этнические термины и названия должностных лиц..., стр. 274).

Данилова» (С2). В таком значении фиксируется в памятниках с начала XIV в.

Голова (только в полногласной форме) имеет значение 'должностное лицо' (выборная должность): «с ними же государь послалъ воеводъ своихъ князя Семена Болховскаго да головъ Ивана Киреева да Ивана Васильева сына Глухова» (П283); «а съ Тюмени воевода послалъ голову Данила Чюлкова вънутрь Сибирские земли» (Г310). Известно в других памятниках. Имеет также военное значение. В Сибирских летописях слово *голова* во многих случаях употребляется в сочетании *письменный голова*:³⁷ «придоша ... с ними писменной голова Данило Чюлковъ» (У226) и др. (везде по отношению к Даниле Чулково).³⁸

Писарь — «было у Ърмака ... выборныхъ есауловъ 4 чело-вѣка, тожъ і полковыхъ писареі» (М316) — в значении должностного лица.³⁹

Пристав ('лицо, выделенное для охраны кого-, чего-либо'): «пожаловалъ ... жалованьемъ Сибирскихъ казаковъ, которые присланы были за нимъ [царевичем Маметкулом] изъ Сибири в приставахъ» (У216).⁴⁰

Обязанности подданных по отношению к верховному правителю выражаются глаголом (известным с древних памятников) *служить*, употребляемым в памятниках разных жанров: 1) исполнять какие-либо обязанности по отношению к кому-либо, находиться у кого-либо на службе: «а которые похотятъ к государю въ его государскую службу, и тѣмъ бы его государская служба служити прямо» (Е137); 2) быть верным кому-либо, исполняя какие-либо обязанности, работу: «что имъ государю царю ... служити безъ измѣны» (С45), «велелъ вѣрно цѣловати [саблю] за государя царя, чтобъ имъ служить і ясакъ пла-

---

³⁷ Слово *голова* в значении 'должностное лицо' явилось стержневым словом многих названий должностей. См. об этом: Н. К. Соколова. О путях образования административно-юридической терминологии XVII в., стр. 162.

³⁸ См. его значение 'чиновник, находившийся при воеводах для письменных дел и для рассылок' в «Словаре церковно-славянского и русского языка», сост. Вторым отделением Академии наук, т. I. СПб., 1847, стр. 273.

³⁹ В древнерусском языке старшего периода в этом значении общенародным было слово *писец*. См. об этом: В. Н. Туркин. К проблеме общенародного в словарном составе древнерусского литературного языка старшего периода. Наукові записки Дніпропетровського унів., т. 52, вып. IX, 1956. Слово *писарь* в XIV—XV вв. обычно употребляется в украинских грамотах (самая ранняя фиксация — 1366 г.), заимствовано из польского языка. См. об этом: В. В. Ильенко. Западные, юго-западные и южные слова в великорусских летописях XV—XVI вв. Днепрпетровск, 1958. В XVII в. оно, видимо, является уже общерусским словом. См. его в АМГ, 1632 г., СГГД, 1654 г., Поруб. д., 1663 г., Козм. 1670 г., Лет. Рус., ДАИ, 1684 г., АИ, 1691 г. и др.

⁴⁰ См. его в таком значении в Псков. I лет.

тить по вся годы» (М333).⁴¹ В соответствующих значениях употребляется также и стилистически нейтральное слово *служба*: «овин же мурзы и мурзичи 300 человекъ поверстаны в службу, и окладъ имъ учиненъ по 15 рублей и по 7-ми» (М353), «і государь царь... за ихъ службу и радѣнье пожаловаль города Солью Болшею» (С29), «за многую вашу заошную службу и за охочее кровопролитие и за взятыє Сибирской земли во всехъ винахъ вашихъ мы, великій государь, прощаемъ» (Б300), «пожаловаль государь послалъ за ихъ атаманскую и казачью службу» (С31). В Сибирских летописях встречаются часто употребляемые в деловых памятниках сочетания *радетельная служба*: «за ихъ к нему великому государю многую радетельную заочную службу» (У210), *объявлять службу*: «о посланіи казакъ государю... с отписками... объявляти свою службу» (С30).

Слуга — 1) человек для личных услуг, прислуживания, слуга: «і нѣкто отъ слугъ царя Івана сына его, царевича Тайбугу, соблюде отъ Чингисова убійства» (С18); 2) человек, служащий кому-либо, чему-либо, защищающий чьи-либо интересы: «вѣрный жѣ человекъ, слуга царевъ, аки слуга Христовъ и пернатъ, прилетевъ къ Ермаку того жѣ 90 году» (М338). Последнее встречается в Сибирских летописях только в книжных контекстах.

За службу верных подданных *жалуют* (проявляют к ним расположение): «Ермак жѣ, чесне жалуя, отпустилъ ихъ» (М333). Слово известно в древнейших памятниках.⁴² *Пожаловать* — «и великій государь пожаловаль атамана Ермака заошно своимъ государскимъ жалованьемъ» (Б300) и мн. др. См. без доп.: «толко отвѣдаешъ [броду], и я тебя свобожу отъ казни и пожалую» (Г310). Ср. глагол *награждать* — *наградить*: «аще Богъ управитъ путь намъ в добыче и здравіи імамы быти, заплатимъ і наградимъ по возвращеніи нашемъ» (М315).

Жалование ('награда', 'дар за услуги или в знак расположения'): «Государь... пожаловаль... великимъ своимъ жалованьемъ денгами и сукнами и камками» (С30). В Сибирских летописях очень часто употребляется в сочетаниях *царское жалование, государское (государево) жалование*: «Ермак жѣ приять царское жалование: 2 пансыря, кубокъ, шубу и сукно» (М338); «награждаемъ васъ своимъ государскимъ жалованьемъ»

⁴¹ См. еще одно значение — 'отправлять богослужение': «а какъ службу свою служить і всѣношное пѣние до самого свѣта с вечера» (О395).

⁴² В древнейших деловых памятниках оно имеет значения: 1) оказывать милость, расположение; 2) миловать, щадить. В летописях — в значении 'жалеть'. См. о соотношении этих значений: О. В. Горшкова. Фразеология Московских грамот XIV—XV вв. как характерная особенность делового стиля русского языка. В кн.: Сборник статей по языкознанию профессору МГУ В. В. Виноградову. М., 1958.

(О300).⁴³ См. сочетание *жалованье объявлять*: «государево имъ жалованье объявиша» (С31).⁴⁴ См. в Т76 вариант *жалованье возвѣстиша*. См. также сочетание *наградительное жалованье* — «и получиша себе царскаго величества милость и приняли наградительное жалованье» (Б296).

Другое название оплаты за службу в Сибирских летописях — *оклад*: «овиі же мурзы и мурзичи... поверстаны в службу, и окладъ имъ учиненъ по 15 рублей и по 7-ми» (М353). Известно в таком значении в памятниках только с XVI в.⁴⁵

Послуга ('вознаграждение'): «коемуждо за службу ихъ. золотыми і выходомъ і кормомъ пожаловаль... в Сибирь послалъ золотыми же послугу»⁴⁶ (М352). Известно нам в деловых памятниках с XV в.

Награждение — «а с ними послано князю Ермаку Тимофеевичу... жалованье... и награждение денегъ и сукна, и порохъ, и свинець, и оружіе» (Б301). См. также древнейшее слово *мзда* ('плата за работу'): «и [удоволиша ихъ] мздою, и одѣяніи украсиша ихъ и оружіемъ огненнымъ... и запасы многими... сподобиша ихъ» (С11). В XVII в. употребляется как в книжных (в значении 'награда'), так и в деловых памятниках.⁴⁷ См. в Сибирских летописях в книжном контексте: «сеяеі правду

⁴³ В древнейших памятниках слово *жалованье* употребляется с обобщенным емким значением, выражающим действие и все, что можно было пожаловать. См. сведения об истории развития его значений: С. С. Волков. Семантические неологизмы..., стр. 116; Е. М. Иссерлин. Конкретная и абстрактная лексика в русском литературном языке XVII в. В сб.: Начальный этап..., стр. 105—106. См. его в Сибирских летописях в значении 'расположение': «[езуиты] у царя Китайского імѣють к себѣ велию милость, жалование і близость всегда» (О393).

⁴⁴ *Объявлять жалованье* в других памятниках нам не встретилось.

⁴⁵ См.: «роздали вы наше денежное и хлѣбное жалованье Пельмскимъ всякимъ служилымъ людемъ... половину их окладовъ» (Царск. гр. 1597 г.). В этом примере видна разница в значениях слов *жалованье* и *оклад*: *жалованье* сохраняет еще связь со словами своего корня, *оклад* обозначает определенную, заранее установленную размером плату, а также обложение. См.: «Давати имъ въ домъ святѣй Софьи Премудрости Божіи... и мѣ за мой подѣздъ... по новому окладу на всякъ годъ по рублю по Московскому» (АИ, 1574 г.). Слово *оклад* широко употребляется в деловых памятниках XVII в.

⁴⁶ См. в значении 'вознаграждение': «а которые, государь, мои товарищи были на том же деле... и те служивые люди... твоим царским жалованьем за ту службу послугою пожалованы, а я холоп твой за ту службишко твоим государевым жалованьем не пожалован» (Гр. Сиб. Миллер., 1614—1615 гг.). Ср. в значении 'служба': «а што пановъ... и иныхъ служебныхъ людей приставили есмо къ нашей великой княгини римского закона ей на послугу, ино кого ся нам видѣло къ нашей великой княгини приставити?» (Польск. д., 1496 г.); в значении 'заслуги по службе (?)': «а давати приставство за явственные послуги стрѣльцомъ добрымъ» (ДАИ, 1646 г.).

⁴⁷ По свидетельству Л. Л. Кутиной, слово *мзда* в XVII в. явно сужает круг своего употребления, хотя известно до конца XVII в. См.: Л. Л. Кутина. Лексика исторических повестей о Смутном времени Московского государства. Диссертация на соискание степени канд. наук. Л., 1953, стр. 509.

принять мзду верну» (М362). *Выход* — «коемуждо за службу ихъ золотыми і выходомъ и кормомъ пожаловаль» (М352), «атамановъ же кормомъ і выходомъ одаривъ» (М338) (значение? Сл. Срезневского отмечает в значении 'дань', 'подать' для деловых памятников, в Сибирских летописях, может быть, 'дань населения должностным лицам?'). См. прилагательное *выходной* — «государь пожаловаль денгами і кормомъ і выходными сукнами» (Е144). *Корм* — «[атамановъ] выходомъ и кормомъ пожаловаль» (М352) — слово, обозначающее с XIV в. повинность населения снабжать продовольствием должностных лиц, иногда — плата за службу не только продовольствием, но и деньгами.⁴⁸ Ранее этого времени имело специальное употребление.

Корм дается *на прожив*: «и указаль имъ кормъ и вотчины на проживъ» (М350).⁴⁹ При переезде дают запасы *на подъем*: «и на подъемъ на службу в Сибирское государство всякими запасы, пушками, пищалми, порохомъ... надѣлилъ» (О369), «в походъ ходиша на Вогулицей 300 человекъ і возвратишася з богатствомъ в дома своя і на подъемъ в Сибирь и к тому приправиша вдоволь лѣгкихъ струг[ов]ъ с припасы» (М313); *на проем* (значение?) — «Ермак же з дружиною съ усть Чюсовой, взявши у Максима запас на проемъ 5000 человекомъ и ружь» (М314). В других памятниках все эти сочетания нам неизвестны.

Сибирские летописи широко представляют юридические названия различных административных указов и повелений, связанных с обозначением действий царя, а также должностных лиц.

Приказ ('распоряжение'): «а приказъ подписалъ дьякъ Третьякъ» (С3). Ср. как название государственного ведомства: «а три сыны у Кучюма... были на Москвѣ, а какъ онѣ взяты, тому писмо есть въ Посолскомъ приказе» (П295). Это значение отмечается в памятниках только с XVI в.⁵⁰ *Приказать* ('распорядиться', 'приказать'): «приказали околничьи..., а приказъ подписалъ дьякъ Третьякъ» (С2), «приказаль царевымъ і великого князя словомъ казначей Никита» (С3). Синоним к глаголу *приказать* — *повелеть*, встречающийся во всех Сибирских летописях в контекстах любого характера: «повелѣ государь предъ собою поставити Якова и Григорья Строгановыхъ» (С2); «на свой царскій престолъ повелѣ возвести сына своего Феодора» (Е143) и мн. др. Ближким к ним по значению является древний глагол *велеть*, когда он обозначает действие царя: «и какъ с казаками бой былъ, і в то время велѣль царь іс техъ пушекъ

⁴⁸ См. об этом: Е. М. Иссерлин. Конкретная и абстрактная лексика..., стр. 107.

⁴⁹ Ср. «на прожитіе мнѣ» — АЮБ, 1675 г.

⁵⁰ Впервые как ведомство из памятников права упоминается в Судебнике 1550 г.; см. об этом: Е. Ф. Бакланова. К вопросу об употреблении некоторых юридических терминов в официальном языке XV—XVI вв. Ученые записки Горьковского унив., вып. 44 (серия филологическая), 1957.

стрелять на козаковъ» (О375), — в значении 'выражать желание, волю' известно в памятниках с XI в. Существительные *веление* и *повеление*, также известные в древнейших памятниках, являются синонимами к слову *приказ* (в 1-м значении): *веле-ние* — «с ними жъ воинскихъ людей поиде по ихъ велѣнню сто человекъ» (Е156) (в одном списке разночтение «по повелению»); *повеление* — «въ лѣто 7078, по повелѣнню благочести-ваго ... царя ... поставилъ Яковъ Строгановъ ... острожки» (С4) известно во всех Сибирских летописях в контекстах любого характера.⁵¹ Здесь же упомянем слово *поволить* ('разрешить'): «поволилъ имъ построити костель римскаго закона» (О393); «і кто похощеть из Китайского народа, поволилъ отъ езуитовъ креститися і грамотѣ латинской учитися» (О393), употребляющееся для обозначения царского волеизъявления. Известно нам в памятниках всех жанров с конца XV в. У нас встречается только в Описании Сибири.

Указ — «по указу великаго государя царя... придоша с Москвы в Сибирь воевода» (У226) и мн. др. Слово известно в древнейших памятниках, в Сибирских летописях употребляется очень широко в значении, синонимичном слову *приказ*, значительно чаще последнего и только в одном этом значении (в древних памятниках имеет другие разнообразные значения). См. также часто используемый в Сибирских летописях глагол *указать*: «государь ... послалъ грамоту свою царскую..., а указалъ, чтобъ имъ за ево государевыми измѣнники за Черемисою... людей... послати» (С5). Прилагательное *указный* ('содержащий указ, приказ?'): «по указной грамотѣ великаго государя Бориса Федоровича Тарской воевода... ополчениемъ ходилъ на Кучюмлянъ» (М351).⁵²

Наказ — синоним к *приказ*, *повеление*, *указ*: «егда жъ дары понесоша по наказу» (М347), см. глагол *наказати*: «одаривъ ихъ, отпустилъ на свое жилища и наказалъ, да служить» (М337). Оба слова имеются в древнейших памятниках.

Общее название письменных документов — *письмо*: «а три сыны у Кучюма... были на Москвѣ, а какъ онѣ взяты, тому писмо есть въ Посолскомъ приказе» (П295). В этом же значении употребляются древнейшие слова *писмени* (*писмянны*) и *писание*: «Колмыки же которой законъ или отецъ своихъ преданіе

---

⁵¹ Ср. в значении 'власть': «первее всехъ низовые Остяки князки отъ Кучюмова повѣления и раменту отступиша і бегу яшася бѣзвозвратно бѣжати во свояси» (М331).

⁵² См. его также в значении 'указанный', 'заранее определенный': «с тѣхъ же ясачныхъ людей со всякого человекъ... даютъ в государскую казну по десяти соболей..., а лисицами... въ казну берутъ зборщики, государские люди, посланные для збору соболей указного числа» (О397); «і во время службы ихъ идолской бываетъ мусикійское играніе..., в указное жъ время і в трубы великия трубятъ» (О395).

[держатъ] не вѣмъ, понеже бо писмени о семъ не обретохъ і ни испытати возмогохъ» (E111), «первое начало Сибирской землѣ, какъ было мочно изыскать писмяны и старейшинами людми о началѣ тоѣ Сибирские земли» (П272) (см. разночтение к первой из этих цитат в У179 — «писания»).

Конкретные названия различных документов. *Грамота* ('всякий документ'): «і о томъ имъ велѣлъ о всемъ свои государевы грамоты подавати о промыслу надъ Сибирскими людми і иныхъ ордь [и] земель» (С2). В значении документа это слово употребляется деловыми памятниками с древнейшего времени.⁵³ Определениями к слову *грамота* устанавливается, кем она написана, а также различный характер документов: *жалованная грамота* («жаловальная»), *государева грамота* (С4 и мн. др.), *царева грамота* (С14), *царская грамота* (С29) и др. Все эти сочетания широко известны в других памятниках. См. еще *похвальная грамота*: «і вскорѣ къ Ермаку возвратилъ с жалованною и похвальною грамотою тоєю же дорогою» (М338), «принесе отъ государя радосные и похвалныя грамоты Ермаку» (М338).

Челобитна ('прошение'): «с ними же посла о взятии Сибири вестовую отписку, а подѣ отпискою зарушною своею челобитну, а въ ней написалъ вины свои, что вороваль на Волге, что въ великий государь пожаловаль ево, указаль оные вины ему отдать» (Б299). Нам известно в памятниках с XIV в.⁵⁴ Здесь же укажем обычную в грамотах формулу *бить челом* — 1) кланяться до земли: «О посланіи казаковъ государю... с отписками бити челомъ государю... и объявляти свою службу» (С30); 2) просить: «бояри... князю Богдуйскому... били челомъ на царствѣ» (О393). См. также сочетание *добить челом* ('попросить'): «и они безбожніи... объ томъ добили челомъ і вину свою принесли, что быть имъ подѣ данью государю царя» (С10).

Росписка ('рѣспись'): «даі намъ на росписку по імяномъ на струги, по артелно 5000, по іменомъ на всякаго человекъ по 3 фунта пороху и свинцу і ружья» (М315). Слово известно нам в памятниках с XVII в.⁵⁵

Кабала ('разновидность расписки') (в памятниках с XV в.): «Максимъ же увѣщеваше ихъ Богомъ и государемъ, что чис-

---

⁵³ Ср. значение, сходное с современным: «многие младае отроки грамоте или писанию латинскому научились» (О394).

⁵⁴ См., например: «ни о какихъ дѣлехъ государю никому челобитенъ не подавати». Улож. Первоначально, возможно, слово *челобитная*—*челобитна* было принадлежностью только северных диалектов. См. об этом: Е. Ф. Б а к л а н о в а. К вопросу об употреблении..., стр. 66. Ср. слово *челобитье* ('приветствие'): «Кучюму челобитье и жѣнамъ ево всемъ и княземъ и мурзамъ и прочимъ возвѣщаше» (М321). В таком значении известно в Псков. I лет.

⁵⁵ См. о слове *росписка* в значениях 'рѣспись' и 'расписка' еще в нашей статье «Заметки о новых словах...», стр. 160.

ломъ имъ запасовъ дати і о томъ прося у нихъ кабалы, егда возвратитесь, на комъ те припасы по цѣне взяти, і кто отдасть точно іли с лихвою» (М315).⁵⁶

Грамоты снабжались приписью и печатью. *Припись* (значение?): «грамота государева дана за приписью дьяка Петра Данилова» (С2). Известно нам в памятниках только с конца XV в., обычно деловых.⁵⁷ *Печать* в сочетании *красная печать*: «грамоту свою царскую на тѣ мѣста . . . Строганову пожаловалъ за красною печатью» (С29) — ‘за царской печатью’.

В заключение раздела отметим обычные в деловой письменности синонимичные слова *вышереченный*, *вышеписанный*, *вышеименованный* в значении ‘вышеназванный’. *Вышереченный* — «такъ жъ и мы здѣ учинимъ по вышереченному словеси» (Т89); *вышеименованный* — «і тѣ всѣ вышеименованныя реки устьемъ пали в великую рѣку Амуръ» (О389); *вышеписанный* — «и многихъ из нихъ по темъ вышеписаннымъ рекамъ воровскихъ казаковъ поймаху они» (У193). Все они, видимо, позднего образования и являются принадлежностью деловой письменности. *Вышереченный* и *вышеписанный* отмечаются в Картотеке ДРС только в памятниках с XVI в., *вышеименованный* — с XVII в. Наиболее употребительным из них было *вышеписанный*.

Классовые отношения

Слово *подданный* как существительное имеет значение ‘лицо, подчиненное кому-либо (обычно верховной власти)’. Ср. у нас: «Максимъ же страхомъ одержимъ и с подданными своими отворилъ анбары хлѣбные» (М315). Ср.: «время Кучюму ясакъ с подданныхъ своихъ збирати» (М321). Известно нам в памятниках с XV в.,⁵⁸ с этого же времени может употребляться субстантивированно. Его значение связано со значениями древнейших слов *дань* и *данный*. Употребляется также в сочетании *подданные люди* (‘дающие дань’). О слове *дань* см. ниже. См. также слово *подданство* (‘принадлежность к числу подданных’): «взятіемъ подъ царское величество в подданство побралъ» (О371). Фиксируется впервые в картотеке ДРС в памятниках XVII в.⁵⁹ См. оборот *подводить под царскую (государеву) руку* (‘делать подданными царя’; ‘брать к нему в подданство’):

⁵⁶ Я. А. Спринчак (К сравнительному изучению лексики московских и украинских грамот XIV—XV вв. ВЯ, 1956, № 6) считает это слово татарским по происхождению, заимствованным только в великорусский язык. См. также о нем: Сл. Фасмера, т. I, стр. 494.

⁵⁷ Польск. д., 1494 г., Гр. ук. о крест., 1577 г., ДАИ, 1676 г. и др.

⁵⁸ См. о нем еще в нашей статье «Заметки о новых словах . . .», стр. 157.

⁵⁹ См. о нем там же.

«Ермак же нача подь царскую руку подводить всю Сибирскую землю и приводить къ шерти» (Г308). Этот оборот известен во многих деловых памятниках XVI—XVII вв.

Шерть ('клятва'): «даша жь на томъ шерть по своей вѣре» (Е144).⁶⁰ См. сочетание *приводить к шерти* ('приводить к присяге'): «Ермак же нача подь царскую руку подводить всю Сибирскую землю и приводить къ шерти» (Г308). Глагол *шертовати* (варианты неясного образования *шерстовати*, *шерствоваати*): «и шерствоваша [в С и др. сп. «шерствоваша»] на томъ, что ни которого зла казакомъ не учинити и не мыслити» (С33) — является синонимом к сочетанию *дать шерть*. См. различение С33—Е144 в одинаковом тексте «и шертоваша на томъ».— «даша на томъ шерть» (в одном из сп. — «шерствование»). *Шерстование* широко употребляется в Сибирских летописях: «Ермакъ ... повѣриша ихъ безвѣрному шерстованью» («шерстованію») (С34) и мн. др. В других памятниках нам неизвестно.

Целовать (в знак верности): «ясакъ собралъ за саблю, и положилъ на столъ кровавую, і велелъ вѣрно цѣловати за государя царя» (М333).⁶¹ *Крестное целование* ('клятва', 'присяга'): «и увѣрившеса крестнымъ целованьемъ ... вспять возвратитися не можемъ ... преступленія ради слова своего, еже с клятвою обѣщаемся» (С22).

В Сибирских летописях нет слова *холоп* (древнее слово, известное еще в Русской Правде), но есть глагол *похолопить* ('обратить в холопа'): «а людей его [Кучюма] похолопиша» (М352). Он известен нам в деловых памятниках с XVII в.⁶²

Радеть ('быть верным, преданным царю', 'ревностно служить'): «і во всемъ ему государю царю править и радѣть и ясакъ давати» (Т92). Известно в памятниках только с XVI в.,⁶³ но существовало раньше, так как существительное *радение* («государь царь ... за ихъ службу и радѣнье пожаловаль города

⁶⁰ Это слово широко распространено в деловых памятниках XVI—XVII вв., особенно часто оно встречается в документах, отражающих взаимоотношения Московского государства с Востоком. По данным Сл. Срезневского, оно проникает в русский язык в конце XV в. (Грам. Менгл. — Гир. 1474 г., Соф. вр.). Это — заимствование из тюркских языков, куда оно пришло из арабского (по сведениям А. И. Попова). См. также Сл. Фасмера, т. III, стр. 393.

⁶¹ Ср. сочетание *привести к целованию* в Дог. гр. Новг. с в. к. Тв. Мих. 1375 г., Дог. гр. в. к. Вас. Дм. 1399 г., Новг. I лет., а также в памятниках XVI—XVII вв.

⁶² См., например: «да въ прошлыхъ же, государь, годехъ, какъ дядья мои покойные Кондратей да Тархъ женили меня и посулили мнѣ съ своихъ дву паевъ двѣсти рублевъ, и по смерти ихъ онъ Леонтей тѣхъ денегъ мнѣ не даетъ и ись тѣхъ заемныхъ кабалныхъ долгов, что я займоваль въ его торги, выкупить не хочеть, а хочеть тѣми долгами меня къ себѣ похолопить» (Акты X. и У., 1636 г.). См. также АМГ, 1629 г., Д. Холоп., Сл. и дел. т. I).

⁶³ См. его в Римск. имп. д., 1576 г., Швед. д., 1559 г., Изм., XVI в.

Солью Болшею», С29) встречается в памятниках XV в.⁶⁴ *Прямить* ('не нарушать принятых под присягой обязательств'): «государю ... служить безъ измѣны і во всемъ ему государю прямити и добра хотити» (С45). Слово в этом значении широко распространяется с конца XVI в.⁶⁵ Оно является синонимом к одному из значений слова *править*: «і во всемъ ему государю царю править и радѣть и ясакъ давати» (Т92) (слово, известное с XI в. в разных значениях).

Глагол *отѣхать* ('изменить', 'нарушить обязательства подданства') употребляется по отношению к лицам с высоким общественным положением: «тогда думной князь Карача со своими отѣхавъ отъ Кучюма» (М339). Известно в деловых памятниках с XIV в. В отношении к подданным татарских царей в этом значении употребляется также глагол *откочевать*: «в то же время откочевалъ отъ него царя Кучюма думной ево и ближней Татаринъ именемъ Карача» (Б300).⁶⁶ Оба слова хорошо сохраняют семантическую связь с неспециальными словами своего корня.⁶⁷

Измена — «і на супротивныхъ супостатъ государевыхъ стоять за нево государя без измѣны» (С6) и др. Слово известно в древнейших памятниках в разнообразных значениях. Судя по данным Картоотеки ДРС, как специальное юридическое слово оно начинает оформляться в деловых памятниках с XVI в. Книжные памятники продолжают сохранять старые значения этого слова ('замена', 'изменение' и т. п.).⁶⁸

Юридическому значению слова *измена* соответствует значение глагола *изменить*: «і во 167-мъ году ... Абдуры хана бояре изменили і взяли на царство сего нынѣшняго подданного Богдуйского князца Богдохана Маху» (О392). См. его с другим

---

⁶⁴ См. его также в Похожд. в св. земл. кн. Сиротки, Римск. имп. д., 1578 г.

⁶⁵ Это значение существует у него, видимо, недолго. См. о нем еще в нашей статье «Заметки к новым словам...», стр. 154—155. Сочетание *служить, прямить и добра хотеть* — устойчиво в деловых памятниках XVII в.

⁶⁶ См. также слово *отшествоие*: «Глава 18. О пришествии князя Сейдяка із Бухарь і отшествоиі отъ царя Кучюма думнаго его Карачи» (Е107). Известно в древнейших памятниках книжного характера.

⁶⁷ См. в Сибирских летописях значение общего языка у слова *отѣхать*: «повелѣ ... в струги свои отѣхать прочь отъ горы и отъ пристани на островъ итти» (О373).

⁶⁸ См., например, в Ч.-М. в значении 'замена': «отсюду, явѣ, яко братья не избавляеть, избавляеть ли человекъ? Не дасть Богу измѣны за ся, аще и отецъ есть, аще и сынъ». Ср. в деловых памятниках: Пам. дипл. сн. с П.-Л. гос., 1567 г.: «говорили посломъ есте ... и передъ государемъ вашимъ Курбского измѣна: измѣнникъ то, которые города сдаютъ да отъезжаютъ, а Курбской отъ горла побѣждалъ и та измѣна легка», см. также в Львов. лет., ч. I: «в лѣто 6970 ... тое же весны поимали княжихъ дворянъ ... въ измѣне, что хотели вынати князя Василья Ярославича с Углича изъ заточенія, князь же великій повелѣ казнити ихъ немилостивно». В XVIII в. слово *измена* получает третье значение 'неверность в любви'.

оттенком в значении: «ясакъ платить по вся годы, а не изменить» (М333). *Изменник* — «царь ... указалъ, чтобъ имъ [Строгановым] за ево государевыми измѣнники ... людей своихъ ... послати» (С5) (за черемисами и остяками, которые напали на русскихъ торговыхъ людей и перебили 87 человек). В соответствии со словами *измена*, *изменить* слово *изменник* получает юридическое значение в довольно позднее время.⁶⁹

*Опала*⁷⁰ — «намъ в томъ опала на васъ своя положить болая» (С15).⁷¹

Высылать — *выслать* ('выселять по распоряжению властей'): «новыхъ вещей не вносити, а пришлецовъ за рубежъ высылать» (М362). Известно нам в памятниках с XIV в. в нескольких, в том числе юридическом, значениях.⁷²

Слово *народ* (известное с древнейших памятников) в Сибирских летописях только в одном случае обозначает эксплуатируемую часть населения и противопоставляется *власти*: «города с уѣзды принимать і росправу в народе чинить» (О375).⁷³

Слово *люди* широко употребляется во многих, часто имеющих употребление только в специальных сферах, сочетаниях.⁷⁴ Некоторые из них нами уже указывались. К ним добавим *вольные люди* ('свободные от обложения повинностью люди'): «на-

---

⁶⁹ Сл. Срезневского отмечает его только в значении 'меняло' (в Лук. XIX). В XVI—XVII вв. слово характерно уже в юридическом значении: «а измѣнника своего воеводу Двинскаго Ивана Никитича ... вкинула съ мосту въ Волховъ» (Ник. лет.). См. также АИ, 1574 г., Львов. лет., ч. I, Поруб. д., 1662 г. и др.

⁷⁰ Интересно употребление в Кунгурской летописи оборота XVIII в. *слово и дело*, который попал в список в результате ошибочного отнесения к эпохе похода Ермака термина XVIII в.: «Ермакъ же совѣтомъ з дружиною ушлаша грозное слово и дѣло августа въ 29 числа» (М313).

⁷¹ В значении 'гнев', 'неудовольствие' известно в Ип л., Псков. I лет., Жал. несуд. гр. Волот. мон. 1500 г. В XVII в. употребляется по преимуществу в значении 'гнев властителя на подданного'.

⁷² Ср. в значении 'посылать кого, что-либо куда-либо': «і видя то пришествие казаковъ ... царь Сибирскій Кучюмъ выслалъ з города подъ гору высылку ратныхъ своихъ людей с лучшимъ боемъ» (О372). См. его в юридическом значении в других памятниках: «а Шигалѣя царя и съ царицею выслали ис Казани» (Ник. лет.), также в АЮБ, 1670 г., Акты X. и У., 1692 г., Пох. журн., 1711 г.

⁷³ В этом социальном осмыслении известно нам в других памятниках в единичных случаях, см., например: «бѣ же на освященіи томъ [церкви Покрова Богородицы] благовѣрный царь ... и множество бояръ и народовъ» (Лет. Рус.). В большинстве случаев в Сибирских летописях оно обозначает какую-либо национальность, народность: «Китайского народа людей мужеска и женска пола ... в римскую вѣру обратили» (О393). В некоторых случаях этим словом обозначается группа людей, объединенных по другому признаку, — например, жителей, население города: «весь народъ градскіи яшаса дѣла и труда возбуждениемъ епископа» (М359).

⁷⁴ См. его как множественное число к слову *человек*: «во оной [пустыне] велле множество червей, сирѣчь змей, которые многихъ людей і скотовъ заѣдають до смерти» (О389).

зывать всякихъ охочихъ волныхъ не тяглыхъ людей» (Т49),⁷⁵ *тяглые люди* ('люди, обложенные повинностями, податями') и *письмяные люди* ('категория тяглового населения'): «і ему Григорью к себѣ волно называть не тяглыхъ и не писмяныхъ на тѣ мѣста людей» (С2).⁷⁶ См. также сочетания *пашенные люди*, *пахотные люди* ('крестьяне', 'те, которые пахут'): «і с того города . . . і со всего уѣзду с подданныхъ пашенныхъ Богдуйцовъ . . . воевода собираетъ дань» (О391), *дворовые люди*: «людей называть . . . і во всякие служивые и пахотные и дворовые и дѣловые люди прибирати» (Т51).⁷⁷

Имущество

Имение ('имущество'): «бусурманъ . . . одолеша и множество имъний взяша, яко стругомъ ихъ не подняти» (М322), «[Кучюм] своего имениа и скота и жителей лишенъ отъ живущихъ Сибирианъ» (М352), «со всемъ имениемъ своимъ убрашася в городокъ к осаду» (М329). В Сибирских летописях употребляется в разнообразных контекстах.⁷⁸

Живот ('имущество'): «животы ихъ грабяху, а ихъ побиваху до смерти жъ» (У193), «и оной разбойникъ незапно нападе на нихъ и поби, и животъ ихъ пограбиша» (Б296).⁷⁹

Жито ('пищевые запасы?'): «убити хотѣша и жита его разграбить, домъ его і при немъ живущихъ разорити в конецъ» (М315). Известно в древнейших памятниках.

⁷⁵ См. сочетание *вольные люди* в Ник. лет., Симеон. лет., ААЭ и др.

⁷⁶ Это сочетание известно в Гр. ук. о крест., 1476 г., АЮБ, 1470 г., Аз. Пов. и др. Ср. сочетание общего языка — *прожиточные люди* 'зажиточные люди': «Князцы же ихъ і прожиточные ясачные люди в улусахъ и юртахъ своихъ имѣютъ у себя по сту, по двѣсти, по пятисотъ и по тысяче оленей» (О378). Нам известно в памятниках с конца XVI в. Позднее сочетание *прожиточные люди* в этом значении сохранилось в архангельских и сибирских говорах.

⁷⁷ См. также в Сибирских летописях сочетания: *государские* (*государевы*) *люди*, *русские люди*, *деловые люди*, *ученые люди*, *простые люди*, *малолетние люди* (о последнем см. в разделе «Диалектная лексика»). Сочетания *пашенные люди* и *пахотные люди* известны нам в Спафарий, Китай.

⁷⁸ Н. А. Орлова отмечает, что слово *имение* широко употребляется в книжных памятниках. См.: Н. А. Орлова. Элементы разговорного языка в сатирических повестях XVII в. Ученые записки ЛГУ, Серия филологических наук, вып. 42, 1958, № 243, стр. 143. Ср.: М. А. Соколова. Синонимы в памятниках XVI в. (По материалам «Домостроя»). Ученые записки Латвийского унив., т. 36. Филологические науки, Сборник кафедры русского языка, вып. 6А, 1960, стр. 38, где говорится о его стилистической нейтральности.

⁷⁹ В этом значении имеется в древнейших деловых памятниках. Ср. его в значении 'жизнь': «і ту сконча животъ свой» (Е161) (с. разнотченем А6260 «житие его»), «но смерть [въ] животъ преложиша» (Е123) — значение характерно для книжных памятников также с древнейшего времени.

Рухлядь — «и многими бои улусы ихъ погромили и рухледи много взяли» (М314) (в значении 'всякая домашняя утварь').⁸⁰ Ср. сочетание *мягкая рухлядь* — «принесоша жъ Ермаку с товарыщи многие дары, мяхкие рухлядь и запасы» (П281) (в значении 'пушнина', 'меха').

Вотчина (вариант *отчина*) — «и указалъ имъ кормъ и вотчины на проживъ» (М350) — широко употребляется в Сибирских летописях в древнейшем значении 'владение, переходящее от отца к сыну', 'наследственное или вообще постоянное владение'. См. по отношению к татарским владениям: «Отпустил... в любимую свою вотчину на Абалакъ [жену]» (О372).

Здесь же упомянем слово *наследие* — 1) наследная власть: «взята бысть [Сибирская страна]... в наслѣдие російского скипетродержательства» (Е105); 2) наследные земли: «князь же Сейдякъ, вспомянувъ отечество свое и наследие, отмстить кровь отца своего Бекбулата хоцеть» (Аб251). См. глагол *наследити* — «і вспомяну отчество свое и наслѣдити восхотѣ» (Е140). Оба слова известны в древнейших памятниках, в XVII в., вероятно, бытуют в книжной сфере. В Сибирских летописях употребляются только в контекстах высокого слога.

Налоговые обложения населения, торговля, денежные расчеты

Названия налогов восходят в большей части к древнейшей русской лексике. Древнейшее слово *дань* имеет в Сибирских летописях широкое употребление: «и ясакъ с себя звѣремъ і всякимъ яровымъ хлѣбомъ і всякимъ скотомъ, лѣсомъ і дровами дань давали на всякой годъ» (О392) и мн. др.⁸¹ См. также прилагательное *данный* ('обложенный данью'): «а тѣхъ данныхъ Остяковъ и Вогуличъ... отъ Сибирцовъ ратныхъ приходу беречи» (С7).⁸²

Другое слово для обозначения налога — *оброк*: «дани и оброки со многихъ языкъ имаше» (Е118). Известно с древнейших памятников. Сочетание *дани и оброки* часто употребляется в деловых памятниках XVII в. для обозначения всяких поборов в пользу правительства.

⁸⁰ См. его в Соф. в.р., Губ. гр. ц. Ив. Вас. Тр.-Серг. мон., 1541 г. и др.

⁸¹ Слово *дань* известно многим славянским языкам. В русском языке первоначально принадлежало общеупотребительной лексике, но уже в судебных актах XIV—XV вв. употребляется как специальное слово. См. об этом: Е. Ф. Мишин а. Об источниках юридической и общественно-политической лексики..., стр. 162.

⁸² В значении 'оброчный' отмечается в Грам. Двин. 1294 г., Уст. гр. Вас. Дм. 1392 г.

Ясак ('налог с туземцев Московскому государству или татарскому правителю'). Широко употребляется в наших памятниках. Этимологически — татарское слово.⁸³ *Ясачный* — относительное прилагательное: *ясачный хлеб, ясачный сбор, мурза ясачный*, очень часто *ясачные люди* ('те, кто платит ясак') и субстантивированно: «удѣльныхъ его [Кучюма] бояръ и княжцовъ і подданныхъ его и ясачныхъ взятіемъ под царское величество в подданство побралъ» (О371). Ясак, дань взимаются *раскладом поголовно*: «послаша ... собрать ясакъ вдоволь розкладомъ поголовно» (М333), а также *по достоинству, по смете*: «государские люди, посланные для збору [в сп. Р — ясачного смотря по достоинству, по смѣте противъ] соболей указного числа» (О379).

См. также слово *десятина* (десятая доля дохода, даваемая государству в добавление к ясаку, в Сибири сначала добровольно, потом — принудительно): «а государские промышленные на тѣхъ мѣстехъ люди токмо с промыслу своего в казну государскую пошлину даютъ кост[ь]ю рыбы[е]ю і всякимъ звѣремъ десятину» (О387).⁸⁴

Пошлина (особый сбор, взимаемый с товаров и имущества, у нас — налог с добычи в пользу государства): «а государские промышленные на тѣхъ мѣстехъ люди токмо с промыслу своего в казну государскую пошлину даютъ кост[ь]ю рыбы[е]ю» (О387). Известно в древнейших памятниках.⁸⁵ См. слово *беспошлинно* — «торговати волно безошлинно».⁸⁶

---

⁸³ Сл. Фасмера, т. III, стр. 495. Известно нам в Ник. лет., Симеон. лет. и др.

⁸⁴ Известно в Р. Прав., Новг. I лет., Посл. митр. Ион. Вер. кн. Мих. Андр. п. 1450 г. и др.

⁸⁵ По наблюдениям Е. Ф. Мишиной (Об источниках юридической и общественно-политической лексики..., стр. 162), слово *пошлина* восходит к общеупотребительной лексике, но уже в судебныхниках XIV—XV вв. употребляется как специальное слово.

⁸⁶ См. о нем в нашей статье «Заметки о новых словах...», стр. 158. Ср. употребляющиеся в наших памятниках слова *пеня* и *беспенно*. *Пеня* имеет обычно значение 'денежное взыскание, штраф', однако в наших памятниках употребляется, видимо, в каком-то другом, неясном, значении: «атаманы жъ и казаки, немного на Москвѣ поживше, паки поѣхаша в Сибирь, и какъ они приѣхали в Сибирь къ Ермаку Тимофеевичю с товарищи, и милость государскую сказаша і слово похвалное возвѣстиша, и что имъ государь великую пеню отпустилъ і вину отдалъ» (Т76) (денежных обязательств царю у Ермака не было; 'вина, подлежащая наказанию?'). Слова *беспенный* и *беспенно* соответственно употребляются в значении 'без изъятия пени'. См. употребление слова *беспенно* в наших памятниках: «и объ томъ Яковъ да Григорей писали ... царю ... к Москвѣ, чтобъ государь ихъ пожаловалъ і велѣлъ за ними посылать безпенно и обиды имъ своя мстити» (С7) (в значении 'неприменно', 'немедля?'). Ср. в Жал. гр. в. к. Ив. Вас. Троиц.-Серг. мон. 1488 г.: «а хто приедеть къ нимъ на пирь и на братчину незванъ, и они того вышлютъ вонъ безпенно».

Собиратели ясака носят название *зборщики* и *приемщики*. Оба слова сравнительно поздние. *Зборщик* — «бобрами и выдрами і всякимъ звѣремъ въ казну берутъ зборщики, государские люди, посланные для збору соборей указного числа» (ОЗ79).⁸⁷ *Приемщик* — «егда же приносяще ясакъ, и приемщики вси въ цветномъ платьѣ, чтуще честь, царскаго величества славу» (МЗ36). Слова с суффиксами *-ик*, *-ник*, *-чик* (*щик*) со значением лица очень активизировались в русском языке с XV в.⁸⁸

Наши памятники мало отражают лексику, связанную с торговлей и деньгами, так как по своему содержанию почти не касаются этих вопросов. Основой торговой лексики XVII в. служит общенародный язык. Как и в названиях налогов, ее ядром является лексика старшей поры, принадлежащая первоначально общему языку и лишь позднее получающая специальные значения.⁸⁹

Товар — «идуть к нимъ многие торговые люди Бухарцы со многими своими бухарскими товары» (Т82). Это слово известно в древнейших памятниках. *Торг* ('торговля'): «и богатства себѣ приобрѣтають множества отъ торгу мяхкия рухледи» (СЗ3).⁹⁰ *Повольный торг* ('неограниченный, свободный торг'): «В Китайскомъ же государствѣ торгъ всякому поволной безъ всякие обиды» (ОЗ81), «і торгуютъ с Рускими людьми поволнымъ торгомъ чрезъ аманатовъ своихъ» (ОЗ80);⁹¹ характерно, видимо, для деловых памятников. *Торговать* — «токмо сосѣдственнымъ обычаемъ живутъ і между собою торгуютъ» (СЗ80). Известно в древнейших памятниках. *Торговый*, большей частью в сочетании *торговые люди* ('купцы'): «О убьеніи Рускихъ торговых людей і ваташиковъ отъ Черемисы и Башкирцовъ» (С5),⁹² см. также сочетания *торговые промыслы* (Т78), *торговые караваны*

⁸⁷ См. еще об этом слове: И. А. Елизаровский. Лексика Беломорских актов XVI—XVII вв. Архангельск, 1958.

⁸⁸ См. о продуктивности этих суффиксов в XV—XVII вв.: С. С. Волков. Новообразования категории имен существительных со значением лица в «распросных речах» первой трети XVII в. Ученые записки ЛГУ, 1960, № 267, Серия филологических наук, вып. 52, стр. 149 и др.; М. Г. Булахов. Московский летописный свод конца XV в. . . ., стр. 54.

⁸⁹ См. об этом: И. Н. Шмелева. Торговая терминология XVI в. В сб.: Начальный этап . . .

⁹⁰ Известно в древнерусских памятниках в нескольких значениях: 1) торговля; 2) торговое дело; 3) базар, торг; 4) торговая площадь, площадь вообще; 5) время базарного торга; 6) пошлина за право торговли; 7) товар. Образование его значения 'купля, продажа' относится к XVII в. См. об этом: Е. М. Иссерлин. Конкретная и абстрактная лексика . . ., стр. 104.

⁹¹ Ср. *повольная грамота* — «письменное разрешение, согласие». Употребляется в Посл. Новг. арх. Генн. М. Зос. — 1490—1494 гг.

⁹² Сочетание *торговые люди* появляется в памятниках с XVI в. (см. об этом: М. А. Момина. Этнические термины и названия должностных лиц . . ., стр. 384).

(М313). Слово известно в древнейших деловых памятниках. *Покупать* — «В Китайскомъ же государствѣ дрова покупають в вѣсь, по две гривны пудъ» (О392). Слово известно в древнейших деловых памятниках. *Покупной* — «приносятъ же тѣмъ своимъ мерскимъ богомъ в почеть приношения всякие, скоть, звѣрь, птицы і покупной полонной ясырь иныхъ вѣрь» (О394). *Цена* — слово, известное с древнейших памятников. В наших памятниках употребляется в значении 'стоимость': «Максимъ же увѣщеваше ихъ Богомъ и государемъ, что числомъ имъ запасовъ дати і о томъ прося у нихъ кабалы, егда возвратитесь, на кою те припасы по цѣне взяти, і кто отдасть точно іли с лихвою» (М315).

Таким образом, употребляемая в наших памятниках торговая лексика в большей своей части известна с древнейших времен и имеет отчетливые специальные значения.

Названия денежных знаков в Сибирских летописях упоминаются редко. *Деньги* ('знаки, выполняющие функции мерила стоимости, деньги'): «пожаловалъ ... великимъ своимъ жалованьемъ денгами и сукнами и камками» (О30), «государь пожаловалъ денгами і кормомъ» (Е144) (с разночтением П283 «сукна и золотые»). Сочетание *деньги и сукна* в Сибирских летописях повторяется много раз. Значение определенной денежной единицы для этого слова, возможно, имеется в Сибирских летописях только в одном случае: «і тотъ зборъ первое ясачной хлѣбъ ... і денги і куны то вместѣ Ермакова прибору» (М326).⁹³ Первое значение этого слова отражается в Сибирских летописях в значении прилагательного *денежный*: «аще ль тотъ посоль подѣ Астрахань съ ево государевою великою казною денежною и пороховою дошелъ» (Т56).

Названия других денежных единиц: *куны* — «і тотъ зборъ первое ясачной хлѣбъ ... і денги і куны» (М326);⁹⁴ *рубль* —

---

⁹³ Сл. Срезневского отмечает слово *деньга* в видовом значении в деловых памятниках с XIV в. (см. о его этимологии: Сл. Фасмера, т. I, стр. 339). В таком значении слово *деньга* (именно в ед. ч.) употребляется в XIV—XV вв. преимущественно в московских грамотах. См. об этом: О. В. Горшков а. К истории словарного состава русского языка периода формирования русской народности. Вопросы изучения русского языка. Тезисы V Научно-методической конференции сев.-кавказск. объединения кафедр русского языка. Ростов-на-Дону, 1962.

⁹⁴ Слово известно другим славянским языкам, в русских памятниках употребляется с древнейшего времени. Исходное его значение 'шкурка куницы' (у нас оно отсутствует, ср. *кунья* — название меха куницы). В дальнейшем стало характерно для новгородских грамот, которые развивали киевские традиции. См. его в Новгородских берестяных грамотах. В сб.: Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. Институт языкознания. М., 1955. Н. С. Бондарчук (Лексика Северодвинских грамот

«овіи же мурзы и мурзичи . . . поверстаны в службу, и окладъ имъ учиненъ по 15 рублей и по 7-ми» (М353); *гривна* — «В Китайскомъ же государствѣ дрова покупають в вѣсь, по две гривны пудъ» (О392). Оба последних слова известны в древнейших деловых памятниках,⁹⁵ в разные эпохи обозначали разные денежные единицы.

Производство товарных расчетов, а также денежной и иной оплаты обозначается в Сибирских летописях древнейшими глаголами *платить* и *заплатить*: «соболми, желѣзомъ в казну ясакъ платятъ» (О382), «и костью ясакъ . . . на всякой годъ платятъ» (О387), «аще Богъ управитъ путь намъ в добыче и здравіи и імамы быти, заплатимъ і наградимъ по возвращеніи нашемъ» (М315).

Слово *казна* в значении 'суммы, богатства, всякое имущество. принадлежащее государству, царю', часто употребляется в наших памятниках: *казна государева* (государская) — «розбили мы лотку коломенку и громили казну государеву» (Т56); *царская казна* — «воюя бусы по Хвалынскому морю . . . , яко и царскую казну шарпаль» (М312). См. в сочетаниях *брать, давать в казну*: «в годъ даютъ в государскую казну по десяти соболей с пупки і с хвосты» (О379), «а лисицами черными . . . і всякимъ звѣремъ въ казну берутъ зборщики . . . , посланные для збору соболей» (О379). См. вне этих сочетаний: «да с ними жъ козаками послалъ к государю собранныя казны 60 сороковъ соболей с пупки і с хвосты» (О375). Формирование этого значения, видимо, происходит довольно поздно.⁹⁶ В более древних памятниках слово *казна* употребляется только в значениях 'кладовая', 'место для хранения имущества' и 'имущество'. В наших памятниках в значении 'имущество' это слово употребляется, возможно, в следующем случае: «кто імены и отечествомъ домовъ і донынѣ у Строганова в казне взыскуется» (М316). Значение слова *казенный* связывается с первым значением слова *казна*: «разбиша государевы казенные суды» (М317). См. также слово *казначей*: «приказали окольничьи . . . Умноі . . .

XIV—XV вв. Автореферат канд. дисс. М., 1955) считает его устаревшим в общенародном языке уже в XIV—XV вв. Однако, судя по его употреблению в наших памятниках, возможно, что слово *куны* существовало в общенародном языке еще и в XVII в.

⁹⁵ Сведения из истории слова *рубль* см.: Н. Г. Рядченко. Русские денежные наименования. (К вопросу о связи развития лексики с историей народа). Праці Одеського унів., т. 148. Збірник молодих вчених унів., вып. 2, филологічні науки, 1958. По мнению О. В. Горшковой (О. В. Горшкова. К истории словарного состава русского языка . . . , стр. 76), слово *рубль* еще в XIV—XVI вв. характерно только для московских грамот.

⁹⁶ С. С. Волков (Семантические неологизмы . . . , стр. 113—114) считает, что оно относится ко второй половине XVI в., сначала реализуется в сочетании *большая казна*, а в XVII в. уже без прилагательного.

да казначѣй Федоръ Ивановичъ Сукинъ» (СЗ). Встречается в деловых памятниках с XIV в.⁹⁷

Суд и судопроизводство

Общее название провинностей — *вина*. Слово очень широко употребляется в Сибирских летописях. В таком значении оно известно в древнейших памятниках, принадлежит с давнего времени деловому языку.⁹⁸ См. в наших памятниках: «поимаху... за ихъ воровские вины казняху по государскому указу» (У193) и мн. др. См. в сочетании *в смертной вине*: «бе же у него Татаринъ в смертной вине» (У220).

Грабить и *шарпать* — в значении 'грабить'. *Грабить* — «како на Волге на перевозехъ Ногайцовъ побиваютъ и Ардобазарцовъ грабятъ и побиваютъ» (С8) — древнейшее слово; *шарпать*⁹⁹ — «яко зраченъ воюя бусы по Хвалынскому морю и по Волге со многими своевольными вои, яко и царскую казну шарпаль» (М312);¹⁰⁰ *разграбить* — «убити хотѣша и жита его разграбить» (М315).

Воровати — «на ней же [Волге] живуще Донские казаки и вороваху по Волге реке многое время и по инымъ рекамъ» (У193).¹⁰¹ Ср. древнейшее слово *украсть*: «татаринъ же егда прииде въ другое и укра[де] у казаковъ пищаль и лядунку и принѣсе Кучюму» (ГЗ10). Книжным синонимом к ним является *похитить*: «похитиль у Калъмыковъ коней многое число» (М352). Слово это многозначно.¹⁰² См. также слово *урвать*¹⁰³ — «что мимоходомъ урваль, то и наша добыча» (М326) (употребляется только в Кунгурской летописи).

⁹⁷ По свидетельству М. А. Моминой, в Описании Китая Спафария употребляется в значении 'хранитель личного имущества царя и ведающий некоторыми делами по царскому двору' (Этнические термины и названия должностных лиц... стр. 355).

⁹⁸ См. о его значениях в древнерусском языке: Т. Ф. Алексеева. Лексика и фразеология южнорусских грамот XIV—XV вв. Автореферат канд. дисс. М., 1956.

⁹⁹ См. о его этимологии: Сл. Фасмера, т. III, стр. 378.

¹⁰⁰ См. о них еще в нашей статье «Некоторые вопросы синонимии...», стр. 63—64.

¹⁰¹ Встретилось нам в деловых памятниках XVII в. в разнообразных значениях: 'грабить', 'разбойничать', 'красть', 'принимать участие в бунте', 'клеветать', 'делать ложный донос'.

¹⁰² В наших памятниках имеет еще значение 'уничтожить', 'истребить': «Карача же ни мало отступи, но стоя во обступлении града, хотя ихъ уморити гладомъ, и аки нѣкая ехидна дыхая на казаковъ, ... хотя ихъ похитити» (С35). Оно известно в многочисленных книжных памятниках: Воскр. лет., Псков. II лет., Каз. лет., Ч.-М., Пов. о Царьгр. и мн. др. В них отражается его многозначность. См. в одном из отсутствующих в наших памятниках значений — 'схватить': «за горѣтани похитивше, задавляху» (Каз. лет.).

¹⁰³ Сл. Срезневского указывает его только в значении 'оторвать'. В значении 'захватить, присвоить что-либо' известно в памятниках XVI—XVII вв.

Названия различного рода преступлений и преступников.

Разбой — «и прибравъ себе дружину малую и пошель от работы на разбой» (Б306); *разбойник* — «повеле ихъ разбойниковъ имать и освидетельствовать, для страху другихъ казнить смертью» (Б296). Оба слова известны в древнейших памятниках. Слово *разбойник* в XVII в. обозначает часто восставших посадских людей или казаков. Такое значение имеет, видимо, и в наших памятниках. Употребляется также и в значении 'грабитель'. *Грабеж* — «и нашимъ людямъ многие грабежи и убытки чинились» (С15). В значении, синонимичном слову *разбой*, употребляется в древнейших деловых и летописных памятниках.¹⁰⁴

Вор ('всякого рода нарушитель закона'):¹⁰⁵ «Максимъ Строгановъ тѣхъ пресловущихъ воровъ Ермачка Поволскаго съ товарищи з запасы и с ружьемъ отпустилъ» (М314), «на Волге нам жить — ворами слыть, а на Дону намъ жить — казаками слыть» (Т56). Может употребляться просто в значении 'злодей', 'грабитель', в качестве бранного слова: «а какъ сыщется, велю тѣло его вора атамана Ермака в части изрѣзать» (О377) (в передаче речи татар). Известно в памятниках с XVI в., см. в том же значении уменьшительное *воришки*: «послаша на мя простыхъ людей, наемныхъ воришковь, своей обиды отмщати» (Т70). Сочетание *воровские люди*: «но самозванъ отъ простыхъ людей воровскихъ, атаманишко волскихъ казачишковь Ермакъ» (Т70), «поймаху... и за ихъ воровские вины казняху» (У193). *Воровство* употребляется также для обозначения всякого рода нарушений закона, в том числе измены и заговора: «грабили і воровством своимъ проѣзду не давали» (О367), «многие воровства и злое непокорство» (У193).

Тать ('вор'):¹⁰⁵ «и побѣже в колмацкия улусы и бѣгая подсмотри тамо конския стада и отгна; и уже бо к тому бысть не яко царь, но яко тать и разбойникъ и бѣгунъ» (Т80). Слово известно в древнейших деловых памятниках (употребляется в Русской Правде). См. его в контексте высокого стиля: «тать ненавидитъ солнца, а гордый смирънаго» (М366). *Убийца* — «не возможно бо намъ битися единому з десятию... да не сами

См. в XVIII в.: «казаки как собаки, что урвалъ, темъ и сытъ» — Пословицы Богданова. Видимо, оно употреблялось в разговорном языке, в частности в среде казаков.

¹⁰⁴ Кроме того, имеет значение 'наказание за преступление — конфискация имущества'. См. о соотношении этих значений: Е. Ф. Бакланова. К вопросу об употреблении..., стр. 62—63.

¹⁰⁵ По свидетельству Е. Ф. Баклановой (К вопросу об употреблении...), слово *вор* употребляется в судопроизводстве Москвы (сначала наряду с словосочетанием «лихой человек», в XVII в. заменяя его) как родовое обозначение всяких преступников (стр. 61). Сл. Фасмера (т. I, стр. 226) относит его к *врать*. См. о значениях слова *вор* в древнерусском языке: А. П. Евгенъева. История слова «вор» в русском языке. Ученые записки Ленинградского пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 20, 1939.

себѣ убійцы будемъ» (Т68); *убийство* (действие по значению глагола *убивать*): «и нѣкто отъ слугъ царя Івана сына его, царевича Тайбугу, соблюде отъ Чингисова убійства» (С18). Оба слова известны в памятниках с XI в.¹⁰⁶

Названия наказаний представлены в Сибирских летописях следующими словами: *казнь* ('наказание') — «отведай мне в реке Вагаю броду, толко отведаешь, и я тебя пожалую и отъ казни избавлю» (У220). Известно в таком значении в древнейших памятниках. В XVI—XVII вв. употребляется во всех жанрах письменности; *приказнить* — «і тотъ ихъ государевъ указъ на станахъ не засталъ, а коихъ схватили, тѣхъ і приказнили» (М313), встречается только в Кунгурской летописи. Возможно, разговорное слово, однако может быть использовано в специальной литературе.¹⁰⁷

Пытать ('подвергать пытке'): «указъ отъ великого государя . . . , гдѣ техъ воровъ ни застанеть, тутъ пытать, казнить і вѣшать» (М313).¹⁰⁸

Вешать — «повелелъ ихъ казаковъ имати и тамо по рекамъ вешать» (У193);¹⁰⁹ *повесить* — «а меня Ермака велить государь царь повѣсить: потому что большому челоуѣку болшая и честь бываетъ» (Т56);¹¹⁰ *перевешать* — «а атамановъ и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали, велимъ перевѣшати» (С15); *удавить* — «и царя Китайского Абдура хана абие удавити повелѣ» (О393);¹¹¹ *расстрелять* — «мергенеі повѣсилъ за ногу и розстрелялъ» (М333),¹¹² ср. неясное употребление: «о мужикъ, не знаешь ли ты і тепере мертвъ, возьмемъ ты и ростреляемъ по клоку» (М315).

Слово *расправа* используется скорее для обозначения процесса разбирательства (иногда шире — управления вообще), чем наказания: «і воеводъ своихъ отъ себя государя въ нововзятое

¹⁰⁶ Интересно отметить, что в судебныхниках XV—XVI вв. слов *убийца* и *убийство* нет (см. только сочетание *государский убойца* ('убийца своего господина')). Здесь используются слова *душегубец* и *душегубство*. См.: Е. Ф. Бакланова. К вопросу об употреблении . . . , стр. 63. В XVII в. слова *убийца* и *убийство* опять известны в юридической лексике.

¹⁰⁷ См. в Дополнит. статьях к Судебнику 1550 г.: «будетъ тотъ же тать въ другиі покрадетъ што на дворе . . . и его приказнити смертноу казнию». Ср. слово *прибить*: «і техъ [бойцов] . . . прибили до единого» (М326), «і ту прибиша всехъ съ ярости бѣзъ остатку» (М341) (употребляется также только в Кунгурской летописи).

¹⁰⁸ Ср. его в общем языке в значении 'спрашивать': «і начаша волховски пытати, что имать быти, и пленникъ вопрошати, что руски видѣние се» (М320) (Сл. Срезневского отмечает в значениях 'опрашивать', 'допрашивать' и мн. др.).

¹⁰⁹ Известно в Тронцк. л., Новг. I лет.

¹¹⁰ Известно в Пов. вр. л., Ип. л., Новг. I лет., Уст. Дв. гр. 1397 г., Псков. I лет. в нескольких значениях.

¹¹¹ Известно в Пов. вр. л.

¹¹² Употребляется во многих древнерусских памятниках, сначала по отношению к стрелам в сочетании *расстрелять стрелами*.

царство Сибирское в Тоболескъ і в городаы сибирскіе для росправы и державы послать» (ОЗ76).¹¹³

Для обозначения места заключения употребляются слова *темница* и *тюрьма*. *Темница* — «велить насъ переимать и по городомъ разослать и по темницамъ розсажать» (Т56). Известно в памятниках с XI в., употребляется во всех стилях письменности. Его синоним — *тюрьма*: «на Муромскомъ лесу поиманъ и сидель в тюрьме» (Б305). Встречается в памятниках с XV в. Заимствовано из немецкого языка (по свидетельству А. И. Попова).¹¹⁴ Употребляется реже, обычно в деловой письменности.

Подтверждение верности слов или действий в прошедшем и будущем называется словами *клятва* и *обет*. *Клятва* — «еже с клятвою обѣщаемся» (С22). *Обет* ('клятвенное обещание'): «како мы честнымъ людемъ... обѣты... даша» (С22). Оба слова известны в древнейших памятниках. Юридическое значение имеется в Сибирских летописях для слова *освидетельствовать* ('опознать'): «повеле ихъ разбойниковъ имать и освидетельствовать, для страху другихъ казнить смертию» (Б296). Известно нам в памятниках с конца XVII в. *Свидетельство* ('доказательство'): «и повеле у нихъ для истиннаго свидетельства нечто у нихъ взять» (У220) — не имеет, видимо, в Сибирских летописях специального юридического значения. Слово известно в древнейших памятниках всех жанров.¹¹⁵

Международные отношения

В значениях 'дипломатический представитель высшего ранга', 'человек, посланный с каким-либо важным поручением' употребляются слова *посол*, *посланник*, *посланец*, *посыльщик*, *посланный*, *гонец*. *Посол* — «пулка... убила посла государева» (Т56), «во едино же лѣто послы персидския, бухарскія и кизыл-

¹¹³ Ср. в Пам. дипл. сн. с. П.-Л. гос., 1570 г.: «и Петру и Ондрею... говорити, что царь и великий князь для земскихъ респравъ былъ въ своей отчинѣ в Новгородѣ». Известно нам в памятниках только с XVI в.: АИ, 1578 г., Ник. лет., Римск. имп. д., 1588 г. и др.

¹¹⁴ Ср.: Сл. Фасмера, т. III, стр. 164.

¹¹⁵ Ср. слово *свидетельствовать*. Древнее слово, в XVII в. употребляется в памятниках всех жанров. В Сибирских летописях не имеет юридического значения: «яко жъ свидѣлствуетъ кронника латынская» (Е116), хотя в деловой письменности в таком значении уже известно. Отсутствие специальных значений у слов с этим корнем в Сибирских летописях, видимо, соответствует характеру его употребления в языке. По свидетельству Е. Ф. Мишиной (Юридическая лексика судебныхников XV—XVI вв. Автореферат канд. дисс. Куйбышев, 1963, стр. 8), в юридическом языке XV—XVI вв. в значении 'свидетель' употреблялось не одно, а целый ряд слов: *свидетель*, *знахарь*, *старожил*, *правда*.

бадския были на Москве» (Б296), «Ермакъ... отпустиша пословъ своихъ к честнымъ людемъ к Семену и Максиму и Никите Строгановымъ» (Г74). В последнем примере имеет значение: 'человек, посланный с каким-либо важным поручением'. *Посланник* — «и посовѣтовавъ отпусти ко князю Сеидяку посланниковъ» (Е156). Оба слова известны в многочисленных деловых памятниках XVI—XVII вв., часто взаимно заменяют друг друга. В Сибирских летописях чаще употребляется слово *посол*. Слово *посланец*, возможно, более позднее, чем первые два. Картотека ДРС отмечает его во многих деловых памятниках только XVI—XVII вв. В наших памятниках оно является синонимом к 1-му значению слова *посол* (но употребляется в меньшем количестве случаев). В Аб на стр. 252—253 послы Карачи к Ермаку названы один раз *послами*: «придоша во градъ Сибирь къ Ермаку отъ думного Карачи послы и просиша у Ермака людей оборонити ихъ отъ Казачьей орды» (А6252), а ниже дважды — *посланцами*: «Ермакъ же, слыша словеса ихъ, и велелъ темъ посланцомъ на правде шерть давать» (А6253). В других памятниках слово *посланец* известно в обоих значениях. Слово *посыльщик* употребляется в Сибирских летописях только во 2-м значении: «посылаеть [Кучиум] во всю свою державу скорыхъ посыльщиковъ, дабы ехали [к нему в] воинство люде ... во градъ Сибирь противъ нашедшихъ Россійскихъ людей» (У195) (ср. в сп. А того же текста — «скорыхъ пословъ»). Картотека ДРС отмечает это слово в памятниках только со второй половины XVI в. Синоним к *посыльщик* слово *посланный* (субстантивированно): «они же посланни [ратные люди] ихъ окаянныхъ овыхъ побиша, а иныхъ живыхъ взяша» (С5) (см. в значении причастия: «посланныи жъ отъ Ермака атаманъ і казаки к Москвѣ приехаша» (П282)). В деловой письменности XVI—XVIII вв. это слово в отличие от наших памятников может употребляться и как синоним к слову *посол* в 1-м значении. Синонимом к причастию *посланный* в Сибирских летописях является слово *присыльный*: «... присыльные люди, казанские и свияжские стрельцы и пермские ... люди померли въ Старой Сибири з голоду» (П284). Оно известно в древнейших памятниках, широко употребляется в деловой письменности XVI—XVIII вв., очень часто в сочетании со словом *люди*.¹¹⁶ *Гонец* — «и ис Тоболска на всякъ день скорыхъ своихъ посылаше гонцовъ, слыхати хотя, гдѣ неприятель его, Ермакъ с товарищи, пребываетъ» (О372). Фиксируется в древнейших деловых и летописных памятниках. Употребляется в общем языке для обозначения всякого лица, посланного куда-либо со срочным поручением.

¹¹⁶ См. примеры употребления этих слов в других памятниках в нашей статье «Некоторые вопросы синонимии ...», стр. 69—70.

Провожатый — субстантивированно ('член отряда военной охраны'): «[татары] встречающе и провожающе казаковъ и с провожатыми честно» (М336). См. как прилагательное: «и оставленъ той царевичъ на Москве, а провожатые казаки пожалованы и удоволены и отпущены в Сибирь по прежнему» (Б301). Имеется в таком значении в деловых памятниках с XVI в.¹¹⁷

Весть, приносимая гонцами, имеющая радостный характер, носит название *сеунч* (вариант *соунч*): «и посла къ великому государю... къ Москвѣ с сеунчомъ казаковъ 50 человекъкъ» (Г308). Слово заимствовано из тюркских языков.¹¹⁸ См. также *сеуншик*: «а техъ сеуншиковъ пожаловаль государь своимъ царскимъ многимъ жалованьемъ» (П283).

Посольство ('посольская миссия'): «приидѣ отъ Карачи оманщикъ посолъ и на посольствѣ шертоваль по своей вѣре» (М340), «прият же и протчие подарки седя и сконча посольство, радощенъ бѣ и со своими, что любезно великий государь послуша его послалъ» (М348).¹¹⁹

Договор ('переговоры'): «и повеле имъ быти к себе в Тоболь, аки бы для мирного договору» (для заключения мира) (Б304). Известно нам в памятниках XVI—XVIII вв. Имеет несколько значений ('взаимные обязательства между государствами', 'обязательства между частными людьми', 'документ, оформляющий соглашение', 'переговоры' и др.), которые во многих случаях сохранились у него и до настоящего времени. См. также глагол *договариваться*: «яко бѣ о миру и о укрѣплениі договариватись» (Т88). Встречается в памятниках XVI—XVIII вв. делового стиля в значениях 'приходить к соглашению', 'устанавливать в результате переговоров'.

Заложник враждебной стороны называется *аманат*: «сверхъ ихъ шерти емлютъ у нихъ аманатовъ ихъ ради злаго пронырства и непостоянства лукаваго» (С34).¹²⁰

Толмач ('переводчик'): «и толмачевъ бусурменского языка имъ даша» (С11).¹²¹

Синонимичные слова *иноязычный*, *иностранный*, *иноземческий*, а также *иноплеменный*, *иноплеменный* (субстантивированно), *иноземец* употребляются в значении 'иностранный',

¹¹⁷ Например: «а велѣла бѣ сестра наша Елисавет-королевна своимъ гостемъ и торговымъ людемъ ѣздить отъ Датскихъ людей бережно съ... провожатыми». Пам. дипл. сн. с Англ., 1582 г.

¹¹⁸ Сл. Фасмера, т. II, стр. 619.

¹¹⁹ Известно в Ип. л., Пчел. И. публ. б., Псков. II лет. и др.

¹²⁰ См.: Сл. Фасмера, т. I, стр. 16. Благодаря сношениям с Персией продолжает существовать в деловом языке и в XVIII в. См. его в памятниках XVIII в. Пох. журн., 1711 г.: «везирь Турецкой... просилъ въ аманаты Фельдмаршала сына Михаила Шереметева».

¹²¹ См. о его этимологии: Сл. Фасмера, т. III, стр. 115—116. Известно в Ип. л., Соф. вр. и др.

‘иностранец’. *Иноязычный* — «и дани и оброки со многихъ людей иноязычныхъ имаше» (П274). Известно в древнейших памятниках, в XVI—XVII вв. — в памятниках высокого и среднего стилей. *Иностранный* — «и прибравъ множество иностранныхъ воинскихъ людей, Агарянскихъ же языковъ, и приде ко граду Сибири» (У223) отмечается в древнейших памятниках. Картотека ДРС показывает, что в деловых памятниках оно стало употребляться преимущественно в XVIII в. *Иноземческий* — «и к шерти ихъ Татаръ приведоша по ихъ иноземческой вере» (А6249). Известные нам памятники не имеют этого слова.¹²² Сложную картину представляют синонимы соответственных существительных и субстантивированных прилагательных (возможность субстантивации, видимо, не исключена была и для разобранных выше прилагательных). *Иноплеменный* — «не веселитесь, вси иноплеменницы, сокруши бо ся яремъ веселящаго васъ» (М354), *иноплеменный* — «тогда жъ Ермакъ, ис полатки своей спальной услыша то нахождение иноплеменныхъ на себя» (О377). Оба слова известны в древнейших памятниках церковного и летописного характера. *Иноплеменский* — «возмутъ гради тверди иноплеменскихъ всехъ, яко дымъ, отъ севера грядеть» (М354). В XVII в. имело книжный характер.¹²³ *Иноземец* — «по сей же реке жительство имеютъ люди иноземцы рекомы Вагулича» (А6242). В наших памятниках из всех синонимов это слово употребляется наиболее широко. Вероятно, оно довольно позднего происхождения.

Чужеземец носит также название *пришлец*: «новыхъ вещей не вносити, а пришлецовъ за рубежь высылати» (М362). Видимо, книжное слово. Известно в памятниках с XI в.

ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА

Сибирские летописи представляют большое количество лексики, относящейся к этому разделу. Описание похода Ермака дается в большинстве из них со стремлением к документальности, кроме того в текст включается ряд подлинных деловых документов. Поэтому Сибирские летописи показывают действительную военную лексику XVII в., а следовательно, состояние военного дела и состав «военного арсенала» того времени. Этим Сибирские летописи отличаются от многих художествен-

---

¹²² Ср. широко иллюстрированное в Картотеке ДРС прилагательное *иноземный*, употребляющееся преимущественно в деловых и летописных памятниках с XVI в., такой же характер имеет слово *иноземский*.

¹²³ См. в Картотеке ДРС для него цитаты из Беседы отца с сыном, Ч.-М. и многих других книжных памятников.

ных произведений XVII в., описывающих военные события в духе старых воинских повестей и потому использующих традиционную лексику и фразеологию литературного языка. Конечно, поскольку Сибирские летописи являются, как говорилось уже неоднократно, тоже памятниками литературного языка, в них можно найти лексику, характерную для воинских повестей. Связь Сибирских летописей с воинскими повестями могла проявляться и через использование при их написании казачьих отписок. Казачьи отписки часто подражали риторике книжной литературной традиции, приближаясь в этом к воинским повестям.¹²⁴ Но, как будет видно из дальнейшего изложения, количество слов книжного характера в военной лексике Сибирских летописей невелико. Для доказательства этого производится сопоставление военной лексики Сибирских летописей с лексикой художественных и деловых памятников XVII в. и сведениями исторических работ о развитии военного дела в России (военных энциклопедий, словарей, а также описаний военного снаряжения царей XVII в., например Бориса Годунова и Михаила Федоровича в книге Савvaitова,¹²⁵ и т. п.).

По своей тематике военная лексика Сибирских летописей отражает все стороны военной жизни.

Военные действия и операции

В значении 'война' употребляются слова *война*, *рать* и *ополчение*. *Война* — «о приходе... войною под городъ Tobолескъ» (С42), «князь же Тайбуга проси у царя Чингиса воинскихъ людей на войну иттить на иныхъ людей» (П272). Слово обычное в деловой письменности XVII в., часто употребляется в сочетаниях *идти*, *пойти*, *прийти*, *приход войною*: «вниде в слухъ благочестивому государю... с частыхъ приходехъ бусорменскихъ войною на ево государскую землю» (С1). См. военное употребление слова *приход* вне этого сочетания: «и како безбожнии своимъ приходомъ ево государевымъ Пермския земли городомъ... пленение и запустѣние учиниша» (С1).¹²⁶ *Рать* — «о посланіи царя Кучюма сына своего... на русские вои ратию» (С19), «а прежь сего... салтанъ приходилъ ратью и данныхъ

¹²⁴ См. о казачьих отписках: Дж. А. Гарибян. Из истории русской лексики. О военной лексике Азовских повестей. Ученые записки Ереванского русского пед. инст., 1956, т. 6, стр. 291—292.

¹²⁵ П. И. Савvaitов. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896.

¹²⁶ Ср. его в значении 'прибытие, приход': «передъ воеводскимъ приходомъ, того жъ лѣта придоша къ Ермаку... послы» (П286).

Остяковъ... побиль» (Т53), «и сего ради тмами казнишася глдомъ і язвами... і ратию і различными разоренми» (Е121). См. сочетание *итти ратью* — С6. Слова *война* и *рать* известны с древнейших памятников. Употребление последнего обычнее в литературных памятниках.¹²⁷ В Сибирских летописях оно используется широко. *Ополчение* — «Тарской воевода... ополчениемъ ходилъ на Кучюмлянъ» (М352). Употребляется в памятниках всех жанров с XV в. См. сочетание *воинское ополчение*: «пришествие на царство его Россійскихъ людей воинскимъ ополчениемъ атамана Ермака» (У195).

Хождение (хождение) ('война'?, 'отдельная военная операция'?): «і в томъ хоженіи поганіи убиша подъ городки... атамана Никиту» (С29) и слова *нашествие, пришествие, находение* в значении 'нашествие', 'нападение': «городомъ и селомъ запустѣние учиниша и многие скорби и досады отъ ихъ поганныхъ безбожныхъ находений» (Т48). Форма с *жд* (слово *нахождение* известно в этом же значении) появилась, вероятно, поздно и сначала в книжном языке: она известна нам с XV в. только в книжных сочинениях. После XVI в. слово *нахождение* употребляется и в деловых памятниках.¹²⁸

В Сибирских летописях имеются слова общего языка, которые употребляются по отношению к военным действиям, однако не имеют специального военного значения. Например, *поход*: «Кучюм же изходящѣ в походы на Камышъ» (М321). Смыкаясь в своем значении со словом *война*, оно не имеет специального военного значения и сохраняет связь со словами своего корня: «і в походъ ходиша на Вогуличей» (М313).

См. в значении 'пойти войною' книжные сочетания *посла меч обоюдоустр*: «ни моромъ, ни огнемъ жегий... но сопротивъ посла мечь обоюду остр» (Е122) и *обнажиша мечи*: «обнажиша мечи на нечестивыя и многія городе и взяша» (С28).

В значении 'воевать' употребляется древнее слово *воевать* с управлением — *воевать кого* и *воевать что* (с разными оттенками в значении): «послали... Ермака... воевать Вотяки и Вогуличъ» (С14), «в 7085-м і 6-м годехъ воѣвалъ і разбивалъ на Оке і Волге і на море суды і катарги» (М313). Широко употребляется в Сибирских летописях и других памятниках XVII в. Глагол *воеваться* — синоним к *воевать*: «и нынѣ онъ Никанской царь с Китайскимъ царемъ воюются» (О388). Также не имеет стилистического ограничения в употреблении (здесь и в других подобных случаях наши памятники отражают характерную для древнерусского языка синонимию глаголов в возвратной и невоз-

¹²⁷ См., однако, его в этом значении без каких-либо стилистических помет даже в «Словаре церковно-славянского и русского языка», сост. Вторым отделением Академии Наук, т. IV. СПб., 1847.

¹²⁸ Ерм. лет., Каз. лет., Кн. Степ., Ч.-М., Жит. Авр. Смол., Требник XVI в., ДАИ, 1674 г., 1678 г., 1682 г. и мн. др.

вратной формах). В значении 'воевать' употребляется также глагол *ратовати*: «отъ устья Тавды реки поплыша Тоболом рекою в Сибирь на царя Кучюма ратовати» (Б298). В таком значении известно нам в памятниках книжного характера с XV в.¹²⁹ Такой же характер имеет его синоним *ратоватися*: «ратоватися не смеюще» (А104), известный с этого же времени и тоже только в книжных памятниках.¹³⁰

Для обозначения боя в Сибирских летописях употребляется несколько слов: *бой*, *битва*, *сеча*, *брань*, *бранное ополчение*, *побоище*, *сражение*, *драка*. Древнее слово *бой* широко употребляется в Сибирских летописях: «и на томъ бою русскаго воинства отъ Ермаковы дружины мало убьено бысть» (С21), «и бысть с ними бой великъ» (Е166), «ратные люди на бой устремшася» (ОЗ73). Оно широко употребляется в XVII в. в памятниках разных жанров.¹³¹ *Битва* — «яко мы васъ не на битву зовемъ, но на честь и на покой и о умирении глаголати» (Т89). Довольно позднее слово, в XVII—XVIII вв. известно в повествовательных и деловых памятниках.¹³² *Сеча* — «и бысть сѣча зла» (Е130) — встречается в Сибирских летописях значительно реже, чем слово *бой*, и обычно в книжных контекстах. В XVII в. присутствует преимущественно в книжных памятниках, «бысть сеча зла» — обычная там формула. Слово *брань* по своей форме (наличию неполногласия) является книжным, однако в XVII в. оно используется достаточно широко (см. замену в наших памятниках: Е129 — «бысть брань велия», в таком же тексте в А6246 — «учиниша бой велик»). См. сочетание *бранное ополчение*: «и тако бысть брань до полудни, и преста бранное ополчение» (С36). Употребляется обычно в литературных памятниках. *Побоище* — «казаки же с побоища того поидоша во свои городокъ» (Р265). Имеет широкое употребление в летописных памятниках,¹³³ но в наших памятниках употребляется только один раз. От слова *бой* слово *побоище* отличается своей эмоциональной окрашенностью.¹³⁴ Иногда (редко) это слово употребляется в XVII в.

¹²⁹ Ст. П., Ник. лет., Переясл. л., Ч.-М., Жит. Авр. Смол., Каз. лет., Пам. См. вр. и др.

¹³⁰ Палея, 1477 г., Хронограф 1512 г., Ст. П., Симеон. лет.: «устремшася крѣпко ратоватися и не хотѣша градъ здати»; Каз. лет., Соф. вр., Хроногр. Серг. Куб. и др.

¹³¹ Слово *бой* имеет и другие многочисленные значения (см., например, значение 'оружие' в разделе «Вооружение»).

¹³² Астрах. бунт. Раз., Алф., Дон. Дела, 1653 г., Докл. в Сен., 1712 г. В XVII—XVIII вв. оно получает еще другие, разговорные значения — 'драка' (Шадр. рук. 1687—1688 гг., Булав. восст., 1708 г.), 'побой' (Наука краснор.).

¹³³ Новг. I лет., Ип. л., Ник. лет. и др.

¹³⁴ См. определение его значения в Сл. Срезневского: «сражение, битва кровопролитная». См. о такого рода синонимах: М. Ф. Тузова. Русская военная лексика 2-й пол. XVII в. — перв. пол. XVIII в. Автореферат канд. дисс. М., 1955.

и в деловых памятниках. *Сражение* — «и в той часъ сражения ихъ паки видѣша бусурманы» (М325), ср. в другом значении: «і в то время бысть сражение велие обоимъ странамъ до смертнаго посѣченія» (С21). Современное значение этого слова (первоначально употребляющееся в летописных памятниках), видимо, окончательно установилось довольно поздно.¹³⁵ *Драка* — «и гдѣ с погаными были бои і ково гдѣ убили погани на дракѣ» (Е163)¹³⁶ (ср. разночтение в сп. А «на бране», «на бою», в редакции У235 — «на боях»). В этом значении слово *драка* отмечается только в деловых памятниках XVI—XVII вв.¹³⁷

Удар ('атака'): «умыслиша жъ вси казацы на совѣршенный ударъ и се брань 4 с Кучюмляны» (М330).¹³⁸

В значении 'биться, сражаться' употребляются глаголы *битися* и *дратися*. *Битися* в военном значении 'биться, сражаться' широко употребляется во всех Сибирских летописях: «и бяхуся з безбожными Агаряны сурово и немилостиво» (С9), «встретя Рускихъ людей и нача с ними битися» (Б298). *Дратися* — «в полдни звѣремъ изшедшимъ от рѣкѣ на островъ и зелне устремишася дратися, яко и теламъ ихъ изорванымъ быти вѣще перваго» (М328). Оно, видимо, не имеет специально военного значения. См. в значении 'биться' также обороты: *составити* [ся] [составляти] *брань*: «атаманы же и казаки ту на берегу с ними брань составиша» (С21), «в то время на выласке составишася брань велия» (С24). См. разночтения «составишася брань» (С24) — «бысть брань» (Т69), «состави же брань» (Е127) — «учиниша бой» (А6245). Сочетания *починати бой*: «починиша бой» (М317) и *учинить бой*: «и учиниша бой часа с три» (М335). Последнее в более позднее время употребляется обычно

---

¹³⁵ См., например, еще в XVIII в.: «и въ непрестанномъ сраженіи чрезъ орудія были» — Зап. Нащок.

¹³⁶ Одним из проявлений образности языка XVII в. является следующее употребление глагола *задрать* (по-видимому, связанного со словом *драка*): «вы Вогуличъ и Вотяковъ... отъ нашево жалованья отвели і ихъ задрали і войною на нихъ приходили» (С14). Как и слово *драка*, глагол *задрать* позднего происхождения. Он известен нам в Ник. лет., Римск. имп. д., 1583 г.: «и король Индрикъ ихъ не задираетъ, а живеть съ ними въ миру», Астрах. а., 1622—1629 гг., Якутск. актах, 1639 г., Актах Свир. м., 1665 г., Переп. Хован., 1677 г., Артикл. воин. 1715 г. и др., см. его в этом значении также в памятнике конца XVIII в.: «почти выходитъ, что опасаться нечего, мы Шведа не задеремъ, а буде онъ начнетъ, то можно его проучить» (Пам. зап. Храповиц., 1788 г.). Слово *задрать* имеет и другие значения.

¹³⁷ Ср. часто употребляемые в произведениях фольклора синонимы-повторы *бой-драка*. См. об этом: А. П. Евгеньев. Язык русской устной поэзии. (Синонимия.) Труды отдела древнерусской литературы. Инст. русской литературы, т. VII, М. — Л., 1949. См. об этих словах еще в нашей статье «Некоторые вопросы синонимии...», стр. 62—63.

¹³⁸ См. его значение в Сл. Даля: *удар* «у казаков — приступ, атака, нападение лавой». *Удар* в этом значении, видимо, своеобразное слово казачьего жаргона.

в канцелярско-приказном языке.¹³⁹ Глагол *учинити* широко известен во многих памятниках XVII в. разных жанров в различных сочетаниях. См. его, например, в сочетании *победу учинить* ниже.¹⁴⁰

Для обозначения различных военных действий во время войны, боя в Сибирских летописях употребляется довольно разнообразная лексика.

Ополчитися ('приготовиться к битве'): «и повелѣ им мужски ополчитися противу нашедшихъ русскаго воинства» (С19), «и ополчишась поидоша ко граду Сибири» (П280). Известно нам в памятниках с XIII в. книжного характера, в XVII в. употребляется и в деловых памятниках.

Наступать (с предлогом *противу*): «поганіи же противу нашедшихъ крѣпце и немилостивно наступаху» (С20). Слово, видимо, имеет значение, приближающееся к современному специальному, однако использование при нем обстоятельственных слов показывает отсутствие у него морфологической и синтаксической изоляции от общезыкового употребления.

Подойти — в памятниках XVII в. имеет среди других военное употребление (с управлением *подойти под*): «и подошедь подѣ полки Агарень своихъ тайно и побилъ своихъ» (М351).¹⁴¹

Нападать — широко употребляется в военном значении во всех Сибирских летописях: «и внезапно окаянніи нападоша на Чузовские городки» (С12) и мн. др.

Устремиться — «и на поганыхъ устремишася» (С20), ср. «и на бѣжение поганіи устремишася» (Е127). Слово встречается во всех Сибирских летописях. Последнее сочетание в Сибирских летописях употребляется довольно часто.¹⁴²

Глагол *сечь* употребляется в значении 'рубить' (в битве): «рустиі же вои и до становѣ ихъ за ними гнаша секуще» (С43), «и емлющесь за руки, секущѣ противныя своя» (М330). Характерен для книжных сочинений *Сечься* — стилистически однородно со словом *сечь*. В Сибирских летописях употребляется в контекстах высокого стиля: «такъ сѣкущесь, яко конемъ по чрѣво бродити и крови ихъ і в трупѣ поганскомъ» (М323). Та-

¹³⁹ См. об этом: И. С. Хаустова. Лексикологическая характеристика «Ведомостей» Петра I. (По материалам лексики, связанной с военной тематикой). Ученые записки ЛГУ, Серия филологических наук, вып. 42, № 243, 1958.

¹⁴⁰ Ср. его в других сочетаниях: «пакость учиниша» (С12); «учинимъ кругъ и совѣтъ благъ» (Т67); «и окладъ имъ учиненъ по 15 рублей» (М353) и др.

¹⁴¹ Ср. в фольклоре: «ужъ я подойду, подойду Я под царь-город подойду, Уж я вышибу, вышибу, Я копьем стену каменну» — ВНП.

¹⁴² См. это слово также в устойчивых сочетаниях: «устремишася на бегъ» — Ж. Вас. Нов. XVI в., Псков. I лет., Псков. II лет., «устремишася ратоватися» — Соф. вр., «устремишася на брань» — Стефанит XVII—XVIII вв. Судя по характеру памятников, где встречаются эти сочетания, они являются принадлежностью книжной письменности.

кого же характера устойчивая формула *за руки емлюще секуще*, хорошо известная в воинских повестях. См. еще: «дондеже другъ друга за руки емлюще сечахуся» (С24).¹⁴³

См. также слово *разиться* — «и разишася вси воедино и бысть брань вѣлия» (М330) в значении «броситься, кинуться в сражении, драке». ¹⁴⁴

Сразиться — «егда же сразишася в велией сечи» (М361), «и с царевичемъ Маметкуломъ сразишася крепко» (Б299). Видимо, в первой цитате имеет старое значение, характерное для воинских повестей и летописей: «сшибиться, столкнуться», во второй — значение, приближающееся к современному.

Посекать — «и около ту живущихъ крестьянъ множество посекоша и села ихъ и жилища пожгоша» (С12). См. в контексте высокого стиля: «Агарень посекаяя і умершвляя и низлагая» (М361). Ср. его в другом значении («разрушать в битве?»): «посекая многия городки» (А6251).

Защищаться — «казацы же отъ нихъ защищахуся в Саусканѣ» (С36) — древнее слово. См. также *ущититься* в том же значении: «побиваютъ, а ущититца отъ нея никакими ратными збруями не возможно» (С17).

Сочетание *лица не отвращати* в значении «стоять на смерти»: «и лица своего от недруга не отвращати» (М93) употребляется в контекстах высокого стиля.

Засесть — «спрятаться в засаде», «скрытно расположиться в каком-либо укрепленном месте» (с управлением «в чем»): «казаки же... придоша во градъ и засядоша в немъ» (Б299) (см. ниже его в значении «захватить»).

Приступати также употребляется в Сибирских летописях в военном значении («брать приступом», «штурмовать»): «и того [города] Ермакъ приступающе 5 дней, взяти не могъ и оставилъ» (М342), «и начаша приступати к засеке мужественно и сурово зело» (С23). Это слово известно с древнейших памятников в разнообразных значениях.¹⁴⁵ *Доприступати* — «седоша в Атинскомъ городкѣ долгое время дней, доприступая к засеке и паки возвращаяся в Атинской городок» (М330) — неизвестно нам в других памятниках, вероятно, является одним из свободно образующихся в XVII в. приставочных слов.

¹⁴³ О сходстве ряда оборотов речи в описании военных действий в Строгановской летописи с «Повестью Катырева-Ростовского» см., например: А. С. Орлов. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. Известия ОРЯС, т. XIII, кн. 4, 1908, стр. 375.

¹⁴⁴ В таком значении в других памятниках нам неизвестно. Ср. в Сл. Даля — «разиться — арх. кинуться, броситься, метнуться» и Словаре Подвысоцкого: «разиться — броситься, кинуться на кого-либо» (см. список использованных областных словарей в «Приложении»).

¹⁴⁵ См. в Сибирских летописях значение общего языка: «убити хотѣша и жита его разграбить, домъ его і при немъ живущихъ разорити в конецъ і приступи к Максиму гызом [в сп. А — грозом]» (М315).

Глагол *обступити* — «обступиша городок» (М349) (с разночтением в сп. А — «отступиша») в значении 'окружить', 'осадить' в XVI в. употребляется в памятниках всех жанров. Существительное *обступление* употребляется в соответствии с глаголом *обступити*: «хотя во опъступленіи гладомъ уморити казакъ» (А102). Синонимы к *обступити* — *обсести* и *обстояти*. *Обсести* — «царь Перскіи приде со многою силою войска своего и объсъдши градъ Нисивію» (М359). Известно в таком значении в летописных, а также книжных памятниках (в общем языке в XVII в. — архаизм). *Обстояти* — «объстоящим жѣ градъ вести доидоша» (М340).¹⁴⁶

Древнее слово *приступ* ('штурм городских стен'): «і в томъ хоженіи поганіи убиша подѣ городки своими на приступе атамана Никиту» (С29). В XVII в. — специальное слово, хотя может употребляться в военном контексте и в качестве отглагольного существительного от общеязыкового значения глагола *приступать*: «О приступе казаков на бой» (А6245). См. прилагательное *приступный* ('удобный для приступа', 'использующийся для приступа'): «и ему Григорью собою же поставити стѣны саженъ по тритцати, а с приступную сторону для низи в глины мѣсто каменемъ заклести» (С3).

См. также древнее слово *осада*, использующееся в разных жанрах, которое употребляется в Сибирских летописях только в военном значении, широко известном и в других памятниках: «казацы же пребывающе во осаде не малое время» (С35).

Глагол *оборонити* также имеет устойчивое военное значение: «посла Карача... пословъ своихъ къ Ермаку с товарищи... [побудить] оборонити его отъ Казачьи орды» (Е167).

Оборона — имеет специальное значение, сохраняя связь со словами своего корня, употребляющимися в общем языке. Эта связь подчеркивается употреблением его с предлогом *от*: «прося у Ермака на оборону людѣй отъ Казачьи Орды» (М340). Известно во многих деловых и летописных памятниках с XVI в.

Имеет только специальное военное значение слово *вылазка* ('выход части войск из осажденного укрепления для нападения на осаждающих'): «а иніи из града к нимъ на выласку вышедше и многихъ побиваше бусормень» (С43). Известно со второй половины XVI в. в деловых памятниках.¹⁴⁷

Высылка — «царь... Кучюмъ выслалъ з города подѣ гору высылку ратныхъ своіхъ людей с лучнымъ боемъ многое множество» (О372). В значении 'отряд, вышедший на вылазку'.

¹⁴⁶ Ср. книжное существительное *обстояние*, которое не имеет военного значения: «благочестивыхъ же христіанъ... малое стадо во обстоянии» (М361). См. *обстоять* в Пам. отр. лит. XVII в., Ж. Авр. Смол., Требнике XVI в. и мн. др., в Пов. вр. л. «обстоя градъ». Кроме этого, у него есть и другие значения (Ч.-М.: «зима и буря обьстоитъ» и др.).

¹⁴⁷ См. о нем еще в нашей статье «Заметки о новых словах...», стр. 158.

В Сибирских летописях имеются фразеологические сочетания, употребляющиеся для обозначения бегства врага, которые включают слово *бегство*: *ятися бегству, вдадися бегству*: «видѣвше вои своихъ велие падение... и вдадася бѣгству» (С20), ср. «и вси погани в бегство вдадася безвратно» (А6254). Это варианты устойчивого оборота, употребляющегося в литературном языке XVII в. и обозначающего 'бегство в битве или отступление'.¹⁴⁸ См. также глагол *избегати*: «и сии избегоша изъ града» (Е158) (с разночтением в У231 «бежаху и сии невозвратнымъ бегствомъ» и в П294 — «побегоша»), «со всеми своими людьми, избегшими с нимъ изъ царства ево Сибири» (У232). Значение, в котором оно встречается в наших памятниках, довольно редкое.¹⁴⁹

Побити — *побивати* многократно употребляется в Сибирских летописях: «и околь прежь реченныхъ городковъ... побиха Рускихъ торговыхъ людей» (С5), «нападе на ихъ незапно и побих ихъ без остатку» (Б302), «начаша по рекамъ Дону и Волге воровать и всякихъ людей побивать и грабить» (Б296).

Видимо, не имеют специальных военных значений слова *громити*: «и остаякия... улусы громити» (Т80) (ср. «государеву казну громил и посла убили» (Т63)), приставочный глагол *погромити*: «но точию немногие веси Агарянскія [погроми и поплени]» (У233) и «многими бои улусы ихъ погромили и рухледи много взяли»¹⁵⁰ (М314), причастие *погромленный*: «едучи по погромленнымъ городкамъ» (М336). См. также *побрать* ('захватить'): «города с уезды побралъ и покорилъ» (С368), ср. «взятіемъ подъ царское величество в подданство побралъ» (О371). Слово известно в деловых и летописных памятниках в различных значениях и обычно не в военных употреблениях. *Поять* — «низложилъ Кучюма царя прегордаго і вся грады его поять» (М337), книжный синоним к *побрать*, также имеет несколько значений.¹⁵¹

Взять в плен (полон) ('взять в плен'): «и ту плениша многихъ Вогуличъ улусы и [въ] пленъ взяша» (М317). В этом же значении отмечается также слово *ухватить*: «и самого князя Сейдека на томъ бою ухватиша ранена» (С43) (с разночтением «на томъ бою жива яша» — сп. Е).¹⁵²

¹⁴⁸ Ср. в Львов. лет., ч. 2 и Ист. К.: «на бегство устремитися, Пам См. вр.: «устремитися в прямое бегство».

¹⁴⁹ В XVI—XVII вв. это слово в основном употребляется в значении 'избавляться': «к тому дѣлу не пойдуть и учнутъ избегать и укрыватца» (АИ, 1697 г.).

¹⁵⁰ Слово известно нам в Отп. Путивл. воев. 1589 г.

¹⁵¹ См. его в Прол. XIV в. (в значении 'взять в плен'), Ж. Вас. Нов. XVI в., Ник. лет., ДАИ, 1606 г., Ложн. и отрец. кн. XVII в. (везде — 'поять в жены'), Лет. Арх. XVII в. («пояша с собою дружину многу») и др.

¹⁵² Такое же употребление слово *ухватить* имеет в деловых памятниках, эпистолярном жанре, низовой беллетристике на протяжении XVI—XVII вв..

Одолеть — «многих бусурманъ побиша і божиею помощью одолеша» (М322). См. также *преодолеть*: «его жь Чингизъ царь... войною преодолевъ» (М318). Оба слова известны с древнейшего времени в разнообразных памятниках. Столь же древним является слово *отгнати*: «очистити мѣсто и отогнати безбожнаго варвара» (С11). См. также слова в значении действия по глаголу: *одоление* — «о взятіи и одолѣніи Сибирския земли» (С29), *отгнание* — «отгнание царя Кучюма» (С29).¹⁵³

Отбить — «отъ засеки отбиша» (С24).

Засесть — с управлением «засесть что»: «сын Кучумовъ Алѣй градъ засель» (М344) имеет военное значение 'захватить', 'завладеть'. Такое значение известно для него в летописных и деловых памятниках.

Отход — «лутче бы намъ было, аще отъидемъ отъ нихъ в отходъ» (С22) — 'отступление'. Слово *отход* не имеет специального военного значения¹⁵⁴ и сохраняет связь со словами своего корня. В Сибирских летописях оно часто употребляется в сочетании *отыдем в отходъ (отходом)*, ср. в этом же значении сочетание *отъиде восвояси* (Е147). Подобным же образом слово *отход* употребляется и в других памятниках XVII в.¹⁵⁵ В соответствии с существительным *отход* глагол *отходить* также может употребляться в Сибирских летописях, не являясь точным выразителем военного понятия «отступить»: «и тако козаки прочь отъ Тоболска в целости отъидоша» (О373).¹⁵⁶

а также в фольклоре. См. об этом: И. С. Хаустова. Лексикологическая характеристика..., стр. 165. Ср. его в значении общего языка: «ухватя полено хотѣл убит». Шадр. рук. 1687—1688 гг.

¹⁵³ Ср. в книжном контексте: «бе бо отъ Ермакова тѣла и отъ платья чюдотворение... родителницею и младенцемъ на отгнание недугомъ» (М346).

¹⁵⁴ Ср. его значение 'измена', 'отречение': «о отходѣ остяцкихъ князьковъ отъ царя Кучюма» (У174).

¹⁵⁵ В дальнейшем в военном значении начинает использоваться только слово *отступление* (в таком значении оно отсутствует в Сибирских летописях, хотя известно в других памятниках XVII в.). Но и его военное значение устанавливается окончательно только в XVIII в.: «надлежитъ непрерыванно тому обучать [солдатъ] какъ въ бою поступать, то есть справною стрельбою... прицеливаемъ..., отступлениемъ и наступлениемъ». Пис. и бум. Петра I.

¹⁵⁶ Слово *отходить* — *отойти* в значении 'отступить' весьма часто употребляется и в других, обычно деловых и летописных, памятниках, напр., Псков. I лет.: «и приѣхаша Московские воеводы, а уже Нѣмцы отошли прочь ото Пскова»; см. также Дон. Дела, 1640 г.: «и отошли, государь, мы холопи твои, отъ нихъ боемъ х крѣпости», и др. Глагол *отступать* в начале XVIII в. не является единственным для выражения специального военного понятия (следовательно, не случайно в наших памятниках его нет вовсе) и употребляется параллельно с другими синонимичными ему словами. См. его в письмах Петра I: «за наступлениемъ Шведовъ... куды ему велѣть отступать?» (Пис. и бум. Петра I). В других местах этого же документа употребляется слово *уступать*, которое в этом значении здесь и является обычным.

См. также слова, употребляющиеся в значении 'прекратить сопротивление, признав себя побежденным': *сдаться, предаться*. *Сдаться* — «ворожать де и говорятъ: лутче де намъ здаться живымъ, и на томъ де у нихъ і положено» (М334), «і учиниша бой часа с три и видѣша убиенныхъ, и здашася и ясакъ даша довольно» (М335). Известно нам в памятниках с XVI в. Имеет специальное значение.¹⁵⁷ Слово *предаться*: «и сіи сами предашася в руки нечестивыхъ» (Е167). В этом значении употребляется в литературных памятниках. Известно в древнейших памятниках в многочисленных значениях.¹⁵⁸

Повоевать ('завоевать'): «повоева же многия городки і улусы по рекѣ Иртишу» (Е141).

Победа — «и прославиша Бога, давшего побѣду на поганыхъ» (Т74), см. сочетание *победу учинити*: «вскоре надъ ними безбожными рустіи вои побѣду учинили» (С9), которое в Сибирских летописях употребляется часто. Известно в таком значении в памятниках с древнейшего времени.¹⁵⁹ Но даже такое устойчивое в употреблении слово может заменяться в разночтениях. См. Е138—А6250 *победа* — *побеждение*. Имеется в наших памятниках и глагол *победить*.

Таким образом, в обозначениях различных военных операций особенно сказывается смешение специальных военных слов и слов общего языка с лексикой, являющейся традиционной для литературных памятников.

Военные постройки и укрепления

В этом разделе военной лексики имеется значительное количество специальных слов. См. *крепкий город* (*городок*) ('укрепленный город'): «городокъ крѣпкий взялъ боемъ» (М333). Ср. прилагательное *крепкий* — 'прочный', 'такой, что трудно разбить, сломать, порвать', смыкающееся со значением 'такой, что трудно приступить, разбить, взять' (ср. в современном языке «крепкий орех», «крепкий караул»): «и на усть Тоболу крѣпкую стражу поставивъ» (М323), «Кучюм же ... утече ... на вер-

---

Ср. в общем значении: «казаки отъидоша за рѣку и обначеваша со стражею» (М332).

¹⁵⁷ См. о нем еще в нашей статье «Заметки о новых словах...», стр. 159.

¹⁵⁸ В значении 'сдаться' см. в Пов. вр. л., Львов. лет. и др. Однако в дальнейшем в этом значении употребляется только слово *сдаться*.

¹⁵⁹ См. о том, что устойчивые сочетания с глаголом *учинить* — *чинить* оформились в народной речи: В. Л. Смирнов. Устойчивые словосочетания в древнерусском языке. (На материале Сибирских летописей). Вопросы языка и литературы. Тематический сборник гуманитарного факультета Новосибирского унив., вып. 1, 1966, стр. 118.

шины рѣкъ Ишима и Норь-Ишима . . . между озеръ, в крепкие мѣста» (М351). С этим значением слова *крепкий* соотносятся некоторые употребления слова *крепость*: «поставити городки для крѣпости и обереганья Сибирских . . . людей» (С4), что привело к обозначению словом *крепость* различного рода построек, приспособлений, делавшихся для укрепления чего-либо вообще, а потом обороны населенных пунктов в частности: «у рыбных ловель и у пашень дворы ставити по обѣ стороны Тобола реки и по рекамъ и по озерамъ и до вершинъ и крѣпитись всякими крѣпостьми накрѣпко» (С7).¹⁶⁰ В дальнейшем слово *крепость* получает значение 'укрепленный пункт в целом'.

Другое название укрепленного населенного пункта — *острог*:¹⁶¹ «начася в Сибирской земли города и остроги поставлятися» (С43) и др. Особенно часто в Сибирских летописях оно употребляется в уменьшительной форме *острожок*: «надъ Сылою и надъ Яйвою рѣками поставиль острошки» (Т51) и мн. др. Слово *острог* в своем значении отличается от слова *город* 'населенный пункт, не имеющий укреплений' (иногда, впрочем, смешиваясь с ним): «Данило жъ прииде на усть рекъ Иртыша и Тоболу, и поставиша острогъ и нарекоша градъ Тоболескъ» (ГЗ10). Широко употребление в Сибирских летописях слов *острог* и *острожек* объясняется спецификой постройки укреплений в Сибири, где *острог* 'городьба' составлял основное оборонительное укрепление.

Для обозначения временных военных лагерей и укреплений разного рода в Сибирских летописях имеются слова *стан*, *обоз*, *габор*. *Стан* — «казацы же быша в стану своемъ» (С27). Известно в многочисленных древнейших памятниках в различных значениях, в том числе в значении 'военный лагерь'. *Обоз* — видимо, более позднее слово. Нам известно в памятниках с XVI в.¹⁶² В Сибирских летописях употребляется довольно редко, но, видимо, стилистически нейтрально: «облегоша весь градъ обозами» (С35), «войскомъ своимъ ударили на обозъ его

¹⁶⁰ См. о других значениях слова *крепость* в русском языке XVII в. в нашей статье «Заметки о новых словах . . .», стр. 155—156.

¹⁶¹ Первоначальное его значение 'часток, ограда из кольев, устраивавшаяся около города как для защиты, так и для нападения на город, внешнее окружное укрепление (в противоположность *детинцу* — крепости внутренней)': «острога нѣтъ ни одной тынины, и ворота и башни острожныя всѣ погнили, и въ приходъ воинскихъ людей крѣпости никакой около посада нѣтъ» (АМГ, 1629 г.) (цитата дает представление о различии в значениях слов *острог* и *крепость*). Известно в этом значении, а также значении 'временное полевое оборонительное сооружение вокруг лагеря, стана войск' в древнейших памятниках. Слово *острог* проходит ту же трансформацию значений, что и слово *крепость*. В XVI и XVII вв. у него сохраняется и его первое значение 'городьба вокруг города': «прииде князь великии Дмитрей со всеми силами къ Твѣри и сташа около всего города вкругъ и острогомъ огородиша» (Тип. лет.).

¹⁶² См. о его этимологии Сл. Фасмера, т. II, стр. 242.

атамана Ермака» (ОЗ77). *Табор* — также, видимо, довольно позднее, заимствованное слово.¹⁶³ Известно нам только в памятниках XVII в., везде в военном значении, которое сохраняется и в дальнейшем (см. Сл. Даля: «табор» — «стан, становище, бивак, лагерь, обоз на стойке»).

Для обозначения других военных сооружений см. в Сибирских летописях слова: *окоп* — «сам же повеле градъ свой крепити . . . окопами» (Б298). Появляется в XVI в. в военном значении 'укрытие для стрельбы в виде рва с насыпью'. Слово семантически изолировано от слов своего корня¹⁶⁴ (глагол *окопать*, например, имеет значения: 1) обкопать вокруг себя, 2) перекопать и др.).

Подкоп — «царь Иванъ Васильевичъ, самъ своею персоною со многими войски Казанское царство подкопомъ подъ Булатъ рѣку и царя Казанского Симеона жива взялъ» (ОЗ67). Старое русское слово, с XVI в. имеет военные значения 'вид военных земляных работ для взрыва неприятельских укреплений' и 'земляной ход',¹⁶⁵ появившиеся в связи с употреблением взрывчатых веществ.¹⁶⁶

Засека — имеет в наших памятниках только военное значение (см. его определение в «Военной энциклопедии»:¹⁶⁷ «Засекою называются срубленные деревья, рядом сваленные и обращенные вершинами к неприятелю»): «самъ же Кучюмъ повеле себѣ учинити засѣку подле реку Иртышъ . . . и засыпати землею» (С19), «сам же повеле градъ свой крепити засеками и окопами» (Б298) и мн. др.¹⁶⁸

Для обозначения укрытых военных мест в Сибирских летописях употребляются синонимичные слова *прикрытье* и *укрытье*. Их значение шире их военного употребления. *Прикрытье* — «остановилися, не внимая назирателя Кучюма и Карачи, вѣдомыхъ воровъ, стояще в прикрытѣ за речкою в трехъ

¹⁶³ Сл. Фасмера, т. III, стр. 66.

¹⁶⁴ См. о нем еще в нашей статье «Заметки о новых словах . . .», стр. 158—159.

¹⁶⁵ См. о нем еще: И. С. Хаустова. Из истории лексики рукописных «Ведомостей» конца XVII в. Ученые записки ЛГУ, Серия филологических наук, вып. 24, № 198, стр. 71—72, 1956; А. К. Абдульманова. Военная и иноязычная лексика исторической повести «Казанский летописец». Ученые записки Бийского пед. инст., вып. II, 1958, стр. 320; Д. ж. А. Гарибян. Из истории русской лексики . . ., стр. 286.

¹⁶⁶ См. его в таких значениях в Писц. д. 1565—1568 гг., Ник. лет., Котош., ДАИ, 1613 г., Ворон. акты, 1698 г. и мн. др. Слово *подкоп* могло обозначать также всякий подкоп, ров и шахту.

¹⁶⁷ Военный энциклопедический лексикон, издаваемый Обществом военных и литераторов. Изд. 2-е. Т. V. СПб., 1854, стр. 576.

¹⁶⁸ В XV—XVII вв. слово *засека* имеет разнообразное значение. См. его в военном значении в других памятниках XVII в.: «велели . . . сделать крепость, засекою осетца и велели, государь, Ивашку Павлову сести в засеке, чтобы их не побили Кузнецкие люди» (Гр. Сиб. Миллер, 1610 г.).

верстахъ і менши» (М343). Отмечается в памятниках только XVII—XVIII вв. *Укрытье* — «а людей своихъ воинскихъ поставилъ в укрыте» (С43) (в таком же тексте в Т88 имеет форму «в скрыте» — пример словообразовательной синонимичности слов в Сибирских летописях). Тоже позднее слово, нам известно в памятниках только XVIII в.¹⁶⁹

Бойница ('отверстие в стене для стрельбы'): «погани жъ пустиша стрѣлы тмочисленные с верху засеки і из бойницъ» (С23). Имеет специальное военное значение, известно нам в памятниках с XVII в.¹⁷⁰

Вооружение

В значении 'оружие' употребляются в Сибирских летописях слова *оружие* и *ружье*. *Оружие* — «воеводы жъ повелѣша ихъ во градъ пустити не со многими людьми, да и тѣхъ безъ оружия; а оружие повелѣша имъ сложити внѣ града» (Т89), «даша имъ имѣння и одѣжды добрыя и оружия, пищали и пушки полковые, и своихъ людей даша имъ» (Р263). Возможно, иногда — в значении только огнестрельного оружия: «оружия жѣ не бѣ у Кучюмлянъ, точию луки и стрѣлы, копия и сабли» (М330). *Ружье* — «он же Строгановъ даде ему ружья и запасу доволно» (Б297); «многие запасы у Строгановыхъ, ружье і вожѣй взялъ и бѣжа» (М317). Слово *ружье* в отличие от общеславянского слова *оружие* — довольно позднее.¹⁷¹ Возможно, первоначально употребление слова *ружье* было стилистически ограничено рамками сниженного стиля письменности¹⁷² (см., однако, памятник высокого стиля — Пов. о Ник. Зар. XIV в., сп. XVI в.: «а инѣ мнози от ружиа падоша а во граде многихъ людей и жены и дѣти мечи исекоша»). Во второй половине XVII в. стилистическая ограниченность для него отсутствует. *Ружье* — вооружение воинов — противопоставлялось «большому ружью» — пушкам: «даі намъ ... ружья і три полковые пушки» (М315), «і о томъ веселяшеса, не всеу туне запасъ и ружье и подмогъ и пушки даль в отпускъ» (М315), ср.: «большого ружья, пушекъ и иныхъ въ городкахъ у Казачьи Орды нѣтъ и мелкого ружья малое число» (ДАИ, 1697 г.). В этом значении слово *ружье* может употребляться и без определения *мелкий*.

¹⁶⁹ См. о них еще в нашей статье «Некоторые вопросы синонимии...», стр. 77.

¹⁷⁰ См. о нем еще в нашей работе «Заметки о новых словах...», стр. 155.

¹⁷¹ См. историю слов *оружие* и *ружье*: В. К. Чичагов. О некоторых вопросах истории русского языка в связи с историей слова *ружье*. Ученые записки МГУ, Русский язык, вып. 150, 1952. Нам известна фиксация в русской письменности слова *ружье* в памятниках с XVI в.

¹⁷² В. К. Чичагов. О некоторых вопросах..., стр. 294.

В значении 'оружие разного рода' употребляется также слово *бой*: «бой у них лучной, а огненного оружия небольшое» (О381). Сочетания со словом *бой* в военных значениях широко употребляются в деловых памятниках XVII в.¹⁷³

Снаряд — *наряд* — в значении 'артиллерия' (часто употребляются в сочетании *огненный снаряд (наряд)*): «царь ... прислалъ ... воеводу ... со многими воинскими людьми и со огненнымъ нарядомъ» (С42), «крѣпости подѣлать и снарядъ огненой и пушкарей и пищальниковъ ... держати» (С7). Оба слова могут употребляться в этом военном значении в одном и том же памятнике, см. также разночтения: С3—С50: «наряд» — «снаряд», С4—С51: «наряд скорострѣльный» — «скорострѣльный снаряд». В XVI—XVII вв. они известны в таком значении в разнообразных памятниках.¹⁷⁴

Сбруя в значении 'военные принадлежности' часто употребляется в сочетании *ратная сбруя*: «[думной Карача]... делалъ царю пансыри и колчюги і всякую ратную збрую» (П277).¹⁷⁵

Лексика, обозначающая конкретные роды оружия, в Сибирских летописях отражает определенный этап в истории развития и совершенствования вооружения. С этой точки зрения интересно перечисление названий различного оружия, встречающегося в Сибирских летописях.

Холодное оружие и защитные средства. Большинство слов, относящихся сюда, принадлежит к древнейшей лексике, многие из них — общеславянские. См. *лук* — «оружия жѣ не бѣ у Кучюмлянъ, точию луки и стрѣлы, копия и сабли» (М330) (ср. *лучной бой* 'стрелы'), *стрела*, *копье*, *сулица* (в сочетании — *копейная сулица* 'наконечник копья'), *меч*, *нож*, *сабля*; защитные средства: *панцирь*, *кольчуга*, *щит*.

Боле поздние слова: *бехтерец* ('доспех, сделанный из плоских полуколец, употребляемый вместо лат'): «куяки и бехтерцы и пансыри и колчюги наши не держать, все пробиваютъ на вылетъ» (С17). Известно нам в памятниках с XVI в. *Бердыш* ('продолговатый топор с небольшим копьем, насажен на длинное древко'): «кажуще сечение бѣрдышѣй и палашей, раны своя» (М323).¹⁷⁶ *Палаш* — «кажуще сечение бѣрдышѣй и пала-

¹⁷³ «Лучной бой» (Астрах. а.), «огненный бой» (Ист. К. — в значении 'пушки', АИ, 1610—1613 гг. — в значении 'огнестрельные припасы').

¹⁷⁴ Первоначально имели значение 'всякое снаряжение, оборудование'. Слово *снаряд* сохраняется в современных сибирских говорах в значении 'заряд ружья'.

¹⁷⁵ См. его в Пам. дипл. сн. с Англ., 1601 г.: «и февраля въ 8 день учинилась въ Лунде великая смута въ людехъ: городъ заперли и улицы чепми замкнули [и люди] учели [ходить] въ збруе, въ доспѣхахъ і съ пищальми». Слово *сбруя* — польское. См.: Я. К. Грот. Филологические разыскания, т. II. СПб., 1876, стр. 265. См. также Сл. Фасмера, т. II, стр. 585.

¹⁷⁶ См. также Пов. о Сол.: «и по стѣнамъ также пушки деревянные, а бердыши деревянные и копия», Пенз. дес., 1679—1680 гг.: «бою у него: пара

шей, раны своя» (М323). Заимствованное слово,¹⁷⁷ известно нам в памятниках с XVII в. *Куюк* ('доспех, употребляемый вместо лат, защитные пластинки нашивались у него на сукно'): «куюки и бехтерцы и пансыри и колчюги наши не держать, все пробивают на вылетъ» (С17). Тюркское слово,¹⁷⁸ в русских памятниках встречается с XVII в. *Сулема* (оружие восточных народов): «і с собою людей своихъ Богдуйцовъ воинскихъ... с лучшимъ боемъ... і с сулемами вмѣсто сабель взять» (О392). Имеется в многочисленных памятниках XVII в. (обычно деловых).

Названия огнестрельного оружия: *пищаль* — слово известно в памятниках с XVI в.¹⁷⁹ Различаются *ручные пищали* (или *ручницы*) 'ружья' и *затинные пищали* (*затинные пушки*) 'артиллерийские орудия'. См. еще определения к слову *пищаль*: «семипядная пищаль» (один из видов пищали) — в памятниках XVI—XVII вв.,¹⁸⁰ *скорострельная пищаль* — в деловых памятниках XVI—XVIII вв.¹⁸¹ *Аркебуз* ('вид пищали') — новое для XVII в. оружие: «русстии же людие начаша стреляти ис пищалей своихъ... і из аркебузовъ» (С20). Заимствованное слово,¹⁸² известно нам в памятниках только с XVII в. *Мушкет* — «изъ гово мушкѣта немецково вылетала пулка свинцовая» (Т56). Заимствованное слово,¹⁸³ оружие появилось в России в XVI в., до 30-х годов XVII в. слово употребляется в памятниках редко. *Пушка* (и часто *пушечка*): «даі намъ... ружья і три полковые пушки» (М315), «у царя Кучюма были двѣ пушки желѣзные литые в четыре аршина длиною» (М375). В значении 'огнестрельное оружие' известно с XVI в. (ранее употреблялось в значении 'метательный снаряд').¹⁸⁴ *Пуля* (часто с определением *свинцовая*) и *пулька*. *Пулька* (цитату см. выше) отмечается в многочисленных памятниках с XVI в.¹⁸⁵ *Пуля* употребляется в значительно меньшем количестве памятников, причем более

пистолей да сабля, да человѣкъ... с бердышемъ» и др. Имеется в памятниках XVI—XVII вв., но известно раньше (ср. слово *бердышник*: «и тако избиша ихъ и воеводу ихъ... изнимаша княжа сына Тарханова, да другого бердышника, а прочихъ всѣхъ избиша» — в Воскр. лет., 1468—1469 гг. Слово заимствовано из польского. См.: Сл. Преображенского, т. I, стр. 23; А. В г і с к н е г. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927 (всюду далее — Сл. Брюкнера), стр. 21. Сл. Фасмера, т. I, стр. 76.

¹⁷⁷ Сл. Фасмера, т. II, стр. 305.

¹⁷⁸ Сл. Фасмера, т. I, стр. 710.

¹⁷⁹ См. о его этимологии: Сл. Фасмера, т. II, стр. 363.

¹⁸⁰ Писц. кн. Рязан. края XVI в., АМГ, 1694 г., Опись артиллерийск. наряду в гор. Опочке, 1654 г.

¹⁸¹ АМГ, 1631 г., ДАИ, 1667 г., 1677 г. и др. Книжный характер имеет прил. *огнедышущий*: «казацы же противо ихъ изъ огнѣдышущихъ пищалей» (Е130). Известно нам в таком сочетании только в Пов. о нападении татар на г. Тару и Тюмень 1635 г.

¹⁸² См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. I, стр. 259.

¹⁸³ См. о его этимологии там же, т. II, стр. 181.

¹⁸⁴ См. о нем там же, стр. 471.

¹⁸⁵ Хронологически первый памятник — Кн. расх. Болд. м., 1585 г.

позднего времени.¹⁸⁶ *Ядро* ('снаряд для пушки'): «у царя Кучюма были двѣ пушки желѣзные литые . . . , а ядро 20 фунтовъ» (О375). В этом значении — в памятниках с XVI в. *Порох* — «и сукна, и порохъ, и свинець, и оружіе, и іные всякія припасы» (Б301);¹⁸⁷ *пороховой* — «аще ль тотъ посоль подѣ Астрахань съ ево государевою великою казною денежною и пороховою» (Т56). Старые слова *ядро*, *порох* получают в XVI в. значения, относящиеся к огнестрельному оружию.

См. *лядунка* ('сумка для патронов') — заимствованное слово¹⁸⁸ (встречается в памятниках только XVII в.), а также *знамя*,¹⁸⁹ *труба* (древнее слово).

Обозначения дейст्वий оружия. *Стрелять* — уже в XVI в. может употребляться как по отношению к стрелам, так и по отношению к огнестрельному оружию. В XVII в. в этом значении известно в многочисленных памятниках делового характера.¹⁹⁰ Близкое к нему по значению слово *ударить*: «казаки жъ противу ихъ удариша изъ ружья огнемъ» (А6246) может употребляться наряду с книжными и в деловых памятниках. *Голкать* — «искочи дымъ и огонь исходитъ и голкнетъ громко» (А6244). Слово употребляется в специальных военных сочинениях.¹⁹¹

Войско, войсковые соединения, военные специалисты

Для названия войска в целом в Сибирских летописях имеется несколько слов: *войско*, *рать*, *полк*, *ополчение*. *Войско* — «и Кучюма . . . с великими его войски побѣдити» (Т47). *Рать* — «и по семь царь Кучюмъ посла сына своего, Алея с ратью воевать в Чюсовую» (П274), «русская рать», «Сибирская рать» (С6). Общеславянское слово «войско» и слово *рать* известны в этом

¹⁸⁶ См. о их этимологии: Сл. Фасмера, т. II, стр. 463—464.

¹⁸⁷ См. о его истории, например: Р. И. Сидоренко. Из истории терминов общеславянского происхождения, стр. 138—139; Е. М. Иссерлин. Конкретная и абстрактная лексика . . . , стр. 104—105.

¹⁸⁸ Сл. Фасмера, т. II, стр. 82.

¹⁸⁹ См. о слове *знамя*: Р. И. Сидоренко. Из наблюдений над лексикой памятника XVII в. «Учение и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей». Наукові записки, Київський пед. інст. ім. А. М. Горького, т. ХХІХ. Київ, 1958, стр. 54—55.

¹⁹⁰ Образным синонимом к нему является глагол *грянуть*: «казацы жъ вѣлми грянуша и удариша таково предивно, яко противнымъ многимъ вдругъ в одинъ разъ убиенымъ быти» (М323). В таком значении употребляется в книжных памятниках, очень часто с добавлением сравнения «аки гром».

¹⁹¹ Ср.: «Наукъ какъ самопалное зеле дѣлати которсе б не голкало». Воинская книга 1610 г. Существительное с этим корнем *голк* (и вариант *голка*) широко распространено в значении 'шум', 'волнение', известно в древнейших памятниках (см. о нем еще в разделе «Диалектная лексика»).

значении в древнейших деловых и летописных памятниках. Ср. слово *дружина*, которое в Сибирских летописях относится только к войску Ермака: «Ермакъ . . . собрався со единомысленною и предоброю дружиною, число жъ ихъ 500 и 40 человекъкъ» (С8)¹⁹² и часто заменяется словом *товарищи*.¹⁹³ *Полк* — «отъ рускова полка побѣждени быша» (Т67). Это — одно из древнейших значений слова *полк* и единственное, принадлежащее ему в наших памятниках, хотя картотека ДРС свидетельствует о том, что в XVII в. оно уже широко употребляется в значении 'отдельное подразделение войска определенного размера'. Может быть, близким к этому значению является только одно употребление в наших памятниках: «они же атаманы . . . с приборными людьми поидоша с радостию в Сибирскую землю . . . со учреждениемъ полковъ на очищеніе Сибирския земли» (С11), т. е. в значении 'войско, специально предназначенное для определенной цели', а следовательно, отличающееся от других военных отрядов и имеющее определенные размеры.¹⁹⁴ *Ополчение* — «а у засеки брать его царевичъ Маметкулъ со многими людьми и с великимъ ополчениемъ» (П278). Книжное слово в близком значении *воинство*. Известно в древнейших памятниках, имеет собирательное значение: «собрати воинства множество себѣ и пришедь войною подъ городъ Тоболескъ» (С42). См. к нему многочисленные разночтения: «войско», «вои», последнее подчеркивает его отличие от других слов этой группы.

Для определенного рода войск в Сибирских летописях имеется название *конница*. Слово встречается в памятниках с XVII в.¹⁹⁵ Из наших памятников употребляется только в Описании Сибири. Общим названием военных людей служат слова *вои*, *воины*, *воинские люди*, *ратные люди*, *боевые люди*, *служивые* (*вожилые*) *люди*, *охочие люди*, кроме них см. также *охотник*, *боец*, *рядовой*. «Не отъ многихъ бо вой побѣда бываетъ, но отъ Бога свыше» (Е124), «добрыхъ и добродородныхъ воинъ, атамановъ и казаковъ Ермака Тимофѣева» (С44). *Вои* — в общем языке устаревшее слово, *воин* — употребляется в общем языке,

---

¹⁹² См. об истории слова *дружина*: Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка . . . , стр. 22—23.

¹⁹³ Слово *товарищ* имело весьма многообразные значения. Первоначально из них — 'сотоварищ, соучастник, компаньон'. В дальнейшем оно начинает употребляться в деловой письменности в различных специальных значениях. Основное его значение 'помощник' употребляется по отношению к военным людям (как в наших памятниках) или административным лицам, выполняющим различные функции. См. об этом, например: С. С. Волков. Семантические неологизмы . . . , стр. 115.

¹⁹⁴ См. сведения об истории слова *полк*: С. Д. Ледяева. К вопросу о некоторых названиях войсковых соединений в древнерусском языке. «Вестник МГУ», № 4, 1959, стр. 165; Р. И. Сидоренко. Из истории терминов общеславянского происхождения . . . , стр. 131—132.

¹⁹⁵ АИ, 1667—1672 гг., Котош., ДАИ, 1674 г.

видимо, нейтрально.¹⁹⁶ «I с собою людей своихъ Богдуйцовъ воинскихъ избранныхъ с лучнымъ боемъ ... възьль» (О392), «въскорѣ посла воеводъ своихъ ... с ратнымі [многими] людми» (Г310), «поимали перваго есаула Ічимка и допросиша: есть ли боевые люди?» (М325). Из этих сочетаний, широко употребляющихся в литературных памятниках, специальные значения в живом языке имеют *ратные люди* и *воинские люди*.¹⁹⁷ *Служилые люди*: «Тоболского уѣзду служилые тоболские Татарове и ясачные люди» (О379) и *служивые люди*: «і во всякие служивые и пахотные и дворовые и дѣловые люди прибирати» (Т51). Известны в пам. XV—XVI вв. Последнее употребляется в наших памятниках только в этом случае. Первое известно во всех Сибирских летописях.¹⁹⁸ В значении 'вольнонаемные военные люди, добровольцы' известно сочетание *охочие люди*, которое не было специально военным ни ранее XVII в., ни в XVIII в. и обозначало добровольцев на всякое дело (см. в Сл. Срезневского и Картотеке ДРС многочисленные примеры). В таком же значении в Сибирских летописях употребляется слово *охотник*: «Максим же Строгановъ повеле ему [Ермаку] из вотчины своей людей имать охотниковъ, елико похотять» (Б297). Слово это позднее, нам известны примеры с XVI в. Первоначально употребляется преимущественно по отношению к ямщикам-добровольцам, в XVII в. встречается в деловых памятниках в значении, имеющемся в Сибирских летописях — 'добровольцы в военной службе'. *Боец* — «едины бойцы останася у рыбинныхъ ловль; і техъ Ермакъ с таварищи прибили до единого» (М326) — довольно новое слово (известно нам в памятниках только XVI—XVII вв., причем в очень незначительном количестве случаев). Оно не имеет военного значения и употребляется не только по отношению к военным. Простые воины называются также *рядовыми*: «было у Ёрмака ... выборныхъ есауловъ 4 человекъ, тожь і полковыхъ писарей ... , сотники і пятидесятники і десятиники с рядовыми и знаменщики чиномъ» (М316). Судя по материалам Картотеки ДРС, в памятниках это слово употреблялось только с XVII в. (субстантивированно — преимущественно в XVIII в.), но быстро приобрело широкое распростране-

¹⁹⁶ В древних памятниках *воин* употребляется редко и, видимо, именно только в XVII в. начинает вытеснять слово *вои*. См.: С. Д. Ледяева. Русская военная лексика XI—XIII вв. Автореферат канд. дисс. М., 1955. См. об этих словах еще: Л. Л. Кутина. Лексика исторических повестей..., стр. 400.

¹⁹⁷ См. о сочетаниях *воинские люди* и *ратные люди*: Р. И. Сидоренко. Из наблюдений над лексикой..., стр. 51—52.

¹⁹⁸ В XV—XVII вв. употребляется в деловых памятниках в значении 'люди, которые обязаны нести службу — прежде всего военную'. Применяется к иноземцам очень редко, обычно тогда, когда они были на военной службе русского царя (см. об этом: М. А. Момина. Этнические термины и названия должностных лиц..., стр. 372—373).

ние.¹⁹⁹ В высоком стиле употребляются слова *оружиеносец* и *ратоборец*: «помянемъ же ... предобраго и храбраго оружиеносца, дивнаго ... ратоборца Ермака» (Т93).

Прибирать — *прибрать*: «пс прежнимъ ево государевымъ грамотамъ велѣно городки ставить и людей воинскихъ прибирать на Сибирского салтана» (С16). Оно не имеет специального военного значения. Ср.: «людей называть ... во всякие служивые ... и дворовые и дѣловые люди прибирати» (Т51). Его значение — «нанимать кого-либо куда-либо за плату».²⁰⁰ Отсюда — *приборные люди*: «они же атаманы и казаки с приборными людьми поидоша с радостию в Сибирскую землю» (С11) — «люди, набранные в низшие разряды воинской службы за определенную плату».

Для обозначения только воинов войска Ермака употребляется слово *казак*²⁰¹ (имеет в Сибирских летописях многочисленные употребления).²⁰² Оно также отграничено от слова *воин*, как и слово *дружина* от *войско*. См. прилагательные *казакий* и *казацкий* (в Описании Сибири). См. также прилагательное *выборный* по отношению к должностям казачьего войска: «было у Ърмака ... выборныхъ есаулов 4 человекъ» (М316).²⁰³

Не разбираясь в их историческом и военном существе, перечислим названия командного состава, встречающиеся в Сибирских летописях. Не имеет, видимо, военного значения слово *старейшина*: «в нихъ же бысть старейшина ихъ атаманъ рекомый Ермакъ с товарищи» (У193)²⁰⁴ и *полководец* — общее название командующих лиц как больших, так и маленьких. Употребляется с XVII в. Слово имеет специальное военное значение. Оно часто встречается в деловой речи:²⁰⁵ «рыдаху ... о лишении наставника и полководца своего яко отца» (У222) (о Ермаке). Слово *полковник*: «и рекоста полковникомъ татарскимъ» (М358) —

¹⁹⁹ См. еще об этих словах в нашей работе «Некоторые вопросы синонимии ...», стр. 72—73.

²⁰⁰ См. в другом, видимо, имеющем разговорно-просторечный оттенок, значении — «забрать, захватить»: «и того Ермакъ приступающе 5 дней [городок] взяти не могъ и оставилъ, говоря: «Назадъ де воротятся, прибрѣмъ» (М342).

²⁰¹ По свидетельству А. И. Попова, это — турецкое слово, имеющее первоначально значение «свободный, гуляющий человек» или «военный человек (преимущественно турецкого происхождения)». Позднее оно развивает значения, свойственные ему в русском языке. В XVI в. может употребляться в значении «наемный работник» (в Судебнике Ивана Грозного). Л. Л. Кутина отмечает, что в XVII в. это слово имеет значение «подчиненные московскому государству военные, на обязанности которых лежала сторожевая служба по охране границ». См. об этом: Л. Л. Кутина. Лексика исторических повестей ..., стр. 408.

²⁰² См. о нем Сл. Фасмера, т. I, стр. 502.

²⁰³ Ср. в том же значении в Булав. восст., 1707 г.: «да с ними ж донских выборных старшин 8 человек».

²⁰⁴ Ср. «старѣйшина бысть сей градъ» (Е155).

²⁰⁵ См. об этом: Л. Л. Кутина. Лексика исторических повестей ..., стр. 410.

в соответствии с значением слова *полк* употребляется в двух значениях: 'воинский начальник вообще' (имеется в Сибирских летописях) и 'определенный воинский чин' (с XVII в. заменяет термин *голова стрелецкий*). Известно в памятниках с XVI в., вначале употребляется преимущественно по отношению к чинам иноземных войск.²⁰⁶ См. также слова *воевода*, *ясаул* (вариант *есаул*) и прил. *ясаульный*, *голова*, *сотник*,²⁰⁷ *пятидесятник*, *десятник*. Деловые памятники XVII в. подтверждают существование этих слов в таких значениях в живом языке. Для обозначения начальника войска Ермака употребляется слово *атаман*²⁰⁸ (прилаг. *атаманский*) — 'начальник казацкого войска'.²⁰⁹

Затинщик — стрелок из крепостной пищали (новое для XVII в. оружие). Слово²¹⁰ известно в пам. XVI—XVII вв. *Воротник* — в форме «вратники» отмечается у Е. А. Разина²¹¹ в значении 'обслуживающие артиллерийский наряд'.²¹² В Сибирских летописях в этом значении употребляется полногласная форма: «і пушкарей и затинщиковъ и пищалниковъ і воротниковъ велѣли есмя ему устроити собою» (С2).²¹³ *Копейщик* — известно в памятниках XVI—XVII вв. (в более раннее время — *копейник*), *пищальник* (с начала XVI в.),²¹⁴ *пушкарь* (с начала XVI в.), *стрелец* (с XVI в., после создания стрелецких войск — 'стрелок из ружья в стрелецком войске', до этого — 'стрелок из лука').

См. также слова *барабанщик*, *знаменщик*, *сурнач*,²¹⁵ *трубач*, *литаврищик* — известны в памятниках только с XVII в. (*знаменщик* и *сурнач* — ранее), а также слова *караул*,²¹⁶ *стража*, *сторожа* — 'сторожевое охранение отрядов'.

²⁰⁶ См. об этом: И. С. Хаустова. Из истории лексики рукописных «Ведомостей» . . . , стр. 77; Д. Ж. А. Гарибян. Из истории русской лексики . . . , стр. 284—285.

²⁰⁷ См. о значениях слов *голова* и *сотник*: Л. Л. Кутин а. Лексика исторических повестей . . . , стр. 407.

²⁰⁸ См. о нем С. Фасмера, т. I, стр. 31.

²⁰⁹ Известно с XIII в. в значении 'вожак, предводитель, начальник, главный'. Как военное слово употребляется не раньше XVI в. *Атаманы* — начальники разных степеней: *войсковой атаман*, *станционный атаман*. См. об этом: Л. Л. Кутин а. Лексика исторических повестей . . . , стр. 408.

²¹⁰ См. о нем: С. С. Волков. Новообразования категории . . . , стр. 133.

²¹¹ Е. А. Разин. История военного искусства. М., 1939, стр. 225.

²¹² В такой же форме известно в значении 'привратник', например, в Каз. лет. См.: А. К. Абдульманова. Военная и иноязычная лексика исторической повести «Казанский летописец», стр. 318.

²¹³ Другое его специальное значение, появляющееся с начала XVII в., — 'стража у городских ворот'. См. о нем: С. С. Волков. Новообразования категории . . . , стр. 129.

²¹⁴ См. о нем там же, стр. 133.

²¹⁵ См. *сурна* 'музыкальный духовой инструмент' в Ник. лет., Твер. лет., Воскр. лет.

²¹⁶ См. о значении слова *караул*: Р. И. Сидоренко. Из наблюдений над лексикой . . . , стр. 63—64.

Таким образом, в Сибирских летописях употребляется значительное количество лексики, выражающей различные общественно-политические, социально-экономические и военные понятия. Эта лексика очень разнообразна по своим языковым признакам.

Преимущественное употребление в Сибирских летописях имеет практически-деловая лексика и фразеология, непосредственно связанные с живым языком своего времени.²¹⁷ Однако иногда для выражения одного понятия употребляется несколько стилистически различных слов, которые могут иметь книжный, литературный характер или другую жанрово-стилистическую ограниченность. См., например, *грабить* — *шарпать*, *имение* — *живот*, *воевать* — *ратовать*, *обступить* — *обсесть*, *взять в плен* — *ухватить*, *бой* — *сеча* — *брань* — *бранное ополчение* — *битва* — *побоище* — *драка* — *сражение*, *иноплеменный* — *иноязычный* и др. При этом в результате многозначности слово в одном значении может быть архаизмом, книжным по своему употреблению, а в другом — словом живого языка (*сразиться* в значении 'сшибиться', 'столкнуться' в XVII в. архаизм, а в значении 'вести сражение' — нет).

Естественно, что книжная лексика встречается в частях Сибирских летописей, написанных высоким слогом. Стилистический характер изложения зависит часто непосредственно от темы излагаемых событий. Например, в военной лексике Сибирских летописей находит отражение литературная традиция воинских повестей. Ее влияние особенно заметно сказывается в описании военных операций, дающемся иногда в традиционных книжных формулах, широко употребляющихся в воинских повестях (*бысть сеча зла*, *вдатися бегству*, *лица не отвращати* и др.). Книжными по своему употреблению являются в Сибирских летописях слова, ставшие в языке XVII в. архаизмами, употребляемыми иногда только в традиционных книжных оборотах (*ратовать*, *ратоватися*, *сеча*, *сечься*, *сразиться* — в значении 'сшибиться', *обсесть*). См. также употребление в Сибирских летописях всегда бытовавшего только в книжной сфере языка слова *оружиеносец*. В описании вооружения и организации войска литературная традиция воинских повестей сказывается значительно меньше.

---

²¹⁷ То же касается фразеологических сочетаний. См.: «Фразеологические обороты, оформляющие военные темы (в Сибирских летописях, — О. П.), представляют собой почти исключительно реальную, практически деловую фразеологию своего времени, тесно связанную с живым общеобиходным языком». В. Л. Смирнов. Устойчивые словосочетания в древнерусском языке..., стр. 103.

Стилистически нейтральные слова, используемые в XVII в. для выражения специальных понятий анализируемых областей, являются для Сибирских летописей наиболее характерными.

Для выражения одного специального понятия здесь может быть употреблено несколько стилистически нейтральных синонимических или равнозначных слов. Например, *царствовать — княжить, царство — государство, рубеж — граница, повесить — удавить, посол — посланец, война — рать — ополчение — воинское ополчение, бой — оружие — ружье, снаряд — наряд* и многие другие. Возможны случаи, когда некоторые слова в разных специальных значениях входят в различные синонимические ряды. Наличие большого количества слов-дублетов отмечается исследователями и в других памятниках XVII в., среди которых есть, что особенно показательно, специальные сочинения.²¹⁸ Другие слова, использующиеся в Сибирских летописях для выражения специальных понятий, имеют в данной сфере применения только по одному значению. Однозначная специальная лексика имеется во всех Сибирских летописях. См. слова общественно-политической и социально-экономической лексики: *воевода, дьяк, голова, писарь, пристав, жалование, корм, указ, грамота, челобитна, кабала, подданный, похолопить, рухлядь, дань, оброк, пошлина, торг, покупать, цена, куна, рубль, гривна, казна* и др. См. слова военной лексики: *пушка, мушкет, пуля, ядро, порох, острог, крепкий город, окоп, подкоп, сотник, десятник, пятидесятник, обступать, приступать, осада, оборона* и др.

В Сибирских летописях используется специальная лексика, образованная в разное время.

Среди специальных слов, употребляемых в Сибирских летописях, много слов, известных в таких значениях с древнейших времен. См., например, *бой, война, воевать, осада, победа, стрела, сабля* и др. В общественно-политической лексике есть слова, известные еще в Русской Правде (*тать, десятина, стольник, окольничий, воевода, товар, торговать* и др.).²¹⁹ Сохранение их в XVII в. характерно для московского делового языка.²²⁰

Употребляются в Сибирских летописях также древние слова, которые первоначально были словами общего языка, а специ-

---

²¹⁸ См. о синонимии в военной лексике XVII в., например: Р. И. Сидоренко. Военная лексика памятника XVII в. «Учение и хитрость ратного строения пѣхотныхъ людей». Автореферат канд. дисс. Львов, 1960; о синонимии в судебныхниках XV—XVI вв.: Е. Ф. Мишина. Юридическая лексика судебныхников XV—XVI вв. См. также: В. М. Марков. Явления суффиксальной синонимии в языке судебныхников XV—XVI вв. Ученые записки Казанского унив., т. 116, кн. 11, 1956.

²¹⁹ См. об общественно-политической лексике русского языка более раннего времени, например: Е. Ф. Бакина. К вопросу об употреблении...

²²⁰ См. о древнерусской общественно-политической терминологии, утраченной в XVII в.: В. Н. Туркин. Терминологическая лексика Русской Правды. Автореферат канд. дисс. М., 1953.

альные значения получили позднее, в разные периоды истории древнерусского языка, предшествующие XVII в. Например: *дань, пошлина, указ, казна, корм, пытать, торг, жалование, подкуп, засека* и др. Почти все слова такого рода из встретившихся в Сибирских летописях — старые общерусские слова.

В некоторых случаях специальные понятия выражаются словами, принадлежащими ранее только книжной сфере письменности и лишь позднее ставшими словами специальных сфер языка (например, старославянские слова *плен, пленник* и др.). Многие из них в XVII в. имеют значения, близкие к первоначальным (*жалование, мзда*), у других позднейшие значения существенно отличаются от первоначальных. Ранние их значения могут продолжаться существовать в XVII в. в книжных сферах письменности (см. в Сибирских летописях *измена*, некоторые слова на *-ние, -ство, -ость* — о них см. еще в разделе «Отвлеченные существительные с суффиксами *-ние, -ство, -ствие, -ость*»).

Часть слов специальной лексики, употребляющихся в Сибирских летописях, появилась в языке XVII в. (или несколько ранее) сразу со специальным значением. Среди них есть образования по типу книжных слов (*государство, подданство, посольство*). Однако значительно чаще слова специальной лексики Сибирских летописей являются образованиями от лексем и корней живого разговорного языка: *окоп, вылазка, рядовой* и др.

Некоторые из новых слов являются производными от лексем, также имеющих специальное значение (*подданный, беспошлинно* и др.).

Многие специальные слова, употребляющиеся в Сибирских летописях, хорошо сохраняют семантическую связь с однокоренными словами общего языка (*указ — указать, совет — советовать — советник, откочевать — кочевать*, сравни слово *окоп* и другие, хорошо изолированные от слов своего корня), или не имеют от них грамматической изоляции (см. слово *наступать* с предлогом *противу*, возможность получения прилагательным в сочетании *начальный град* формы превосходной степени).

Заметим, что отсутствие языковой изоляции слова в особенно большой степени проявляется в случаях, когда в Сибирских летописях для выражения одного понятия употребляется несколько равноправных слов-дублетов.

См. словообразовательную вариантность специальных слов Сибирских летописей: *заставочный — заставный, прикрытье — укрытье, думчий — думный*.²²¹

---

²²¹ См. о морфологической многообразности общественно-политической лексики также, например, в Русской Правде: В. Н. Туркин. Терминологическая лексика Русской Правды. См. также о том, что «компоненты устойчивых словосочетаний обладают в языке XVII в. относительно большей (чем

От специальных слов имеются образования разговорного характера (*приказнить*).

Специальные значения некоторых лексем, употребляемых в Сибирских летописях, весьма неопределенны и расплывчаты (см., например, слова *чин*, *чиновник*).

У ряда специальных слов отсутствуют точные предметные ассоциации, ограничивающие возможность их применения. Они свободно употребляются для обозначения понятий чужого быта. См., например, употребление по отношению к татарам и китайцам слов *князь*, *боярин*, см. также слова *уезд*, *волость*, *разряд* по отношению к татарским землям, и т. д. Передача словами русской специальной лексики понятий иностранной общественно-политической жизни — традиция русской деловой письменности, исходящая от Московского Посольского приказа.²²²

Незначительное место в общественно-политической лексике Сибирских летописей занимают иноязычные заимствования (относящиеся к эпохам, близким к XVII в.). Имеются заимствования из восточных языков (*кабала*, *аманат*, *шерть*, *ясак*, *сеунч* и др.). Употребление таких слов в общественно-политической лексике явилось результатом торговых и дипломатических связей русского государства в XVI—XVII вв. со странами Востока. Многие из них в дальнейшем выпадают из русского языка. Небольшое число заимствований в общественно-политической лексике Сибирских летописей соответствует незначительности ее количества в других памятниках XVII в.²²³ Это свидетельствует о том, что основой такой лексики в XVII в. была лексика русская.

Каков характер использования специальной лексики в Сибирских летописях — памятниках преимущественно среднего стиля?

в современном языке) синтаксической проницаемостью, а также свободой в выборе порядка следования компонентов. Например, в Сибирских летописях: под его царскую высокую руку привели — быть под его государевой рукою, войною приходит — приходит войною». В. Л. Смирнов. Устойчивые словосочетания в древнерусском языке... стр. 92.

²²² См. об этой традиции: С. М. Глускина. Общественная терминология в «Космографии» 1637 г. Ученые записки Псковского пед. инст. им. С. М. Кирова, вып. II, 1954; М. А. Момина. Этнические термины и названия должностных лиц... В последней работе говорится о том, что для названия иноземных должностей, членов, сословий авторы древнерусских переводов и оригинальных сочинений используют преимущественно специальную лексику с более обобщенными значениями (*начальные люди*, *бояре*, *воеводы*) (стр. 461—463). То же можно сказать о Сибирских летописях.

²²³ Эту особенность отмечают, например: И. В. Данилова. Из истории собственно великорусской лексики. Днепропетровский унив. Наукові записки, т. 64, 1958; Н. К. Соколова. Терминологическая лексика воронежских грамот XVII в. В кн.: Материалы совещания по изучению южнорусских говоров и памятников письменности. Воронеж, 1959; Е. Ф. Мишина. Об источниках юридической и общественно-политической лексики...

Для Сибирских летописей характерно употребление специальной лексики с достаточно широкими значениями. Узкоспециальные слова, имевшиеся, например, в общерусской общественно-политической лексике и характерные также для более ранней периферийной терминологии, в них почти не употребляются. Такая лексика не встречается здесь потому, что не требуется по содержанию, но в какой-то степени ее отсутствие свидетельствует о том, что литературно-обработанные произведения XVII в. избегают ее употребления.

В Сибирских летописях отсутствует территориально ограниченная специальная лексика.²²⁴ Этим они отличаются от некоторых периферийных памятников, относящихся к более раннему времени, например деловых документов Новгорода, Пскова. Впрочем, исследователи замечают, что местная юридическая лексика уже и в XIV—XV вв. употреблялась даже в деловых памятниках ограниченно, лишь наряду с общенародной.²²⁵

По характеру использования специальной лексики Сибирские летописи существенно отличаются от деловой письменности XVII в.

Естественно, что в деловой письменности такая лексика употребляется, как правило, только в своих специальных значениях. Значения, присущие ей в общем языке, обычно здесь не присутствуют. Так, например, в Шадринской рукописи 1687—1688 гг. (содержащей 93 документа) лишь 7,5% лексики выступает в тексте в двух или более семантических вариантах (причем сюда входит прежде всего лексика общего языка), а остальная однозначна. При этом почти $\frac{1}{5}$ часть всего словника занимает здесь административно-юридическая терминология, которая имеет к тому же многократное употребление.²²⁶

В Сибирских летописях — сочинениях литературных в связи с потребностями их содержания используется более широкий круг лексем и семем. Поэтому неустойчивость специальных значений слова и нечеткость в употреблении специальных и общих слов и значений, существующие в языке XVII в., проявляются здесь более заметно.

²²⁴ См. об отсутствии местной специальной лексики и в некоторых других периферийных памятниках XVII в. даже делового характера: С. А. Мартынова. Лексика писцовых книг города Казани XVI—XVII вв. Ученые записки Казанского унив. Сборник работ кафедры русского языка, т. 112, кн. 6, 1952; Н. К. Соколова. 1) Терминологическая лексика воронежских грамот XVII в.; 2) О путях образования административно-юридической терминологии XVII в. Особенно интересно для нас отсутствие диалектной лексики в деловых памятниках Сибири. См.: Е. Н. Полякова. Шадринская рукопись 1687—1688 гг. как памятник делового языка XVII в. Свердловск, 1967 (рукопись канд. дисс.), стр. 252.

²²⁵ См. о территориально ограниченной специальной лексике: Ю. С. Мжельская. Местная лексика в псковской деловой письменности...

²²⁶ Сведения взяты из канд. дисс. Е. Н. Поляковой «Шадринская рукопись 1687—1688 гг. как памятник делового языка XVII в.», стр. 244—245 и 255.

Причиной неотчетливого разделения (как семантического, так и стилистического) в употреблении специальной и общей лексики в литературных сочинениях являлось также, конечно, отсутствие в письменном языке XVII в. четкого языкового разграничения разных функциональных сфер.

Выше отмечались случаи жанрово-стилистической дифференциации слов, выражающих специальные понятия. Однако такая дифференциация, видимо, имеется не всегда. Например, для описания различных военных операций в Сибирских летописях употребляются — часто синонимично — слова, не являющиеся точными выразителями военных понятий, но широко используемые здесь при описании военных событий наряду со специальными словами (*поход, приход, отход, отходить, избегать, подойти, побрать, громить, одолеть, преодолеть* и др.). Среди них много образований специфически книжного характера (*хождение, одоление, отгнание, нашествие, пришествие, побеждение, воинство*). Образованные в соответствии со старыми нормами книжного языка, эти слова не получают в Сибирских летописях специального стилистического задания и используются наряду с стилистически нейтральными словами.²²⁷ Употребление неспециальных слов при изложении военных сюжетов обычно для литературных сочинений различных периодов существования русского и древнерусского языка, однако безразличие к их стилистической принадлежности является, видимо, особенностью письменности только некоторых периодов, в частности письменности русского языка XVII в. — эпохи, когда отсутствовали устойчивые нормы стилистического разделения слов.

РЕЛИГИОЗНАЯ И ЦЕРКОВНАЯ ЛЕКСИКА

Религиозная лексика занимает в Сибирских летописях значительное место. Это объясняется их идеологической направленностью. Как говорилось во «Вступлении», Сибирские летописи стремятся представить Ермака по отношению к иноверцам «христианским апостолом». Поэтому естественно, что вопросы христианской религии в них занимают большое место, а следовательно, употребляется и религиозная лексика. Это соответствует традиции русской письменности, в которой тема борьбы с иноверцами распространена достаточно широко, и при ее рассмотрении всегда употреблялось большое количество церковной фразеологии и лексики.

²²⁷ Такой же характер употребления они сохраняют и в более позднее время. См., например, о подобном их употреблении в «Ведомостях» XVIII в.: И. С. Хаустова. Лексикологическая характеристика...

Среди слов религиозной и церковной лексики, употребляющейся в Сибирских летописях, мы не выделяем особо заимствования (большое место в религиозной и церковной лексике, как известно, занимают слова греческого происхождения). Войдя в религиозную и церковную лексику русского письменного языка с XI в., многие греческие слова утратили какой-либо специфический характер и стали там равноправными со словами старославянскими и русскими.

Многие слова религиозной лексики известны в древнейших памятниках. См. слово *закон* в значении 'вера': «в сихъ же ... дубравахъ жителствуютъ мнози ... языцы, Бога не знающе, ни закона Его свѣдуше, но держаще законъ Моаметовъ» (Т60) и мн. др.²²⁸ См. также слова, известные в древнейших памятниках, — *Христос, богородица, богоотец, приснодева, спас, творец, спаситель, рождество, богоматерь, Иисус, бог,*²²⁹ *рай, ад, ангел, архангел; христов, спасителей, божий, божественный.* Среди них есть старые языческие общеславянские слова (*бог, рай*).

Все эти слова в наших памятниках имеют только по одному значению. Однозначность слов — характерная черта религиозной и церковной лексики Сибирских летописей. Прилагательные отличаются определенностью своих относительных значений, см., например, употребление слова *божественный*: «причащающе святыхъ божественныхъ пречистыхъ тайнъ тѣла и крови Христовы» (М356). Отсутствие развития оттенка качественности вообще характерно для значений прилагательных религиозной и церковной лексики, употребляющейся в Сибирских летописях.

См. также прилагательное *священный*, которое имеет только одно, относительное, значение 'имеющий отношение к церкви или богослужению': «честный крестъ Господень за еже два презвитера во священныхъ ризахъ» (М356).

В древнейших памятниках известно слово *суд*, употребляемое у нас только в религиозном значении в сочетании *суд Божий*: «когда ужъ суду Божию нашедшу» (Т84).²³⁰

Прилагательные *православный* и *правоверный* синонимичны: «начася в Сибирской земли ... и распространятся ... крестьянская православная вѣра» (С44); «идуть правоверный християне в пути своя и на войну» (М360). См. субстантивированно: «и симъ бусурманомъ наипаче ужасиша, правоверных же сердца возвеселишася» (М355). Такое значение для слова *правовер-*

²²⁸ Ср. в Сл. Срезневского общественно-политическое значение этого слова, в наших памятниках оно не встречается.

²²⁹ Глагол *божиться* в Сибирских летописях имеет значение 'давать клятву, присягать', которое отмечается для него только в памятниках XVI—XVII вв. (Дм., Переп. Хован., 1660 г. и др.). Ср. его значение в Сл. Срезневского.

²³⁰ Ср. в Сл. Срезневского его в значении 'суд, разбор дела, дознание виновности', в Пов. вр. л., Мир. грам. Новг. 1199 г., Кир. Тур., Сл. плк. Игор. и др.

ный известно во многих памятниках. Антонимом к этим словам является слово *неверный*.

Христианин — широко употребляется в Сибирских летописях (часто с прилагательными *православный*). См. также в таком значении слово *крестьянин*: «Богъ восхотѣ царство его разрушити и дати православнымъ крестьяномъ» (П275).²³¹ Однозначность этих слов подчеркивается разночтениями (см. Е135—П281, Е154—М327 и мн. др.), а также одинаковыми значениями образованных от них прилагательных (которые заменяют друг друга в разночтениях, см. С44 и один из побочных списков, С44—Т68). См. также слово *христианство* 'христиане': «что мы предъ нимъ виноваты і предъ всѣмъ Московскимъ христианствомъ» (О373). Форм с начальным *к* для этого слова в Сибирских летописях нет, хотя в других памятниках она известна. *Христианство* в значении 'христианская вера': «ови же крестися во христианство» (М353).

См. также употребляющиеся в Сибирских летописях в контекстах высокого стиля слова *пророк*, *праведный*, *праведник*, *угодник*, *присно*, *аминь*, *святой* в значении 'относящийся к учению православной церкви, исполненный святости'²³² («святые угодники», «святая божия церкви», «отцу и сыну и святому духу», «святых в помощь призываше» — субстантивированно повторяется многократно).

Имеются также слова, обозначающие церковные обряды, сооружения и предметы церковного обихода. Почти все они известны с древнейших памятников. *Устав* ('церковное положение, правило'): «имъ положенъ уставъ 6 недѣль поститися» (О395).²³³ *Церковь* ('христианский храм') в Сибирских летописях употребляется в очень большом количестве случаев в одном этом значении.²³⁴

Синонимом к слову *церковь* является слово *храм*, также употребляющееся у нас только в одном этом значении.²³⁵ Прилагательное от слова *церковь* — *церковный*: «а в ту чашу или потиръ положено сочиво малосаки..., вино церковное, масло деревяное» (О396); см. также слово *церковник*. Названия других церковных строений — *часовня*: «и мая въ 9 день доспѣли обѣщаниемъ часовню на городищи томъ во имя Николы чудо[творца]» (М314) (известно в памятниках с XIV в.); *колокольня* — «на томъ мѣстѣ, идѣжѣ нынѣ градъ Тоболескъ і со-

²³¹ Эти слова не имеют в наших памятниках значения 'поселянин', которое отмечается в Сл. Срезневского для того и другого слова в памятниках с XIV в. (утверждается оно значительно позже).

²³² Ср. в Сл. Срезневского для него другие значения.

²³³ Ср. его в Сл. Срезневского в юридическом значении 'устав, законы, совокупность законов или правил'.

²³⁴ Ср. в Сл. Срезневского у него другие значения.

²³⁵ См. другие его значения в Сл. Срезневского.

борная церковь до колоколни, видѣшася христианский со свѣтомъ градъ в воздухѣ» (М318).

Древнейшими являются следующие слова, встречающиеся в Сибирских летописях: *монастырь, евангелъе, евангельский* (только в сочетании *евангельское учение*), *ладан, потир, клепало* ('доска, в которую ударяли для созыва на молитву'), *кадить, кадило, образ, икона, крест, крестный, распяте* (последнее известно нам в памятниках лишь с XV в.). См. древнейшие названия религиозных обрядов: *молитва* (может обозначать как христианскую, так и нехристианскую молитву): «молитву творше ко всемиловитому Богу» (Т66), «скоро повелѣ мулламъ своимъ кликати свою скверную бусорменскую молитву» (С24); *моление, молитствовать*: «Ермак же з дружиною съ усть Чюсовой, взявши у Максима запасъ ... и молитьствова» (М314); *молебствовать*: «Богданъ же с товарищи, слыша скопѣ ихъ злѣ, остановишася и молѣбѣствоваша» (М335) (два последних слова в подобных значениях неизвестны нам в других памятниках ранее XVII в.). См. также *молиться, помолиться, молебен* (в памятниках с XV в.), *молебный, молебно*.

Псалом, псаломский, синодик (известно в памятниках с XIV в.), а также *проповедь, проповедуемый, пост, поститься, священство, святитель, святыня, апостол, апостольский, архимандрит, епископ, архиепископ, патриарх, митрополит, дьякон, митрополия, стратих*.

Для обозначения священника в Сибирских летописях имеется три слова: *священник, поп, презвитер*. Слово *поп* и корень слова *священник* известны многим славянским языкам. Оба они в XVII в. нейтральны (см. для слова *поп* в Сл. Срезневского многочисленные цитаты из разнообразных памятников, в том числе высокого стиля). Все три слова встречаются в древнейших памятниках, но в XVII в. употребление слова *презвитер* (греч. πρεσβυτερος) ограничено. В наших памятниках оно встречается только в Ремезовской летописи, где употребляется всего один раз в контексте высокого стиля. Ср.: «вмѣсто священника или попа лама» (О395), «икону ... два презвитера во священныхъ ризахъ носяще» (М356).

Жертвоприношение — «і имена ихъ [казаков Ермака] ... в тотъ синодикъ вписати, і во святыхъ жертвоприношеніихъ во вся уреченныя времена поминати» (Т95) — употребляется по отношению к христианским обрядам (см. его в Деле Моск. Колом. 1676 г.: «паче же частыми жертвоприношенми непорочнаго Агнца Христа»).

Религиозная и церковная лексика, широко используемая во всех Сибирских летописях, неразрывно связана со многими словами, которые употребляются только в памятниках высокого стиля, хотя часто или образованы от специальных слов, или соединяются в употреблении со специальной лексикой.

От слова *бог* образуется ряд сложных слов, употребляющихся только в памятниках высокого стиля. В Сибирских летописях употребляются *богоуведение*, *богодарование*, *богоспасаемый*.

Слово *бог* имеет в Сибирских летописях целый ряд постоянно употребляющихся к нему определений, которые часто субстантивируются. Все они характерны для высокого стиля, встречаются обычно в книжных (а также летописных) памятниках: *всемиловитый*, *единосуцный* (известны с древнейших памятников), *всемогый*,²³⁶ *всемогуций*,²³⁷ *всесильный*,²³⁸ *всещедрый*,²³⁹ *всостоящий* (отсутствует в известных нам памятниках). См. еще слово *всевидец* (в памятниках с XIII в.), а также прилагательные *животворящий* и *живоначальный* (известны в древнейших памятниках высокого стиля), определяющие обычно слово *троица*.

Количество религиозной и церковной лексики в Сибирских летописях весьма значительно. Она имеется во всех Сибирских летописях. По характеру использования она отличается от общественно-политической и военной лексики. Слова этой области в Сибирских летописях большей частью однозначны, значения слова определены во всех случаях его употребления, независимо от жанра памятника и стиля окружающего контекста. Каждое понятие получает для своего выражения по одному обозначению, которое не имеет синонимических соответствий. Исключением являются лишь некоторые слова (см. синонимичные слова *поп*, *священник* и книжное — *презвитер*).

Религиозные и церковные слова семантически и грамматически изолированы от других лексем своего корня, не имеют словообразовательных вариантов. Характер происхождения религиозных и церковных слов обычно не имеет для их употребления существенного значения. Заметим также, что авторы наших памятников не производили какого-либо художественного, образного использования религиозной и церковной лексики. Не было также здесь качественного переосмысления относительных прилагательных этой области (ср. качественные значения слов *божественный*, *священный* и др., например, в русском языке более поздних эпох).

Определенность значений слов религиозной и церковной лексики и четкость их разделения в употреблении со словами общего языка объясняются тем, что, хотя эта лексика и входила

²³⁶ См. его в Львов. лет., Ч.-М., Соф. вр., Жит. Герас. XVII в. и др.

²³⁷ См. его в Патерике Печ., Львов лет., Изм. и др.

²³⁸ См. его в Жит. Ал. Невск., Ч.-М. и мн. др.

²³⁹ См. его в Ч.-М., Третьнике XVI в., Пов. о Царьгр. и др.

в бытовую речь, однако в связи с особенностями круга понятий, которые ею обозначались, имеющими совершенно отчетливое разделение с бытовыми понятиями, она достаточно определенно осознавалась как принадлежность особой сферы речи.

Рассмотренные в этом разделе книжные слова встречаются в частях наших памятников, написанных высоким стилем. Особенно много их в последних главах Ремезовской летописи (как принадлежащих, так и не принадлежащих Ремезову). Основная идея этих глав выражена Ремезовым: «зря вышеписанное, воспоминай Бога, . . . хвали сего словомъ и помыслы, бойся Его, душу имей аки воеводу, тѣло аки воина, дабы воинъ воеводѣ во всемъ благопокорѣнъ, а не воевода воину». ²⁴⁰

---

²⁴⁰ Сибирские летописи. СПб., 1907, стр. 366.

ДИАЛЕКТНАЯ И ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА

В исследовании диалектной лексики Сибирских летописей встречается много трудностей. Кроме недостаточной изученности истории создания Сибирских летописей и отсутствия точности в установлении места написания некоторых из них,¹ имеются затруднения, вызванные общей неразработанностью исторической диалектологии, в частности сибирской.

В настоящее время выяснен процесс заселения Сибири русскими. Имеется целый ряд исторических исследований, посвященных этой проблеме. Вместе с тем характер русских диалектов, складывающихся в первое время после заселения Сибири русскими, изучен плохо, особенно в области лексики. Установлено только, что основой старожильческих говоров Сибири являлись северно- и средневеликорусские говоры. Многие исследователи утверждали, что первоначальное население Сибири состояло только из носителей северновеликорусских говоров.² Однако есть основания считать, что в числе первых насельников Сибири были представители и средневеликорусских

¹ Мы считаем сибирскими по месту написания Есиповскую и Ремезовскую летописи. Строгановская и Кунгурская летописи писались, видимо, где-нибудь около Перми, т. е. в области, непосредственно примыкающей к Сибири. Исключением является Описание Сибири, сочинявшееся, вероятно, в Москве, хотя эпизоды, рассказывающие о покорении Сибири, возможно, и здесь написаны на основе сибирских преданий, услышанных автором Описания Сибири в Тобольске.

Среди создателей Сибирских летописей, без всякого сомнения, сибиряком является только автор Ремезовской летописи — известный сибирский ученый Семен Ремезов, биографии других нам неизвестны. Однако тексты Сибирских летописей показывают хорошее знакомство их авторов с сибирской жизнью, природой, историей, что может в некоторой степени указывать если не на их сибирское происхождение, то на длительное пребывание в Сибири (см. об этом подробно во «Вступлении»).

² См. подобное мнение: Н. Щукин. Поездка в Якутск. СПб., 1833; П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири, кн. 1—2. М., 1838—1844;

говоров. Только этим может объясняться среднерусский характер ряда старожильческих говоров. Например, исследование А. Молотилова о говоре Северной Барабы Томской губернии³ позволяет автору характеризовать этот говор как «близкий к московскому». См. также в исследовании П. Я. Черныха «Русские говоры Мамырской волости Тулунского уезда Иркутской губернии»: «Что касается состава первых насельников Мамырской волости (со стороны их происхождения), то диалектологические данные, кажется, дают возможность определить его, по преобладающему элементу, как великорусский, заключающий в себе представителей не только северновеликорусских областей..., но и акающих великорусских говоров, по-видимому, так называемой „средневеликорусской полосы“ (нынешняя юго-западная половина Тверской губернии, большая часть Московской, сев. уезды Рязанской и далее на зап. и на восток)». ⁴ Будде в рецензии на книгу Селищева «Диалектологический очерк Сибири» ⁵ также выражает несогласие с мнением о наличии среди первых насельников Сибири только северновеликоруссов. В последнее время работы некоторых историков особенно обратили внимание исследователей на наличие среди первых переселенцев в Сибирь представителей среднерусских говоров. В. И. Шунков говорит, что Север среди районов выселения в Сибирь «не был в XVII в. единственным». ⁶ Автор приводит данные, из которых видно, что район выселения включал в себя, кроме северных областей, территорию Верхнего и Среднего Поволжья, Прикамье, бассейн р. Белой (Уфимский район) и частично Нижнюю Волгу. Еще

Г. Н. Потанин. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении. Этнографический сборник, СПб., 1864; П. А. Ровинский. Очерки Восточной Сибири. В сб.: Древняя и новая Россия, №№ 1, 2, 3, 7, 11, 12 за 1875 г.; В. Л. Даль. О наречиях русского языка. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. Изд. 2-е. СПб., 1880; П. Н. Буцинский. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889; А. И. Соболевский. Опыт русской диалектологии, вып. I. СПб., 1897; В. Г. Богораз. Областной словарь Колымского русского наречия. Сб. ОРЯС, т. 68, 1901, № 4; Г. Пейзен. Этнографические очерки Минусинского и Канского округов Енисейской губернии. «Живая старина», 1903, вып. 3; Н. Н. Козьмин. Очерки прошлого и настоящего Сибири. СПб., 1910; Н. К. Рамзевич. К изучению народной речи в Сибири. РФВ, 1914, № 1; А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921; А. Д. Григорьев. 1) Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров. Изв. Инст. исслед. Сибири, № 6, Труды Сибирского ист.-этнографического отд., № 1, Томск, 1921; 2) Образование и общее распределение русских старожильческих говоров Сибири. Сб. ОРЯС, т. С1, № 3, Л., 1928; П. Я. Черных. Диалектологические заметки. «Сибирская Живая старина», 1929, кн. 8—9, и др.

³ А. Молотилов. Говор русского старожилого населения северной Барабы. Труды Томского общества изучения Сибири, т. 2, вып. I. Томск, 1913.

⁴ Сб. трудов проф. и препод. Иркутского унив., вып. 5. Иркутск, 1923, стр. 347.

⁵ «Казанский библиофил», 1921, № 2, стр. 129.

⁶ Очерки истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII веков. М.—Л., 1946, стр. 49.

более определенно высказывается В. В. Покшишевский в работе «Заселение Сибири» (Иркутск, 1951). Он утверждает, что «среди них (переселенцев Сибири, — О. П.) можно встретить выходцев буквально из всех областей Московского государства».⁷

Начальный этап развития особенностей старожильческих говоров Сибири, отличающих их от диалектов европейской части России, стал привлекать внимание исследователей только в самое последнее время. См., например, работу Н. Е. Поповой,⁸ в которой говорится, что в Сибири уже в XVII в., видимо, начинается процесс взаимодействия различных по своему характеру говоров, который приводит к их частичной нивелировке, утрате ряда специфических диалектных черт, уступивших место московской норме, делающейся уже в XVII в. общенародной. В работе показывается процесс сближения разных типов русских говоров на протяжении XVII в., отражающийся в документах Красноярского острога.⁹

Существующие словари сибирских диалектизмов показывают лексику значительно более позднего времени, чем эпоха заселения Сибири русскими (XVI—XVII вв.), они относятся к XIX—XX вв.¹⁰ Понятно, что эти словари могут дать только отдаленное представление о составе и характере диалектной лексики русских говоров Сибири XVI—XVII вв. Это обстоятельство осложняется тем, что имеющиеся словари сибирских диалектизмов отличаются случайностью и неполнотой своего состава, являются по существу в большинстве своем просто собранием небольшого количества слов, служащим дополнением к нелингвистическим исследованиям (этнографическим, географическим и др.). Поэтому они могут быть использованы в нашей работе лишь как подсобный материал.¹¹

⁷ В более позднее время заселение Сибири выходцами из среднерусских и южнорусских областей становится обычным. См. об этом, например: В. А. Сенкевич. Некоторые вопросы изучения сибирских говоров русского языка. Ученые записки Магнитогорского пед. инст., вып. 7, 1958.

⁸ Н. Е. Попова. О языке деловых документов Красноярского острога XVII — нач. XVIII в. Ученые записки Красноярского пед. инст., Серия историко-филологическая, том 13, вып. I. Красноярск, 1958.

⁹ Ср. работу Е. Н. Поляковой (Шадринская рукопись 1687—1688 гг. как памятник делового языка. Канд. дисс. Свердловск, 1967), где говорится, что в некоторых населенных пунктах западной Сибири к концу XVII в. еще не сложилось достаточно отчетливого единого диалекта.

¹⁰ Наиболее ранняя из привлеченных нами статей, содержащих диалектную лексику, — статья Н. В. Семивского «Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего многое до ныне не было всем известно» (СПб., 1817). Еще более ранней является работа исследователя И. Г. Гмелина, изданная в XVIII в. на немецком языке: I. G. Gmelin. Reise durch Sibirien. Erst Theil. Göttingen, 1751 (см. сведения о ней: В. И. Панов. Сборник областных слов И. Яхонтова и И. Г. Гмелина. Труды научной конференции пед. инст., Кемерово, вып. 1, 1956, стр. 182—202).

¹¹ Немаловажное значение для изучения лексики сибирских говоров первых веков заселения Сибири имеют «Древние Российские стихотворения» Кириши Данилова, относящиеся к XVIII в. и вышедшие несколькими изда-

Можно предположить, что в XVII в. говоры Сибири еще сохраняли самые тесные связи со своими «материнскими» диалектами. Потому существенное значение для исследования диалектной лексики Сибирских летописей имеют словари диалектной лексики европейской части России. Однако такие словари тоже относятся только к XIX—XX вв.

Трудности другого рода возникают при изучении диалектной лексики Сибирских летописей из-за недостаточной ясности характера использования диалектизмов в письменности XVII в. Слова местного употребления в древнерусском языке не имели, видимо, такого четкого отграничения от слов общенародного языка, какое имеется в современном нормализованшемся национальном литературном языке. Это касается их взаимодействия и в языке письменном. По замечанию Винокура, «язык древнерусской письменности, какими бы стилистическими приметамы он ни отличался, это в принципе язык диалектный». ¹² Поэтому иногда бывает недостаточно ясно, какие слова в тот или иной период существования русского языка можно считать диалектизмами. Вообще местные слова русского языка XVII в. можно называть диалектизмами лишь условно, не отождествляя это понятие с термином, который употребляется по отношению к современному языку.

Трудности изучения диалектной лексики, вызванные отсутствием нормализованности в древнерусском языке, осложняются неизученностью характера использования в письменности слов, осознанных в древнерусском языке как слова местные: неясно, отражают ли памятники письменности лексику той местности, где они написаны, в полной мере или избегают ее употребления? Этот вопрос особенно важен для изучения русского языка Сибири XVII в., поскольку XVII в. является исторически первой эпохой существования там русского языка. Определение не только характера, но и количества местных слов, особенно уже специфически сибирских, существовавших в языке Сибири этого периода, имеет первостепенное значение.

В настоящее время установлено, что в области нормализации русского языка в XVII в. произошли значительные сдвиги, приведшие к тому, что письменный язык Московского государства стал выражать в языке общерусские тенденции, тем самым спо-

---

ниями с начала XIX в. Анализ их языка приводит исследователей (Калайдовича, Шеффера) к убеждению, что они сложены в Сибири и отражают в языке ряд сибирских черт. Здесь встречается выражение «по-нашему, по-сибирскому», которое прямо свидетельствует о наличии в них диалектных сибирских слов. Такие слова особо отмечаются в предисловиях к изданиям «Стихотворений» (под ред. К. Калайдовича. М., 1818; под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901). Лексика сборника Кирши Данилова анализируется также в рецензии на изд. Шеффера, написанной Е. Будде (Журнал Министерства Народного Просвещения, 1902, № 4).

¹² Г. О. Винокур. Русский язык. Л., 1945, стр. 105.

собствуя унификации всех разновидностей местной письменности как деловой,¹³ так, видимо, и художественной. Однако вопрос этот остается конкретно не исследованным. Имеющиеся в настоящее время работы позволяют утверждать только, что характер использования диалектизмов в русской письменности XVII в. зависел, видимо, от тематики, места написания, а также жанра сочинения. Более всего содержат местную лексику памятники, отражающие живую речь. Названия местных реалий встречаются в сочинениях, связанных с описанием быта. Письменность окраин России XVII в., как правило, имеет больше такой лексики, чем московская. В последней употребление местной лексики уже избегается. Широта использования местной лексики в памятнике зависела также от степени самостоятельности территории, на которой он был написан.

Наибольшее количество местных слов содержат периферийные деловые и летописные памятники XIV—XV вв. Сохраняется некоторое их количество в такого рода памятниках и в XVI—XVII вв. Есть местные слова, например, в Псковской судной грамоте,¹⁴ северодвинских грамотах XIV—XV вв.,¹⁵ Московском летописном своде XV в. (он включает в себя части периферийных летописей — Новгородской и Псковской),¹⁶ а также в некотором количестве в Псковской I летописи,¹⁷ Псковской II летописи,¹⁸ рязанских деловых памятниках XVI—XVII вв.,¹⁹ доку-

---

¹³ См. у В. В. Виноградова: «Московский деловой язык сложился в XV—XVI вв. и в то же время стал общим деловым языком для всех канцелярий областных княжеств» (Основные этапы истории русского языка. «Русский язык в школе», 1940, № 3, стр. 11), см. также у Г. О. Винокура: «Территориальная и культурная почва общерусского языка там же, где территориальный и культурный центр созданного Русского государства, то есть в говоре Москвы и в языке московской канцелярии. По мере того как областные канцелярии усваивали московскую орфографию и терминологию, а московские дьячки и подьячие допускали в свой языковой обиход известные областные элементы, язык московских приказов приобрел свойства языка общегосударственного» (Г. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 67).

¹⁴ См.: О. С. Мжельская. Местная лексика в псковской деловой письменности XIV—XV вв. Автореферат канд. дисс. Л., 1956 и ряд статей, являющихся извлечениями из этой работы.

¹⁵ Н. С. Бондарчук. Лексика Северодвинских грамот XIV—XV вв. Автореферат канд. дисс. М., 1955.

¹⁶ М. Г. Булахов. Московский летописный свод конца XV в. как памятник русского литературного языка. В сб.: Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961.

¹⁷ В. В. Ильенко. Псковизмы в лексике Псковской первой и Псковской второй летописей. Научные записки Днепропетровского унив., т. 70, 1960; В. И. Максимов. Местная лексика в Псковской I летописи. Ученые записки Ленинградского пед. инст. им. А. И. Герцена, 1958, № 173.

¹⁸ В. В. Ильенко. Псковизмы в лексике...

¹⁹ Е. Н. Борисова. Из истории лексики рязанских памятников XVI—XVII вв. Автореферат канд. дисс. Балашов, 1957 и ряд статей, являющихся извлечениями из этой работы.

ментах войсковой казачьей канцелярии XVII в. (Донские дела),²⁰ воронежских грамотах XVII в.²¹ Большое количество разнодиалектной лексики содержится в общерусских летописных сводах XV—XVII вв.²²

Особенно интересно отметить наличие местных слов в деловых памятниках Урала и Сибири, которые, впрочем, анализировались с этой точки зрения еще очень мало. Присутствуют, хотя и в незначительном количестве, слова местного употребления в деловых документах Красноярского острога XVI—нач. XVIII вв.,²³ Соликамских грамотах XVII в.²⁴

Изучая диалектную лексику в письменности XVI—XVII вв., исследователи всегда подчеркивают, что в общей массе лексики диалектные слова занимают в большинстве памятников небольшое место. Е. Н. Борисова замечает, что авторы изучаемых ею рязанских памятников XVI—XVII вв. избегали употребления диалектной лексики. Местные слова проникали в текст большей частью только в случае отсутствия для них общенародного синонима.²⁵ А. А. Горбунова указывает, что в целом соликамские грамоты очень близки по языку к московским грамотам своего времени.²⁶ Еще в меньшем количестве содержится местная лексика в XVI—XVII вв. в деловой письменности центральных областей страны²⁷ и в художественных сочинениях. Например, в Домострое по Коншинскому списку встречается ничтожное

²⁰ А. Н. Качалкин, В. А. Магин. Отражение лексики судоходства и рыбных промыслов говоров Нижнего Дона в местных письменных памятниках XVII—XVIII вв. Ученые записки Таганрогского пед. инст., вып. 5, кафедра русского и иностранных языков, 1958.

²¹ Н. К. Соколова. Обиходно-бытовая лексика в языке воронежских грамот XVII в. Автореферат канд. дисс. Воронеж, 1956 и ряд статей, являющихся извлечениями из этой работы.

²² В. В. Ильенко. Диалектная лексика в языке общерусских летописных сводов XV—XVII вв. Автореферат канд. дисс. Л., 1961 и другие его работы. См. также о наличии диалектных черт в фонетике и морфологии в Псковской судной грамоте XIV в.: Т. Н. Кандаурова. Из истории древнепсковского диалекта XIV в. Ученые записки Московского пед. инст. им. Потемкина, т. XXXIII, 1954; в шуйских деловых памятниках XVI—XVII вв.: Т. С. Ворошилова. Из истории шуйских говоров XVI—XVIII вв. Автореферат канд. дисс. М., 1955; в воронежских грамотах XVII—нач. XVIII в.: Т. В. Жарких. Язык воронежских грамот XVII в. Автореферат канд. дисс. Воронеж, 1953; В. И. Собиникова. Общенародные и диалектные черты в языке областной письменности XVII—нач. XVIII в. (По материалам воронежских грамот). В сб.: Начальный этап...; Н. К. Соколова. Обиходно-бытовая лексика..., и др.

²³ Н. Е. Попова. О языке деловых документов Красноярского острога XVII—нач. XVIII в. Ученые записки Красноярского пед. инст., Серия историко-филологическая, т. 13, вып. I. Красноярск, 1958.

²⁴ А. А. Горбунова. Некоторые наблюдения над языком соликамских грамот XVII в. Ученые записки Казанского унив., т. 119, кн. 5, 1961.

²⁵ Е. Н. Борисова. Из истории лексики..., стр. 254.

²⁶ А. А. Горбунова. Некоторые наблюдения..., стр. 204.

²⁷ Е. Н. Борисова в своей работе свидетельствует о небольшом количестве диалектной лексики в московских деловых памятниках.

число диалектных слов,²⁸ то же в Повести о горе и злочастии,²⁹ в русских пословицах XVII в.,³⁰ в русских повестях первой трети XVIII в.³¹ Даже в сатирических повестях XVII в., отличающихся свободой языка, такой лексики мало.³² Довольно много диалектной лексики в Житии Аввакума.³³ Интересно отметить, что отсутствие большого количества диалектных слов в художественных произведениях отмечается и для более раннего времени.³⁴

Употребления местной лексики избегали не только авторы, но и переписчики памятников. Это касается даже такого раннего памятника, как Повесть временных лет.³⁵ То же можно сказать о Сибирских летописях. Нами были сопоставлены списки Есиповской летописи, напечатанные в издании Археографической комиссии, и рукописный список (Гос. Публ. Библ., шифр F. IV, 76), который при издании Сибирских летописей учтен не был. При перечислении водящихся в Сибири рыб автор рукописи Гос. Публ. Библ. упоминает целый ряд названий сибирских рыб: «рыбы различныя множество. Ихъ же имяна суть: осетръ, и таймень (вѣсомъ потри пуда), стерледь, нелма, шуки великия в триаршина четвертью и болши, муксунъ, чиръ, пеледь, харьюзь, окуни, икараси великия втри четверти аршина, лини, тугунцы, омули, всякая мѣлка рыба противъ русской страны рекъ, абелуги, исемги, илоскуи иугоричъ, илеща, иголовля, вовсѣхъ сибирскихъ рѣкахъ нѣсть». Напечатанные в издании Археографической комиссии списки Есиповской летописи — Сычевский, Абрамовский, Румянцевский, а также сп. Ундольского, текстуально почти полностью совпадающие с вышеназванным списком, перечисления рыб не имеют. В них это место читается так: «рыбы различныя множество». Интересно, что каких-либо других, даже незначительных, отличий в тексте они не содержат. Все они

²⁸ С. Д. Никифоров. Из наблюдений над языком Домостроя по Коншинскому списку. Ученые записки Московского пед. инст. им. В. И. Ленина т. 42, 1947.

²⁹ М. К. Давыдова. Лексика «Повести о горе и злочастии». Автореферат канд. дисс. Л., 1953.

³⁰ В. П. Фелицына. Диалектные черты в пословицах XVII в. В сб.: Из истории слов и словарей. Л., 1963.

³¹ В. П. Забродченко. Лексика русских повестей первой трети XVIII в. Автореферат канд. дисс. М., 1956.

³² Н. А. Орлова. Лексика сатирических повестей XVII в. Автореферат канд. дисс. Л., 1956.

³³ В. Н. Шорохова. Наблюдения в области словарного состава Жития Аввакума. Автореферат канд. дисс. М., 1953.

³⁴ Например, в Послании Даниила Заточника: А. Н. Шилловский. Хозяйственно-бытовая лексика «Послания Даниила Заточника». Наукові записки Дніпропетровського універс., т. LII, 1956.

³⁵ См. у Ф. П. Филина: «Отсутствие в Повести временных лет северных диалектизмов (в речной и морской терминологии, — О. П.) свидетельствует . . . о большой устойчивости лексической системы Повести, сложившейся в Киеве и не поддавшейся в своих основах при многочисленных переписках на севере» (Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи. Л., 1949, стр. 165).

являются, вероятно, позднейшими копиями какого-то более раннего, общего для них, источника. Поэтому не остается сомнений, что текст в несколько строк не мог быть пропущен в них случайно. Одной из причин этого пропуска могла послужить и насыщенность его местными словами.

Н. А. Дворецкая (изучавшая Сибирские летописи в плане истории их создания)³⁶ указала нам еще два списка Сибирских летописей, не учтенных в издании Археографической комиссии, в которых также имеется цитируемое выше перечисление названий рыб (один из них хранится в рукоп. отд. Гос. Публ. Библ. в Ленинграде — шифр F, XVII, 21, Толстовский отд. № 419; другой — в рукоп. отд. Гос. Публ. Библ. им. Ленина в Москве: «Степенная книга», новое письмо XVIII в. № 416). Н. А. Дворецкая обследовала 70 списков Сибирских летописей и нигде более этого перечисления не встретила. Рыбы *муксун*, *чир*, *пеледь*, *тугунец*, *угорич*, вероятно, довольно широко известны в XVII в. Об этом говорит употребление некоторых из их названий в письменности того времени (обычно деловой). См. *муксун* — Спафарий, Сибирь: «особая рыба есть муксунъ, которая зѣло добрая»; *чир* — Акты X. и У.. «да бѣлые рыбы щука, нелма, 2 чира, 2 пеледи, лещъ» (ср. в Словаре областного архангельского наречия Подвысоцкого: «чир — водящаяся в реках печерской системы и преимущественно в озерах запечерского края рыба сигавого рода»); *угорич* — Арт. пов.: «три живова угорича». Пропуск текста с названиями местных рыб в большинстве списков Сибирских летописей свидетельствует о том, что переписчики Сибирских летописей избегали употребления слов, имеющих местное распространение.

Переходя к рассмотрению диалектной лексики в Сибирских летописях, отметим, что здесь отразились все характерные черты ее использования в письменности XVII в. При этом присутствующие в них диалектные слова часто являются общими со словами говоров европейской части России, что говорит об общности сибирских и европейских диалектов в XVII в.

Сибирские летописи содержат незначительное количество диалектизмов, что соответствует общему характеру использования диалектной лексики в художественной литературе XVII в.

Диалектные слова Сибирских летописей большей частью обозначают реалии сибирской природы и быта и не имеют синонимов в общепризнанном языке.

Интересно отметить, что в исследуемых памятниках нет слов, которые составляют специфику современных сибирских диалектов в отличие от диалектов европейской части России.³⁷

³⁶ См. о ее работах, посвященных Сибирским летописям, во «Вступлении».

³⁷ Во многих сибирских диалектах XIX—XX вв. отмечаются, например, слова *падь*, *гольцы*, *елань*, *дивно*, *напрок* и мн. др., см. также обозначения

Среди диалектных слов Сибирских летописей, которые имеются и в диалектах европейской части России, наибольшее место занимают слова, соответствующие севернорусским диалектизмам. К этой группе относятся:

Суземье — «поворотилися вниз до устья и остановились, не внимая назирателя Кучюма и Карачи, вѣдомыхъ воровъ, стояще в прикрытѣ за речкою в трехъ верстахъ і менши, в темномъ дикомъ суземье, при речке крутой и топкой велми» (МЗ43). В XIX—XX вв. это слово (а также слова *сузем*, *суземок*)³⁸ известно как севернорусский и сибирский диалектизм, иногда употребляется и в западных говорах (имеет в областных словарях пометы олон., влад., волог., новг., перм., сиб.³⁹ везде в значении 'глухой, непроходимый лес'). См. в беломорских говорах *сузем* 'старый, глухой лес'.⁴⁰ В XVII в. слово известно преимущественно в севернорусских памятниках: Акты X. и У., Гр. Дв. (часто), а также Спафарий, Сибирь.

Таймень (рыба из семейства лососевых) — «рыбы всякой таковой безчисленно: осетровъ, стерлядей, шукъ, тайменей, карасей» (ОЗ78). Словари XIX—XX вв. отмечают его в значении 'сибирская рыба' (с различными конкретизациями) и как сибирское слово.⁴¹ Материалы памятников XVII в. показывают его наличие в Сибири и севернорусских диалектах. См. его в ДАИ, 1684 г. (в тексте о Сибири), Мат. для ист. раск. («таймень — байкальская щука»), Авв. Ж., Кн. Окл. Сиб. гор., а также в некоторых севернорусских деловых памятниках: Кн. п. Об. пят.

ветров: *верховский, запад, худой, север, обедник, баргузин*, а также целый ряд сибирских охотничьих, рыбопромышленных терминов (см. о них: П. Я. Черных. Русский язык в Сибири. М., 1937, здесь же отмечаются как характерные для всех сибирских говоров слова: *однако, чо*, обращение *паря*). Некоторые писатели создают в своих произведениях «сибирский колорит» употреблением подобных слов. См., например, у Л. Н. Толстого в «Воскресении»: *яви те, паря, пошуми (позови)* и др.

³⁸ Слово является заимствованием из финск. яз. См.: J. Kalima. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915, стр. 221 (всюду далее — Сл. Калима); Сл. Фасмера, т. III, стр. 41; Д. Н. Шмелев. Заимствования из прибалтийско-финских языков в старорусских памятниках письменности. Вопросы славянского языкознания. Институт славяноведения, вып. 5, М., 1961.

³⁹ См. Опыт Областного словаря, словари Даля, Куликовского (библиографические данные этих и упоминаемых нами ниже областных словарей см. в «Приложении»; сведения о диалектном характере слов извлекаются также из упоминаемых этимологических словарей, а также Сл. Даля; ссылки на словари в сносках располагаются в хронологической последовательности).

⁴⁰ См. об этом в кн.: И. А. Елизаровский. Лексика Беломорских актов XVI—XVII вв. Архангельск, 1958, стр. 223.

⁴¹ См. словари Семивского, Даля, а также сочинения М. В. Бородкиной «Рыбачий быт в Прибайкалье» (Сибирская Живая Старина, 1926, вып. II), В. М. Михеева «Песни о Сибири» (Иркутск, 1938 — в значении 'крупная рыба'), Н. Левченко «Таежные сибирские рассказы» (М., 1924).

1563 г., Кн. расх. Свирск. мон. 1615—1631 гг., Там. кн. Тихв. мон. 1628 г., Кн. расх. Иверск. м. 1671 г. Наличие его в этих памятниках, а также то, что его имеют некоторые севернорусские говоры XIX в. (см. его в Сл. Куликовского в значении 'форель'),⁴² говорит о том, что слово *таймень* существовало в древнерусских севернорусских говорах, а в Сибири стало называть другую, родственную рыбу.

Нерпа — «а рыбы в немъ всякой множество, і нерпа морская есть» (ОЗ84). В XIX и XX вв. в областных словарях отмечается в значении 'тюлень' (иногда в видовом значении 'вид тюленя') как север.-великорус., сиб., камч., а также астрах.⁴³ В XVII в. встречается в Дневнике Ричарда Джемса,⁴⁴ Беломорских актах,⁴⁵ Спафарий, Сибирь («звѣря нерпа немного») и Авв. Ж. В общенародном языке ему соответствовало слово *тюлень* (см. его в АМГ, 1633 г., ДАИ, 1674 — «тюленей промысел» и других многочисленных памятниках).⁴⁶ В современном языке это слово в видовом значении ('ластоноее млекопитающее семейства тюленей') вошло в литературный язык.⁴⁷

Рогдуга — «проделываютъ же тѣ кожи рыбимъ жиромъ аки рогдугу мяхгостию, которые отнюдь дожда не боятсѣя» (ОЗ78). В областных словарях XIX—XX вв. отмечается (с различными вариантами формы) в значении 'тонкая выделанная кожа какого-либо животного' как север.-великорус. (арх., сев.-двин.) и сиб.⁴⁸ Из древнерусских памятников известно в Тамож. гр. Ив. Филат 1586 г. (в форме *ровдога*), см. также прилаг. *рогдужий* во Вкладной книге Серпуховского Высоцкого монастыря («шуба

---

⁴² Сл. Калима (стр. 223) и Сл. Фасмера (т. III, стр. 69) считают его заимствованным из финского, того же мнения П. Я. Черных, который отмечает его наличие в севернорусских диалектах (см.: П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956, стр. 156), и А. И. Попов. См. об этом слове еще: С. И. Ольгович. Из наблюдений над усвоением заимствованных слов в акающих говорах Сибири. В кн.: Сборник статей по вопросам языкознания и методики преподавания иностранных языков. Томск, 1964, стр. 26—27.

⁴³ См. словари Семивского, Авдеевой, Бурнашева, Шренка, Даля, Ровинского, Подвысоцкого, Богораза, Дурова, диалектные материалы Картотеки Словарного сектора Института русского языка АН СССР (в Ленинграде); И. А. Елизаровский. Лексика Беломорских актов..., стр. 205. См. также Сл. Преображенского, т. I, стр. 601.

⁴⁴ Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618—1619 гг.). Л., 1959, стр. 68.

⁴⁵ См.: И. А. Елизаровский. Лексика Беломорских актов..., стр. 90.

⁴⁶ Сл. Преображенского (т. I, стр. 601), Сл. Калима (стр. 172), Сл. Фасмера (т. II, стр. 214) считают его заимствованным из финского.

⁴⁷ См. Словарь русского языка АН СССР, т. II, М., 1958.

⁴⁸ См. Опыт Областного словаря, словари Даля, Маака, Богораза, а также диалектные материалы Картотеки Словарного сектора Института русского языка АН СССР. См. также: И. А. Елизаровский. Лексика Беломорских актов..., стр. 218 — *ровдуга*.

рогдужья»).⁴⁹ (Ср. *govedoga* — *рѡвдога* 'пояс' в Дн. Ричарда Джемса).⁵⁰

Нарты — «Остатки ездять на псахъ, впрежены бывають в нарты, на далное разстояние» (А6242) (имеется также в Есиповской, Ремезовской, Кунгурской летописях и Описании Сибири). В словарях XIX—XX вв. отмечается как сиб.⁵¹ и север.-великорус.⁵² См. также в Авв. Ж.⁵³

Лунуть — «две пушки железные изъ Казани привѣзены, их же казаки умолвиша, і не могоша лунуть на казаковъ в друго-рядь» (М341). В областных словарях XIX—XX вв. в значении 'выстрелить', 'стрелять' отмечается как сев.-двин., новг., сиб., камч., амур.⁵⁴ Из древнерусских памятников известно нам только в книге «О ратном строе», написанной в XVII в. в Москве (в нее могли попасть слова разных диалектов). Можно предположить, что в XVII в. это слово было северновеликорусским и сибирским.

Возможно, северными диалектизмами в XVII в. были также слова Сибирских летописей, известные в северновеликорусских диалектах XIX—XX вв. и отсутствующие в известных нам памятниках XVII в.

Яснец — «соль же та зѣло чиста, аки снѣгъ или лѣдъ яснецъ» (О380). В областных словарях XIX—XX вв. отмечается в значении 'чистый и плотный лед' как арх., твер., новг. и сиб.⁵⁵

Камень — «в Сибирской странѣ за Югорскимъ каменемъ» (С7), «сихъ же царствъ Російского и Сибирьские земли облежить камень превысочайшій зело, яко дося[за]ти інѣмъ холмомъ до облакъ небесныхъ» (Е109), «до камня Верхотурскаго, которой камень лежитъ отъ моря-океяна поясомъ до моря Хвалинского» (О369). Известно в север.-великорус. и сиб. говорах XIX—XX вв. в значении 'скала, гора'.⁵⁶

См. также слово *поплав[?]* (*напоплав[?]*): «и на всходе солнца пустишася напоплавъ і доплыша ту быстрины» (М335). Ср. в

---

⁴⁹ А. И. Попов (Из истории лексики языков Восточной Европы. Л., 1957) считает его (в значении 'род замши') словом, образованным от названия одной карельской местности (стр. 35). Ср. этимологию в Сл. Фасмера, т. II, стр. 526 («ровдуга»).

⁵⁰ Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник..., стр. 124.

⁵¹ Абрамов, Кривошапкин, Даль, Богораз, Преображенский.

⁵² И. А. Елизаровский. Лексика Беломорских актов..., стр. 204.

⁵³ Сл. Преображенского (т. I, стр. 593) считает его заимствованием из языка «сибирских инородцев», что, видимо, неверно. Ср. его этимологию в Сл. Фасмера, т. II, стр. 199.

⁵⁴ Бурнашев, Опыт Областного словаря, Карпов, материалы Картотеки Института русского языка АН СССР.

⁵⁵ Опыт Областного словаря, Даль, Потанин, Подвысоцкий, Богораз. Этимологически связано, по-видимому, с *ясный*.

⁵⁶ Н. С. Бондарчук (Лексика Северодвинских грамот XIV—XV вв.) отмечает его как двинский диалектизм, см. его также в словарях XIX—XX вв. Дая, Потанина, Ровинского, Маака.

Сл. Даля: «поплáв — влж. плаванье, путь водою» (см. здесь же «поплавной: поплавная рыба — идущая от вершин к устью, по воде; поплавная тonya — закинутая по воде, по течению» с пометами — сиб. «Поплавные тони» и «поплавные неводы» встречаются в двинских грамотах XV в.).

Имеющееся в Сибирских летописях слово *куны* (см. о нем в разделе «Общественно-политическая и социально-экономическая лексика»), по мнению Н. С. Бондарчука,⁵⁷ в XIV—XV вв. стало в общенародном русском языке архаизмом и сохранилось как живое только в двинских и новгородских диалектах (московским словом того времени он считает *деньги*, в Сибирских летописях употребляются оба эти слова). Если это справедливо, то в Сибирских летописях его можно считать северным диалектизмом.

Переходим к рассмотрению слов Сибирских летописей, соответствующих несеве́рновеликорусским диалектизмам европейской части России. Многие из этих слов неизвестны нам в древнерусском языке.

Человечный — «бѣ бо . . . мужествоѣнь и разумень, и чело-вѣчень, и зрачень, і всякой мудрости доволенъ» (М344) — в значении 'рослый, плотный, видный собою, мужественный, молодец, ражий' отмечается в Сл. Даля как новг., нижегор., казан.

Баба ('птица') — «всякихъ птицъ: лебедей, стерховъ, журавлей, цаплей, бабъ, гусей» (О378). В словарях XIX—XX вв. отмечается как астрах., волж., тамб., сарат., дон., касп. и черномор., а также сиб., перм.⁵⁸

Сказарка — «всякихъ птицъ: . . . журавлей, цаплей, бабъ, гусей, сказарокъ» (О378).⁵⁹ В словарях XIX—XX вв. отмечается в форме «казарка»⁶⁰ в значении 'особый вид дикой утки или дикого гуся' как арх., рост., дон., а также колым.⁶¹ (см. его еще в значениях 'рыба, похожая на сига' — волог.,⁶² 'гусеница' — нижегор., вят., тагил.⁶³). Возможно, однако, что изоглоссы слов *казарка* и *сказарка* не совпадают.

⁵⁷ Н. С. Бондарчук. Лексика Северодвинских грамот XIV—XV вв.

⁵⁸ См. словарь Миртова, кн. М. А. Мензбира «Птицы России» (М., 1895), Сл. Даля, Картотеку Института русского языка АН СССР.

⁵⁹ Ср. в Сл. Преображенского (т. I, стр. 282) и Фасмера (т. I, стр. 503) слово *казара* в значении 'порода дикого гуся'.

⁶⁰ В словарях современного русского языка слово *казарка* считается общенародным, областным признается слово *казара* в этом же значении. О слове *казара* см.: С. И. Ольгович. Из наблюдений над усвоением заимствованных слов в акающих говорах Сибири, стр. 30—31. Здесь же говорится о различии значений слова *казарка* в современных сибирских говорах и общенародном языке.

⁶¹ См. словари Подвысоцкого, Богораза, Миртова, Картотеку Института русского языка АН СССР.

⁶² См. Картотеку Института русского языка АН СССР.

⁶³ См. словарь Зеленина и Картотеку Института русского языка АН СССР.

Юрт — «учали (татары, — О. П.) жити в прежнихъ своихъ юртахъ» (С26). Словари XIX—XX вв. отмечают это слово как сиб. ⁶⁴ В XVI—XVII вв. оно известно и в южных памятниках: см., например, Дон. Дела (грамота, обращенная к войску донскому): «оя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси на Дон, в нижние и в верхние юрты, атаманами и казаком» (постоянно употребляется в донских памятниках как название поселений донских казаков). ⁶⁵

Изюбрь — «еже есть сохатой, елень, изюбрь и подобная симъ» (Т60). Как сибирское название марала или оленя отмечают его многие словари XIX—XX вв. ⁶⁶ В XVII в. употребляется в быту донских казаков, см., например, его в казачьей челобитной от 28 марта 1642 г.: «мы, холопы твои, бредучи дорогою на степи, ели мясо от великой нужи и з голоду, что хлеба не было, убили изюбря» (Дон. Дела) (см. также прилаг. *изюбревы* в Якутск. актах, 1640 г.: «отпущены на низ по Лѣне рекѣ для соболиного промыслу промышленные люди . . . , а с ними . . . тритцат аршинъ сукна белого, дватцат камесов изюбревых пят пуд прядена»). ⁶⁷

Наличие в Сибирских летописях слов средне-, западно- и южнорусских подтверждает мнение о сосуществовании в русском языке в Сибири XVII в. разных диалектов.

Вторая группа диалектизмов Сибирских летописей — слова, характерные только для Сибири.

Сохатый — «еже есть сохатой, елень изюбрь и подобная симъ» (Т60). Как сибирское название лося отмечается во многих словарях XIX—XX вв. ⁶⁸ Это слово употребляется в «Стихотворениях» Кирши Данилова (Калайдович в предисловии к 1-му изданию называет его сибирским; приводится оно и в словаре местных слов, приложенном ко 2-му изданию).

Лабаз — «и положиша его (тело Ермака, — О. П.) нага на лабазъ» (М345). См. объяснение древнего сибирского значения этого слова в статье Д. Клеманца: ⁶⁹ «О лабазе, подвеске на козлах, подмостках на дереве, как способе погребения, упоминают многие путешественники по Сибири, начиная с Гмелина старшего и Палиаса. Ныне этот обычай почти вывелся». Именно в

⁶⁴ Бартенев, Патканов и Зобнин, Карпов, Богораз.

⁶⁵ См. в «Дневнике» Ричарда Джемса: «арбуз — так называют их татары с Юрта, где на открытых полянах арбузы роятся в изобилии» (Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник . . . , стр. 126). Сл. Преображенского (дополнение к т. II, стр. 130) и Сл. Фасмера (*юрт* — т. III, стр. 473) считают его тюркским.

⁶⁶ См. словари Даля, Карпова и Картотеку Института русского языка АН СССР.

⁶⁷ См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. I, стр. 476.

⁶⁸ См. словари Семивского, Кузмищева, Даля, Потанина, Патканова и Зобнина, Карпова, Осокина, Анучина, Станилевского, а также рецензию Е. Будде (Журнал Министерства Народного Просвещения, 1902, № 4).

⁶⁹ Д. Клеманец. Объяснение встречающихся в Инструкции Миллера слов. Сборник Музея антропологии и этнографии. СПб., 1900, стр. 7—20.

этом значении употребляется слово *лабаз* и в наших памятниках. Словари XIX—XX вв. показывают наличие слова *лабаз* в говорах (в том числе и сибирских) в нескольких значениях.⁷⁰ Значения, соответствующего древнему сибирскому, в них нет. В древнерусских — северных и сибирских — памятниках это слово известно нам также только в значениях, не соответствующих нашему (см. ДАИ, 1640 г., 1684 г., 1686 г., Якутск. акты).⁷¹

Укрюк — «и умыслиша в ущине оружье себѣ коварно, крюки и укрюки, засѣку і вѣревки, да удержать» (МЗ35). В XIX—XX вв. отмечается в областных словарях как сиб. и урал. в значении «веревка с крюком для лазанья по деревьям»⁷² (ср. «прут, шест с арканом для ловли лошадей»).⁷³ В XVII в. известно в Розыск. о Шаклов., ДАИ, 1677 г. (в рассказе о стрельцах в Сибири).⁷⁴

Наличие среди сибирских слов наших памятников семантических диалектизмов подтверждает лексические связи сибирских диалектов с диалектами европейских русских говоров, а также, что очень интересно, говорит о начавшемся под влиянием особенностей сибирской жизни уже в XVII в. отделении сибирской лексики от лексики «материнских» говоров, сначала путем приобретения словами других значений.

Некоторые слова, имеющиеся в Сибирских летописях, неизвестны нам в других памятниках XVII в. Однако в словарях XIX—XX вв. они отмечаются как сибирские. В связи с неизученностью диалектов русского языка Сибири XVII в. локализацию диалектных слов этой группы для XVII в. осуществить трудно. Поскольку они употребляются в Сибирских летописях, их можно принять за сибирские. В письменности XVII в. они встречаются редко, видимо, вследствие территориальной узости своего распространения.

Скопа — «всяких птицъ: лебедей..., гагар, соколовъ, ... скопъ, челиковъ» (ОЗ78). См. его в словаре Богораза, а также Даля (без областных помет) в значении «хищная птица, *raption haliaetos*». ⁷⁵

⁷⁰ «Подмости на сучьях деревьев, откуда укрывшись стреляют зверей» — сиб., урал., амур., волог., беломор., костром. (см. Доп. Оп., Кривошапкин, Картолеку Института русского языка АН СССР и кн. И. А. Елизаровского «Лексика Беломорских актов...», стр. 196), «сарай, товарный склад» — твер. (Смирнов), «крыша-навес, куда ставят телеги, сани и пр.» — вят. (Васнецов), «место или отдельное строение на рыболовной ватаге, в которую сажают рыбу» — астрах. (Опыт Областного словаря) и другие значения в сев. и южн. говорах.

⁷¹ См. о его этимологии в Сл. Преображенского (т. I, стр. 425) и Сл. Фасмера (т. II, стр. 1).

⁷² См. Опыт Областного словаря, Даль, Анучин.

⁷³ См. Доп. Оп., Карпов (сиб.), Даль (оренб., сиб., дон.).

⁷⁴ Сл. Фасмера (т. III, стр. 180) считает слово тюркским по происхождению.

⁷⁵ См. о его этимологии в Сл. Фасмера (т. II, стр. 644).

Стрелка — «и умертвивъ малый звѣрокъ белаго звѣря, і видѣ умерша, и побѣже отъ него на стрѣлку в лугъ и не видѣнъ бѣ» (М328). Как сибирское указывается в словарях Даля, Патканова и Зобнина, Потапина (везде в значении 'горная острая конечность кряжа', 'горный мыс').

Сибирскими, видимо, являются также слова Сибирских летописей, не имеющие никаких соответствий в известных нам памятниках и словарях. Отсутствие их в сибирских словарях может быть объяснено случайностью и неполнотой этих словарей или выпадением слова из сибирских диалектов в XIX—XX вв.: *калужка* — «в великой рекѣ Амуре ... рыбъ, бѣлугъ ... калужекъ, осетровъ ... много» (О390);⁷⁶ *куйрунка* — «овець болшихъ, на задѣ с куйрунки по ведру» (О381); *ущина* — «и умыслиша в ущине (в сп. А — рушние) оружье себѣ коварно, крюки и укрюки, засѣку і вѣревки, да удержатъ» (М335).

Как видно из приведенных примеров, сибирские диалектизмы Сибирских летописей — это слова, обозначающие обычно местные реалии. Естественно, что именно такие диалектизмы проникали в памятники письменности, так как не имели равнозначных слов в общенародном языке.

Словари XIX—XX вв. называют сибирскими, кроме разобранных выше, целый ряд других слов, употребляющихся в Сибирских летописях, которые, однако, мы не можем рассматривать в них как диалектные. Известно, что современные говоры русского языка, особенно окраинные, содержат довольно большое количество слов, которые были когда-то общерусскими, но потом сохранились только в диалектах. Способность сибирских диалектов сохранять большое количество архаичной лексики отмечается многими исследователями.⁷⁷ Слова, приводимые нами ниже, отмечаются в словарях XIX—XX вв. как сибирские, но в наших памятниках являются словами общенародного языка.

Горносталя — «бобры, лисцы, соболи ... горносталя» (У173). Это слово в форме с *ль* многие словари отмечают как севернорусское и сибирское.⁷⁸ Однако оно (наряду с *горносталя*)

⁷⁶ См. слово *калуга* в значении 'белуга' в Опыте Областного словаря с пометой иркут.; в значении 'щука' — урал. (Картотека Института русского языка АН СССР).

⁷⁷ См., например: Е. Авдеева. Воспоминания о Иркутске. «Отечественные записки», 1848, т. 8, отд. 8; П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири; В. Даль. О наречиях русского языка; В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня. Иркутск, 1949, и др. Здесь же упомяну Словарь местных слов в издании «Стихотворений» Кириши Данилова 1901 г., который во многих случаях содержит не местные сибирские слова, а архаизмы, являющиеся для времени создания песен общенародными словами (*бердыш, бусы, кукя, острог, струг* и др.). Эту особенность Словаря указывает и рецензент сборника Кириши Данилова, изд. 1901 г. Е. Будде (Журнал Министерства Народного Просвещения, 1902, № 4, стр. 511).

⁷⁸ См. Доп. Оп., Даль, Подвысоцкий, Маак, Бартенев, Куликовский, Бо-

известно во многих древнерусских памятниках XI—XVII вв., не имеющих какого-либо территориального ограничения, и, следовательно, не является в XVII в. диалектным. В сибирских летописях употребляются обе формы.

Протока — «Богданъ же с таварищи . . . въ день недѣльный приплыша протокою подь самой Самарь» (М335) отмечается во многих словарях XIX—XX вв. в значении 'рукав реки, побочное русло' как сибирское и южнорусское.⁷⁹ Однако Картотека ДРС показывает это слово в многочисленных памятниках XVII в., не локализованных территориально: АИ, 1601 г., Гр. Сиб. Миллер., 1607 г., 1645 г., Астрах. а., 1626 г., Дон. Дела, 1641 г., Ворон. акты, 1644 г., а также Котош., Арс. Сух. и мн. др.

Голк — «казацы жъ умолвиша голк ихъ» (М330). Многие областные словари XIX—XX вв. считают его (в значении 'звук выстрела', 'громкий звук', 'удар', 'эхо') сиб. и вост.⁸⁰ Однако в языке XVII в. оно является, видимо, словом общенародного языка (см. о нем еще в разделе «Военная лексика», ср. значение глагола *голкать*).⁸¹

Стерх — «всякихъ птицъ: лебедей, стерховъ, журавлей» (О378). Отмечается в памятниках с XII в.⁸² Известно в других славянских и старославянском языке.⁸³ В XIX—XX вв. стало диалектным словом. Сл. Даля — астрах. Другие словари указывают его среди сибирских слов⁸⁴ (в значении 'белый журавль').

Как сиб., перм. и север.-великорус. во многих словарях XIX—XX в. отмечается слово *доспеть* в значении 'сделать', 'успеть', 'уметь'.⁸⁵ Однако оно известно в многочисленных нелокализованных территориально памятниках древнерусского языка книжного и делового характера (в значениях 'успеть предупредить', 'окончить', 'соорудить', 'приготовить', 'поспешить',

---

гораз, Зеленни, Рамзевич, Селищев, Картотеку Института русского языка АН СССР.

⁷⁹ См. Семивский, Бурнашев, Авдеева, Гуляев, Даль, Ровинский, Патканов и Зобнин, Богораз, а также в авторском тексте в кн. Н. С. Щукина «Поездка в Якутск» (СПб., 1844) и А. А. Дунина-Горкавича «Север Тобольской губернии» в кн.: Ежегодник Тобольского губ. музея за 1897 г., вып. 8 («полой — протока с глубокими ямами»); см. также в рецензии Будде на изд. «Стихотворений» Кириши Данилова 1901 г. слово «протока» среди слов, «принадлежащих или исключительно или по преимуществу Восточной Сибири».

⁸⁰ См. словари Кузмищева, Бурнашева, Гуляева, Опыт Областного Словаря, Даля, Потанина, Кривошапкина, Анучина, Богораза, Арефьева, Зензинова, Селищева, Парилова и др.

⁸¹ См. о его этимологии: П. Я. Черны х. Очерк . . . , стр. 158.

⁸² См. Сл. Срезневского: с т ѣ р к ѣ 'аист'.

⁸³ См. о его этимологии в Сл. Преображенского (т. II, стр. 385) и Сл. Фасмера (т. III, стр. 13).

⁸⁴ Патканов и Зобнин, Богораз.

⁸⁵ См. Семивский, Щюц, Кузмищев («доспелось»), Авдеева, Опыт Областного словаря, Вербицкий, Даль, Потанин, Кривошапкин, Анучин, Ровинский, Черкасов, Подвысоцкий, Маак, Ярков, Бартнев, Богораз, Арефьев, Осокин, Васнецов, Молотилов, Виноградов, Селищев, Бестужев, Парилов и др.

‘устроить’, ‘собраться, изготовиться’). В Сибирских летописях оно употребляется в значении ‘соорудить, построить’: «и мая въ 9 день dospѣли обѣщаниемъ часовню на городищи томъ во имя Николы чудотворца» (М314), «и многие суды легкие вновь dospѣли доволно» (М314), «и по полѣ воде dospѣли себѣ лѣгкие струги и поплыша внизъ» (М334). В таком значении слово *dospety* известно в Соф. вр., Новг. I лет., Псков. I лет., Сказ. об Астрах., Каз. лет., ДАИ, 1676 г., т. е. в памятниках разного характера. В. В. Палагина⁸⁶ указывает, что это слово, являвшееся общенародным (в качестве устаревшего) еще в языке XIX в. (см. Словарь Акад. 1847 г.), а к концу XIX в. делающееся просторечным (см. Словарь Акад. 1891—1899 гг.), имеется в томском говоре (в настоящее время в качестве устаревшего слова).

Являются областными в XIX—XX вв. слова Сибирских летописей *маломощный*, *маломошный*, *маломочный* в значении ‘нищий, ниемуший’ (в сочетании со словом «люди»). В XVII в. все три слова принадлежали, видимо, общенародному языку. *Маломощный* (по имеющимся у нас сведениям) употреблялось в книжных памятниках, слова *маломошный* и *маломочный* — только в деловых.

Авторы сибирских словарей XIX—XX вв. отмечают также как сибирские еще следующие слова: *безмен*,⁸⁷ *жаравь*,⁸⁸ *живот*,⁸⁹ *певга*,⁹⁰ *перст*,⁹¹ *снаряд*,⁹² *служилые люди*,⁹³ *яр* и др.⁹⁴ Все эти слова не являются для наших памятников ни диалектизмами, ни архаизмами (см. о некоторых из них в разных частях нашей работы и в «Приложении»).

Приведенные факты подтверждают, что современные сибирские диалекты во многих случаях сохраняют слова, ставшие в общенародном языке архаизмами.

Диалектные слова встречаются не во всех Сибирских летописях. Большинство из них принадлежит Ремезовской и Кун-

⁸⁶ В. В. Палагина. Говор западной части Томского района Томской области. Канд. дисс. Томск, 1951.

⁸⁷ См. Семивский, Кузмищев, Авдеева, Протопопов, Доп. Оп., Вербицкий, Кривошапкин, Патканов и Зобнин, а также Картотеку Института русского языка АН СССР.

⁸⁸ См. Кривошапкин.

⁸⁹ См. Кузмищев, Богораз (в значениях ‘имущество’, ‘пушнина’), П. Я. Черных «Русский язык в Сибири» (в значении ‘пушнина’).

⁹⁰ См. Потанин.

⁹¹ См. Молотилов; П. Я. Черных Русские говоры Мамырской волости...

⁹² См. Карпов.

⁹³ См. Кузмищев.

⁹⁴ См. Потанин (в значении ‘обрыв, крутизна’), Патканов и Зобнин.

гурской летописям и Описанию Сибири. Автор первой — сибиряк, а Описание Сибири, написанное, видимо, в Москве, ставит перед собой этнографически-описательные задачи, потому в них естественно употребление некоторого количества местных слов и упоминание реалий местного быта. В Кунгурской летописи вообще часто встречаются слова живого разговорного языка. В остальных Сибирских летописях диалектная лексика почти полностью отсутствует. Это доказывает, что в XVII в. избегали употреблять местную лексику в литературных сочинениях не только в центральной части России, но и на периферии.

ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА

Борьба казачьего войска Ермака с татарами происходит на территории Сибирского ханства. Поэтому в Сибирских летописях имеется ряд слов, связанных с татарской религией, обычаями и жизнью. В Описании Сибири к ним прибавляются еще слова, относящиеся к реалиям Китая. Вся эта лексика не входит в систему русского языка, лишь незначительная ее часть проникает в него в качестве заимствований. В целом иноязычная лексика занимает небольшое место в лексическом составе Сибирских летописей. В основном она касается религии татар и буддистов и общественного устройства Сибирского ханства. Иноязычная лексика тюркского происхождения довольно часто встречается в других русских памятниках, особенно летописных.⁹⁵ Однако имеющиеся в Сибирских летописях слова этого рода только в некоторых случаях известны нам по другим памятникам. Очень скудные сведения о большинстве этих слов также в словарях и справочных пособиях.

Абыз ('мусульманский священнослужитель')⁹⁶ — «і в Чандырскомъ городке великое болванское моление, что ихъ абызь шейтаншикъ могуще демономъ чинити дива призываниемъ жертвъ ихъ» (М326).⁹⁷ Слово *абыз* известно в многочисленных памятниках с XVII в., обычно делового характера. В Сибирских летописях оно употребляется в одном ряду со словом *волхвы*: «і вопрошаше агуновъ и абызь и волхвовъ и абызь своихъ: что се видитца» (М320) (*волхвы* известно в русских памятниках

⁹⁵ См., например, о наличии ее в значительном количестве в Московском летописном своде XV в.: М. Г. Булахов. Московский летописный свод конца XV в. ...

⁹⁶ См. его этимологию: Сл. Фасмера, т. 1, стр. 2.

⁹⁷ Ср. его значение 'учитель и толкователь мусульманской религии у татар и калмыков' — в «Списке тобольских слов и выражений» Патканова и Зобнина с замечанием «татарское слово из арабского хафиз».

с XI в.), что подчеркивает отрицание нехристианских религий, служителей которых Сибирские летописи приравнивают к *волхам* — чародеям и колдунам.⁹⁸

Мулла — «скоро повелѣ мулламъ своимъ кликати свою скверную бусорменскую молитву» (С24) — в значении 'мусульманский священник'.⁹⁹ Известно (в форме *молла*) в Ник. лет. Наши памятники не различают значения слов *абыз* и *мулла*, а также *мурза* (о нем см. ниже) — ср. Е131—Ав246 и П279. Это говорит о том, что авторы Сибирских летописей не были знакомы хорошо с этими словами.

Агун ('певец') — «и повеле агуномъ и абызамъ своимъ вопити велми кумиромъ молитву» (М330).¹⁰⁰

Для описания мусульманских богослужений наши памятники не употребляют специальных терминов татаро-монгольского происхождения, а используют слова, относящиеся к языческой вере: *требище*, *капище*, *жрети* и др., кроме слова *куран*: «служить его царская служба прямо и неизменно по ихъ вере и шертвованию и по курану» (У208). Известно в памятниках XVI в. Возможно, заимствовано из арабского через посредство тюркских языков.¹⁰¹ *Мечеть* — «а иные болваны... в каменныхъ божицахъ или в мечетяхъ» (О394) — в значении 'магометанский молитвенный дом'. Известно в памятниках с XVI в. Слово турецко-арабское.¹⁰²

В Описании Сибири имеются термины буддийской религии: *лама* — «вмѣсто священника или попа лама»¹⁰³ (О395). Сословия лам разделяются на три степени: *гэлун*, *гэцүль* и *баньди* (у калмыков — *маньчжи*). См. *гичюл* — «не токмо учителя ихъ злочестивыя..., но и ученицы ихъ, кутухты-ламы, гичюлы, манжи и всякого чина (бессмертны, — О. П.)» (О397); *гичюл-лама* — «вмѣсто диакона гичюль-лама» (О395). См. также *далай-лама* ('глава ламаитской религии, живущий в Тибете'): «да во всякомъ же ихъ монастырѣ начальники далай-лама» (О396),¹⁰⁴ а также *кутуфта-лама* ('высокий духовный чин у монголов'):

⁹⁸ См. об эмоциональном осмыслении этого слова в Сл. Даля: «абыз — яз., тамб. мулла, татарский поп; бран. поганец, нечестивец; ярс. прм. негодый, неслух, наглец».

⁹⁹ См. Сл. Фасмера, т. II, стр. 172: турецкое, татаро-казанское и крымско-татарское — *mualla*.

¹⁰⁰ См. *акын*, *ахун* — тюрко-персидское 'певец' в Сл. Радлова, стлб. 98.

¹⁰¹ Сл. Фасмера, т. I, стр. 622.

¹⁰² Там же, т. II, стр. 128.

¹⁰³ Там же, стр. 10. См. об употреблении слова *лама* в древнерусском языке: М. А. Момина. О некоторых монгольских словах в текстах XVII в. Ученые записки Новгородского пед. инст., т. XI, 1966, стр. 155—157.

¹⁰⁴ См. об употреблении слова *далай-лама* в древнерусском языке: М. А. Момина. О некоторых монгольских словах..., стр. 157—158. См. также Сл. Даля: «далай-лама — наместник божества их (ламаитов), верховный жрец».

«вмѣсто патриарха поставлена имянують его и чинъ его кутуфта-лама» (О395); *манжи-лама* — «вмѣсто пѣвчихъ манжи-лама» (О395).¹⁰⁵

См. в Описании Сибири также слова католической религии: *езуит*¹⁰⁶ — «і с тѣхъ поръ, какъ езуиты в Китайское государство приѣхали» (О393); *езуитский* — «понеже безъ ихъ езуитского совѣта царь Китайской никакова дѣла і росправы не чинить» (О393); *костел* — «і поволить имъ построити костель римскаго закона» (О393).¹⁰⁷ Известно в памятниках с XV в.; *орган* — «і органы зѣло великие устроены на хорахъ или криласахъ» (О394).¹⁰⁸ См. также слова *муסיкия*¹⁰⁹ — «в костелахъ же во время службы по обыкновенію римскаго закона сотворена муסיкия всякая» (О394) (известно в памятниках с XIII в.); *мусикийский* — «і во время службы ихъ идолжгой бываетъ муסיкийское играніе разное» (О395).¹¹⁰

См. слова, касающиеся общественного устройства Сибирского ханства. *Салтан* — «Кучюму бы салтану чѣмъ теснота ему учинити» (С2)¹¹¹ в значении 'титул монарха'. См. его в Сл. плк. Игор., Аф. Ник. *Хан* — «у Бошохты хана или у царя Черных Калмыкъ» (О380) — персидское слово,¹¹² известно в памятниках с XVI в.; *ханский*. *Тайша* ('племенной вождь монголов и калмыков') — «ясакъ же платятъ Черныхъ Калмыкъ Богохтъ хану и инымъ тайшамъ, братьямъ і сродникамъ его ханскимъ» (О383) — монгольское слово.¹¹³ *Мурза* ('мелкій дворянин'): «Маметкулъ собрався съ своими мурзами и улланами» (С6), известно в Ник. лет., татарское слово, заимствованное из персидского.¹¹⁴ *Мурзич* — «овіи же мурзы и мурзичи . . . поверстаны в службу» (М353). *Улан*¹¹⁵ ('потомок царствующаго рода') (цитату см. выше) известно в Мам. поб., Соф. вр. и др. В русской письменности встречается именно с XV в.¹¹⁶ *Ших* ('шейх', 'князь'): «по сему проклятіи бусурманы о Сибири велми блаз-

¹⁰⁵ См. об употреблении слова *кутухта-лама* в древнерусском языке: М. А. Момина. О некоторых монгольских словах . . . , стр. 158.

¹⁰⁶ Сл. Фасмера, т. I, стр. 393.

¹⁰⁷ Там же, стр. 641.

¹⁰⁸ Там же, т. II, стр. 275.

¹⁰⁹ Там же, стр. 177.

¹¹⁰ Ср. в Сл. Срезневского *мусикиинъ* — в Дан. XIII. Библ. 1499 г. и *мусичьскыи* в Торж. XVI в.

¹¹¹ Сл. Фасмера (т. III, стр. 44) — турецкое *sultan* (из араб.).

¹¹² См. Сл. Фасмера, т. III, стр. 229.

¹¹³ Там же, стр. 70.

¹¹⁴ Там же, т. II, стр. 175.

¹¹⁵ Там же, т. III, стр. 181.

¹¹⁶ См. об этом: В. Л. Виноградова. Некоторые замечания о лексике «Задонщины». Труды Отдела древнерусской литературы Инст. русской литературы АН СССР, М. — Л., 1958, т. 14. См. также Сл. Кочина.

нянца, понеже шихи ихъ в повѣстехъ истолковаша имъ, яко малой звѣрокъ Ермакъ» (М328).¹¹⁷

Другие иноязычные слова в нашихъ памятниках: *мергенъ* — «многихъ лутчихъ мергеней повѣсилъ за ногу и розстрелялъ» (М333).¹¹⁸

Ясырь ('пленник', 'раб'): «Калмыки же привозятъ ясырей, велбудовъ, коней и скоть всякой» (О381) (имеется только в Описании Сибири).¹¹⁹ Известно в памятниках XVII в.

В использовании иноязычной лексики отражается различие целей и задач, которые ставят перед собой авторы памятников. Основные Сибирские летописи в соответствии со своей идеологической направленностью описывают мусульманскую религию в духе старой летописной традиции, для которой было важнее эмоциональное воздействие на читателя, чем точность этнографического описания. Наоборот, Описание Сибири, имеющее прежде всего этнографические задачи, старается соблюдать точность в рассказе об обычаях и предметах иноземного быта.

---

¹¹⁷ Заимствовано в татарский из арабского (А. И. Попов). См. о нем также в Сл. Фасмера, т. III, стр. 386.

¹¹⁸ См. в Сл. Радлова: «мергән (Kig. Sag.) — 1) kig — стрелок, 2) тяжелый, важный, сильный»; см. о нем также Сл. Фасмера, т. II, стр. 118.

¹¹⁹ См. этимологические сведения о нем в Сл. Радлова, стлб. 876, Сл. Преображенского, т. II (дополнение), стр. 141, Сл. Фасмера, т. III, стр. 498.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ лексики Сибирских летописей показывает некоторые процессы, протекающие в русском письменном языке XVII в. в Сибири.

Здесь наглядно предстает характерная особенность взаимодействия лексических элементов книжно-славянского и народно-литературного типов письменного языка в XVII в.: проникновение лексических средств, ранее ограниченных какими-либо определенными сферами употребления, в разные жанры письменности. Однако в Сибирских летописях сказывается также и наличие в русской письменности XVII в. процессов, затрагивающих лексику только отдельных ее сфер. В них отражается и различие употребления лексики высокого стиля в сочинениях, разных по времени написания и относящихся к различным жанрам. Такая лексика употребляется стилистически выдержанно в тех из Сибирских летописей, которые написаны в более ранний период XVII в. (Есиповской летописи). Менее всего содержит лексику высокого стиля Описание Сибири, где вообще из лексики письменного языка употребляются преимущественно слова позднего образования.

Для обозначения понятий, относящихся к специальным сферам деятельности человека — общественно-политической, социально-экономической и военной, в Сибирских летописях используется лексика, очень разнообразная по своим стилистическим особенностям, причем иногда без надлежащей жанрово-стилистической мотивированности. Употребление в Сибирских летописях общественно-политической, социально-экономической и военной специальной лексики показывает наличие в XVII в. еще тесной связи лексики этих областей с лексикой общего языка не только в семантическом, но и в лексико-грамматическом отношении.

Вместе с тем употребление в Сибирских летописях религиозно-церковной лексики свидетельствует о том, что слова, обозначающие специальные понятия, имеющие четкое разделение с бытовыми, достаточно определенно осознавались в XVII в. как принадлежность особой функциональной сферы речи.

В Сибирских летописях встречается очень небольшое количество лексики, которую можно было бы назвать местной. Это доказывает, что в XVII в. употребления местной лексики избегали авторы литературных сочинений, принадлежащих к разным жанрам, причем написанных не только в центральной части России, но и на периферии.

Особенности лексики Сибирских летописей говорят о том, что процесс языковой унификации и нормализации, происходящий в русском языке Московского государства, уже в XVII в. отражается и в русском языке Сибири.

Приложение

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ СИБИРСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

Лексика русского языка XVII в. изучена недостаточно. Малоизвестен ее состав, время появления слов, употреблявшихся в XVII в., и их этимология. Поэтому в настоящее время рассмотрение лексики в любом памятнике XVII в. в какой-то мере ставит задачу изучения слов безотносительно к особенностям их использования в определенном сочинении. Накопление таких данных о лексике многих памятников может в некоторой степени компенсировать отсутствие исторических словарей русского языка, дать материал для сопоставительных исследований. Поэтому в «Приложении» мы даем некоторые сведения о лексике Сибирских летописей, которые могут способствовать изучению лексического состава древнерусского языка XVII в. Здесь помещаются слова с примерами их употребления в Сибирских летописях, а в некоторых случаях и в других памятниках XV—XVII вв.

В список включена далеко не вся лексика, употребляющаяся в Сибирских летописях. Этот список не является ни словарем, ни словоуказателем к Сибирским летописям. В нем отмечаются только слова, о которых мы могли сообщить что-либо, с нашей точки зрения, интересное: показать характер употребления слова в Сибирских летописях, отметить слова, неизвестные нам в других памятниках, указать примерное время появления слова в русских памятниках, проиллюстрировать употребление слова в других, иногда значительно более ранних, чем Сибирские летописи, сочинениях. Слова, рассмотренные в тексте работы, в списке, как правило, не повторяются.

Возникновение новых слов в языке прошлых веков может быть зафиксировано только со времени появления их в памятниках письменности, что, конечно, в большинстве случаев происходит позже появления слова в языке. Главным документальным источником исследуемого в работе лексического материала явилась Картотека древнерусского словаря Института русского языка АН СССР. Существующие в настоящее время собрания древнерусских словарных материалов — как названная картотека, так и словари («Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского, «Материалы для терминологического словаря древней России» Г. Е. Кочина и др.), представляющие, в основном, лексику древнейших русских памятников, не дают исчерпывающих сведений о наличии слов в тех или иных памятниках. Особенно плохо представлена в них лексика сочинений с бытовой тематикой, относящихся к древнейшему периоду. Все это является причиной того, что в нашей работе сделаны лишь предварительные предположения о времени появления в языке того или иного слова, которые в дальнейшем могут и не подтвердиться. Прежде всего это касается бытовой лексики, которая могла существовать в языке очень продолжительное время и не попасть в памятники письменности, где по своему содержанию она не требовалась. В меньшей степени это относится к лексике книжной, письменной, появившейся первоначально именно в письменном языке.

Однако независимо от того, являются ли имеющиеся в нашем распоряжении данные точными или не совсем точным свидетельством времени появления слова в памятниках письменности, они сами по себе представляют зна-

чительную ценность. Важно знать, что слово было известно, например, уже в XV в. (а не только в XVI или XVII вв.). Уточнение времени появления слова в письменности может отодвинуть хронологические границы его существования в языке только в сторону еще большей древности.

Заметим, что использованные нами материалы дают возможность документировать некоторые слова более ранними памятниками, чем это сделано, например, в словаре Фасмера.

При установлении времени появления слова в языке, кроме словарей и Картотеки ДРС, нами учитывались сведения из работ, посвященных изучению лексики других древнерусских памятников. Чтобы более точно определить время первой фиксации слова, мы старались привлечь к рассмотрению ближайшее словообразовательное гнездо каждого слова.

Слова даются в алфавитном расположении. В случаях, когда значение слова отличается от современного, оно указывается в скобках за словом. Определение значения дается также у отсутствующих или малораспространенных в современном языке, а также многозначных слов. Вслед за определением слова следует цитата из Сибирских летописей. В конце, в большинстве случаев, дается указание на то, с какого времени слово известно нам в письменности. В сносках помещаются примеры употребления слова в древнерусских памятниках, а также сведения о слове, содержащиеся в других работах, посвященных изучению лексики древнерусского языка. При словах, известных в памятниках позднее XIII в., приводятся указания на имеющиеся в настоящее время этимологические словари и работы, в которых исследуется их этимология.

Такой порядок соблюдается не всегда. Если в нашем распоряжении есть какие-либо дополнительные, кажущиеся нам интересными материалы, мы рассматриваем их в словарной статье, нарушая принятый лексикографический порядок. В некоторых случаях несколько слов рассматриваются в одной статье. Слова, известные в древнейших памятниках (XI—XIII вв.), снабжаются пометой: Изв. в древн. пам.

Анбар — «Максимъ же страхомъ одержимъ и с подданными своими отворилъ анбары хлѣбные» (М315). С XVI в.¹

Артельный — «артельной таганъ» (Б306). С XVI в.²

Аршин — «у царя Кучюма были двѣ пушки желѣзные литые в четыре аршина длиною» (О375). С конца XV в.³

Багор — «повелѣ рыболовсмъ ... і сетми, і баграми, і всякими снастми промышлять, дабы тѣло Ермака из омута выволочь вонъ» (О377). С XVI в.⁴

¹ См. о его этимологии в Сл. Преображенского, т. I, стр. 7; Сл. Фасмера, т. I, стр. 16.

² См. его в Хоз. Мор., 1561 г. (с сущ. *промысел*), АЮБ (с сущ. *живот*), Сказ. Сиб. з. (с сущ. *таган*). См. о этимологии слова *артель*: Этимологический словарь русского языка Макса Фасмера с дополн. О. Н. Трубачева, т. I. Изд. «Прогресс», М., 1964, стр. 89.

³ См. «бези шестьдесятъ аршинъ» (Пам. дипл. сн. с П.-Л. гос., 1489 г.). Пример взят из книги Б. О. Унбегауна «La langue russe au XVI siècle» (Paris. 1935, стр. 166). См. о его этимологии: Slavisches etymologisches Wörterbuch von dr. Erich Berneker, Bd. I, Heidelberg, 1924; Bd. II (буква М) [б. г.] (далее — Сл. Бернекера), т. I, стр. 31; Сл. Преображенского, т. I, стр. 9; Сл. Фасмера, т. I, стр. 29. См. об истории терминов *аршин*, *безмен*, *фунт*: И. Н. Шмелева. Лексика торговой книги XVI в. Ученые записки ЛГУ, № 267, Серия филологических наук, вып. 52, 1960.

⁴ См. о его этимологии в Сл. Бернекера, т. I, стр. 38; Сл. Преображенского, т. I, стр. 11; Сл. Фасмера, т. I, стр. 37. Возможно, что слово *багор* — очень древнее (см.: Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М. — Л., 1962, стр. 284).

Барс — «много также бабровъ, барсовъ, лисиць» (О381). С XVI в.⁵
Безмен ('вес в два с половиною фунта'): «пудъ соли, безмень масла» (М316). С конца XIV в.⁶

Белуга — «в великой рекѣ Амуре ... рыбъ, бѣлугъ чистыхъ болшихъ ... много» (О390). С XVI в.⁷

Бечева — «отъ Сургута вверхъ великою рекою Обью водянымъ путемъ ходу своею силою, шестами и бечевою 4 недѣли» (О383). С XVI в.⁸

Бить. См. Убить.

Бродяга — «было у Ърмака ... три нопа да старецъ бродяга, ходилъ бѣзъ черныхъ ризъ, а правило правилъ и каши варилъ и припасы зналъ и кругъ церковный справно зналъ» (М316). С XVII в.

Брусъ (собр. 'отесанные бревна'): «в дань же по указу отъ царя дають всякимъ скотомъ дровами і лѣсомъ, досками и брусемъ» (О391). С XVI в.

Брюхо — «проклятаго связавше крепко и уткнуть саблю или ножемъ в брюхо скрозъ» (М326). Изв. в древн. пам.⁹

Бугор — «и прѣбывать ей устройвъ близъ градскаго мѣста на Паньине Бугрѣ» (М320). С XVI в.¹⁰

Бузун — «і служилые люди Сибирцы соль бузунъ і с того озера ломають рычагами» (О380). С XVII в.¹¹

Буква — «имя же его познавается отъ четырехъ буквѣ» (Е169). Изв. в древн. пам.¹²

Бумага — «изъ тово мушкѣта немецково вылетала пулка свинцовая; изъ тово кафтана камчатова выносила бумагу хлопчатую» (Т56). С XV в.¹³

Буса ('род судна'): «Ермакомъ прослывъ и атаманомъ нарѣченъ, яко зрачень, воюя бусы по Хвалынскому морю» (М312).¹⁴

⁵ См. о его этимологии в Сл. Преображенского, т. I, стр. 18, и Сл. Фасмера, т. I, стр. 57.

⁶ См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. I, стр. 69—70; ср. Сл. Бернекера, т. I, стр. 53—54.

⁷ См. о нем в нашей статье «Заметки о новых словах в русском языке XV—XVII вв.». В сб.: Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961, стр. 148.

⁸ См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. I, стр. 83.

⁹ Ф. П. Филин относит его к словам древней севернославянской зоны (см.: Образование языка восточных славян, стр. 212).

¹⁰ См. его в АМГ, 1575 г., 1660 г., Ст. Зв. 1594 г., ДАИ, 1683—1698 гг. и мн. др. Не более ранними памятниками представлены в Картотеке ДРС слова *буеристый* — Астрах. а., 1650 г., АИ, 1650 г., *бугроватый* — Спафарий, Китай. См. этимологию в Сл. Бернекера, т. I, стр. 97; Сл. Преображенского, т. I, стр. 50; ср. сл. Фасмера, т. I, стр. 134.

¹¹ См. его в ДАИ, 1665—1666 гг., 1673 г.; Дела Тайн. прик. XVII в., кн. 1, 1671 г.: «Великий государь указалъ у промышленника у ... Федора Силина соль бузунъ ... принять»; Ворон. акты, 1699 г.: «ратнымъ людемъ пять лѣтъ по десяти тысячъ пудъ соли, бузуну на год чистой молодой в своихъ стругахъ и куляхъ», Докл. в Сен. и др. См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. I, стр. 138.

¹² См. о нем, например, в Сл. Фасмера, т. I, стр. 140.

¹³ См. о его этимологии и истории в Сл. Фасмера, т. I, стр. 144.

¹⁴ Первоначально — северное название (Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи, Л., 1949, стр. 165); позднее (в XV—XVI вв.) распространяется южнее, до Азова (В. В. Ильенко. Диалектная лексика в языке общерусских летописных сводов XV—XVII вв. Автореферат канд. дисс., Л., 1961); в XVII в. известно на Нижн. Дону (А. Н. Качалкин, В. А. Магин. Отражение лексики судоходства и рыбных промыслов говоров Нижнего Дона в местных письменных памятниках XVII—XVIII вв. Ученые записки Таганрогского пед. инст., вып. 5, Кафедра русского и иностранного языков, 1958, стр. 146).

Век. 1. В сочет.: во веки (веков) — «ныне и присно і во веки вѣковъ. Аминь» (А104), «всякое веселие века сего с плачемъ скончае[тся], правда же пребываетъ во вѣки» (М366), до веку («всегда»): «быть подѣ его царскою высокою рукою до вѣку, покамѣсть*изволитъ Богъ вселеннѣй стояти» (Е137). 2. В сочет. будущий и некончаемый век («загробная жизнь»): «царь . . . Иванъ Васильевичъ . . . отъ сего маловременнаго жития преселился на оный будущий и некончаемый вѣкъ» (Т78). Сочетание имеет книжный характер. Слово изв. в древн. пам.

Величина — «трубы же мѣдяныя в двѣ і в три сажени величиною» (О395). С XVII в.¹⁵

Верева (см. цит. на слово кр ю к). С XVI в.¹⁶

Верность — «что имъ жить под рукою государевою и во всякомъ послушании и служить во всякой верности» (Б299).¹⁷

Верста. См. По при ще.

Верхами («верхом»): «отъ Томского же города ѣзды на лошадахъ верхами со выюками двѣ недѣли» (О382). С XVI в.¹⁸

Вершок («мера длины»): «по подолу и рукавамъ [пансыря] опушка мѣдная на три верышка» (М347).¹⁹

Весновать («проводить весну»): «и ту въ городкѣ шертовали и есакъ взяли і весновали» (М334).²⁰

Весь. См. Деревня.

Вечно — «овин жѣ оста[ша]ся на городищи томъ с женами и з детми, вѣчно осѣблишася» (М314). Изв. в древн. пам.

Вечный — «и по смерти . . . слава наша вѣчна будетъ» (С23), «вѣчная память» (Т94) и др. Изв. в древн. пам.

Взаимы — «а в походъ Ермакъ на струги дружине своеі у Максима взимая с пристрастиемъ, а не вовсе в честь или в заімы, но убити хотѣша и жита его разграбить» (М315). Изв. в древн. пам.

Власть. 1. Власть: «дарует же сему княжение і власть в людехъ» (Е113). Изв. в древн. пам. Его синонимы — древнейшие слова *область* (ограничено в употреблении сферой книжных памятников; см. разночтения — Е126: «множество Тотаръ . . . ниже подѣ его властною», У195: «ниже ево державства и области») и *держава* (см. о нем в разделе «Территория государства и административно-территориальное деление»). 2. Сила: «и потомъ властною своею покори себѣ многихъ людей» (С18). 3. Только во мн. ч. — лица высоких чинов духовного звания: «великий государь в то время в соборной і апостольской церкви со властми і бояры своими молебствовалъ» (О376).

Водвориться. См. Вселиться.

Водный. См. Водяной.

Водополие («половодье, разлив»): «тоѣ же весны, по водополию, пришесть во градъ Татаринъ» (С27). С XVII в.²¹

Водяной (известно в памятниках с середины XVI в.) и **водный** (изв. в древн. пам.). Оба они выражают значение относительности. Однако характер их употребления различен. Ср. *водный* и *водяной* в наших памятниках: «и падоша стѣны градские отъ рѣчнаго устремления, величиемъ водные силы

¹⁵ См. о нем в нашей статье «Заметки о новых словах . . .», стр. 149.

¹⁶ Древнейшее слово в этом значении *вервь*; оно известно и в памятниках XVII в., см. «фунтъ вервей сапожныхъ цѣна гривна» — Тов. цен. росп. 1687 г. Однако в это время оно употребляется, видимо, уже ограниченно.

¹⁷ См. его в других памятниках XVII в.: Флор. ек., Сказ. Сиб. з., ДАИ 1613 г., 1614 г., 1674 г. Имеет несколько различных оттенков в значении.

¹⁸ См. о нем в нашей статье «Заметки о новых словах . . .», стр. 148.

¹⁹ В значении меры длины употребляется в многочисленных деловых памятниках XVII в. См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. I, стр. 191.

²⁰ См. его в Гр. Наз. XIV в. в значении «приветствовать весну [?]».

²¹ См. о нем в нашей статье «Заметки о новых словах . . .», стр. 148

и града часть немалу потопивъ» (М359); «а с Москвы водянымъ путемъ стругами Московю, Окою, Волгою» (О370). Картотека ДРС показывает, что прилагательные *водный* и *водяной* употребляются в памятниках, не сходных по стилю.²²

Воз. В сравнении: «и томъ городкѣ спалъ камень с небеси, вѣличество какъ бы возъ с санми» (М342). Изв. в древн. пам.

Войлок ('неотделанное сукно'): «по 5 человекѣ въ войлоки обернутыхъ на выюки к велбудамъ привязать повелѣть» (О392). С XVI в.²³

Вселенная ('мир'). Изв. в древн. пам. В XVII в. — книжное слово: «что быть подь его царскою ... рукою до вѣку, покамѣсть изволить Богъ вселеннѣй стояти» (Е137).

Вселиться — «и приде во градъ, вселися в немъ со всемъ домомъ своимъ» (Б302). Изв. в древн. пам. Его синоним также древнейшее слово *водвориться*: «и вниде во градъ і водворися ту» (Е150); см. разночтение к Е150: «начаша ту жити» (П289).

Вскрыться ('очиститься от льда'): «а на лето, какъ вода въскрылась, пошеть изъ Сибири» (П284). Отсутствует в известных нам памятниках.

Выдернуть — «и тогда выдернуть изъ него ножъ или саблю» (М326).²⁴

Вьюк — «сухимъ путемъ на лошадахъ тяжелымъ ходомъ со вьюками полтора мѣсяца» (О381). С XV в.²⁵

Гагара — «всякихъ птицъ: лебедей ... утокъ, гагаръ» (О378).²⁶

Глагол. См. Слово.

Глаголовать. Употребляется в Сибирских летописях (в том числе в Описании Сибири) без какого-либо ограничения, что подчеркивается и разночтениями: С21—А100: «рекоша в себѣ» — «глаголюще межъ себѣ» (то же в С41—А103). Возможность употребления в XVII в. *глаголовать* в стилистически нейтральных контекстах подтверждается данными Картотеки ДРС.²⁷

Год, лето, година ('год'). Первые два слова в значении 'год' известны в памятниках с древнейшего времени. В XVII в. в этом значении они оба встречаются во всех жанрах письменности, но наиболее поздний из наших памятников — Описание Сибири — употребляет слово *лето* только один раз: «и того жѣ лѣта осенью мужикъ Строгановъ атаману Ермаку ... велию честь воздаде» (О369). Слово *год* в нем употребляется неоднократно: «да с тѣхъ же ясачныхъ людей со всякого человекѣка с лука ясаку на великихъ государей в годъ даютъ в государскую казну по десяти собoley» (О379) (во всех других Сибирских летописях оба слова используются широко). Синонимичность их подчеркивается разночтениями: С35—Е145 в одинаковых текстах: «того же году» — «того жѣ лѣта» и мн. др. Для XVII в. характерно употребление их в формуле: «в лето ... году», которая является стереотипным зачином грамот. См. в Сибирских летописях: «в лѣто 7066 году» (С2), «в лѣто 96 году» (М355) и мн. др. Другим синонимом к слову *год* является также древнее слово *година*: «в та же времена девятыдесятые години, и в число

²² См. подробно о соотношении этих слов там же, стр. 151.

²³ См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. I, стр. 215.

²⁴ В XVII в. употребляется в памятниках всех жанров: Сим. Посл. Бес., Авв. Ж., ДАИ, 1676 г. и др.

²⁵ См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. I, стр. 243—244.

²⁶ См. о его этимологии в Сл. Преображенского, т. I, стр. 113; Сл. Фасмера, т. I, стр. 249. В других памятниках нам известно только прилагательное *гагарий* (Сим. Посл. Бес., Дневн. зап. Лепехина).

²⁷ Картотека показывает его в XVI в. в памятниках высокого стиля: Ч.-М. (много раз), Ж. Авр. Смол., Изм., Ник. лет. и др., а в XVII в. — наряду с памятниками высокого стиля (Пам. отр. лит. и др.) и в деловых (Пис. Ал. Мих., Акты Х. и У., Гр. Сиб. Миллер, 1622 г.). См. о развитии соотношения значений и употребления этих глаголов в древнерусском языке: Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка... стр. 200.

днєви на память преподобнаго ... Столпника» (С11). Однако в наших памятниках оно гораздо шире употребляется в значении 'время': «зимняя година проиде» (С32), «бѣ же гладъ зимнею годиною» (Е142) (в сп. Т., 2-а. «зимнею порою»).²⁸ Ср. слово *лора*: «и о семь Никита и Максимъ ... в тѣ поры в велицей быша печали» (Т64).

Година. См. Год.

Горница — «придоша жъ к воеводе в горницу и поздравляя» (А6258) (слово обозначает различные виды комнат, в наших памятниках определить точное значение трудно). Изв. в древн. пам.

Город, град ('город'): «убояшася рускихъ вой многа пришествія и збогоша отъ града своего, идѣжъ прежь сего бысть в Сибири татарскій ихъ городъ столный ... именуемый Сибирь» (С42). В XVI—XVII вв. имело два значения: 'укрепленный населенный пункт' и 'административный пункт'. *Город* в своем значении противопоставлялся *посаду* — месту торговой и промышленной деятельности, который не имел военных укреплений. Остроги в отличие от городов находились преимущественно в отдаленных от сосредоточения власти пограничных и малонаселенных областях, были вообще меньше городов и часто не имели постоянного населения. Город отличался от острога и крепости наличием в нем невоенного населения.²⁹ Слово *город* (и его производные) может обозначать также стены, укрепления, созданные вокруг населенного пункта: «и ту городокъ земляной поставиша» (С11), «рѣчка Сибирка пала устьемъ в Иртишъ подъ земляной городъ» (О377) (в этом значении — только в полногласной форме).

Городище (в Сибирских летописях известно только в полногласной форме, то же в более ранних памятниках):³⁰ «они же доидоша до Тюменского городища и поставиша первы градъ въ Сибирі Тюмень» (Г310), «овии жъ оста[ш]ася на городищи томъ с женами и з детми, вѣчно осѣлишася» (М314). Значение неясно. Изв. в древн. пам.

Град. См. Город.

Груз — «струги ихъ грузу знимать не стали і подъ берегомъ тонути» (М315). С XVII в.³¹

Двор — «рыбныхъ ловель и у пашень дворы ставити по обѣ стороны Тоболы реки» (С7). Значение 'всякая хозяйственная постройка'.³² (О значении слова *двор* 'княжеские люди' см. в разделе «Общественно-политическая и социально-экономическая лексика»). Изв. в древн. пам.

Делать — «а сани делаютъ, какъ человѣку можно сесть, отъ земли вышиною в полчеловѣка» (А6242), «Карача ... делалъ царю пансыри и колчуги і всякую ратную збую» (П277). Изв. в древн. пам. В наших памятниках в значении 'изготавливать'.

День — «мѣсяца декабря въ 5 день» (Е135), «и увѣдавъ отпускъ и день и часть и собрався Пелымскій князь с Сибирскими людьми» (Т63), «стругами плыть день і ночь до острога ... три недѣли» (О384). См. его в сочетании до сего дни: «приложишася ясакъ платити, яко же и до сего дни» (М353), «і многое собрание кумирское спряташа и до сего дни» (М336). Изв. в древн. пам.

²⁸ См. еще о синонимичности этих слов: Л. Л. Кутина. К вопросу о синонимии в языке XVII в. Ученые записки ЛГУ, № 243, Серия филологических наук, вып. 42, 1958, стр. 117—120.

²⁹ Н. И. Костомаров. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI—XVII вв. СПб., 1860, стр. 8.

³⁰ См., например, об этом: Т. Ф. Надвикова. Общеупотребительная лексика в «Хождении» игумена Даниила. Ученые записки Благовещенского пед. инст. им. М. И. Калинина, том VIII, 1957, стр. 210.

³¹ См. его в Дон. Дела, 1653 г. и др. См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. I, стр. 312.

³² См.: Н. К. Соколова. Обиходно-бытовая лексика в языке воронежских грамот XVII в. Автореферат канд. дисс. Воронеж, 1956, стр. 4.

Деревня — «и ту окрестъ живущихъ села и деревни поплениша и по-гоша» (С9). Изв. в древн. пам. Имеет значение 'населенный пункт' (иногда с принадлежащими ему землями) и 'земельный участок'. В наших памятниках только в первом значении. Книжный синоним к нему в XVII в. древнейшее слово *весь*: «други ... разбѣгошася в различныя грады і вѣси» (М317).³³

Длина и долина ('длина'): «пансырь жѣ битъ въ 5 колець мудростно, долиною в 2 аршина, в плечахъ с четью аршинъ» (М347), «у царя Кучюма были двѣ пушки желѣзные литые в четыре аршина длиною» (О375). Слово *долина* известно в древних памятниках, *длина* — с XVI в. Оба употребляются в деловом жанре.³⁴

Дно — «и тѣ стары (суды Ермака, — О. П.), гдѣ они лѣжатъ, сквозь ихъ дна дерева проросли» (М314). Изв. в древн. пам.

Дождливый — «сня жъ ночь бысть темна и мрачна и дождлива» (Т82). С XVII в.³⁵

Долина. См. Д л и н а.

Дом. 1. Жилище; дом: «и начаша жити в первыхъ своихъ домехъ» (Т85). 2. Семья; слуги, приближенные: «думный его Карача ... иже бысть дому его, отъиде отъ царя» (Е140), «и прииде во градъ, вселися в немъ со всемъ домою своимъ» (Б302). Изв. в древн. пам.

Домашний, домовый ('находящийся при доме, семье'). *Домашний* — древнее слово: «с ... воины, которыхъ посылали изъ своихъ городковъ ... Строгановы своихъ домашнихъ и приборныхъ наемныхъ двѣсти десять человекъ» (Т94). *Домовой*: «и с Тары и с Тобольска полонъ домовыхъ Кучюмовыхъ дѣтей, трехъ сыновей, 2 дочери и 6 жѣнъ послаше к Москвѣ» (М352), возможно, более позднее.³⁶

Домовой. См. Д о м а ш н и й.

Доморощенный — «а ѣздить зимнимъ путемъ ... на оленяхъ доморощенныхъ» (О378). С XVI в.³⁷

Допрос ('расспрос'): «и по допросомъ пути нѣтъ за Камень в Русь» (М326).³⁸

Дорога, путь. Известны в древнейших памятниках. Как и в современном языке, значение слова *путь* в ряде случаев смыкается со значением слова *дорога*, однако первое имеет более широкое и отвлеченное значение (Сл. Срезневского отмечает для него 13 значений; а для слова *дорога* — одно). Синонимично слову *дорога* в Сибирских летописях слово *ход*: «думали, какъ взять [крепость], и се роспутища ходу и голодь близъ» (М334).³⁹

Драгоценный — «изъ Китайского государства ... послы ни в которое государство не ѣздятъ, кромѣ одного Никанского царства, сирѣчь Великия

³³ Для XVI—XVII вв. в Картотеке ДРС это слово представлено только книжными памятниками: Ч.-М., Ж. Авр. Смол., Епиф. ж. Серг., Арс. Сух., Каз. лет., Алф. и др.

³⁴ См. слово *долина*: «а того, государи, дворнишка моего и съ огородишкомъ в долину 30 сажень, а поперегъ 12 сажень» — Акты подмосковных ополчений и земск. собора 1611—1613 гг., также в Х. купца Тр. Кор., Гр. Дв. 1606 и др. Слово *длина* в Арх. Стр. 1588 г., АЮБ, 1647 и др., а также отдельных книжных памятниках. См. о его этимологии — Сл. Фасмера, т. I, стр. 354.

³⁵ См. о нем и его соотношении со словами *дождевой*, *дождливый* и *дождевный* в нашей статье «Заметки о новых словах...», стр. 149—150.

³⁶ См. его в Менов. 1499 г. окт.

³⁷ См. его в Дм., Арх. Толст. 1676 г. и др.

³⁸ *Допрос* в юридическом значении появляется в письменности с конца XVI — начала XVII в. См. об этом: С. С. Волков. Развитие административно-деловой терминологии в начале XVII в. В сб.: Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961, стр. 145. В деловых памятниках известно слово *допросить* в значении 'расспросить'.

³⁹ См. его в Псков. I лет.

Хины, для драгоценныхъ товаровъ» (О397). С XVII в., употребляется в памятниках различного характера.

Елень. См. Олень.

Ельникъ — «ту бо Татара вон спряташася в темной ельникъ и болота» (М342). С XVI в.⁴⁰

Ентарій ('янтарь'): «товары ... самые добрые коралки красные з бѣла, ентаріи добрыя» (О381). С XVI в. В др.-русском языке имеет несколько вариантов.⁴¹

Жилище, жилье. Имеют в Сибирских летописях значения 'обитаемое место, место, где живут' и 'помещение для жилья', которые друг от друга четко не ограничены. В том и другом значении оба слова, видимо, могут употребляться в ед. и мн. числе. *Жилище* — «и отыдоша погани в дальняя своя жилища» (А6254), «и оттоле отъ Строганова жилища атаманъ Ермакъ ... поиде Уткою рекою направо степью до камня Верхотурского» (О369). См. употребление, где значение этого древнейшего слова очень расширяется: «в жилищахъ же ихъ велие множество всякого звѣря: лосей, оленей, медведовъ, лисицъ, росамакъ, соболей, бровровъ» (О378), т. е. вблизи того места, где живут. *Жилье* — «Романъ же ... бѣжалъ с жилья своего вверхъ по Ковдѣ» (М334), «убиша княжца Самару и с родомъ его, прочие же въ собраніи в разбегъ разлучишася по своимъ жильямъ» (М335), «Богданъ же виде пустоту жилья [селения] ... і возвратишася» (М336). Слово известно в деловых памятниках XVI в. в нескольких значениях.⁴² Ср. слово *селение*: «и вси изъ града невозвратно бегоша на степь в Казачью орду на прежное свое селение» (М332).⁴³

Жилье. См. Ж и л и щ е.

Житель — «и взя съ собою тутошныхъ людей, знающихъ жителей» (У194), «ідучи у жителей обира[ли] хлѣбы и запасы» (М313). Изв. в древн. пам.

Житный. См. Х л е б.

Заболотный — «декабря в 6 день Яскалбинских заболотныхъ волостѣй отъ непроходимыхъ мѣсть и изъ Суклѣму приидоша княжцы Ишбѣрдѣй и Суклемъ со многими дары» (М337). С XVII в.⁴⁴

Заворуж — «начало заворужа Ермака Тимофеева сына Поволскаго» (М313). В других памятниках письменности нам неизвестно.⁴⁵

Замораживать — «[волшебством] в Петровъ постъ рѣки ставять и замораживаютъ» (О397). Неизвестно нам в других памятниках.⁴⁶

⁴⁰ См. о нем в нашей статье «Заметки о новых словах...», стр. 147.

⁴¹ Ср. Арх. Стр. 1551 г.: «два сукна свиточныхъ, да ентарю пять гривенокъ», Сим. Обих. книгоп. XVI в., Кн. расх. Холм. арх. д. № 108 и др. Прилагательное *янтарный* также отмечается только в памятниках XVI—XVII вв. См. о его этимологии: *Etymologický slovník jazyka českého* dr. Josef Holub. Doc. Dr. František Kopečný. Praha, 1952 (всюду далее — Сл. Голуба), стр. 149 и Сл. Фасмера, т. III, стр. 430.

⁴² См. о нем еще в нашей статье «Некоторые вопросы синонимии русского языка XVII в.». В сб.: Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964, стр. 76—77.

⁴³ См. его в значении 'жилище' в Уиен. Бор. и Гл., Новг. крм. 1280 г., Жит. Зосим. и Савват. и др.; в значении 'населенный пункт', 'село' — во многих книжных и деловых памятниках. См., например, Дон. Дела, 1655 г.: «а напередъ сего онъ [атаман Черкес] былъ во крестьянѣхъ за бояриномъ В. И. Стрешневымъ въ Шацкомъ уѣзде въ Чючковѣ [селѣ] селенье».

⁴⁴ См. о нем еще в нашей статье «Заметки о новых словах...», стр. 149.

⁴⁵ См. его в Сл. Даля в значении «кутерьма, сумятица, смятение, замешательство, беспорядок и возмущение всякого рода, общественное беспокойство, тревога, ссора, суматоха».

⁴⁶ Ср. известное в древнейших памятниках существительное *замороз* и глагол *замерзти*, употребляющийся в Новг. гр. 1471 г.

Заостровой ('находящийся за островами'): «пойдѣ Ермакъ и с казаками до заостровныхъ юртъ» (М329). Неизвестно в других памятниках.⁴⁷

Заочный — «заочная служба» (У210, Б300), «заочные украинъ» (Т63). В сочет. заочное слово (значение?): «Ермака же своим царскимъ жалованиемъ заочнымъ словомъ пожаловать» (Е138). С XVII в.⁴⁸

Запасы, припасы — «Начаша Тотаровя... отъ ловитвъ своихъ приносить во градъ многия запасы, и паки быша во граде многия запасы изобилны житными и овошными и прочими» (Е142), «провадша в зимовье... со многими припасы сушеными и привозщиковъ отпустиша ихъ во свояси» (М326). См. разночтения: У194 — «изготови себе и дружинѣ своей всякие запасы» (в сп. Б-1: «всякие припасы»). Синонимичны они и в значении 'военные запасы'. Слово *запасы* — с XVI в., *припасы* — с XVII в.⁴⁹

Запольный ('находящийся за полями'): «по малымъ запольнымъ рѣчкамъ» (Т62). Неизвестно нам в других памятниках.

Запор ('плотина?'): «татаровя жъ начаша стреляти з горъ и зъ запоровъ на струги ихъ» (У196). С XVI в.⁵⁰

Заутра, назавтрие ('на следующий день', 'на следующее утро'): «утвердиша же и прочихъ, яко да иудутъ заутра противо поганыхъ» (Е129) и «и на завтрие атаманъ Ермакъ товарищомъ своимъ козакамъ заповѣдалъ всякому, чтобъ оружие было чисто» (О373). По материалам Картотеки ДРС можно предположить, что в XVII в. они имели жанровое разграничение.⁵¹ Изв. в древн. пам.

Звериный. В сочет. звериная ловля: «зимняя година проиде... и звѣриной ловлѣ лошаей, оленьей приспѣвши» (С32). С XIV в.

Земля. См. Страна.

Зимовье ('зимнее поселение'): «провадша в зимовье... со многими припасы сушеными» (М326).⁵² С XVI в.⁵³

Извоз ('гужевой промысел'): «кормился извозомъ» (Б305). С XV в. (Сочетание кормиться извозом характерно для этого значения). Другие слова этого гнезда — также только в памятниках XV—XVII вв.

Источек ('источник'): «онъ же со оставшими людьми едва утече отъ него за нѣкоторый малый источекъ» (в сп. А — «источикъ») (Т80).⁵⁴

⁴⁷ Ср. слово *заостровие*: «и приходитъ же блженный в заостровіе на реку на Сверхъ». Рук. Синод. библ. № 874 (А. Дювернуа. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1894).

⁴⁸ АИ, 1687 г., Гр. Дв. 1685 г. и др. См. наречие: «государь пожаловалъ... заочно своимъ государскимъ жалованиемъ» (Б300).

⁴⁹ *Запасы* см. в Псков. I лет.; *припасы* — в Астрах. а. 1628 г., ДАИ, 1633 г., АИ, 1684 г., АЮБ, 1694 г., 1696 г. и мн. др.

⁵⁰ Известно в памятниках с XVI в. в разнообразных значениях. См. в значении, приближающемся к нашему: «и бившеша, государь, мы съ ними сели въ суды да погребли къ своимъ гороткамъ, а какъ пригребаемъ г Донецкому устью, к запору, и онъ, государь, Крымский царевичъ, по обе стороны Дону переседъ учинилъ» (Дон. Дела).

⁵¹ Слово *заутра* отмечается в книжных памятниках: Сим. Посл. Бес., Ч.-М. (много раз), Сл. и поуч. против языч., Арс. Сух., Тип. лет. и др., слово *назавтрие* — в многочисленных деловых памятниках: СГГД, 1613 г., АИ, 1632 г., Астрах. а. 1653 г., ДАИ, 1676 г., 1678 г., 1681 г., Спафарий, Китай и др.

⁵² Интересно, что это слово имеет в Сибирских летописях значение, соответствующее общенародному, а не современному сибирскому диалектному — 'кухня и людская', 'отдельные дома или изба в отдалении от всякого жилья' (см. об этих значениях: Г. В. Тропин. Замечания о диалектной лексике Восточной Сибири вт. четв. XIX в. Труды Иркутского унив., Серия языкознания. 1958, т. XXVI, вып. 1, стр. 103—124).

⁵³ См. о нем в нашей статье «Заметки о новых словах...», стр. 147.

⁵⁴ См. его в АЮБ, 1631 г.: «а отъ тое березы болотцомъ въ источекъ, а источкомъ въ рѣку Уругу».

Итого ('всего в сумме'): «пудъ соли, безмень масла, рыбъ весомъ, итого по 10 пудъ на человѣка припасу» (М316). С XVI в., в деловых памятниках.⁵⁵

Иттить — «князь же Тойбуга проси у царя Чингиса воинскихъ людей на войну иттить на иныхъ людей, гдѣ онъ хочет» (П272). С XVII в., употребляется в деловой письменности.

Ишак — «малыхъ лошадохъ, сирѣчь ишековъ родомъ, с великими ушами по аршину [много]» (О381). С XVI в.⁵⁶

Камка ('шелковая ткань'): «казаковъ пожаловаль ... денгами и сукнами и камками» (С30). С XV в.⁵⁷

Караван — «воѣваль і разбиваль на Оке і Волге і на море суды і катарги, торговыхъ караваны в скопѣ съ 5000 человѣкъ» (М313). С XVI в.⁵⁸

Катарга ('крупное речное и морское гребное судно'): «[Ермак] воѣваль і разбиваль на Оке і Волге ... суды і катарги» (М313).⁵⁹

Кафтан — «его кафтанъ жъ взять Сеидьякъ царь» (М346). С XVI в.⁶⁰

Книга — «на городище же Ермаковѣ с женами Зыряне и книги ихъ писарей і память жилия ихъ, кто імены і отчествомъ домовъ, і доньиѣ у Строганова в казне взыскуется» (М316). Изв. в древн. пам.

Ковш — «а онъ [бог] де поставлен на столъ, і кругомъ горить жиръ, і курятся серою, аки в ковше» (М334). С XIV в.⁶¹

Коломенка. См. Лодка.

Конный. См. Конь.

Конский. См. Конь.

Конь, лошадь. Сл. Срезневского свидетельствует, что обычным в древнерусских памятниках (в том числе и деловых) было общеславянское слово *конь*. Оно широко употребляется во всех Сибирских летописях и Описании Сибири. Слово *лошадь* также имеется в древних сочинениях,⁶² но встречается там редко. Из наших памятников слово *лошадь* имеется только в Описании

⁵⁵ См. о нем в нашей статье «Заметки о новых словах...», стр. 158.

См. о его этимологии в Сл. Преображенского, т. I, стр. 277, и Сл. Фасмера, т. I, стр. 492.

⁵⁶ Слово *ишецькъ* имеется в Пут. Кит. 1567 г. Слово *ишак* см. в Вед. о Кит. XVII в. О его этимологии см. в Сл. Преображенского, т. I, стр. 277; Сл. Бернекера, т. I, стр. 433; Сл. Фасмера, т. I, стр. 492.

⁵⁷ См., однако, *камчатый* — в Игн. Пут. 1392 г. См. о его этимологии: Е. К. Бахмутова. Иранские элементы в деловом языке Московского государства. Ученые записки Казанского пед. инст., Факультет языка и литературы, вып. 3, 1940.

⁵⁸ См., например, в Астрах. а. 1622 г., 1625 г., Похожд. в св. земл. кн. Сиротки: «стрѣтихомъ въ пути изъ Дамаска въТриполь караванъ, иже имяше двѣстѣ человѣкъ конныхъ»; ДАИ, 1698 г.: «и хотѣль ихъ отпустить весною и съ торговымъ караваномъ Бухарскимъ» и мн. др. (Слово *караванный* также известно в памятниках только XVI—XVIII вв. Гр. Хив. Бух. 1615 г.: «по нашему указу он купчина и корованной голова Дербыш отпустил с нашимъ Послаником с Михаилом с Тихановым ... людей своих на Юргенчъ». АИ, 1646 г. — с сущ. «голова», ДАИ, 1699 г. — с сущ. «кони» и др.). См. о его этимологии в Сл. Преображенского, т. I, стр. 296, Сл. Голуба, стр. 164, Сл. Фасмера, т. I, стр. 525.

⁵⁹ См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. I, стр. 541. Известно в Новг. IV л. В XVII в. есть на Нижнем Дону (А. Н. Качалкин, В. А. Магин. Отражение лексики судоходства..., стр. 146).

⁶⁰ С этого же времени в памятниках письменности отмечаются и другие однокоренные слова: *кафтанец*, *кафтанишко*, *кафтанный*. См. о его этимологии в Сл. Голуба, стр. 159; Сл. Фасмера, т. I, стр. 542.

⁶¹ См. его в Дух. Ив. Д. 1357—1359 гг., Дух. Дм. Ив. 1389 г. и др. О его этимологии см. в Сл. Фасмера, т. I, стр. 586.

⁶² См. о бытовании слова *лошадь* в древнерусском языке: Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка..., стр. 216.

Сибири, однако встречается оно там так же, как и слово *конь*, очень часто: «Калмыки же привозят ясырей, велбудовъ, коней и скоть всякой» (О381), «Бухарцы и Калмыки со всякими своими товары, с лошадами і со всякимъ скотомъ и с ясыремъ» (О380). При этом, когда ездой на лошади определяется расстояние, всегда используется только слово *лошадь*: «отъ Селенгинского острога . . . лошадами і велбудами со виюки Ђзды до Китайского царства мѣсяць» (О385) и под. Вероятно, в XVII в. слова *конь* и *лошадь* были равноправными в древнерусском языке, не имеющем еще строгой нормализации.⁶³

В наших памятниках имеется уменьшительное существительное *лошадка* и два прилагательных от слова *конь* — *конский* и *конный*. *Лошадка* (известно в Ип. л.) встречается только в Описании Сибири: «скота в ихъ улусахъ зѣло много . . . , малыхъ лошадокъ, сирѣчь ішековъ родомъ» (О381), а производные от *конь* (известные с древнейших памятников) — во всех наших памятниках. См. *конный* — «направиша стѣны градския, елико не возможи коннымъ, ниже пешимъ бѣзъ лесницы внутри влѣсти» (М359), «в улусахъ . . . в 15 дней збирается 100 000 человекъ конныхъ, а пѣшихъ нѣтъ» (О381). *Конский* — «и побѣже в колмацкия улусы и бѣгая подсмотри тамо конския стада и отгна» (Т80).

Копейное поражение. См. Р а н а.

Кош ('обоз'): «изъ царства своего свою жену зъ дѣтми і кошъ отпустилъ на велбудахъ и на коняхъ горою вверхъ степью по Иртыше рѣке» (О372). Изв. в древн. пам.

Кровать, одр. Оба слова известны в древнейших памятниках. *Кровать* отмечается в XVII в. в сочинениях всех жанров, слово *одр* присутствует в XVI—XVII вв. только в памятниках высокого стиля.⁶⁴ Ср. их употребление в Сибирских летописях: «а нощию спячь в пологахъ холщевыхъ на высокихъ краватяхъ» (О378), «Кучюму отъ труда и отъ печали возлежащу на одрѣ его нощию» (М331).

Кронника⁶⁵ ('летопись' — используется только по отношению к иностранным памятникам): «яко жъ свидѣтельствуеъ кронника латынская» (Е116).⁶⁶

Крыльце ('часть спины у плеч — заплечье'): «на грудехъ и межъ крылецъ [на панцире] печати царские золотые орлы» (М347). С XVI в.⁶⁷

Крюк⁶⁸ (орудие с загнутым концом для захватывания чего-либо, в данном случае используемое для военных целей): «и умыслиша в ущине оружье себѣ коварно, крюки и укрюки, засѣку і вѣревки, да удержатъ» (М335), «остяцы же крюками своимн и укрюками хотя хапати» (М335). С XIV в.⁶⁹

⁶³ См. еще о характере синонимичности слов *конь* и *лошадь* в русском языке XVII в.: Л. Л. Кутина. К вопросу о синонимии . . . , стр. 11—16; В. Н. Туркин. Этюды по древнерусской синонимике. Тези доповідей V славистичной конференції. Ужгород, 1962, стр. 83, а также в нашей статье «Некоторые вопросы синонимии . . . », стр. 67—68. В последней см. также о бытовании этих слов в современных диалектах. См. еще об употреблении слов *конь* и *лошадь* в диалектах: Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка . . . , стр. 143.

⁶⁴ См. о них в нашей статье «Некоторые вопросы синонимии . . . », стр. 60.

⁶⁵ См. Сл. Фасмера, т. III, стр. 273 — *хроника*.

⁶⁶ В форме *кроника* известно нам в многочисленных памятниках с конца XV в.: Библ. Гени. 1494 г. и др., в форме *хроника* — в памятниках со второй половины XVI в.: Швед. д. 1572 г., «в хрониках и летописях писано» — Устав ратных д. XVII в., Летоп. 1700 г.

⁶⁷ Нам известно только в Конск. приб. Бор. Фед. Год. 1589 г. (до настоящего времени сохраняется в сибирских диалектах).

⁶⁸ См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. I, стр. 674, и кн. Ф. П. Филина «Образование языка восточных славян» (стр. 286).

⁶⁹ См. Дух. Ив. Кал. 1327—1328 гг., Дух. Ив. Ив. 1357—1359 гг. и др. Имеет и другие значения: 'весы', 'весовая пошлина'.

Кубок — «Ермакъ жѣ приять царское жалование: ... кубокъ, шубу» (М338).⁷⁰

Кузнечий ('сделанный кузнецом'?): «желѣзо то кузнечкое и укладъ велми добръ, лучче свейскаго желѣза» (О382).⁷¹

Курья ('залив, рукав реки') встречается в наших памятниках только в составе топонима: «царь ... пожаловаль Григорья ... Строганова ... вниз по Камѣ рекѣ по правую сторону с усть Лысвы рѣчки, а по лѣвую сторону внизъ Пызновской курьи, по обѣ стороны по Камѣ до Чусовые рѣки мѣста пустыя» (С2). С XIV в.⁷²

Лето. См. Год.

Ловитва ('ловля', 'охота'): «и рыбной ловле и птичьей бывшу много множество, и тою ловитвою питаешься» (С32). Вероятно, в XVII в. имело окраску книжности. Изв. в древн. пам.

Ловля. См. Звериный.

Лодка. В сочет. лодка коломенка: «да нам же негораздо шуточка нашутилась, что разбили мы лотку коломенку» (Т56). С XV в.⁷³

Лошадка. См. Конь.

Лошадь. См. Конь.

Лягушка — «народ китайской ядять ... всякой гадь: ужей, змей ... лягушекъ» (О394). С XVII в.⁷⁴

Мастер. См. Незаписной.

Мень. См. Налим.

Мера. 1. Единица емкости: «на той Даурской земли всякой хлѣбъ родится: рожь и яровой, из единой мѣры родится 50 и 60 и 70 мѣръ» (О390). 2. Способ, средство: «а учитится отъ нея никакими мѣрами, ни ратными збруями не возможно» (Т65). Изв. в древн. пам.

Место. См. Страна.

Месяц — «мѣсяца декабря в 5 день» (Е135), «егда же бысть мѣсяць июнь» (Е146), «ѣзды карельскою лодию мѣсяць, своею силою, сирѣчь греблею, парусомъ же полторы недѣли» (О379). Изв. в древн. пам.

Морж — «по морю — океану по берегу много рыбней кости звѣря моржа лежить» (О387). С XVI в.⁷⁵

Мошка — «дабы комары и мошки дали нощию уснуть» (О378). С XVII в.⁷⁶

⁷⁰ См. его в Ип. л.

⁷¹ См. его в Псков. I лет.

⁷² См. о его бытовании в древнерусском языке и современных диалектах: Ф. П. Филин. Лексика русского литературного языка..., стр. 251. См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. I, стр. 703.

⁷³ См. его в Жал. гр. Белоз. 1483—1487 гг., Новг. I лет. и др. Е. Будде (в рецензии на изд. 1901 г. «Российских стихотворений» Кирши Данилова — Журнал Министерства Народного Просвещения, 1902, № 4, стр. 513) отмечает это название как известное исключительно по Каме.

⁷⁴ См. его в Сим. Посл. Бес., Леч. конца XVII в., Авв. Ж., Флор. ек. и др. См. о его этимологии в Сл. Преображенского, т. I, стр. 496, и сл. Фасмера, т. II, стр. 81.

⁷⁵ См. в Кн. прих.-расх. Ант. м. 1581 г.: «послалъ к старцом со Анфмлохем на моржъ рубль и 10 алтын»; Гр. Сиб. Миллер, 1614 г., ДАИ, 1651 г., 1655 г.: «а на той коргѣ много вылягаетъ морской звѣрь моржъ и на той же коргѣ заморной зубъ звѣря того» и др. Не более ранними памятниками представлены в Картотеке ДРС другие слова этого корня: *моржевина* — в Кн. расх. Карел. 1581—1587 гг.: «купил моржевину на пышняги на 9 алтын. Купил скоб судовых 120»; *моржевой* — Кн. прих.-расх. Ант. м. 1578 г.: «Игна-тей Ивановскъ снѣ [далъ вкладом] 117 сажен ремня моржевого за 4 рубли» и др. См. о его этимологии в Сл. Преображенского, т. I, стр. 557; Сл. Голуба, стр. 230; Сл. Фасмера, т. II, стр. 158.

⁷⁶ См. Спафарий, Сибирь: «и отъ сего мѣсяца сентября отъ 2-го числа мошки стало мало ... а оборона отъ мошекъ — сѣтки, и безъ сѣтки чело-

Мужик — «а тотъ мужикъ Строгановъ породею Новгородецъ, посадкой человекъ» (О368). См. бранно: «мужикъ, помни, да какъ ты с такимъ великимъ и полномочнымъ сосѣдомъ ссорись, и какая несостоятельная спона межъ нами учинится, и нѣ увѣдаешь, что я тебѣ за то учиню» (М314), «о мужикъ, не знаешь ли ты і тепере мертвъ, возьмемъ тя и ростреляемъ по клоку» (М315).⁷⁷

Мыс — «о поставленіи Канкора городка на Пыскорскомъ мысу» (С2). С XV в.⁷⁸

Набой ('доска, прибывающаяся для возвышения бока мелких судов'): «струги ихъ грузу занимать не стали і подѣ берегомъ тонуть, они же приправили набой, излечили» (М315). С XIV в.

Наволоок ('заливной луг'): «о поставленіи другаго городка на Орловскомъ наволоокѣ» (С3) (см. разночтения на Т49: «на Орловскомъ мысу», а в том же тексте в А97 — «Орловскомъ волоку»). С XIV в.

Наживлять ('снабжать приманкой, наживкой какое-либо приспособленне для ловли рыб'): «татарину жь ... ловяшу рыбу и наживляющу перѣмѣть» (М345). В другихъ памятникахъ в такомъ или близкомъ значеніи намъ неизвестно.

Назавтрие. См. Заутра.

Наим. Употребляется в Сибирскихъ летописяхъ лишь в следующихъ случаяхъ: «и пищали і затинные и ручницы подѣлати [не] записнымъ мастеромъ, которыхъ к себѣ Григорей приговорить изъ наймовъ» (С3), «кормился извозомъ и былъ в найму в подводахъ у разбойниковъ» (Б305). В первомъ случае, возможно, имеетъ значеніе 'наемный работникъ', во второмъ употребляется в составе сочетанія бытъ в найму — 'работать по найму'.⁷⁹

Наковальня — «і куютъ вмѣсто наковаленъ на камени же» (О382).

Налим — «а одеяние і обувь имѣють с рибнихъ кожъ, с осетровъ, стерлядей, с налимовъ, со мней» (О378). С XVI в.⁸⁰ Общеславянское слово в этомъ же значеніи — *мень*. В Сибирскихъ летописяхъ оно имеетъ не совсемъ ясное употребленіе (см. цитату выше). Известно во многихъ деловыхъ памятникахъ XV—XVII вв. Оба слова широко употреблялись в деловой письменности, в дальнейшемъ слово *мень* сохраняется только в диалектахъ — преимущественно северныхъ.⁸¹

Написание, списание, список ('письменное изложеніе какого-либо событія'). **Написание** — «казаки жь принесоша к нему написание, како придоша в Сибирь» (Е163), с разночтениемъ «списки». **Списание** — «конецъ списанію и Богу слава» (Т96). **Список** — «принесоша ему списки, како они придоша в Сибирское царство» (У236) — известно в деловыхъ памятникахъ. Синонимичность подчеркивается разночтеніями: вышеприведенная цитата для слова

вѣкъ ходитъ не можетъ полчетверти часа» и др. См. о его этимологии в Сл. Преображенского, т. I, стр. 564; Сл. Фасмера, т. II, стр. 167.

⁷⁷ Историю слова *мужик* см.: П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1956, стр. 208.

⁷⁸ См. в Воскр. лет. 1434—1436 гг.: «а князь велики слышавъ то, поиде на него къ Костромѣ, і пришелъ ста на мысъ у святого Ипатія, межѣ Волги и Костромы», в Гр. Кир. Белозер. м. 1485 г., Арх. Стр., 1490 г. и мн. др. См. об его этимологии в Сл. Преображенского, т. I, стр. 574, Сл. Голуба, стр. 236, Сл. Фасмера, т. II, стр. 184.

⁷⁹ В другихъ древнерусскихъ памятникахъ слово *наим* употребляется в значеніяхъ 'наем', 'плата за работу по найму', 'оброк'.

⁸⁰ Отсутствует в инославянскихъ языкахъ. См. об этомъ: В. Н. Вакуров. Из истории терминологии рыболовного промысла в русскомъ языке. Вопросы истории русского языка, Кафедра русского языка филологического факультета МГУ, 1959. См. также Сл. Фасмера, т. II, стр. 196. Ф. П. Филли (Образование языка восточныхъ славян, стр. 116) считаетъ заимствованнымъ словомъ.

⁸¹ В рукописныхъ областныхъ материалахъ Института русского языка АН СССР отмечается в волог., арх., онеж., сузд., твер., пск., а также ворон. и ряз. говорахъ.

список является вариантом для цитаты на слово *написание* из Е163 (см. выше) (ср. в наших памятниках слово *список* в значении, приближающемся к современному: «ови же крещишася во християнство и поверстаны в службу в новоокрещеноу списоке» (М353)).

Напромыслить ('добыть'): «зима бѣ, и потребы ясти себѣ напрмыслиша точию мало ячмени и полбы и овса» (М330). В других памятниках нам неизвестно.

Недельный ('воскресный', от значения слова *неделя* 'воскресение', отмечаемого с древнейших памятников): «Богданъ же с таварищи ... въ день недѣльный приплыша протокою подь самой Самарѣ» (М335). Изв. в древн. пам.

Неделя — «моремъ-океяномъ ѣзды ... три недѣли» (О370). Изв. в древн. пам.

Незаписной. В сочет. *незаписной мастер* (значение?): «пушечки и пицали і затинные и ручницы подѣлати [не] записнымъ мастеромъ» (С3).⁸²

Низовой ('живущий, расположенный в низовьях реки'): «дани со многихъ низовыхъ языкъ взяша» (М319). С XVII в.⁸³

Обдержанье ('власть, правление, управление'): «царство его разрушити и предати православнымъ християномъ во обдержаніе Россійскому скипетру державству» (У186).⁸⁴

Обдержательство ('власть, правление, управление'): «взято бысть ... Сибирское царство ... въ вечное во обдержательство Россійскому скипетру» (У172). В других памятниках нам неизвестно.

Обночевать ('переночевать'): «и на усть Вагаю и перекопю розставиша стань и обначеваша» (М341). Изв. в древн. пам.

Обночеваться ('переночевать'): «дошедше до перекопа и обночевашеся ту» (С37). Разночтение к этому тексту в Т82 — «обнчеваша», то же в Е148—Р268, Е138—П280. С XIV в.

Одр. См. *Кровать*.

Озеро. См. *Самосадный*.

Озиметь ('проводить зиму'): «воевода жъ онъ видѣ пременение воздуха, яко наста зима, и ту озимѣвше и поставиша городокъ над рекою Обью на усть Иртиша» (С40).⁸⁵ См. в наших памятниках в сходном тексте в А103 — «зимоваша», Е151 — «озимѣвше», в сп. А той же редакции — «перезимоваша», в том же тексте в А6256 — «начаша зимовати», а в П290 — «зимова ту с войскомъ».

Око⁸⁶ — «царя Казанского Симеона жива взялъ и, избодя ему очи, в Звенигороде за сторожю жити указалъ» (О367).

---

⁸² Ср. слово *записной*, которое известно нам в памятниках только с XVII в. См. сочет. *записной плотник* — *Росп. расх. жал.*, 1681 г., *записной каменщик* — *Докл. в Сен.* 1711 г.

⁸³ См. о нем в нашей статье «Заметки о новых словах ...», стр. 149.

⁸⁴ Ср. в АИ, 1564 г.: «пряхомъ скипетры Россійскаго царства мы Великій Государь царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи въ обдержаніе».

⁸⁵ См. его в Жит. Кирияк. П. В. Владимиров в работе «Несколько данных для изучения сев.-велик. наречия в XVI и XVII ст.» (Казань, 1878) указывает это слово в сев.-русск. памятниках XVII в.

⁸⁶ О слове *око* и его соотношении со словом *глаз* см.: М. А. Соколова. Из истории слов основного словарного фонда русского языка. Доклады и сообщения Инст. языкознания АН СССР. Л., 1952; Л. Л. Кутина. К вопросу о синонимии ... См. примеры его нейтрального употребления в деловых памятниках XVII в.: «Атемарецъ Андрей Лукинъ ... отъ службы отставленъ, потому что онъ старъ ... очми худо видить» (Пенз. дес. 1669—1671 г.), см. по отношению к лошади: «мерин ... грива направо ... да чалинка в верху повыше очей осми лѣт к девятому» (Там. кн. Тихв. мон., 1624 г.). Слово *око* входит в состав многих фразеологических сочетаний, которые употребляются как в книжных, так и в деловых памятниках.

Олень, елень. Слово *елень* в XVII в. сохраняет книжный характер. Ср. их употребление: «в жилищахъ же ихъ велие множество всякого звѣря: лосей, оленей, медведовъ, лисицъ» (О378), «яко не обладают елени львомъ, но лвы еленемъ» (М365). Впрочем, в некоторых случаях их употребление, видимо, безразлично. Ср.: «Самоедъ ѣздить на оленяхъ и собакахъ» (М316), «ездыть ... Самоедъ же на еленехъ» (Е112), «Остяки же одежду имѣють отъ рыбъ, Самоедъ же отъ еленей» (Е112). Имеются разночтения *олень* — *елень*.

Оселиться — «овий жъ оста[ш]а на городищи томъ с женами и з детми, вѣчно осѣлишася» (М314). В других памятниках нам неизвестно.

Осеновать ('проводить осень'): «и Ермакъ с товарищи своими осеноваль до зимнего пути» (О370). С XVI в.⁸⁷

Осталец ('оставшийся где-либо человек'): «а в Сибири остался одинъ голова Иванъ Глуховъ, а с нимъ осталцы Ермаковы казаки да которые люди присланы были с воеводою на княземъ» (П284).⁸⁸

Отвес ('мера веса?'): «а кто тѣло его Ермака атамана найдетъ, і тому царь Кучюмъ обеща отвъсь серебра і честь пожаловать» (О377).⁸⁹

Отопеть ('утонуть'): «внезапу мертвой зверь скочилъ ... и кинулся в воду и отопе» (М328). С XVII в.

Палата ('дом большого размера'): «видѣтъ на мори-океане великій и страшный островъ і полаты каменные стройные» (О386). Изв. в древн. пам.

Пахотный — «пахотные ... земли» (О391). С XV в.

Пашня — «городами і посадами живутъ і пашни пашутъ» (О391).⁹⁰

Перемет — «Татарину жь ... ловящу рыбу и наживляющу перѣмѣтъ» (М345). С XV в.⁹¹

Персона ('важная, значительная особа'): «рѣ 7061-мъ году царь Иванъ Васильевичъ самъ своею персоною со многими войски Казанское царство под-копомъ ... взялъ» (О367). Латинское *persona*. Нам известно в деловых памятниках с XVI в.⁹²

Перст — «и кутуфта вземъ тремя персты то приношение идоложертвенное» (О396).⁹³

Пес, собака. *Пес* — «они же безбожнии отойдоша посрамлени, аки пси» (С13), «ездытъ Остяки на псахъ, Самоедъ же на еленехъ» (Е112), «Самоедъ ... ѣздыть на оленяхъ и собакахъ» (М316). Оба слова древние, в XVII в., видимо, употреблялись нейтрально.⁹⁴ Однако в Описании Сибири имеется только слово *собака*.

⁸⁷ См. его в Львов. л., Чудеса Зосимы и Савватия в зап. 1548 г., сп. XVII в., ДАИ, 1659 г.

⁸⁸ Известно в Ник. лет.

⁸⁹ См. его в сочетании отвес серебра в Сказ. Ант. Новг. XV в.

⁹⁰ См. его в Меж. гр. в. к. Ив. Вас. 1504 г. и др. пам.

⁹¹ См. о нем в нашей статье «Заметки о новых словах...», стр. 147.

⁹² См., например, «государь нашъ своею персоною боленъ» — Швед. д. 1569 г. См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. II, стр. 343.

⁹³ О значении слова *перст* и соотношении его со словом *палец* см.: О. А. Яковлева. Значение слов *палец* и *перст* в древней Руси. Записки научно-исследовательского инст. языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР, № 16, Язык и литература, Саранск, 1955; М. А. Соколова. Из истории слов основного словарного фонда русского языка, стр. 8—19. О стилистической нейтральности слова *перст* в XVII в. свидетельствует Картотека ДРС. В ней имеются примеры употребления слова *перст* во многих деловых памятниках при описании внешности: «а ростомъ человекъкъ средней, смуголь, сухощавъ, волосы на головѣ русы, пустобородъ, носъ переломленъ, у лѣвой руки два перста порчены» — Новг. каб. кн. 1595 г. и мн. др.

⁹⁴ См. еще об этих синонимах в нашей статье «Некоторые вопросы синонимии...», стр. 66. Об этимологии этих слов см.: Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян, стр. 281.

Пища — употребляется только в следующем контексте: «brate, буди слепымъ око, хромымъ нога, алчущимъ [пища], нагимъ [одежда]» (М366). Изв. в древн. пам. В XVII в. имело книжный характер.

Платье — «бе бо отъ Ермакова тѣла и отъ платья чудотворѣние болезненнымъ исцеление» (М346). С конца XV в.⁹⁵ В Сибирских летописях употребляется часто в сочетании цветное платье («праздничное платье»): «егда же приносяще ясак, и приемшики вси в наряде въ цветномъ платьѣ, чтуще честь» (М336).⁹⁶

Плес — «а река Иртишъ пала въ реку в Обь великую ниже урочища Самаровыхъ горъ единымъ плесомъ» (П272). С XIV в.

Плотица — «рыбы всякой такожде бесчисленно: осетровъ, стерлядей..., карасей, линей, плотиць» (О378). С XV в.⁹⁷

Поартельно — «даі намъ на росписку по імяномъ на струги, поартельно 5000 ... на всякаго человѣка по 3 фунта пороху и свинцу» (М315). В других памятниках нам неизвестно.

Повесть. 1. Название определенного жанра сочинений: «повѣсть лѣтописная, откуду начаса царство бисерменское» (П271). 2. Рассказ, разговор: «егда глаголати им і в повѣстехъ между собою, бѣзъ слезъ не пробудуть» (М346), «и нача Аблай повѣсти деяти о немъ» (М348). Изв. в древн. пам.

Погост («поселок»): «села и погосты и посады пожгли» (С14).⁹⁸ Изв. в древн. пам.

Погреб — «і взяша іменія много і закопаша в погребы с пожитки» (М342). Изв. в древн. пам., имеет в древнерусском языке несколько значений.

Подвода («работа по перевозке грузов»). В сочет. в подводах: «кормился извозомъ и былъ в найму в подводахъ у разбольниковъ» (Б305). С XIII в.⁹⁹

Поделати («сделать», «построить»): «пушечки и пищали і затинные и ручницы подѣлати [не] записнымъ мастеромъ» (С3), «крѣпости подѣлатъ» (С4), «водяные суды по сю сторону оставя, подѣлавъ лыжи, нарты зъ запасы своими прешель тотъ Верхотурской камень» (О370). С XV в.

Подол — «по подолу и рукавамъ опушка мѣдная на три вершка [у панцыря]» (М347). С XIV в.¹⁰⁰

Подходить (для определения положения страны): «тутъ же разпрошаху тутошнихъ живущихъ людей, къ которому царству та земля подошла» (Т308).¹⁰¹

⁹⁵ См. о его этимологии в Сл. Преображенского, т. II, стр. 69. См. об этом слове еще в нашей статье «Заметки о новых словах...», стр. 147.

⁹⁶ См. о цветном платье XVII в.: Н. И. Костомаров. Очерк домашней жизни и нравов... Раздел «Одежда».

⁹⁷ В Кн. п. Об. пят. 1496 г.: «Сухое озерко, Пчелино озерко, а в них рыба мелкая, щука, плотница, а ловят хрестьяне на собя»; Кн. прих.-расх. Волокол. м. 1588—1589 гг., ДАИ, 1590 г., Кн. расх. Свирск. мон., 1615—1631 гг.; Кн. расх. Иверск. м., 1656 г.: «Озерко коротко... а рыба в нем щука окуюн плотница язъ и мн. др. См. об его этимологии в Сл. Преображенского, т. II, стр. 77; Сл. Брюкнера, стр. 421; Сл. Фасмера, т. II, стр. 374, а также: Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян, стр. 116 и 210.

⁹⁸ См. о нем: Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян, стр. 288.

⁹⁹ Ср. «старец Герман на подводы собрал рубль... по две денги с веревки а подводные денги хрестьяном давали у кого лошады ходили в подводы» — Кн. прих. Карел. м. 1572—1575 гг. Другое его значение — «телега с впряженной лошадей».

¹⁰⁰ См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. II, стр. 384.

¹⁰¹ См. его в памятниках с XV в., например Гр. Хив. Бух. 1641 г.: «где ево земля и жите и х которому государству подошло и сколь велика земля ево».

Пожити — «пожиста же они атаманы и казаки в городках ихъ два лѣта и мѣсяца два» (С9). Изв. в древн. пам.

Покорение. См. **Покорять**.

Покорять, покоряться. *Покорять* — «властью своею покори себѣ многихъ людей, живущихъ по рецѣ Иртышу» (С18); *покоряться* — «они же покоришася подь данью государевою быти» (А98), «ови добровольно покоришася» (М317). Оба слова известны в древнейших памятниках. См. также *покорение* (широко употребляется в Сибирских летописях): «о совершенномъ покореніи и владѣніи тоя Сибирския земли» (Т93).

Полдень ('юг'): «изъ того камени на полдень к Московскому государству многія реки ... изыдоша» (О369). Изв. в древн. пам.

Полог ('палатка?'): «Ермак же з дружиною спаху в станѣхъ в пологихъ» (С37), «а нощию спятъ в пологихъ холщевыхъ [вариант — в палатахъ] на высокихъ краватяхъ» (О378).¹⁰²

Полоть (вариант *полтъ*) ('полтуши, разрубленной вдоль'): «а ... у Строганова запасовъ на 5000 человекъ: на одного по 3 пуда ржаной ..., двумъ полтъ свинины» (М316). С XIII в.¹⁰³

Полуденный ('южный'): «естъ бо на полуденную страну река, глаголемая Донъ» (Г307). Изв. в древн. пам.

Полой — «воевода же Иванъ Мансуровъ дождался полой воды и собрався в струги своя» (А6257). С XIV в.¹⁰⁴

Помереть. См. **Умереть**.

Поприще — «и съ того мѣста перевезеся 25 поприщъ за волокъ на рѣку» (С11). В древнейших памятниках имеет значение 'путевая мера длиной около 2/3 версты или около полутора версты', ср. в Сибирских летописях: «отъ града три поприща» (Е145), а в разночтении А6253 — «съ семь верстъ». *Верста* — «а Тавда река пришла въ Тоболь реку с левой стороны отъ Пельинского города, за сто вѣрстъ отъ города отъ Тоболска» (П276). Изв. в древн. пам. Иногда значения слов *поприще* и *верста* в наших памятниках не различаются: см. разночтения Е139 — «яко поприщъ сто», в том же тексте Б300 — «во сто верстахъ» (в других памятниках XVII в. их значения достаточно разделены).¹⁰⁵

Порука ('вред'): «понеже они окаянни и на томъ имъ шертовали, что было надъ Рускими людьми никакой поруки не чинить и лиха не думать» (Т79), «и многую гибѣльную поруку казакомъ нанесе гибѣлно» (М340). Известно в этом значении в XVI—XVII вв., употребляется обычно в деловой литературе.¹⁰⁶

Посад¹⁰⁷ ('населенный пункт'): «городами і посадами живутъ і пашни пашутъ» (О391).¹⁰⁸

Посадский ('житель посада'): «а тотъ мужикъ Строгановъ породю Новгородецъ, посадской человекъ» (О369).¹⁰⁹

¹⁰² Ср.: «пологъ полотняной, а другой гребенной» — Оп. Кор. Ник. мон. 1551 г.

¹⁰³ См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. II, стр. 398. Ср. *полоть* 'кусок' в памятниках с XI в.

¹⁰⁴ См. его в Игн. Пут. 1392 г. О его этимологии см. Сл. Преображенского, т. II, стр. 102, Сл. Фасмера, т. II, стр. 400.

¹⁰⁵ См. о соотношении значений слов *верста* и *поприще*: Т. Ф. Надвинова. Общеупотребительная лексика в «Хождении» игумена Даниила, стр. 215—216.

¹⁰⁶ Н. А. Орлова. Элементы разговорного языка в сатирических повестях XVII в. Ученые записки ЛГУ, № 243, Серия филологических наук, вып. 42, 1958, стр. 140.

¹⁰⁷ Сл. Фасмера, т. II, стр. 413.

¹⁰⁸ Известно в Ник. лет., Новг. I лет., Псков. судн. гр., Соф. вр.

¹⁰⁹ В других памятниках нам известно только прилагательное *посадный* (Библ. Генн. 1499 г.) в том же значении.

Потчевать — «и начаша ихъ подчиватьъ» (Б304). С XVI в.¹¹⁰

Править имеет широкий круг значений (известно с XI в.). В наших памятниках может употребляться, кроме значения 'управлять государством', по отношению к церковной власти: «бысть в Сибири во граде Тоболске первый архиепископъ Киприанъ и правя престолъ Сибирския метрополи, нача церкви Божия строити» (Т95).

Предисловие (У171) — как заголовок предисловия. С XVI в.¹¹¹

Прибавка — «он же набравъ тутошнихъ жителей к своимъ в прибавку 154 человека, всего собра к себе 654 человека» (Б297). С XVI в.¹¹²

Прибить. См. Убить.

Привозчик ('человек, доставляющий что-либо кому-либо'): «провадитиша в зимовье Карачинское со многими припасы сушеными і привозчиковъ отпустиша ихъ во свояси» (М326). В других памятниках нам неизвестно.

Пригоршня — «шеитанщикъ же ставъ наточитъ пригоршни крови своі, выпьетъ и вымажется» (М326). Изв. в древн. пам.

Приклад ('образец'): «і о исправленіи лѣтописи сия имѣя таковыя приклады, имѣя жъ помощь исправляющу лѣтописи сия, еже о взятіи Сибири и о побѣде сичеве» (Е162; в примечании Т-ІА).¹¹³ См. в наших памятниках в другом (каком?) значении: «единъ [пансырь] отдаша в прикладъ Белогорскому шайтану» (М346).

Припасы. См. Запасы.

Природный (значение?): «прежде же сего 7160-го году в Китайскомъ государствѣ до сего нынѣшняго Богдохана царя Махи былъ в Китайскомъ [государстве] старой ихъ природной царь Абадай» (О392). С XV в.¹¹⁴

Пристань — «повелѣтъ казакомъ в струги свои отѣхать прочь отъ горы и отъ пристани на островъ итти» (О373). В значении специального судоходного слова отмечается в многочисленных деловых памятниках с XVI в. (в значении 'прибежище', 'защитник' — в памятниках с XI в.).

Притекать ('приходить' — в контексте высокого стиля): «единъ жѣ притече, возвѣстивъ Ермаку, яко избieni умроша» (М333).¹¹⁵ Изв. в древн. пам.

Продельвать ('выдельвать'): «продельвають же тѣ кожи рыбимъ жиромъ» (О378). В других памятниках письменности нам неизвестно.

Пролет (значение?): «и не доіде до реки и ста начевати въ пролетѣ» (Г309).¹¹⁶

¹¹⁰ См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. II, стр. 419. См. его в Римск. имп. д. 1576 г., Польск. д. 1536 г., ДАИ, 1654 г.

¹¹¹ Первоначально, видимо, имело значение 'сочинение' (см.: князь великій Иванъ Васильевичъ ходилъ ратми на Великій Новгородъ за ихъ неправды и за ихъ отступление къ Латынству; и о сихъ списано предисловіе много, словеса избрана отъ святыхъ писаній) — Львов. лет., ч. 1). См. его в значении 'предисловие': «предисловие книги сея» (Назиратель 2-й пол. XVI в.). В XVII в. встречается в основном в книжных сочинениях (Ч.-М. и др.), позднее лишается этой ограниченности.

¹¹² См. о нем в нашей статье «Заметки о новых словах...», стр. 148.

¹¹³ См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. II, стр. 432. Известно в Нест. Жит. Феод.

¹¹⁴ Особенно часто оно употребляется в XVII в. См. Акты, относящиеся к ист. тягл. нас. в Моск. гос. 1447—1699 гг., Дон, Дела 1649 г.; «и мы, природные твои государевы халопи», Авв. Ж.: «люблю свой русской природной языкъ» и мн. др.

¹¹⁵ В XVI—XVII вв. употребляется преимущественно в книжных сочинениях: Ч.-М., Львов. лет., Ерм. лет., Ложн. и отреч. кн., Пов. о Царьгр. и др.

¹¹⁶ В «Новом летописце» в том же тексте — другое неясное слово: «и не дойдя до реки ста начевати в пралире и нача спати» (примечание издателя: «пралире» — во всех списках, может быть «проливе»). В рукописи Гос. Публ. Библ. (шифр F, IV, 76), являющейся одним из списков Есиповской летописи, которые не учтены при напечатании Археографической комиссией Головин-

Промысел ('занятие, ремесло'): «на войне і в промыслехъ удача» (М346), «а государские промышленные ... люди токмо с промыслу своего в казну государскую пошлину даютъ кост[ь]ю рыбы[е]ю» (О387).¹¹⁷

Промышленный. См. Промышлять.

Промышлять — «царь Кучюмъ на томъ мѣсте, идеже подъ яромъ атаманъ Ермакъ утопе, повелѣтъ рыболовомъ и людемъ своимъ і сетми, і баграми, і всякими снастями промышлять, дабы тѣло Ермака изъ омута выволочѣ вонъ» (О377). В значении 'заниматься промыслом', 'зарабатывать на жизнь, занимаясь каким-либо промыслом' слово *промышлять* известно во многих деловых памятниках.¹¹⁸ В Сибирских летописях, как видно из вышеприведенной цитаты, имеет другое, более широкое значение ('действовать', 'работать?').¹¹⁹ Однако прилагательное *промышленный* по своему значению примыкает к указанному выше: «а государские промышленные ... люди токмо с промыслу своего в казну государскую пошлину даютъ кост[ь]ю рыбы[е]ю» (О387).

Пропитание — «и остаяя плиты внизь съ Ермакомъ 1636 человѣкъ и приемше запасы на пропитание свое» (М317), «и ... бѣруще ясакъ рыбу і мяса на пропитаніе» (М327). С XV в., обычно в деловых памятниках.¹²⁰

Прорастать. 1. Прорастать через что-либо: «и тѣ старыя [суды], гдѣ они лѣжатъ, сквозь ихъ два дерева проросли» (М314). 2. Произрастать: «древесамъ и травамъ прорастающимъ» (С32).¹²¹

Противенство. В сочет. в противенстве ('напротив', 'на противоположной стороне'): «егда же сразишася в велией сечи, со обоихъ сгранъ обои видеша в противѣнствѣ небесный рай отверженъ» (М361). Употребляется в контексте высокого стиля.¹²²

Противность ('непокорность'): «разбойник ... Ермакъ усвоеволився противностию его царскому величеству ... и бежалъ в украинное место» (Б296). Известно нам в деловых памятниках XVII в.¹²³

Птичный — «вышли для птичной потехи Татара князь Седякъ да царевичъ Казачей орды Салтанъ» (Б304).¹²⁴

Пуд — «даі намъ ... по 3 пуда муки ржаной, по пуду сухареі, по два пуда крупъ і толокна, по пуду соли» (М315).¹²⁵

ской рук. Есиповской летописи, это место читается «ста ночевати въ прале» (с ударением на а), написано очень ясно, что еще более усложняет прочтение данного места.

¹¹⁷ См. слово *промысел* в Сибирских летописях в значении 'предопределение': «промысел Божий» (Е166), которое известно в древнейших памятниках среди других отвлеченных значений.

¹¹⁸ См. Гр. Дв. 1584 г.: «они ... промышляютъ на море, в топяхъ ... и в лѣсныхъ озерехъ ... и птичьими ловлями», АЮБ, 1547 г.: «что ты за человѣкъ, и какъ тебя зовутъ и чѣмъ промышляешь» и мн. др.

¹¹⁹ Глагол *промышлять* имеется в современных сибирских говорах в значениях: 'заниматься рыбной ловлей', 'добывать средства к существованию промыслом'. В. В. Палагина. Говор западной части Томского района. Канд. дисс., Томск, 1951.

¹²⁰ Хожд. Родзянки XV в., ДАИ, 1677 г., 1683 г., АЮБ, 1654 г., 1670 г., Дон. Дела, 1653 г., Гр. Дв. 1682 г. и др.

¹²¹ Известно нам в других памятниках только в значении 'производить, произрастать' (Жит. Стеф. Перм. Епиф.).

¹²² Картотека ДРС отмечает это слово только в значении 'сопротивление' в ДАИ, 1665—1666 гг., 1668 г., 1677 г., СГГД, 1667 г. и др.

¹²³ ДАИ, 1613 г., 1684 г., Акты о служ. Троицко-Серг. м. 1688 г. и др.

¹²⁴ Известно нам только в памятнике XVI в. — «Похвала богу о сотворении всякой твари» Георгия Писиды.

¹²⁵ В. И. Шунков в работе «Меры сыпучих тел в Сибири XVII в.» (Сборник статей акад. Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952) пишет, что в Сибири употреблялись меры объема — *четверть* и веса — *пуд*. *Четверть* в разные периоды содержала в себе различное количество пудов. Пуд перво-

Пупок ('брюшная часть шкурки зверя'). Обычно в сочет. с пупки и хвосты: «послалъ к государю собранныя казны 60 сороковъ соболей с пупки і с хвосты» (ОЗ75).¹²⁶

Путь. См. Дорога.

Работа — «Василей ... ходиль у Строгановыхъ на стругахъ в работе по рекамъ Каме и Волге, и о[тъ] той работы принялъ смелость, и прибравъ себе дружину малую пошелъ от работы на разбой» (БЗ06). Изв. в древн. пам.

Рамент ('власть?'): «первее всехъ низовые Остяки князки отъ Кучюмова повѣления и раменту отступиша і бегу яшася бѣзвозвратно бѣжати во своися» (МЗ31).¹²⁷

Рана — «а стрѣль исходящихъ отъ нихъ не видати, уязвляють ранами и смертно побивають» (С17). Книжный синоним к нему — *сечение*: «возвѣщаше ... о побивании своѣмъ; яко разорѣны, кажуще сечение бѣрдышѣй и палашей, раны своя» (МЗ23). Другими книжными синонимами к слову *рана* в Сибирских летописях являются сочетания *копейное поражение*,¹²⁸ *смертное поражение* (с разночением «посечение»).

Ранить — «и на томъ бою царевича ранили» (БЗ99). Нейтральное слово, книжным синонимом к нему является *уязвлять* (*чем*): «а стрѣль исходящихъ отъ нихъ не видати, уязвляють ранами и смертно побивають» (С17).

Риза — в XVII в. имеет книжный характер, употребляется в Сибирских летописях в значении 'облачение священника': «честный крестъ Господень за еже два презвитера во священныхъ ризахъ носяще в полцехъ» (МЗ356). См. его употребление «ови же [шкуръ зверей] на украшение и на одяние ризъ» (Е109) (ср. «ови же подобии в снѣденіе' челоуѣком(, иниі же на украшение ризное» — Т60), где оно имеет значение 'одежда'. Изв. в древн. пам.

Род. 1. Ряд поколений, происходящих от одного предка: «по немъ родъ его царствова ту» (Р262); в книжных памятниках 'поколение': «достойно во истину воспоминати сию побѣду і впредь ілудия роды» (Е131); см. также сочет. во дни и роды наша: «упразднимся, братіе, паки на Божія чудеса, еще содеяшася во дни и роды наша в новопросвещенномъ месте, царстве Сибирскомъ» (У240). 2. Происхождение — «приде бо ни царска повелѣния, ни княжска роду, но самозванъ отъ простыхъ людей» (Т70), «царь, имянемъ Иван, родом Татаринъ» (С17). 3. Семья, родня, родственники — «князь[цы] же Остяцкіе отгыдоша с родами своими киждо во своися» (У201), «егда же на спящихъ удариша изъ ружья и убиша княжца Самару и с родомъ его» (МЗ35). 4. Совокупность предметов с общими главными качествами: «розных родовъ утокъ, гагаръ» (ОЗ78). Все эти значения отмечаются у слова *род* в древнейших памятниках. См. также слово *род* в сочет. челоуеческий род, крестьянский род ('люди', 'человечество'): «злокозненный же дьяволъ, иже искони ненавидял добра челоуѣческому роду» (С9), «ударованную милость Божию к роду крестьянскому» (П280). Изв. в древн. пам.

Родич ('родственник'): «начаша приходити ... Татаровя с жѣнами и з детми и с родичи» (МЗ33).¹²⁹

Росомаха (вариант *росомака*): «в жилищахъ же ихъ велие множество

начально служил для взвешивания в малохлебных районах (Мангазея и др.) или для малораспространенных в Сибири злаков (пшеница), но с середины XVII в. пуд все более оттесняет четверть, в особенности в счете муки. В наших памятниках слово *четверть* не встречается.

¹²⁶ См. его в Росп. Сибир. цар.

¹²⁷ Позднее слово, известно нам только в Гр. Башк. 1709 г.: «и как де был в Казани Шигалей царь в Тобольском Кучюм царь, и у них под раментом служили і ясаки платили из давних лет деды и отцы их».

¹²⁸ См. его в книжных памятниках — Кат. Рост., Хронограф. 1512 г., Пам. См. вр. и др.

¹²⁹ Известно нам только в Новг. I лет.

всякого звѣря: лосей, оленей, медведей, лисицъ, росомакъ» (О378). С XIV—XV вв.¹³⁰

Рыбный. В сочет. рыбная ловля: «о убьеніи казаковъ на рыбной ловлѣ подъ Яблокомъ» (С26). С XIV в. В одном случае в наших памятниках к этому сочетанию есть разночтение — «рыболовство» (С22—Т77).

Рыболов — «царь Кучюмъ ... повелѣ рыболовомъ и людемъ своимъ і сетми, і баграми, і вскими снасти промышлять» (О377). См. его в многочисленных деловых памятниках с XIV в.

Рычаг¹³¹ — «соль бузунъ іс того озера ломають рычагами» (О380). С XVII в.

Ряд. В сочет. по ряду ('по порядку'): «и повѣда имъ все по ряду про Сибирскихъ царей и князей» (С16). Изв. в древн. пам.

Сажень — «и ему Григорью собою же поставити стѣны сажень по тритцати» (С3), см. сочет. печатная сажень ('казенная выверенная сажень?'): «стѣны сажень печатныхъ по 30» (Т50). Известно в многочисленных деловых памятниках XVII в.

Сазан — «в великой рѣкѣ Амуре ... рыбъ ... стерлядей, сазановъ ... много» (С390). С XVII в.¹³³

Самовластно ('самопроизвольно'): «его жь образъ, знамя любѣзное казакомъ, самовластно с места и поиде ... по берегу Тоболу рѣки» (М324).

Самовольный — «самовольные казаки с атаманомъ своимъ Ермакомъ Тимофѣевымъ сыномъ вышли на Волгу ... грабили і воровствомъ своимъ проѣзду не давали» (О367) — в значении, близком к современному: 'поступающий по своей воле, желанию, прихоти, ни с кем не считаясь'.

Самовольство ('произвол'): «множество ратныхъ людей ... послать на ... Ермака ... унять ихъ отъ такова злоначинания і самовольства» (О368).

Самосадный. В сочет. самосадное озеро ('озеро с отложениями соли?'): «да на тѣхъ же степныхъ мѣстехъ многие соляные самосадные озера» (О391).¹³⁴

Своевольный — «всяя бусы по Хвалынскому морю и по Волге со многими своевольными вои, яко и царскую казну шарпаль» (М312). Известно нам в деловых и литературных памятниках XVII—XVIII вв.

Своенравно — «и бежаша храбро с пыхоу своенравнѣ в зиму» (М361). Слово отсутствует в известных нам памятниках.

Селение. См. Жилище.

Селиться — «да не будутъ в нашу землю селиться» (С42). Изв. в древн. пам.

Село (цитату см. при слове *деревня*) обозначает не только населенный пункт, но и пашни, лесосеки, борти в лесу, относящиеся к данному населенному пункту. В ряде деловых памятников для него известны значения 'участок земли' и 'единица измерения земли'. В наших памятниках слово употребляется только в значении населенного пункта. Изв. в древн. пам.

¹³⁰ Наиболее раннее его употребление (в форме *росомуха*) известно нам в Новг. берест. гр. № 2 XIV—XV вв. (Палеографический и лингвистический анализ Новгородских берестяных грамот. Институт языкознания АН СССР, М., 1955). Возможно, это — древнее слово. См. о его этимологии: О. И. Трубачев. 1) Из истории табуистических названий. Вопросы славянского языкознания, вып. 3, М., 1958; 2) Еще раз об этимологии слова «росомаха». Краткие сообщения АН СССР, Институт славяноведения, М., 1960, вып. 28.

¹³¹ См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. II, стр. 558—559.

¹³² См. его в Стоглаве.

¹³³ См. его в Кн. расх. Иверск. м. 1668—1669 гг.: «куплено рыбы шесть сазановъ»; Расх. кн. патриарх. Адриана XVII в., ДАИ, 1684 г., Грам. Лудольф. и др. См. также «Сазановъ» (фамилия) — в Яр. П. XVII в.; «сазановый» — Соверш. кучер XVIII в. (с сущ. «язык»). См. о его этимологии в Сл. Преображенского, т. II, стр. 244 и Сл. Фасмера, т. II, стр. 568.

¹³⁴ Ср. *самосадка*: Посол. стол. Толоч. 1650—1652 гг. — «селитра-самосадка», Зап. пут. кап. Рычкова 1771 г. — «самосадка».

Сенный[ой?] ('годный, предназначенный для сена?'): «не велѣно ясти ему [скоту] і не ясть звѣря [ли] ... или траву сѣнну (E112).¹³⁵

Серочерный — «сѣрые рыси, волки сѣрочерныи» (O391). В других памятниках нам неизвестно.

Сечение. См. Р а н а.

Сирий — «и еще быша вогнѣждение звѣремъ і водворение сириномъ» (E122) — мифическая птица (греч. σιριην). Известно в книжных памятниках.

Скорить ('спешить?'): «погании же слышавше се отъ града вси скорять в Саусканъ» (C36). В других памятниках нам неизвестно.

Слово — «они же ему государю все подробну розсказаша, и слово ихъ ему государю бысть приятно» (C2), «за страхъ грозы не смели не токмо руки поднять, ниже слова молвить во всеи волости Надцынской» (M333), см. также его в сочет. дать слово: «честнымъ людемъ предъ Богомъ обѣты и слово свое даша» (C22). Возможно, более ограниченное употребление имеет в этом значении слово *глагол* (отмечаемое преимущественно в летописях, а также памятниках высокого стиля): «во всю землю изыдоша вѣщания ихъ і в концы вселенныя глаголы ихъ» (E125).

Слогатай ('сочинитель, писатель'): «слогатай же сей лѣтописи челоувѣкъ грѣшенъ естъ» (E169).¹³⁶ Видимо, книжное.

Смежный — «х которому царству земля ихъ та близостию смежна?» (U194), «в Тангуцкое государство, которое смежно рубежемъ великому Индйскому государству» (O396). С XVI в., в деловых памятниках.

Смерзаться — «и ледъ по рецѣ смерзается» (C40).¹³⁷

Смертный. См. Р а н а.

Смета ('примерный расчет?'): «отъ Березова города внизъ рекою Обью плыть на низъ до устья великия реки Оби мѣсяць, по смѣте 3000 поприщъ» (O379). С XVI в., обычно в памятниках делового характера.¹³⁸

Снасть ('орудия, инструменты'): «царь Кучюмъ ... повелѣ рыболовомъ и людемъ своимъ і сетми, і баграми, і всякими снастями промышлять, дабы тѣло Ермака изъ омута выволочъ вонъ» (O377). Встречается в деловых памятниках с XIII в.¹³⁹

Собака. См. П е с.

Содержание — «а Сибирь городъ отъ града Тоболска 15 верстъ по нынѣшнему содержанию» (П283). В древнерусских памятниках оно имеет значения 'управление', 'попечение', 'сущность', 'принадлежность', 'то, что входит в состав чего-либо', а также 'довольствие (питание, деньги)'. Как видно из примера, в наших памятниках оно употребляется в значении 'исчисление'.

Сорок — «да с ними жъ козаками послалъ к государю собранная казны 60 сороковъ соболей с пупки с хвосты» (O375). Изв. в древн. пам.

Сосуда ('сосуд'): «Ермаку послалъ великие дары (царь, — П. О.): 2 пансыря і сосуду и шубу свою» (M338). В других памятниках нам неизвестно (слово *сосуд* употребляется в древнейших памятниках).¹⁴⁰

Списание. См. Н а п и с а н и е.

Список. См. Н а п и с а н и е.

Ссорить — «вы Вогуличъ и Вотяковъ ... отъ нашево жалованья отвели і ихъ задрали і войною на нихъ приходили, да тѣмъ задоромъ с Сибирскимъ

¹³⁵ См. его в Купч. Мих. Игн. Варф. XV в., Пск. 1 лет. и др.

¹³⁶ Известно нам только в Кат. Рост.

¹³⁷ Ср. *смерзыватися* ('замерзать') в Ип. л. и *смерзтися*: «и водою поли и смерзесе крѣпко» — Львов. лет., а также Кн. Окл. Сиб. гор. і Сказ. Сиб. з., которые во многом текстуально совпадают с Сибирскими летописями.

¹³⁸ См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. II, стр. 672.

¹³⁹ См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. II, стр. 680.

¹⁴⁰ В. Н. Прохорова (Бытовая лексика в языке московских памятников второй половины XVII в. Автореферат канд. дисс. М., 1953) отмечает, что слово *сосуд* в XVII в. употребляется редко.

салтаномъ ссорили насъ» (С14). Такое употребление слова *ссорить* известно и в других деловых памятниках XVII в.

Ссужать — «всякими заводы и запасы насъ ссужали» (Т84). Имеется в деловых памятниках только с XVII в.¹⁴¹

Статья¹⁴² (название отдельных частей Ремезовской летописи): М312, М328, М348. С XVI в.¹⁴³

Степь — «и приде на нихъ из степи с поля царь Кучюмъ» (С19). С XVII в.¹⁴⁴

Стерлядь — «рыбы всякой такожде безчисленно: осетровъ, стерлядей, шукъ» (О378). С XV в.¹⁴⁵

Стопа. В сочет. стопы свободные: «ходиша стопами свободными ни отъ кого же устрашающесея» (Е141). Изв. в древн. пам.

Страна, земля, место. Многозначное слово *страна* может употребляться в широком значении 'какая-либо земля': «і вложи Богъ благочестивому государю царю во умъ распросити своего государства вѣдущихъ людей проту страну» (С1), «в Сибирской странѣ ... крѣпости подѣлать» (С7). Синонимичность слова *страна* и также многозначного слова *земля* в этом значении подчеркивается различиями: «О Сибирстей странѣ» (Е106) — «О Сибирстѣй земли» (У173). Оба слова в этом значении известны в древнейших памятниках разных жанров. Также древнейшее слово *место* имеет очень широкое значение,¹⁴⁶ в некоторых случаях употребляется (обычно во множественном числе) синонимично словам *страна* и *земля* в указанном выше значении: «государь царь ... пожаловаль Григорья же ... жаловалноу грамотоу в тѣхъ же мѣстехъ, что прежь сево ево пожаловаль» (С3), «грамота ... на тѣ мѣста ... дана» (С7), «і приде съ вон ... на Пермскія города ... , и тѣ мѣста поплѣниша» (С12), «они же безбожніи отойдоша посрамлени, аки

---

¹⁴¹ См., например: «войско де ихъ ссужали на дорогу коньми и кормомъ» — Дон. Дела, 1648 г. и мн. др.

¹⁴² См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. III, стр. 6.

¹⁴³ См.: «а на тѣ на всѣ преже именованныя статьи, которая въ сей грамотѣ написаны» — СГГД, 1514 г., см. также АМГ, 1571 г., АИ, 1689 г. и мн. др. (имеет несколько значений).

¹⁴⁴ Ср. в Посольство Тихан. 1613—1615 гг.: «ищѣ река де на ногайской степе нѣтъ и на крымской де стѣпе ево не сыскать, а хотя де нынѣ и ѣхать, ино де хлѣбомъ не запастися, на стѣпе умереть». Арс. Сух.: «в отдачу часовъ дневныхъ поѣхали, и ѣхали ... всю ночь. Влѣво все горы, а съ правой руки степь». Дон. Дела, 1640 г., 1649, АИ, 1667—1672 г. ДАИ, 1683 г., Авв. Ж., X. купца Тр. Кор. и мн. др. Таким образом в памятниках XVII в. это слово известно и в форме *степ*. См. также прилагательное *степной*: «буде горы, и какіе горы, каменные ль, и сколь высоки, и есть ли на нихъ какой лѣсъ или степные мѣста» — Сиб. Б., 1619 г. и др. См. об его этимологии в Сл. Преображенского, т. II, стр. 382; Сл. Брюкнера, стр. 515; Сл. Голуба, стр. 375; Сл. Фасмера, т. III, стр. 14.

¹⁴⁵ См. его в Грам. кн. Мих. А. ок. 1460 г., Акт. X. и У., Арх. Стр. 1556 г. и мн. др. Слово *стерляжина* известно в АЮБ, 1477 г.; слова *стерлядина*, *стерляжий* — в памятниках с XVI в.: «а за бочку стерлядины 1½ руб.» — АИ, 1610—1613 гг. и мн. др.; *стерлядка* — в памятниках с XVII в.: Там. кн. Тихв. мон. 1648 г., 1663 г., ДАИ, 1673 г., 1675 г., 1680 г. и др. См. о его этимологии Сл. Преображенского, т. II, стр. 384—385; Сл. Фасмера, т. III, стр. 13. В. Н. Вакуров отмечает его как только восточнославянское (Из истории терминологии рыболовного промысла ...).

¹⁴⁶ См., например, его в «Хождении» Даниила, где оно употребляется в семантическом отношении настолько неопределенно, что получает значение своеобразного местоимения, которое заменяет известные и неизвестные Даниилу наименования местностей. См. об этом: Т. Ф. Надвикова. Общеупотребительная лексика в «Хождении» игумена Даниила, стр. 210—211.

пси, во своя мѣста» (С13) и мн. др. Чрезвычайно широкое использование слова *место* в этом значении (в том числе и в Описании Сибири) говорит о том, что в XVII в. оно было обычным.

Струги ('небольшое судно'): «[Ермак] Тоболомъ рекою на стругахъ поиде к царству Сибирскому» (О372). Изв. в древн. пам.¹⁴⁷ Прилагательное от него *струговой*.

Струговой. См. Струги.

Студень, стужа ('холод'). *Студень* — «мразу и студени облегчѣвшу оть солнечныя теплоты» (С32). Известно в древнейших памятниках. В XVI—XVII вв. употребляется преимущественно в сочинениях книжного характера.¹⁴⁸ *Стужа* — «дѣйствомъ того жь лукаваго бѣса грома, дожди, вѣтры и стужу напушаютъ» (О397). Возможно, более поздний синоним. Известно нам в многочисленных памятниках, преимущественно XV—XVIII вв., особенно часто деловых и повествовательных.¹⁴⁹

Стул — «богине древней: нага с сыномъ на стулѣ сѣдющая» (О336). С XIV в.¹⁵⁰

Суды ('суда'): «а съ Серебряной реки шель до реки до Борончюка волокомъ, и суды на себѣ волочили» (П276). С XV в.¹⁵¹

Сутки — «и тако козаки прочь отъ Тоболска в целости отъидоша и на островѣ противъ Тоболска с версту черезъ рѣку сутки стояли» (О373) (из наших памятников встречается только в Описании Сибири). С XVII в.¹⁵²

Сухарь — «даі намъ ... по пуду сухарей» (М315). С XVI в.¹⁵³

Темница, тюрма ('тюрма'). *Темница* — «велить насъ перенять и по городомъ разослатъ и по темницамъ розсажать» (Т56) — древнейшее слово. *Тюрма* — «на Муромскомъ лесу пойманъ и сидель в тюрме» (Б305) — более позднее, заимствованное слово.¹⁵⁴ В XVII в. оба слова употребляются во всех жанрах письменности.

Топкий — «стояще ... в темномъ дикомъ суземье, при речке крутой и топкой велми» (М343). С XVI в.¹⁵⁵

Трапеза — «и по яденіи восташа отъ трапезы» (Т89). Изв. в древн. пам. В XVII в. известно в книжных памятниках, употребляется также в бытовой речи церковников.

Тюрма. См. Темница.

Убить — «и на семь бою волскій атаманъ ... убьень бысть» (С43), употребляется в памятниках всех жанров, ср. *бить* — «і бияше православное воинство нечестивыхъ Божиею помощію» (Е166). Книжный синоним к *убить* — древнее слово *умерщвлять*: «Агарень посекая і умерщвляя и низлагая» (М361). Разговорный синоним к ним — *прибить*: «і техъ [бойцов] Ермакъ с товарищи прибили до единого» (М326).

¹⁴⁷ А. Н. Качалкин и В. А. Магин (Отражение лексики судоходства..., стр. 140) считают это слово характерным для Зап. Двины.

¹⁴⁸ Например, Ж. Авр. Смол. XVI в., Кат. Рост. и др.

¹⁴⁹ См. примеры в нашей статье «Некоторые вопросы синонимии...», стр. 64.

¹⁵⁰ См. о его этимологии в Сл. Преображенского, т. II, стр. 408; Сл. Фасмера, т. III, стр. 34.

¹⁵¹ См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. III, стр. 40.

¹⁵² См. его в Кн. ох. рег., Авв. Ж., Спафарий, Сибирь, Акты X. и У., ДАИ, 1683 г. и мн. др. См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. III, стр. 51—52.

¹⁵³ См. о нем в нашей статье «Заметки о новых словах...», стр. 148.

¹⁵⁴ Заимствовано из немецкого языка (А. И. Попов). Ср. Сл. Фасмера, т. III, стр. 164.

¹⁵⁵ См. о нем в нашей статье «Заметки о новых словах...», стр. 148.

Угружать ('затоплять, потоплять'): «а болши 20 человекъ с пескомъ і каменемъ в Сылве угружены» (М316).¹⁵⁶

Удолие ('овраг', 'низина'): «на исходищахъ же рекъ дებрь плодовита на жатву и скотомъ питательная удолия» (У178), в сп. У — «удольная», с разночтением в Е110 — «скотопитательная мѣста». Изв. в древн. пам.¹⁵⁷

Уклад ('сталь'): «желѣзо то кузнецкое и укладъ велми добръ» (О382). С XVI в.¹⁵⁸

Улус ('татарское селение'): «придоша ... и многие татарские городки и улусы повоевали» (С16). С XIV в.¹⁵⁹

Умереть, помереть — «и тогъ царь умре, а осталась жена» (О392), «и многие Руские люди померли отъ скудости хлебные» (П284). Оба слова отмечаются в древнейших памятниках, в XVI—XVII вв. употребляются во всех жанрах.

Умерщвлять. См. Убить.

Умирение ('усмирение'): «по взятіи жъ и по очищеніи всея Сибирския земли и по умирениі бусоръменского языка Сибирских татаръ» (С44).¹⁶⁰

Усвоелиться — «разбойникъ именемъ Ермакъ усвоеловився противно стию его царскому величеству» (Б296). В известных нам памятниках не встречается.

Учитель — «не токмо учителя ихъ злочестивыя, ибо тако ими врагъ действуетъ, но и ученицы ихъ, кутухты-ламы, гичюлы, манжи [бессмертны]» (О397) (имеются в виду лица различных духовных званий). Изв. в древн. пам.

Уязвлять. См. Ранить.

Фунт — «даі намъ ... по 3 фунта пороху и свинцу» (М315). С XIV в.¹⁶¹

Хлеб. Древнее слово, известное в нескольких значениях, употребляется в наших памятниках в значении 'рожь': «хлѣба же не сѣють и отнюдь не знаютъ тѣ» (О378) и как родовое понятие по отношению к злакам: «хлѣбъ всякой яровой зѣло родится: просо і полба, пшеница» (О381). См. в сочет. **молотый хлеб** ('молотое зерно'): «возять в Китайское государство ... зимнимъ и лѣтнимъ путемъ непрестанно молотой и немолотой хлѣбъ» (О392). В значении родового понятия 'злак' (а также пища вообще) в древнерусских памятниках обычно употреблялось слово *жито*. В наших памятниках слово *жито* встречается только в значении 'имущество', 'богатство'. Однако прилагательное *житный* в Сибирских летописях является относительным прилагательным от слова в значении 'злак': «и паки быша во граде многія запасы изобилны житными і ошными и прочими ... на потребу» (Е142).

Хлебородный — «а между тѣми реками ... степные пахотные добрые хлѣбородные земли» (О391). С XVI в.¹⁶²

Ход. См. Дорога.

---

¹⁵⁶ Известно нам в памятниках с XVI в. в значениях 'погружать', 'нагружать', что показывает неустойчивость значений приставочных слов в памятниках XVII в. (ср. Сл. Даля «угружать, угрузить — арх. пск. погрузить на дно, затопить», которое, возможно, говорит о том, что это слово и в наших памятниках — диалектизм).

¹⁵⁷ См. его в Псалт. Симон. д. 1280 г., Пов. вр. л. и др. В XVII в., видимо, книжное.

¹⁵⁸ См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. III, стр. 179.

¹⁵⁹ См. его в Ярл. Узб. 1315 г., Игн. Пут. 1392 г. и мн. др. См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. III, стр. 182.

¹⁶⁰ См. его в значениях 'усмирение' (Чел. Аврам. 1669—1670 гг.), 'перемирие' (ДАИ, 1619 г.), 'смирение' (Ч.-М.), 'примирение', 'мир' (Булав. восст. 1708 г.). Видимо, может употребляться в памятниках всех жанров.

¹⁶¹ См. его в Жал. гр. 1388 г., Аф. Ник. Этимологические сведения о нем см. в Сл. Фасмера, т. III, стр. 221.

¹⁶² Похожд. в св. земл. кн. Сиротки 1582—1584 гг., АИ, 1684—1685 гг. Спафарий, Сибирь и др. Часто употребляется в произведениях фольклора.

Холщевый — «а ношью спячь в пологахъ холщевыхъ» (О378).¹⁶³

Цепь (вариант *чель*): «Кучюмляне же оградиша чръзъ цѣпми железными» (М322) (реку Тобол в узком месте, чтобы не могли проплыть суда Ермака), «цѣпи разломаша и проплыша» (М323) (про казаков), «а согрѣшившаго объмывши 3 дни держать на чеши» (М316). Изв. в древн. пам.

Час — «і бысть с погаными брань велия на многъ часъ» (Е135), см. его также в сочет. в то время и часъ (У225, У230). Изв. в древн. пам.

Челик — «всякихъ птицъ: лебедей..., кречетовъ, ястребов..., челиковъ» (О378). С XVII в.¹⁶⁴

Черепаша — «народъ Китайской ядятъ... всякой гадъ: ужей, ... ящерицъ, черепахъ, лягушекъ» (О394). С XVI в.¹⁶⁵

Чернобурий — «а лисицами черными, чернобурыми» (О379). С XVII в.¹⁶⁶

Чернокарий — «50 бобровъ чернокарихъ» (О375). С XVII в. (везде как определение к слову *бобер*).

Число ('определенный день месяца'): «того жъ числа казаки собрався во своя [струги]» (А6244), «и в то число в Строгановы городки и водчины... пришелъ волно из Вогуличъ Пельымской князь» (Б297) (в Сибирских летописях употребляется в этом значении реже, чем слово *день*). Изв. в древн. пам.

Читатель — «ты же, читателю (в сп. А — читатель), зря вышеписанное, воспоминай Бога» (М366). Известно в памятниках XVII—XVIII вв. разных жанров.

Шатер — «и царевича жива в шатре взяша» (М338). Изв. в древн. пам.

Шаfran — «государство Никанское... шаfranомъ изобилствуетъ» (О387). С XV в.¹⁶⁷

Шелк — «Никанское [государство]... золотомъ и сребромъ..., шелкомъ... изобилствуетъ» (О387).¹⁶⁸

Шест — «воднымъ путемъ ходу своею силою, шестами и бичевою 4 недѣли» (О383). В значении 'длинная жердь, шест' известно нам в памятниках с XV в.¹⁶⁹ (однако Фасмер считает древнеславянским).¹⁷⁰

¹⁶³ В других памятниках нам известно только существительное *холст* (кн. Вотской пятины). См. его этимологию в Сл. Фасмера, т. III, стр. 258.

¹⁶⁴ См. его в Котош, Спафарий, Китай, Дела тайн. прик.: «7 соколов да 5 челигов»; ДАИ, 1675 г., Пис. к Мат.: «однолишно бѣ вамъ по нашему указу кречетами и челигами промышлять не оплошно». См. об его этимологии в Сл. Фасмера, т. III, стр. 311.

¹⁶⁵ Отмечается в Назирателе вт. пол. XVI в.: «сѣмя, которое сѣяти хочешь, прежде высуши в черепа или в корки черепахи». См. также в Им. Н. Ром., Спафарий, О сивиллах, Спафарий, Китай, Кн. землед. и др. Слова *черепаховый* и *черепаший* отмечаются в памятниках только XVII—XVIII вв.: ДАИ, 1683 г., Арх. бум. Птр., 1684 г. и др. См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. III, стр. 323.

¹⁶⁶ См. его в Арх. бум. Птр. 1673 г., ДАИ, 1683 г. и др. (везде как определение к слову *лисица*).

¹⁶⁷ См. его в Польск. д. 1489 г.: «а у Борша у укладника взяли [поляки] двадцать нюгъ шаfranу», Кн. прих.-расх. Кир. м. 1582 г.: «купил 5 фунтов шаfranу», Пам. дипл. сн. с Англ. 1585 г.; Там. кн. Тихв. мон., 1648, Вед. о Кит., 1669 г.: «а перещъ привозять изъ за моря нѣмцы, а шаfranъ привозять изъ Ындѣи» и мн. др. пам. (прилагательное *шаfranный* отмечается в Картолке ДРС в памятниках только XVII в.). См. о его этимологии в Сл. Преображенского, т. II (добавление), стр. 91; Сл. Фасмера, т. III, стр. 380.

¹⁶⁸ См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. III, стр. 387, а также в кн.: Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян, стр. 288.

¹⁶⁹ Может употребляться, как и в наших памятниках, для обозначения способа передвижения по воде: «ѣхали бичевою и шестами» — Спафарий, Сибирь.

¹⁷⁰ См. Сл. Фасмера, т. III, стр. 394.

Школа¹⁷¹ — «иные же и ныне учатся в школах у езуитов» (О394).

Шуба — «Ермакъ жъ прятъ царское жалование: ... кубокъ, шубу» (М338). С XIV в.¹⁷²

Юфть ('выделанная кожа быка или коровы'): «а товары к нимъ изъ Сибири в Китай ходятъ: соболи..., горностаи, мѣха..., юфти, кожи красные» (О381). С XVI в.¹⁷³

Ям ('специальный населенный пункт для отдыха и перемены лошадей при езде на дальние расстояния'): «отъ Саморовского яму внизъ ... до города Березова 1000 поприщъ» (О379). С XIII в.¹⁷⁴

Яр. 1. Обрыв, уступ: «і не дошедъ того мѣста за полтора поприща на той же горнѣй странѣ подъ крутымъ яромъ» (О377). 2. Быстрина реки: «паде в воду в великую рѣку Иртишъ въ яръ в глубокое мѣсто» (О377). С XVII в.¹⁷⁵

---

¹⁷¹ См. о нем там же, стр. 407.

¹⁷² См. о его этимологии там же, стр. 433.

¹⁷³ См. о его этимологии там же, стр. 474.

¹⁷⁴ См. его в Ярл. Мен. Тем. 1267 г., Яр. Узб. 1315 г., Жал. гр. Твер. д. 1465 и др. См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. III, стр. 489.

¹⁷⁵ См. эти значения в Сл. Даля. Второе из указанных выше значений имеет здесь помету «волог.». См. о его этимологии в Сл. Фасмера, т. III, стр. 492.

СПИСКИ ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

I. Названия текстов Сибирских летописей и их редакций

(Сибирские летописи. Изд. Археографической
комиссией, СПб., 1907)

- С — Строгановская летопись по списку Спасского.
- Т — Строгановская летопись по Толстовскому списку.
- А — Строгановская летопись по Афанасьевскому списку.
- Е — Есиповская летопись по Сычевскому списку.
- У — Есиповская летопись по списку Ундольского.
- Аб — Есиповская летопись по Абрамовскому списку.
- Р — Есиповская летопись по Румянцевскому списку.
- П — Есиповская летопись по Погодинскому списку.
- Б — Есиповская летопись по Бузуновскому списку.
- Г — Есиповская летопись по Головинскому списку.
- М — Ремезовская летопись по Мировичеву списку.
- О — Описание Сибири по списку имп. Публичной библиотеки.

II. Названия древнерусских памятников и фольклорных публикаций

- ААЭ — Акты, собр. в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук, т. I—IV. СПб., 1836.
- Авв. Ж. — Житие протопопы Аввакума, им самим написанное (1672—1673 гг.). — РИБ, т. 39. Л., 1927.
- Авв. Сотв. мира — Аввакум. О сотворении мира, грехопадении первого человека и о потопе (1672 г.). — Там же.
- Аз. Пов. — А. Орлов. Исторические и поэтические повести об Азове (сп. XVII—XVIII вв.). Тексты. М., 1906.
- АИ — Акты исторические, собр. и изд. Археографической комиссией, тт. I—III. СПб., 1841; тт. IV—V. СПб., 1842.
- Акты гражд. распр. — Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собр. и изд. А. Федотов-Чеховский (1432—1699 гг.), тт. I—II. Киев, 1860—1863.
- Акты Кадаш. сл. — Акты Кадашевской слободы (1613—1698 гг.). «Крепостная мануфактура в России», ч. III. Л., 1932.
- Акты о служ. Троицко-Серг. м. — Доклады, грамоты и другие акты Троицкого Сергиева монастыря о службах (1594—1746 гг.). — «Чтения ОИДР», М., 1867, кн. 3.

- Акты, относящиеся к ист. тягл. нас. в Моск. гос. — М. Дьяков. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве (1447—1699 гг.). Вып. I. Крестьянские порядные. Юрьев, 1895. Вып. II. Грамоты и записи. Юрьев, 1897.
- Акты подмосковных ополчений и земск. собора 1611—1613 гг. — Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611—1613 гг. Собр. и ред. С. Б. Веселовский. Смутное время Московского государства. Вып. 5. — «Чтения ОИДР», М., 1911, кн. 4.
- Акты Свир. м. — Акты Александро-Свирского монастыря XVII в. Рукопись ЛОИИ.
- Акты Уст. — В. П. Шляпин. Акты Велико-Устюжского Михаило-Архангельского монастыря, чч. I—II. Великий Устюг, 1912—1913 (ч. I — 1514—1697 гг.; ч. II — 1585—1746 гг.).
- Акты Х. и У. — Акты Холмогорской и Устюжской епархий, ч. 2 (1500—1706 гг.). — РИБ, т. 14. СПб., 1894.
- Александрия — В. Истрин. Александрия русских хронографов. Исследование и текст (XII в., сп. XV в.). М., 1893.
- Алф. — Алфавит иностранных речей. Рукопись БАН, XVII в.
- АМГ — Акты Московского государства. Под ред. Н. А. Попова, тт. I—III. Разрядный приказ. Московский стол. Изд. АН. СПб., 1890—1901.
- Апокал. — Апокалипсис с толкованиями Андрея Кесарийского (XII—XIII вв.). Рукопись БАН, собр. Ник. № 1.
- Арс. Сух. — Арсений Суханов. Проскинитарий. Под ред. Н. И. Иванова (1649—1653 гг.). Православный палест. сб., т. VII, вып. 3. СПб., 1889.
- Артикл. воин. 1715 г. — Артикул воинский с кратким толкованием. СПб., 1715.
- Арт. пов. — Артикул поварня (перв. пол. XVIII в.). Рукопись ГПБ.
- Арх. бум. Птр. — Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом (1672—1724 гг.), тт. I—II. М., 1872.
- Арх. Кур. — Архив. кн. Ф. А. Куракина (1661—1727 гг.), кн. I—X. СПб., 1890—1902.
- Арх. Стр. — Архив П. М. Строева, т. I — РИБ, т. 32, Пг., 1915; т. II — РИБ, т. 35, Пг., 1917.
- Арх. Толст. — Собрание актов XVII—XVIII вв. Ф. А. Толстого. Рукопись ЛОИИ.
- Астрах. а. — Акты Астраханской воеводской избы (XVII в.). Рукопись ЛОИИ.
- Астрах. бунт. Раз. — О астраханском бунте и о выезде с реки Дону бунтовщика и разбойника Стеньки Разина (XVIII в.). Рукопись БАН, № 16.
- Аф. Ник. — Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1472 гг. по Трицкому сп. XVI в. — ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853.
- А. Холм. там. избы. — Акты Холмогорской таможенной избы (XVII в.). Рукопись ЛОИИ.
- АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изд. Археологической комиссией под ред. Н. Калачова (XIV—XVII вв.), т. I—III. СПб., 1857—1884.
- Баг. Мат. — Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI—XVIII столетии, собр. Д. И. Багалеем. Изд. Ист.-фил. общ. при Харьк. унив. Харьков, 1886.
- Беседа отца с сыном — Сказание и беседа премудра и чадолюбива отца, предание и поучение к сыну ... о женстей злобе (XVII в., сп. XVII в.). Пам. стар. русск. лит., вып. II. СПб., 1860.
- Библ. Генн. — Книга Ветхого и Нового завета. Писаны в 1499 г. в Новгороде при дворе архиеп. Геннадия. Рукопись б. Синод. библ., № 1.
- Бринк. Артил. — Описание артиллерии чрез Тимофея Бринка. Пер. с галанск. яз. на словенск. М., 1710.
- Булав. вост. — Булавинское восстание (1707—1708 гг.). Труды ист.-археогр. инст. АН СССР, т. XVII. М., 1935 (Материалы 1703—1709 гг.).
- Былины Тихонравова — Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи. М., 1894.

- Быт. по сп. XIV в. — Книга Бытия по рукописи Троицко-Серг. лавры XIV в. — См.: И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, т. IV. СПб., 1880.
- Ванька-Каин — Обстоятельные и верные истории двух мошенников ... Ваньки Каина ... и Картуша (М. Комарова), 3-м тиснением. Во граде св. Петра, 1793.
- Вед. о Кит. — С. О. Долгов. Ведомость о Китайской земле и глубокой Индеи (1669 г., сп. XVII в.). СПб., 1899 (ПДПИ, № 83).
- Вкладная книга Серпуховского Высоцкого монастыря — Л. Д. Воронцова. Вкладная книга Серпуховского Высоцкого монастыря. 1577—1764 гг., сп. начат в 1729 г. Древности. Труды Археографической комиссии Московского археолог. общ. 1899, т. I.
- Влад. сб. — Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии (1431—1729 гг.). Сост. и изд. К. Тихонравов. М., 1857.
- ВНП — Великорусские народные песни, собранные А. И. Соболевским, тт. I—VII. СПб., 1895—1902.
- Воинская книга 1610 г. — Воинская книга немецкая. Рукопись ок. 1610 г. ГПБ.
- Ворон. акты — Воронежские акты (1599—1705 гг.). Материалы для истории Воронежа и соседних губерний, т. I. Воронеж, 1887.
- Воскр. лет. — Летопись по Воскресенскому списку (сп. XVI в.). — ПСРЛ, тт. VII и VIII. СПб., 1856—1859.
- Гб., 1661 г. — Иван Гебдон, комиссариус и резидент, 1660—1661 г. Изд. И. Я. Гурлянд. Материалы по истории администрации Московского государства втор. пол. XVII в. Ярославль, 1903.
- Географ. 1710 г. — География или краткое земного круга описание. М., 1710.
- Грам. Ив. Гр. — Такова грамота послана от государя из Володимерца же ко князю Андрею к Курбскому со князем Александром Полубенским (XVI в., сп. XVII в.) — РИБ, т. 31. СПб., 1914.
- Грам. Лудольф. — Генрих Вилгельм Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд, 1696. Переизд., перевод, вступ. ст. и примеч. Б. А. Ларина. Л., 1937.
- Грам. мт. Ионы — Грамота духовная господина преосвященного Ионы, митрополита Киевского и всея Руси (сп. XVI в.). Сообщил Д. И. Абрамович. Библиограф. летопись, III. Пг., 1917.
- Гр. Башк. 1709 г. — Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII и перв. пол. XVIII в. Труды Ист.-археогр. инст. АН СССР, т. XVIII. М. — Л., 1936.
- Гр. Важ. — Грамоты Важского уезда XV—XVIII вв. (1451—1732 гг.). — Сб. грамот Коллегии экономии, т. II. Л., 1929.
- Гр. Дв. — Грамоты Двинского уезда XVII—XVIII вв. — Там же.
- Гр. Дм. Ольгрд. 1388 г. — Грамота Киевского кн. Дмитр. Ольгердовича о верности Польскому королю Владиславу 1388 г. — См.: И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, т. II. СПб., 1876.
- Гр. Кир. Белозер. м. — Н. Н. Дебольский. Из актов и грамот Кирилло-Белозерск. м. (1397—1557 гг.). Вестник археолог. и ист., 1900, вып. XIII.
- Гр. кн. Фед. Любарт. 1393 г. — Грамота кн. Федора Любартовича Волынского 1393 г. Акты, относящиеся к истории южной и западной России. Собр. и изд. Археографической комиссией, т. 2. СПб., 1863.
- Гр. Наз. — XIII слов Григория Назианзина XI в. по сп. имп. Публ. библ. Критико-палеографический труд А. Будиловича. Изд. ОРЯС. СПб., 1875.
- Гр. Сиб. Миллер. — Г. Ф. Миллер. История Сибири, тт. I—II (материалы 1556—1661 гг.). М. — Л., 1937—1941.
- Гр. ук. о крест. — Памятники истории крестьян XIV—XIX вв. Под ред. А. Э. Вормса, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтера, А. И. Яковлева. Изд. Н. Н. Ключкова. М., 1910.

- Гр. Хив. Бух. — Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв. Л., 1932.
- ДАИ — Дополнения к Актам историческим, тт. I—XII. Собр. и изд. Археографической комиссией. СПб., 1846—1872.
- Дам. Афон. гора — Афонская гора и Соловецкий монастырь. Труды чудовского иеродиакана Дамаскина (1701—1706 гг.). Сообщил арх. Леонид. СПб., 1883 (ПДПИ, № 43).
- Дан. иг. — Путешествие игумена Даниила по святой земле в начале XII в. 1113—1115 гг. (сп. XVI в.), изд. Археографической комиссией под ред. А. С. Норова. СПб., 1864.
- Дела Тайн. прик. XVII в. — Дела Тайного приказа. Кн. 1—4. — РИБ, т. 21. СПб., 1907; т. 22. СПб., 1908; т. 23. Пг., 1924; т. 38. Пг., 1926.
- Дело Моск. Колом. 1676 г. — О мятежах в г. Москве и в селе Коломенском, 1648, 1662 и 1771 гг. А. Зерцалова. «Чтения ОИДР», М., 1890, кн. 3.
- Днев. — С. А. Белокуров. Дневальные записки приказа Тайных дел 7165—7183 гг. (1657—1675 гг.). «Чтения ОИДР», М., 1908, кн. 1, 2.
- Дневн. зап. Лепехина — Дневные записки путешествия доктора Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768, 1769, 1770, 1771 и 1772 гг., чч. I—IV. СПб., 1780—1805.
- Дм. — Домострой по сп. ОИДР (XVI в.). Предисл. И. Е. Забелина. — «Чтения ОИДР», М., 1881, кн. 2.
- Дог. гр. в. кн. тв. Мих. Яр. с Новг. 1318 г. — См. СГГД, ч. I.
- Докл. в Сен. — Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого (1711—1716 гг.). Под ред. Н. В. Калачова, т. I—VI. Изд. АН, СПб., 1880—1901.
- Док. Моск. театра — Московский театр при царях Алексее и Петре (1672—1709 гг.). Материалы, собр. С. К. Богоявленским. «Чтения ОИДР», М., 1914, кн. 2.
- Дом. (Свад.) — Свадебные чины при Домострое старшей редакции (сп. XVI в.). «Чтения ОИДР», М., 1881, кн. 2.
- Дон. Дела — Донские дела, кн. 1—5. — РИБ, т. 18, СПб., 1898; т. 24, СПб., 1906; т. 26, СПб., 1909; т. 29, СПб., 1913; т. 34. Пг., 1917.
- Д. патр. Никона — Дело о патриархе Никоне (1655—1676 гг.). Изд. Археографической комиссией по докум. Моск. синод. (б. Патриаршей) библ. СПб., 1897.
- Д. Фл. — Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елизара Флетчера, 1589 г. «Временник ОИДР», кн. 8. М., 1850.
- Д. Холоп. — А. Яковлев. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. (1620—1649 гг.), т. I. М. — Л., 1943.
- Дьяк. ак. — М. Дьяков. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве (1447—1699 гг.). Вып. I. Крестьянские порядные. Юрьев, 1895; Вып. II. Грамоты и записи. Юрьев, 1897.
- Епиф. ж. Серг. — Житие преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия чудотворца, списано бысть от премудрейшего Епифания. (1418 г., сп. XVI в.). Изд. арх. Леонида. СПб., 1885 (ПДПИ, № 58).
- Ерм. лет. — Ермолинская летопись (XV в., сп. XV—XVI вв.) — ПСРЛ, т. XXIII, СПб., 1910.
- Ж. Авр. Смол. — Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему (XIII в., сп. XVI в.). Приготовил к печати С. П. Розанов. Изд. ОРЯС. СПб., 1912 (Пам. др.-русск. лит., вып. I).
- Ж. Вас. Нов. XVI в. — С. Г. Вилинский. Житие св. Василия Нового в русской литературе XIV в. (сп. XVI в.). Ч. II. Одесса, 1911.
- Жит. Ал. Невск. — В. Мансикка. Житие Александра Невского (XIII в., сп. XVI—XVII вв.). Разбор редакций и текст. СПб., 1913 (ПДПИ, № 180).
- Жит. Герас. XVI в. — Житие Герасима Болдинского (XVI в.). Рукопись б. Румянц. музея № 2496, нач. XVII в.

- Жит. Леонт. Рост. — Житие святого Леонтия, епископа Ростовского (XII в., сп. XVI в.). «Православный собеседник», ч. 1. Казань, 1858.
- Жит. Рост. — Житие преподобного Авраамия Ростовского (XVI в., сп. XVII в.). Изд. А. Титовым. «Христианин», 1908, № 8.
- Ж. Стеф. Перм. Епиф — Житие святого Стефана епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым (нач. XV в., сп. кон. XV — нач. XVI вв.). Изд. Археографической комиссией. СПб., 1897.
- Журн. Верх. Тайн. С 1726 г. — Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726—1730 гг. Изд. под ред. Н. Ф. Дубровина. Тт. I—VIII. РИБ, тт. 55, 56, 63, 69, 79, 84, 94, 101. СПб., 1886—1898.
- Заб. Д. — И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI—XVII вв., ч. 1. Изд. 3-е, с доп. М., 1895.
- Заб. Мат. — Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы, собр. и изд. руководством и трудами И. Забелина (XVII—XVIII вв.), чч. I—II, М., 1884—1891.
- Зак. Петр. 1715—1725 — Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I. Т. I. Акты о высших гос. установлениях. М. — Л., 1945.
- Зап. Бол. — Записки Андрея Тимофеевича Болотова, 1738—1795 гг., т. I. Изд. 3-е. СПб., 1875.
- Зап. Луговского — Разрядная записка о пришествии вселенских патриархов в царствующий град Москву 7175 (1666) (Дьякон Луговской по Татищеву писатель XVII века и его сочинение «О суде над патриархом Никоном». Исследование арх. Леонида). СПб., 1885 (ПДПИ, № 54).
- Зап. Матв. — Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева (нач. XVIII в.) — Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841.
- Зап. Нашок. — Записки Василия Александровича Нашокина (1759). СПб., 1842.
- Зап. пут. кап. Рычкова 1771 г. — Дневные записки путешествия капитана Н. Рычкова в Киргис-Кайсацкой степе в 1771 г. СПб., 1772.
- Зин. Отен. Просл. Ник. — Прославление Никиты, еп. Новгородского Зиновия Отенского (XVI в.). Рукопись б. Румянц. музея № 154.
- Зос. С. чуд. — Чудеса Зосимы и Савватия в записи 1548 г. Рукопись Вахрамеева в Гос. истор. музее, нач. XVII в.
- Изб. 1073 г. — Изборник Святославоу, написанный дьяк. Иоанном в 1073 г. Выписки проверены по фотолитографическому снимку, изд. Общ. любителей древнерусской письм. СПб., 1880.
- Изм. — Измарагд (XIV—XV вв.). Рукопись БАН XVI в.
- Ильджерта — История королевы Ильдгерты Норвежской, чч. I—II. Снята книга л.-гв. Измаил. полку подп. П. О. Чехочева. Списана 1759 г. Рукопись БАН.
- Им. Н. Ром. — Роспись всяким вещам, деньгам и запасам, что осталось по смерти боярина Никиты Ивановича Романова (1655—1659 гг.). «Чтения ОИДР», М., 1887, кн. 3.
- Иос. Флав. — Иосиф Флавий. О полонении Иерусалима. Кн. 4—7 (XII в., сп. XVI в.). Копия с рукописи Волоколамского монастыря. La prise de Jerusalem de Joseph le Juif. Par V. Istrin, Paris, 1934—1938.
- Ип. л. — Летопись по Ипатскому сп., выписки проверены И. И. Срезневским по изд. Археографической комиссии. СПб., 1871.
- Ист. К. — История о великом князе Московском (XVI в., сп. XVII в.). Сочинения князя Курбского, т. 1. — РИБ, т. 31, СПб., 1914.
- Ист. Мавр. — Книга историография початия имене, славы, и расширения народа славянского ... чрез Мавроурбина архиеп. Рагужского. СПб., 1722.
- Ист. семи мудр. — История семи мудрецов (XVII в., сп. XVII в.). Вып. 1—2. Предисл. Ф. Булгакова. СПб., 1878—1880 (изд. ОЛДП, вып. 29 и 35).
- Каз. лет. — История о Казанском царстве (Казанский летописец) (сп. XVI—XVII вв.) — ПСРЛ, т. XIX. СПб., 1903.
- Кат. Рост. — Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского (1626, сп. XVII в.) — РИБ, т. 13, изд. 3-е. Л., 1925.
- Кв. Курц. — Книга Квинта Курция о делах содеяных Александра великого царя Македонского. Пер. с лат. М., 1711.

- Кир. Тур.— Слова Кирилла Туровского (XII в., сп. XIV—XVII вв.). Изд. М. И. Сухомлинова. Рукописи графа А. С. Уварова, т. II. СПб., 1858.
- Кирша Данилов— Древние Российские стихотворения Кирши Данилова. СПб., 1901.
- Кнгр. М.— Межевые книги Кунгурского воеводы Ивана Поливкина 1675 г.— См.: В. Шишонко. Писцовые книги Пермской губернии Соликамского и Кунгурского уездов. Пермь, 1872.
- Кн. законные — «Книги законные», содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы земледельческие, уголовные, брачные и судебные (XII—XIII вв., сп. XV в.). Изд. А. С. Павлов. Сб. ОРЯС, т. 38, № 3, СПб., 1885.
- Кн. землед.— Книга, зовомая земледельательная ново напечатавшаяся с прибавлением и жалованною грамотою. Сложенная Агапием монахом критским ... в Венеции 1674 ... переведеса в Великом Новеграде 1705 лета, в Софийском доме. Рукопись БАН.
- Кн. Марс.— Книга Марсова или воинских дел от войск царского величества российских. СПб., 1713.
- Кн. Окл. Сиб. гор.— Книга, именуемая окладная: в ней же описание Сибирской стране городом. Рукопись ГПБ.
- Кн. о покор. Китая 1731 г.— Книжица историею особливо преведенная каки богдоиские татары под владение свое покорили все царство китайское. Рукопись 1713 г. Библ. Смолен. пед. инст.
- Кн. о ратном строе— Учение и хитрость ратного строения пехотных людей М., 1647.
- Кн. ох. рег.— Книга охотничей регул или порядок о содержании псовой охоты (сер. XVIII в.). Пер. с нем. втор. пол. XVII в. Рукопись ГПБ.
- Кн. пер. Водск. пят.— Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины. 7008 года (продолжение). 1500 г. «Временник ОИДР», кн. 12. М., 1852.
- Кн. пер. Новг. № 324 — Переписная книга гор. Новгорода и новг. пригородов 1698—1699 гг. Рукопись ЛОИИ (Собрание рукописных книг № 324).
- Кн. п. Нижегород.— Писцовая книга 1621—1629 гг. Писцовые и переписные книги XVII в. по Нижнему Новгороду.— РИБ, т. 17. СПб., 1898.
- Кн. п. Об. пят. 1563 г.— Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг.— Материалы по истории народов СССР. Вып. I. Л., 1930.
- Кн. прих. Карел. м.— Книга приходная Николаевского Карельского монастыря 1582—1584 гг. Рукопись ЛОИИ, № 94.
- Кн. прих.-расх. Ант. м.— Книги приходно-расходные Антониева Сийского монастыря 1575—1644 и 1646 гг. Рукопись ЛОИИ, №№ 1 и 3.
- Кн. прих.-расх. Болд. м.— Приходно-расходные книги Болдина-Дорогобужского монастыря (1585—1607 г.).— РИБ, т. 37. Л., 1924.
- Кн. прих.-расх. Волокол. м., № 6 — Приходно-расходная книга Волоколамского монастыря, № 6, 1587—1588 гг. Рукопись Моск. гос. архива феодально-крепостн. эпохи.
- Кн. прих.-расх. Кир. м.— Книга приходно-расходная Кириллова Белозерского монастыря 1581—1582. Рукопись ЛОИИ, собр. Никольского, № 3.
- Кн. Разр. 1617 г.— Разрядная книга 7125 года (1617 г.). «Временник ОИДР», кн. 3. М., 1849.
- Кн. расх. Болд. м.— Расходная книга Дорогобужского Болдинского Свято-Троицкого монастыря 1585—1586 гг.— РИБ, т. 2. СПб., 1875.
- Кн. расх. Иверск. м.— Книги расходные Иверского монастыря 1668—1669 гг. Рукопись ЛОИИ, № 53.
- Кн. расх. Карел.— Книги расходные Карельского монастыря 1551—1559 и 1551 г. Рукопись ЛОИИ, №№ 935 и 936.
- Кн. расх. Свирск. мон.— Книги расходные Александро-Свирского монастыря 1615—1631 и 1657—1658 гг. Рукопись ЛОИИ, №№ 160 и 179.
- Кн. расх. Холм. арх. д. № 108.— Книга расходная Холмогорского архиерейского дома 1695—1696 гг. Рукопись ЛОИИ, № 108.

- Кн. Степ. — Книга степенная царского родословия (1560-е гг., сп. XVI—XVII вв.), чч. 1—2, — ПСРЛ, т. XXI. СПб., 1908—1913.
- Козм. 1670 г. — Книга, глаголема Козмография, сиречь описание всего света земель и государств великих (между 1655—1667 гг., сп. 1670 г.). СПб., 1878—1881 (изд. ОЛДП, вып. 21, 57, 68).
- Козмография XVIII в. — Книга, нарицаемая Козмография, сиречь всемирное описание земел назменованное степенем во округах небесных. Рукопись XVIII в. из собр. В. Н. Перетца.
- Корм. Балаш. — Кормчая Балашова с прибавлениями (XVI в., с прибавл. XVII в.). Рукопись БАН.
- Котош. — О России в царствование Алексея Михайловича (1666—1667 гг.). Сочинение Григория Котошихина. Изд. Археографической комиссией. Изд. 4-е. СПб., 1906.
- Купчая Ив. Межн. 1571 г. — Купчая Каргопольца Ивана Межникова 1571 г. Акты юридические, № 87. См. АЮБ, т. I. СПб., 1857.
- Купчая Кирил. м. 1578 г. — Купчая Кириллова монастыря 1578 г. Акты юридические, № 90. См. АЮБ, т. I. СПб., 1857.
- Курб. Пис. — Письма князя Курбского к разным лицам (XVI в., сп. XVII в.). — РИБ, т. 31. СПб., 1914.
- Лекс. Поликарп. — Лексикон трязычный Федора Поликарпова. М., 1704.
- Лет. Арх. XVII в. — Устюженский летописный свод (Архангелогородский летописец). (XVI в., сп. XVII в.). Подготовка к печати и ред. К. Н. Сербиной. М. — Л., 1950.
- Летоп. 1700 г. — Летописец 1700 г. Летопись занятий Археографической комиссии 1865—1866 гг., вып. 4. СПб., 1868.
- Лет. Рус. — Летописец Русский (Московская летопись) (1552—1563 гг., сп. кон. XVII в.). Приготовил к изданию А. Н. Лебедев. «Чтения ОИДР», М., 1895, кн. 3.
- Леч. конца XVII в. — Русские врачебники. Исследование в области нашей древней врачебной письменности Л. Ф. Змеева. XVII—XVIII вв. СПб., 1895 (ПДПИ, № 112).
- Ложн. и отреч. кн. XVII в. — Ложные и отреченные книги русской старины, собр. А. Н. Пыпиным (сп. XIII—XVIII вв.). Пам. стар. русск. лит., вып. III. СПб., 1862.
- Львов лет. — Львовская летопись, чч. 1—2 (858—1560 гг., сп. XVI в., вар. XVIII в.). — ПСРЛ, т. XX. СПб., 1910—1914.
- Мат. для ист. раск. — Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под ред. И. Субботина, тт. I—VIII. М., 1875—1887.
- Мат. ист. АН — Материалы для истории имп. Академии наук, тт. I—III. СПб., 1885—1886.
- Мат. мед. — Материалы для истории медицины в России. XVII в., вып. I—IV. СПб., 1881—1885.
- Мин. 1097 г. — Служебная минья за ноябрь по рукописи Типографской библ. 1097 г. — И. В. Ягич. Служебные миньи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по Русским рукописям 1095—1097 гг. СПб., 1886.
- Молен. Феод. Печ. — Сочинения препод. Феодосия Печерского, в подлинном тексте (XI в., сп. XV—XVI вв.). Приг. к изд. Макарием. Ученые записки II Отд. АН, 1856, кн. II, вып. 2.
- Моск. вед. — Ведомости времени Петра Великого (1703—1719), вып. 1—2. М., 1903—1906.
- Назиратель — Книга глаголема «Назиратель», сиречь «Уряд домовных дел» (1471, 1538, 1548 гг.). Рук. Барсова (Историч. муз.) № 371, втор. пол. XVI в. Пер. с латинск. Crescentius, Opus ruralium Commodorum.
- Наказы Ком. Улож. 1767 г. — Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта Нового Уложения. РИБ, тт. 4, 14, 43, 93, 134. СПб., 1869—1911.
- Наука краснор. — Наука красноречия си есть Риторика. Рукопись XVIII в. библ. Смоленского педагогич. инст. Упб., № 128.

- Ник. лет. — Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. (сп. XVI—XVII вв.) — ПСРЛ, т. IX—XIV. СПб., 1862—1910.
- Новг. гр. 1471 г. — А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв. 1264—1471 гг. Исследования по русск. яз., т. I. СПб., 1886.
- Новг. 1 лет. — Новгородская летопись по Синодальному харатейному сп. XIII—XV вв. Изд. Археографической комиссией. СПб., 1875.
- Новг. писц. кн., т. IV — Новгородские писцовые книги, т. IV. Переписные оброчные книги Шелонской пятины 1498, 1539, 1552—1553 гг. СПб., 1886.
- Новг. писц. кн., т. V — Новгородские писцовые книги, т. V. Книги Шелонской пятины. Ок. 1498, 1499—1551, 1571, 1576 гг. СПб., 1905.
- Новг. ямск. кн. — И. Я. Гурьянд. Новгородские ямские книги 1586—1613 гг. «Временник Демидовского юридического лицея», кн. 82 и 83. Ярославль, 1901.
- Обозрен. разн. кн. 1787 г. Плещеева — Обзорение Российския империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии, учиненное Сергеем Плещеевым. СПб., 1787.
- О воин. Цез. — Краткое описание о войнах из книг Цезариевых. М., 1711.
- Онежские былины Гильфердинга — А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, тт. I—III. Изд. 4-е. М.—Л., 1943—1951.
- Опис. Ур. и Сиб. завод. Де-Генн. 1735 г. — В. Де-Геннин. Описание уральских и сибирских заводов (1735 г.). Предисл. М. А. Павлова. М., 1937.
- Опись артиллерийск. наряду в гор. Опочке 1654 г. — Опись артиллерийскому наряду в г. Опочке, произведенная по приказанию боярина и воеводы Ив. Ив. Салтыкова 9-го апреля 1654 г. Летопись занятий Археографической комиссии 1865—1866 гг., вып. 4. СПб., 1868.
- Остр. ев. — Остромирово евангелие 1056—1057 гг., выписки проверены И. И. Срезневским по изд. А. Х. Востокова. СПб., 1843.
- Отпис. Тобол. в 1616—1624 гг. — Отписки Тобольских воевод царю Михаилу Федоровичу о путях сообщения из Мангазеи на Русь 1616—1624 гг. — РИБ, т. 2. СПб., 1875.
- Палея, 1477 г. — Толковая Палея 1477 г. Воспроизведение Синодальной рукописи № 210, вып. 1. СПб., 1892 (изд. ОЛДП, вып. 93).
- Пам. дипл. сн. с Англ. — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею, т. II (с 1581 по 1604 гг.). Изд. под ред. К. Н. Бестужева-Рюмина. — РИБ, т. 38. СПб., 1883.
- Пам. дипл. сн. с Крым. — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турциею, т. II, 1508—1521 гг. Там же, т. 41. СПб., 1884.
- Пам. дипл. сн. с нем. орд. — Памятники дипломатических сношений Московского государства с немецким орденом в Пруссии 1516—1620 гг. Изд. под ред. Г. Ф. Карпова. Там же, т. 53. СПб., 1887.
- Пам. дипл. сн. с П.-Л. гос. — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, т. I—V. М.—СПб., 1882—1913. — РИБ, тт. 35, 59, 71, 137, 142.
- Пам. зап. Храповиц. — Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй 1782—1789 гг. Изд. с примеч. Г. Н. Геннади. «Чтения ОИДР», М., 1862, кн. 2.
- Пам. отр. лит. — Памятники отреченной русской литературы (сп. XVII—XVIII вв.). Собр. и изд. Н. Тихонравов. Тт. I—II. СПб. — М., 1863.
- Пам. см. вр. — Памятники Смутного времени (XVII в.). — РИБ, т. 13. Л., 1925.
- Панг. Похв. — Феофана Прокоповича слова и речи 1706—1728 гг., чч. I—II. СПб., 1760—1761.
- Панд. Ант. — Пандект Антиоха по сп. XI в. Рукопись Воскресенского Ново-иерусалимского монастыря. М., 1913.
- Патерик Печ. — Патерик Киевского Печерского монастыря (XIII в., сп. XV в.). Изд. Археографической комиссией. СПб., 1911.

- Пафн. Б. — А. П. Ка д л у б о в с к и й. Житие преподобного Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным (XVI в., сп. XVI—XVII вв.). Сборник Историко-филол. общ. при Инст. князя Безбородко в Нежине, т. II, 1899.
- Пв. Обн. — Житие Павла Обнорского, середина XVI в. По двум рукописям Ундольского: № 349, XVI в. и № 369, XVII в. Рукопись ГПБ.
- Пенз. дес. — Десяти Пензенского края (1669—1696). Под ред. А. Барсукова. — РИБ, т. 17. СПб., 1898.
- Переп. кн. Моск. — Переписные книги города Москвы 1665—1675 гг. М., 1886.
- Переп. Одоевск. — Ближний боярин князь Никита Иванович Одоевский и его переписка с Галицкою вотчиной (1650—1684 гг.). «Чтения ОИДР», М., 1903, кн. 2.
- Переп. Хован. — Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников (XVII в.). Сообщена Г. Лукьяновым. «Старина и новизна», кн. 10. М., 1905.
- Переп. ц. Прасковьи — Переписка царицы Прасковьи Федоровны и дочерей ее Екатерины и Прасковьи (1716—1733 гг.). В кн.: Письма русских государей и других особ царского семейства, т. II. М., 1861.
- Перс. д. — Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией (1614—1621 гг.). Изд. под ред. Н. И. Веселовского, т. III, СПб., 1898.
- Песни Рыбникова — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, чч. I—II. М., 1861—1862.
- Пис. Ал. Мих. — Письма царя Алексея Михайловича (1654—1675 гг.). В кн.: Письма русских государей и других особ царского семейства, т. V. М., 1896.
- Пис. докт. Пост. Петру — Письма доктора П. В. Постникова к Петру Великому за 1695 и 1696 гг. — «Чтения ОИДР», М., 1911, кн. 4.
- Пис. и бум. Петра I — Письма и бумаги императора Петра Великого, тт. I—IX. СПб., 1887—1950.
- Пис. к Мат. — Письма царя Алексея Михайловича к стольнику Афанасию Ивановичу Матюшкину (1646—1662 гг.). Собр. писем царя Алексея Михайловича. Изд. П. Бартнев. М., 1856.
- Писц. д. — Акты писцового дела. Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. Т. I. Акты 1587—1627 гг. Собр. и ред. С. Веселовским. «Чтения ОИДР», М., 1913, кн. 2, 3 и 4.
- Писц. кн. Моск. — Писцовые книги Московского государства. Ч. I. Писцовые книги XVI в. Изд. РГО, под ред. Н. В. Калачова, отд. II. СПб., 1877.
- Писц. кн. Рязан. края XVI в. — Писцовая книга Рязанского края XVI в. (1594—1598 гг.). Под ред. В. И. Сторожева, т. I, вып. 1. Рязань, 1898.
- Пов. вр. л. — Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Изд. Археологической комиссией. СПб., 1910.
- Пов. о нападении татар на гг. Тару и Тюмень 1635 г. — М. Н. Сперанский. Повесть о городах Таре и Тюмени. XVII в. Труды Комиссии по др.-русс. лит., вып. I, Л., 1932.
- Пов. о Ник. Зар. XIV в., сп. XVI в. — Повесть о Николе Зарайском XIV в. Рукопись б. Моск. дух. акад. № 523, XVI в. Труды Отдела др.-русс. лит. Инст. лит. АН СССР, 1949, т. VII.
- Пов. о Сол. — Повесть о царе Соломоне (кон. XVI — нач. XVII в., сп. сер. XVII в.). См. Ложн. и отреч. кн. XVII в.
- Пов. о Царьгр. — Повесть о Царьграде (его основании и взятии турками в 1453 г.) Нестора Искандера (XV в.). По рукописи Троицко-Серг. лавры, нач. XVI в., № 773. Сообщил архим. Леонид. СПб., 1886 (ПДБИ, № 62).
- Польск. д. — См. Пам. дипл. сн. с П.-Л. гос.
- Поруб. д. — Списки с листов, каковы посланы в Ругодив к генералу и в иные города к державцам и их немецких листов, каковы присланы в Вел.

- Новгород ис порубежных городов о всяких порубежных делах (1661—1664 гг.). Рукопись ЛОИИ, № 28.
- Пос. Мыш. — Посольство кн. Мышецкого в Грузию в 1640—1643 гг. Изд. М. А. Полиевктовым. Тифлис, 1928.
- Посл. Корнилия — Послание Корнилия, инока Снетных горы, к сыну его, попу Ивану (XVI в., сп. XVII в.). См.: Н. И. Серебрянский. Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. «Чтения ОИДР», М., 1908, кн. 4.
- Посл. Ю. Крижанича ц. Фед. Ал. — Послание Ю. Крижанича царю Федору Алексеевичу после 1676 г. Изв. и уч. зап. Казанск. унив., 1865, вып. I.
- Посол. стол. Толоч. 1650—1652 гг. — Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650—1652 гг. Документы издал и введением снабдил М. А. Полиевктов. Тифлис, 1926.
- Посольство Васильчикова — Посольство в Персию Григория Борисовича Васильчикова (1588—1594 гг.). Труды Восточного отделения Русского археологического общ., т. 20. СПб., 1890.
- Посольство Леонтьева 1616 г. — Посольство в Персию Федора Исаковича Леонтьева. 1616—1618 гг. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. III. СПб., 1898.
- Посольство Тихан. 1613—1615 гг. — Посольство Михаила Никитича Тиханова (1613—1615 гг.). Труды Восточного отделения Русского археологического общ., т. 21. СПб., 1892.
- Пост. кн. Вас. Вел. 1388 г. — Из Постнической книги Василия Великого, глава «како подобаетъ украшену быти мниху» (сп. 1388 г.). См.: С. Г. Виллинский. Послания старца Артемия. Одесса, 1906.
- Пох. журнал — Походный журнал 1695—1726 гг. СПб., 1853—1855.
- Похожд. в св. земл. кн. Сиротки — Похождение в землю святую князя Радивила Сиротки 1582—1584 гг. Приг. к печати и объяснил П. А. Гильдебрандт. СПб., 1879.
- Приклады компл. — Приклады како пишутся комплементы разные на немецком языке. М., 1712.
- Прих.-расх. кн. Корнил. м. 1576—1577 гг. — Приходо-расходные книги Корнильева монастыря (1576—1577 г.). Рукопись ЛОИИ. Опись Барсукова, № 10.
- Прол. (сент.) — Пролог сентябрьской половины года (XV в.). Рукопись БАН. Собр. Ф. Плигина.
- Псков. акты — Псков и его пригороды, кн. 2 (1580—1733 гг.). «Сборник Московского архива Министерства юстиции», т. VI. М., 1914.
- Псков. I лет. — Псковская первая летопись (сп. XVI—XVII вв.). — ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848.
- Псков. II лет. — Псковская вторая летопись (сп. кон. XV — нач. XVI в.). — ПСРЛ, т. V. СПб., 1851.
- Разс. Шаф. — Разузждение, какие законные причины е. ц. в. Петр Первый ... к начатию войны против короля Карла XII Шведского 1700 году имел. СПб., 1717.
- Расх. кн. патриарх. Адриана XVII — Расходная книга Патриаршего приказа кушаньям, подававшимся патриарху Адриану и разного чина лицам с сентября 1698 по август 1699 г. Под ред. А. А. Титова. СПб., 1890.
- Ревел. а. — Русские акты Ревельск. гор. архива под ред. А. Барсукова (1397—1689 гг.). — РИБ, т. 15, СПб., 1894.
- Римск. имп. д. — Памятники дипломатических сношений с Римскою империею, т. II. СПб., 1852.
- Рог. лет. — Рогожский летописец, XV в. — ПСРЛ, т. XV, вып. I. Изд. 2-е. Пг., 1922.
- Розыск. о Шаклов. — Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках (1685—1725 гг.), тт. I—IV. Изд. Археографической комиссией. СПб., 1884—1893.
- Росп. Расх. жал. 1681 г. — Окладная расходная роспись денежного и хлеб-

- ного жалованья за 1681 г. с предисл. А. Н. Зерцалова. «Чтения ОИДР», М., 1893, кн. 4.
- Савв. Гр. — Повесть о Савве Грудцыне (XVII в., сп. перв. пол. XVIII в.) — Лет. русск. лит-ры и древности. Изд. Н. Тихонравовым, т. II, М., 1859.
- Сб. Святосл. — Сборник Святослава 1076 г. Древние памятники русского письма и языка. Труд И. И. Срезневского. СПб., 1863, стр. 141—146.
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в гос. Коллегии иностр. дел, чч. I—V. М., 1813—1894.
- Симеон. лет. — Симеоновская летопись (сп. перв. пол. XVI в.). — ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913.
- Сим. Обих. книгоп. — К истории обихода книгописца, переплетчика и икононого писца при книжном и иконном строении. Материалы для истории техники книжного дела и иконописи, извлеченные из русских и сербских рукописей и других источников в XV—XVIII ст. Собрал и снабдил вводною статьею и объяснит. примеч. П. Симиони. Вып. I. СПб., 1906 (ПДПИ, № 161).
- Сим. Посл. Бес. — Симеон Полоцкий. Полемиические статьи против протестантства. XVII в. Рук. БАН. 33. 7. 4, перв. четверть XVIII в.
- Система — Книга Система или состояния мухаммеданския религии. СПб., 1722.
- Сказ. об Астрах. — Сказание о Астрахани летописное и о мучении пр. Иосифа. Рукопись ГПБ перв. пол. XVIII в.
- Сказ. Сиб. з. — Сказание Сибирской земли (XVII в.). См.: А. Дмитриев. Пермская старина, вып. V. 1894.
- Скрижаль — Скрижаль Арсения Грека. М., 1656.
- Сл. Дан. Зат. — Слово Даниила Заточника по сп. XVI—XVII вв. «Памятники Российской словесности XII в.». Изд. К. Калайдовичем. М., 1821.
- Сл. и дел. — Н. Новомбергский. Слово и Дело Государевы, т. I (XVII в.); т. II (1690—1764 гг.). Записки московского археол. инст., т. XIV. М., 1911.
- Сл. и поуч. против языч. — Н. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. II. Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе (XIII—XVIII вв.). «Записки Моск. археол. инст.», т. XVIII. М., 1913.
- Сл. Март. Шестака — Слово Мартемьяна Шестака 1652 г. См.: А. В. Преображенский. Вопрос об единогласном пении в русской церкви XVII в. СПб., 1904, стр. 63—79 (ПДПИ, № 155).
- Сл. похв. Фомы — Инок Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче (1453 г., сп. втор. пол. XVI в.). Сообщение Н. П. Лихачева. СПб., 1908 (ПДПИ, № 168).
- Соверш. кучер XVIII в. — Совершенный кучер или искусство, как... у кареты на козлах ездить... — Рукопись 1744 г. библи. Смолен. пед. инст. № 32.
- Соф. вр. — Софийский временник по рукописи имп. Публ. библи. (XV—XVI вв.). Изд. П. Строев. М., 1820—1821.
- Спафарий, Китай — Статейный список посольства Н. Спафария в Китай (1675—1678 гг.). Изд. Ю. В. Арсеньева. «Вестник археологии и истории», вып. 17, отд. 2. СПб., 1906.
- Спафарий, О сивиллах — Книга о сивиллах Николая Спафария (1672 г.). Рукопись б. Румянц. музеев № 227, втор. пол. XVII в.
- Спафарий, Сибирь — Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Введ. и примеч. Ю. В. Арсеньева. Зап. РГО по отд. этнографии, т. X, вып. 1. СПб., 1882.
- Стефанит XVII—XVIII вв. — Стефанит и Ихнилат (XIV—XV вв., сп. кон. XVII — нач. XVIII в.). С предисл. и примеч. Ф. И. Булгакова. Изд. ОЛДП, вып. 26 и 27. СПб., 1877—1878.
- Ст. Зв. 1594 г. — Посольство в Персию кн. Андрея Дмитриевича Звенигородского (1594—1596 гг.). Труды Восточного отделения Русского археологического общ., т. 21. СПб., 1892.

- Стихирарь — Стихирарь месячный крюковой (XII в.). Рукопись БАН.
Ст. П. — См.: Ж. Стеф. Перм. Епиф.
- Судебник 1550 г. — Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича 1550 г. (сп. XVI—XVII вв.). См.: АИ, т. I. СПб., 1841.
- Сукон. Дв. — Московский суконный двор (1706—1813 гг.). См.: Крепостная мануфактура в России, ч. V. Л., 1934.
- Там. кн. Тихв. мон. — Таможенные книги Тихвина монастыря 1624 — 1698 гг. Рукопись ЛОИИ.
- Там. кн. 1633 г. — Таможенные книги Московского государства XVII в. (1633—1636 гг.), т. I. Под ред. А. И. Яковлева. М. — Л., 1950.
- Тамож. Весег. гр. 1563 г. — См.: ААЭ, т. I. СПб., 1836.
- Татищев, Разговор о пользе наук 1733 г. — В. Н. Татищев. Разговор о пользе наук и училищ (1733 г.). С предисл. и указателями Нила Попова. М., 1887.
- Твер. лет. — Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863.
- Тип. лет. — Типографская летопись (XVI в.). — ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1921.
- Тов. цен. росп. 1687 г. — Списки с товарных ценовых росписей и перечневая выписка по г. Енисейску XVII в. (1649 г. и 1687 г.). Сообщил А. Н. Зерцалов. «Чтения ОИДР», М., 1900, кн. 2.
- Требник XVI в. — Требник. Рукопись БАН. Арханг. собр. (втор. пол. XVI в.) (Кандалакшск. мон.) № 72.
- Улож. — Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском государстве производится, сочиненное и напечатанное при владении государя и вел. кн. Алексея Михайловича. М., 1649.
- Устав ратных д. — Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки. Выбрал из иностранных военных книг Онисим Михайлов (XVII в.), чч. 1—2. Изд. Рубана. СПб., 1777—1781.
- Флор. ек. — Флоринова економия. Изд. 3-е. СПб., 1775.
- Х. купца Тр. Кор. — Хождение Трифона Коробейникова 1593—1594 гг. (сп. XVII в.). Под ред. Х. М. Лопарева. Православный палестинский сборник, т. IX, вып. 3. СПб., 1889.
- Хоз. Мор. — Хозяйство крупного феодала крепостника XVII в. боярина Морозова, чч. I—II (1624—1674 гг.). Материалы по истории феодального крепостного хозяйства, вып. 1—2. М. — Л., 1933—1936.
- Хрон. Г. Амарт. — В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе (XI в., сп. XIII—XIV и XV в., вар. XV—XVII вв.). Т. I. Текст. Пг., 1920.
- Хронограф 1512 г. — Русский хронограф. Ч. I. Хронограф редакции 1512 г. — ПСРЛ, т. XXII, СПб., 1911.
- Хроногр. Серг. Куб. — Из хронографа Сергея Кубасова (1626 г., сп. XVII в.). См.: А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1859.
- Царск. гр. 1597 г. — Копии с царских грамот 1551—1598 гг. Рукопись нач. XVII в. ЛОИИ. Опись Грекова № 27.
- Чел. Авраам. 1669—1670 гг. — Челобитная старца Авраамия, 1669—1670 гг., сп. XVII в. Летопись занятий Археографической комиссии, 1872—1875 гг., вып. 6, отд. II. СПб., 1877.
- Челоб. Новг. Р. мон. — Б. Д. Греков. План части Новгорода конца XVII в. (1673—1696 гг.). Л., 1926.
- Ч.-М. — Великие Минеи-Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием (XVI в.). Изд. Археографической комиссией. М., 1910.
- Чудеса Зосимы и Савватия — См. Зос. С. Чуд.
- Шадр. рук. 1687—1688 гг. — Шадринская рукопись 1687—1688 гг. Хранится в Пермском областном краеведческом музее, свиток № 11101/21. Нами цитируется по канд. дисс. Е. Н. Поляковой «Шадринская рукопись 1667—1688 гг.» как памятник делового языка XVII в. Свердловск, 1967.

- Швед. д. — Памятники дипломатических сношений России со Швецией (1556—1586 гг.). — РИБ, т. 129, СПб., 1910.
- Якутск. акты — Якутские акты. 1639—1646 гг. Рукопись ЛОИИ.
- Ярл. Узб. — см. СГГД, ч. I.
- Яропол. — История о Ярополе цесаревиче. (XVIII в.). См.: В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905.
- Яр. П. — Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. (1619—1685 гг.). — Труды Ярославской ученой архивной комиссии, кн. VI, вып. 3—4. Ярославль, 1913.

III. Названия диалектологических работ и словарей

- Абрамов — Абрамов Н. А. Описание Березовского края. Записки РГО, кн. 12, 1857.
- Авдеева — Авдеева Е. Записки и замечания о Сибири. М., 1837.
- Анучин — Анучин В. И. Материалы к областному словарю сибирского наречия. Красноярский уезд Енисейской губернии. Записки Красноярского подотдела восточно-сибирского отделения РГО, т. 1, вып. 6, Красноярск, 1904.
- Арефьев — Арефьев В. С. Образцы народной словесности. Известия восточно-сибирского отдела РГО, т. 32, 1901, № 1—2.
- Бартенев — Бартенев В. О русском языке в Обдорском крае. Живая Старина, 1894, вып. 1.
- Бестужев — М. Азадовский. Областные слова Селингинского округа в зап. Бестужева. Бурятведческий сборник, 1926, вып. 2.
- Богораз — Богораз В. Г. Областной словарь Колымского русского наречия. Сборник ОРЯС, 1901, т. 68, № 4.
- Бурнашев — Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. СПб., 1843, т. 1; 1844, т. II.
- Васнецов — Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907.
- Вербицкий — Вербицкий В. Заметки кочевого алтайца. Вестник РГО. 1858, ч. 24.
- Виноградов — Виноградов Г. С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожильческого населения Сибири. Живая Старина, 1915, вып. 4.
- Гуляев — Гуляев С. Этнографические очерки Южной Сибири. Библиотека для чтения, 1848, т. XC, ч. 1, отд. III.
- Доп. Оп. — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
- Дуров — Дуров И. М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. Под ред. и с дополнениями Н. Виноградова. Соловки, 1929.
- Зеленин — Зеленин Д. К. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию. Сб. ОРЯС, 1903, т. 76, № 2.
- Зензинов — Зензинов В. М. Русское Устье Якутское Верхоянского округа. Этнографическое обозрение, кн. 46—47, 1913, № 1—2.
- Карпов — Карпов А. Б. Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками. Сб. ОРЯС, 1910, т. 87, № 1.
- Кривошапкин — Кривошапкин М. Ф. Местные слова, употребляемые в Енисейском округе. СПб., 1865.
- Кузмищев — Кузмищев П. Собрание особенных или имеющих другое значение слов и некоторых выражений, употребляемых в Камчатке. Москвитянин, 1842, № 3.

- Куликовский—Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Маак — Маак Р. Вилюйский округ Якутской области, ч. 2. СПб., 1886.
- Миртов — Миртов А. В. Донской словарь. Ростов-на-Дону, 1929.
- Молотилов — Молотилов А. Говор русского старожильческого населения северной Барабы. Томск, 1913.
- Опыт Областного словаря — Опыт Областного великорусского словаря. СПб., 1852.
- Осокин — Осокин Г. М. На границе Монголии. СПб., 1906.
- Париллов — Париллов И. Г. Словарь к кн. «Русский фольклор Нарыма». Новосибирск, 1947.
- Патканов и Зобнин — Патканов и Зобнин. Список Тобольских слов и выражений. Живая Старина, 1899, вып. 4.
- Подвысоцкий — Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885.
- Потанин — Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении. Этнографический сборник РГО, вып. 6. СПб., 1864.
- Протопопов — Протопопов А. Сборник слов, выбранных из архивов Яренских столбцов XVI—XVII вв. Известия ОРЯС, 1852, т. I; 1853, т. II.
- Рамзевич — Рамзевич Н. К. К изучению народной речи в Сибири. «Русский филологический вестник», 1914, № 1.
- Ровинский — Ровинский П. А. Статьи о Сибири. Известия Сибирского отделения РГО, 1871, т. 2, №№ 3 и 4.
- Селищев — Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири, вып. I. Иркутск, 1921.
- Семивский — Семивский Н. В. Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири, из чего много донныне не было всем известно. СПб., 1817.
- Смирнов — Смирнов И. Т. Кашинский словарь. Сборник ОРЯС, 1901, т. 70, № 5.
- Станилевский — Станилевский А. М. Записки. Труды восточно-сибирского отдела РГО, № 7. Иркутск, 1912.
- Черкассов — Черкассов А. Записки охотника Восточной Сибири. СПб., 1884.
- Шренк — Шренк Л. И. Областные выражения русского языка в Архангельской губернии. Записки РГО, кн. 4, 1850.
- Щукин — Щукин Н. Поездка в Якутск. СПб., 1844.
- Щюц — Щюц П. Я. Русский язык в Сибири. Северная пчела, № 44, 1839.
- Ярков — Ярков В. П. Народные словари прозвища, записанные в Сысертском заводе Пермской губернии. Живая Старина, 1899, вып. 4.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Вступление	
История создания Сибирских летописей	6
Жанровый и стилистический характер Сибирских летописей	16
Глава I. Отражение в Сибирских летописях некоторых процессов, протекающих в русском письменном языке XVII в.	23
Отвлеченные существительные с суффиксами <i>-ниг</i> , <i>-ство</i> , <i>-ствие</i> и <i>-ость</i>	25
Лексика с фонетическими приметам старославянского языка	40
Неполногласная и полногласная лексика	41
Слова с <i>жд</i> и <i>жс</i>	53
Слова с <i>щ</i> и <i>ч</i>	57
Причастия	59
Сложные слова высокого стиля	63
Эмоциональная лексика и лексика нехристианских религий	65
Глава II. Об употреблении в Сибирских летописях специальной лексики	69
Общественно-политическая и социально-экономическая лексика	73
Верховная власть и управление	74
Территория государства и административно-территориальное деление	78
Государственный аппарат и деятельность должностных лиц	81
Классовые отношения	91
Имущество	95
Налоговые обложения населения, торговля, денежные расчеты	96
Суд и судопроизводство	101
Международные отношения	104
Военная лексика	107
Военные действия и операции	108
Военные постройки и укрепления	117
Вооружение	120
Войско, войсковые соединения, военные специалисты	123
Религиозная и церковная лексика	133
Глава III. Диалектная и иноязычная лексика	139
Диалектная лексика	139
Иноязычная лексика	156
Заключение	160
Приложение	
Материалы для словаря Сибирских летописей	162
Списки принятых сокращений	189
I. Названия текстов Сибирских летописей и их редакций	189
II. Названия древнерусских памятников и фольклорных публикаций	189
III. Названия диалектологических работ и словарей	201

Ольга Григорьевна Порохова

ЛЕКСИКА СИБИРСКИХ ЛЕТОПИСЕЙ XVII в.

Утверждено к печати

*Институтом истории, филологии и философии
Сибирского отделения АН СССР*

Редактор издательства *Е. А. Гольдич*

Художник *Л. А. Яценко*

Технический редактор *Г. А. Бессонова*

Корректоры *Е. В. Вивчар, К. И. Видре*

и В. А. Пузиков

Сдано в набор 2/VIII 1968 г. Подписано к печати 29/X-69 г.

Формат бумаги 60 × 90^{1/16}. Бум. л. 6^{3/8}. Печ. л. 12^{1/4}.

Усл. печ. л. 12^{3/4}. Уч. изд. л. 16.16. Изд. № 4033.

Тип. зан. № 101. М-22368. Тираж 2000. Бумага № 1.

Цена 1 р. 02 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»

Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

Набрано в тип. им. Урицкого

Отпечатано в 1-й тип. издательства «Наука».

Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
29	1 снизу	начать	начать
42	10 сверху	деревие	древие
52	24 »	благо-	благ-
102	24 »	(Т70), «поймаху	(Т70); <i>воровские</i> <i>вилы</i> : «поймаху
155	24 »	яр и др. ⁹⁴	яр ⁹⁴ и др.
176	16 »	отвѣсь	отвѣсь

О. Г. Порохова. Лексика Сибирских летописей XVII века

1 р. 02 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ